

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН
Государственная академия славянской культуры
Славянский фонд России

Славянский мир
в третьем тысячелетии
К 1150-летию славянской
письменности

КНИГА II

Москва 2013

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г.В.

Данченко С.И.

Запека О.А.

Конёнкова А.К.

Никифоров К.В.

Узенева Е.С. (отв. редактор)

Хаванова О.В.

Чепелевская Т.И.

Восьмой выпуск сборника научных трудов «Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности» подготовлен по материалам международного научного симпозиума «Славянский мир в третьем тысячелетии», проводимого с 1991 г. в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры Институтом славяноведения РАН, Славянским фондом РФ, Государственной академией славянской культуры.

2013 год – дважды знаменательный в кирилло-мефодиевской традиции: отмечается 1150 лет славянской письменности и 150 лет с начала празднования этого памятного дня в России. Юбилей стал поводом для ученых из разных стран в своих статьях актуализовать накопленные в гуманитарных науках знания о миссионерской деятельности свв. Кирилла и Мефодия, представить на суд научной общественности результаты новейших узкотематических, сравнительных и обобщающих исследований в области истории, лингвистики, литературоведения, фольклора и культуры славянских народов.

ISBN – 10 5-7576-0275-9

ISBN – 13 978-5-7576-0275-2

© Институт славяноведения РАН, 2013.

Содержание

V. Восточный блок и постсоветское развитие славянских стран

<i>Стыкалин А.С.</i> Польский кризис 1980–1981 гг. и ситуация в Румынии	5
<i>Валева Е.Л.</i> Клуб в поддержку гласности и перестройки в Болгарии	19
<i>Майорова О.Н.</i> Власть и оппозиция в Польше: подготовка к переговорам за «круглым столом» в конце 1980-х годов	32
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> Словацкие социал-демократы в начале третьего тысячелетия: векторы эволюции	46
<i>Коровицына Н.В.</i> Поляки при новом порядке: некоторые современные оценки	62

VI. Актуальные проблемы славянского языкознания

<i>Вендина Т.И.</i> О некоторых новых принципах лингвогеографического изучения диалектной лексики: «Лексический атлас русских народных говоров»	76
<i>Даки Е.А.</i> Семантические и лексические локализмы через призму ботанической лексики украинских южнобессарабских говоров	98
<i>Потапова О.В.</i> Языковой портрет русского по данным словарей XIX в.	114
<i>Кожина А.А.</i> Представление Ветхого Завета о труде в славянских переводах Псалтыри	123
<i>Мичева-Пейчева К.</i> Оппозиция „свой-чужой” в классических древнеболгарских произведениях	131
<i>Китанова М.</i> Семантическая оппозиция „свой – чужой” в болгарской терминологии родства	150
<i>Витанова М.</i> Город и село во фразеологии и диалектах болгарского языка	194

VII. Традиционная духовная культура и фольклор славян

<i>Плотникова А.А.</i> Архаические элементы в народном календаре старообрядцев Румынии: плювиальная магия	218
<i>Агапкина Т. А.</i> Вербальные формулы на мотивы Сисиниевой молитвы в восточнославянской заговорной традиции	232
<i>Бушуев П.А.</i> О языке и истории лемков: библиографический очерк	240
<i>Кирилова Й.</i> Концепты «друг-враг» в болгарской языковой картине мира	254

VIII. Литература и культура славянских народов

<i>Цыбенко О. В.</i> Литературные истоки польской деревенской прозы	284
<i>Куренная Н.М.</i> К поэтике Якуба Коласа: роман «На расстанях»	295
<i>Широкова Л.Ф.</i> Словацкое литературоведение в XXI в.: проблематика трудов, сотрудничество с российскими учеными	304
<i>Мишачёва И.В.</i> Европейский пейзаж Нового времени и образы Природы-мироздания в живописи русского авангарда (Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов): вперёд в прошлое, назад в будущее	314
<i>Страховская И.Г.</i> Концепции современного естествознания и конструктивные особенности русских народных сказок	323
<i>Радомская Т.И.</i> Марина Цветаева: образ русского пространства	330

IX. Рецензии

<i>Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.</i> Крупнейший труд белорусских текстологов	337
<i>Серационова Е.П.</i> О литературе и культуре	342

V. Восточный блок и постсоветское развитие славянских стран

А.С. Стыкалин

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Польский кризис 1980–1981 гг. и ситуация в Румынии*

Abstract:

Stykalin A.S. *Polish Crisis of 1980-1981 and Situation in Romania.*

Polish events of 1980-1981 scared the Romanian leader Ceaușescu. Afraid that a workers' protest movement may emerge in Romania, he decided to toughen the internal policy, strengthening his personal rule in the country. Meanwhile, the economic policy of Ceaușescu's team led to a further aggravation of crisis in Romania.

Ключевые слова: польский кризис 1980–1981 гг., «Солидарность», Румыния, Чаушеску, Брежнев, Горбачев.

Подъем забастовочного движения в Польше в августе 1980 г. совпал по времени с серьезными трудностями, переживавшимися экономикой Румынии. На первую половину 1970-х годов пришелся относительный экономический подъем, произошло определенное повышение жизненного уровня населения, но все острее стояла задача модернизации производства: без этого невозможно было рассчитывать на расширение экспорта производимых товаров не только на Запад, но даже в страны «третьего мира». До 25% доходов в госбюджет приносил экспорт продукции традиционно развитой нефтехимической отрасли¹, а потому зависимость румынской экономики от конъюнктуры цен на нефть была очень велика. Экономический кризис 1974 г. привел к сокращению объема экспортируемых Румынией товаров. Не менее негативно сказалась на общей экономической ситуации в стране революция 1979 г. в Иране, нарушившая выполнение обязательств этой важной нефтедобывающей страны по поставкам нефти на мировой рынок, что вынудило страны ОПЭК поднять цены на 10%. Некоторый подъем в румынской экономике в начале 1970-х годов позволил возобновить крупномасштабный проект по строительству канала Дунай – Черное море («великая стройка коммунизма» в Румынии, начатая в конце 1940-х годов, была приостановлена после смерти Сталина, поддерживавшего этот проект и интересовавшегося ходом работ²). Ухудшение положения на нефтяных рынках поставило под угрозу реализацию этого крайне дорогостоящего проекта,

* Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

равно как и осуществление в сколько-нибудь полном объеме принятой в начале 1970-х годов программы перевооружения румынской армии³, а также программы развития некоторых новых отраслей промышленности, призванной уменьшить зависимость Румынии от партнеров по Совету экономической взаимопомощи (СЭВ). Заметно прибавило трудностей и сильное землетрясение 4 марта 1977 г., разрушившее значительную часть исторической застройки Бухареста. Вдобавок, на рубеже 1970-х–1980-х годов Румыния пережила две холодные зимы, потребовавшие больших расходов электроэнергии. Для того, чтобы компенсировать перебои с поставкой нефти из Ирана, надо было расширять разработку сохранившихся нефтяных запасов в собственной стране (вкладывая в это немалые средства), договариваться о расширении поставок с Саудовской Аравией, но также и с СССР. Усиление зависимости от поставок нефти и газа из СССР в немалой мере объясняет отсутствие публичного осуждения Румынией (диссидентом в социалистическом содружестве) советской военной акции в Афганистане. Правда, в марте 1980 г. на совещании Политического Консультативного Комитета (ПКК) Организации Варшавского договора (ОВД) с румынской стороны в очередной раз демонстрировалась особая позиция – на этот раз при обсуждении вопроса об обеспечении единого командования армий стран-участниц ОВД в условиях войны⁴. Однако слишком педалировать свои разногласия с СССР румынская сторона не хотела. 1980-й год был довольно спокойным в очень непростых, начиная с первой половины 1960-х годов, советско-румынских отношениях⁵. На состоявшемся в середине мая следующем совещании ПКК ОВД Румыния, насколько можно судить по имеющимся документам, не проявила особой позиции по принципиальным вопросам⁶. Приоритетом в деятельности идеологических органов румынской компартии было проведение в Бухаресте в августе 1980 г. очередного всемирного конгресса историков. Его предполагалось в полной мере использовать для донесения до западной высокопрофессиональной аудитории концепций, утверждающих не только преемственность современной румынской государственности государственным традициям даков⁷ и Римской империи, но и исторические права Румынии на земли, принадлежащие другим странам (это касалось в первую очередь территории СССР – Молдавской ССР и части Украины). Посольство СССР в Румынии в своей записке в МИД рекомендовало разработать для советской делегации на съезде определенные инструкции подготовиться к жесткому отпору⁸. Еще за несколько месяцев до съезда, 12 марта 1980 г., посол СССР в Румынии В.И. Дрозденко в беседе с членом Политисполкома, секретарем ЦК РКП В. Казаку выразил недовольство попытками отдельных румынских изданий обосновать «исторические права» на некоторые территории СССР, поставить под сомнение правомерность вхождения

Бессарабии и Северной Буковины в СССР и, кроме того, «оправдать действия правящих кругов королевской Румынии» на бессарабском направлении в условиях Второй мировой войны и «при этом в ложном свете представить советскую внешнюю политику»⁹. И это вопреки заверениям Чаушеску «раз и навсегда покончить с подобными публикациями», сделанным во время встречи с советским лидером Л.И. Брежневым в Крыму в августе 1979 г., в условиях начавшегося ухудшения ситуации на нефтяных рынках. Конгресс историков прошел, однако, без серьезных скандалов, способных омрачить советско-румынские отношения. Внимание Чаушеску и его окружения вообще было в эти дни приковано не к съезду, а к начавшимся в Польше, в Гданьске забастовкам. Слишком велик был страх, что румынские рабочие последуют польскому примеру. Основания для опасений, безусловно, были – наметившуюся в конце 1970-х годов тенденцию к снижению жизненного уровня невооруженным глазом замечали члены делегаций, приезжавших в Румынию из СССР по межпартийному обмену. «По сравнению с 1974 и даже 1978 годом, когда руководитель нашей группы посетил Ботошанский уезд, наблюдается острая нехватка некоторых продовольственных товаров (мясо, растительное масло, сахар), длинные очереди в продовольственных магазинах», – отмечалось в записке секретаря Фалештского райкома КПСС в ЦК КП Молдавской ССР (декабрь 1980 г.)¹⁰. Обращалось внимание на дефицит бензина, что вызывало удивление в стране с развитой нефтеперерабатывающей промышленностью. Однако в день, когда информация о событиях в Польше попала в румынскую печать (как и в печать других социалистических стран), Чаушеску позволил себе закатить грандиозный банкет для участников всемирного конгресса историков. Ломившиеся от изобилия угощений столы были призваны продемонстрировать интеллектуалам-гуманитариям со всего мира процветание социалистической Румынии¹¹. Впрочем, звучавшие на фоне гданьских забастовок фанфары не слишком адекватно отражали реальное настроение Чаушеску и его окружения. В руководстве партии отдавали себе отчет, что в стране имеются (пусть пока еще слабые) силы, которые явно не против перенесения в Румынию польского сценария и только ждут удобного случая для того, чтобы направить вектор развития страны в аналогичном направлении. А значит избрать забастовки инструментом давления на власть. Ключевая страна советской сферы влияния – Польша – переживала системный сбой, который мог негативно сказаться на функционировании других компонентов той же системы социализма, включая Румынию.

Особую обеспокоенность руководства РКП вызывали настроения интеллигенции. В конце 1970-х годов, под влиянием чехословацкой Хартии-77¹² в Румынии активизируется диссидентское движение. Его лидеры В.

Джеорджеску, М. Ботез и др. адресуют руководству государства письма с требованием соблюдения конституции и прав человека, политических и экономических реформ¹³. Протестные настроения захватили и рабочий класс, причем, как и в Польше, хотя и в значительно более скромных масштабах, оппозиционно настроенные интеллектуалы наводят мосты к независимому пролетарскому движению¹⁴. Предпринимаются попытки установления связей румынских диссидентов как с Западом через аккредитованных в Румынии иностранных дипломатов и журналистов, так и со своими единомышленниками в других социалистических странах. Воспринимая возникновение диссидентского движения как наглядное проявление углубляющегося системного кризиса, власти крайне нервно реагировали на любые идеологические манифесты и концепции альтернативной направленности, даже не заявляющие о разрыве с социализмом. Преследуются и в конце концов высылаются из страны лидеры диссидентского движения, в частности В. Джеорджеску и П. Гома. Никакой жизнеспособной реформаторской альтернативы предложениям диссидентов идеологи РКП противопоставить не могли, что само по себе свидетельствовало о кризисе власти. Ни о какой корректировке концептуальных основ режима в целях повышения эффективности его функционирования речи не шло, дело сводилось к поискам новых финансовых источников поддержания экономической и социальной стабильности, к ситуационным и не всегда успешным мерам по сохранению достигнутого уровня жизни, главным образом за счет западных кредитов.

Переживаемые экономические трудности и стремление не допустить (во имя сохранения общественного спокойствия) слишком резкого, взрывоопасного падения жизненного уровня населения заставили румынское правительство летом 1980 г. обратиться к поискам новых займов, планировалось, в частности, получить у Международного банка реконструкции и развития заем в 325 млн. долларов. Это вызвало немало вопросов со стороны международных кредиторов, Международный валютный фонд запросил информацию о состоянии румынской экономики и финансов, возникли сомнения в кредитоспособности Румынии, в Бухаресте должны были подтвердить свою кредитоспособность, дать отчет о ходе выполнения обязательств по погашению ранее взятых кредитов. Хотя проблему с получением новых займов в основном удалось в это время решить, зависимость румынской экономики от конъюнктуры цен на нефть только усилилась. К концу 1980 г. внешний долг превысил сумму 10 млрд. долларов, что отражало неблагоприятное экономическое положение в стране. Все большая часть бюджета должна была идти на погашение внешних займов. В сложившихся условиях не было смысла ссориться ни с Москвой, ни с другими партнерами по СЭВ и ОВД. Более того, в этот период со стороны Чаушеску в сложных условиях

проявилось некоторое увеличение интереса к внешнеторговому сотрудничеству в рамках СЭВ¹⁵.

Как следует из документов, в 1980 г. несколько активизируются контакты населения приграничных районов Румынии и СССР (в частности, Советской Молдавии), поездки делегаций партийных функционеров и хозяйственных работников в целях обмена опытом. Согласно имеющимся документам, инициатива обмена партийными делегациями между Румынией и Молдавской ССР в ряде случаев исходила в 1980 г. от румынской стороны, чего, как правило, не было в предшествующие годы, когда румынские партнеры, напротив, затягивали сроки обменов, отказывались от контактов под разными предложениями¹⁶. По нашим данным, румынская партократическая элита в 1980–1981 гг. проявляла несколько больший, нежели ранее, интерес к различным формам экономического и культурного сотрудничества с СССР, особенно с Советской Молдавией. Причем такие настроения наблюдались не столько в высшем, сколько в среднем звене партаппарата. Так, глава делегации румынских парторботников, посетившей Советскую Молдавию в конце 1980 г., «в беседе неоднократно подчеркивал, что независимо от отношений между руководителями государств (т.е. СССР и СРР) в конечном итоге народ решает свою судьбу, поэтому мы должны крепить дружбу между нашими народами»¹⁷. В отчетах о посещениях делегациями Молдавской ССР близлежащих румынских уездов (составители которых, как правило, реагировали на любые антисоветские проявления принимающей стороны и особенно на разногласия по вопросу о праве Румынии на Бессарабию) в 1980 г. доминировали отзывы о том, что советских гостей встречали дружелюбно и гостеприимно, с румынской стороны высказывались пожелания об улучшении межгосударственных отношений, расширении и углублении взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества¹⁸.

С первой половины 1960-х годов одним из краеугольных камней внешней политики СРР была, как известно, игра на советско-китайских противоречиях. В 1980 г., зная о предельной остроте советско-китайских отношений, при встречах с советскими функционерами румынские дипломаты подчеркнуто дистанцируются от КНР. Так, советник-посланник посольства Румынии в Москве при посещении Кишинева говорил сотрудникам партаппарата ЦК компартии Молдавской ССР: хотя первопричиной китайско-вьетнамского конфликта явился ввод в Кампучию вьетнамских войск, Китай, развязав войну против Вьетнама, своими действиями компрометирует социалистические страны, социализм вообще¹⁹. (Тем не менее гостям, приехавшим из СССР, бросалось в глаза обилие товаров китайского производства. С румынской стороны это объясняли внешнеполитической и внеш-

неэкономической открытостью государства, стремлением поддерживать активные связи со многими странами мира). Многовекторность внешней политики Румынии сохранялась. В июле 1980 г., как раз в дни московской Олимпиады, Чаушеску посетил с официальным визитом Париж, был принят президентом В. Жискаром д'Эстеном. Перспективы экономического сотрудничества Румынии с Францией, как и с другими западными державами, все же не были столь многообещающими, как того хотелось румынскому коммунистическому диктатору. Ужесточение режима во внутренней политике СРР, усиление культа личности²⁰, преследования диссидентов с конца 1970-х годов нанесли сильный урон репутации Чаушеску, который в 1960-е годы своей независимой внешней политикой и прежде всего смелым противостоянием диктату стран-союзниц по ОВД в период чехословацкого кризиса 1968 г. завоевал определенный авторитет в мировом общественном мнении. В той же Франции с конца 1970-х годов перестают рассматривать Румынию как ключевое звено своей восточноевропейской политики, налаживают не менее тесные связи с Венгрией, лидер которой Янош Кадар (находившийся в сложных отношениях с Чаушеску вследствие сохранявшихся разногласий в трансильванском вопросе²¹) снискал не меньший, чем Чаушеску, а еще больший международный авторитет, но не независимой внешней политикой, а попытками экономических реформ²².

Несмотря на новые кредиты, показатели промышленного производства на рубеже 1970-х–1980-х годов заметно отставали от запланированных в соответствии с планом экономического развития на 1976–1980 гг. , пришлось корректировать планы, что наносило удар по крупномасштабной внутривнутриполитической пропаганде, призванной доказать гражданам Румынии преимущества румынского пути к социализму²³. Чаушеску, осознававшего сходство экономических проблем, стоявших перед Румынией и Польшей, все это сильно беспокоило. Опасаясь притягательности польского примера для своих граждан, он через считанные дни после начала забастовок принял ряд поездок по стране, чтобы изучить положение дел, настроения рабочего класса и интеллигенции²⁴. Пытаясь нейтрализовать настроения недовольства и предотвратить развитие событий по польскому варианту, Чаушеску с учетом требований польских рабочих 9 сентября призвал плановые органы СРР откорректировать бюджет на текущий год – снизить на 16% расходы на армию и оборонную промышленность, перечислив эти средства на социальные расходы. В целях успокоения масс румынский лидер прибегнул к своеобразным популистским мерам – в центральной прессе был опубликован план развития регионов Румынии на 5 лет, включавший в себя расширение жилищного строительства, меры по улучшению обеспечения товарами. Одновременно в сентябре Чаушеску санкционировал созда-

ние новых бюрократических структур, призванных имитировать выполнение функций народного контроля над расходованием бюджетных средств, выделяемых местным органам власти, в частности, на строительство тех или иных социальных объектов. В пропаганде звучали призывы к гражданам обращаться в эти структуры с жалобами на чиновников и со своими социальными проблемами²⁵. Как и лидеры других социалистических стран, Чаушеску видел главную угрозу для режима в возникновении независимого профсоюза, что открывало перспективы выхода рабочего движения из-под партийно-правительственного контроля. Он старался этого ни в коем случае не допустить. Особое внимание уделялось выявлению настроений населения в крупных индустриальных центрах – потенциальных источниках возникновения независимого рабочего движения. Опасения были небеспочвенными – документы свидетельствуют о популярности польской «Солидарности» и ее лозунгов среди румынских рабочих²⁶.

Известно, что в 1968 г. лидеры румынской компартии видели в событиях Пражской весны не движение за социализм с человеческим лицом, а прежде всего стремление чехословацкой коммунистической элиты к расширению национального суверенитета²⁷. Лидеров КПЧ во главе с А. Дубчеком они воспринимали как своего потенциального союзника в деле сопротивления политическому диктату Москвы. Зная об особой позиции Румынии в ОВД как по чехословацкому, так и по ряду других принципиальных внешнеполитических вопросов, представители РКП не приглашались на совещания лидеров европейских социалистических стран, посвященные поискам путей решения чехословацкой проблемы. Совершенно иной была ситуация в 1980–1981 гг. С самого начала проявив обеспокоенность забастовками в Гданьске, Чаушеску, отнюдь не старавшийся нарочито демонстрировать какой-либо особой позиции в польском вопросе, регулярно приглашался на все заседания лидеров стран ОВД и СЭВ, посвященные его обсуждению – начиная с варшавского заседания ПКК ОВД 19–20 октября 1980 г.²⁸ Как на октябрьском варшавском совещании, так и 4–5 декабря 1980 г. в Москве на совещании с участием лидеров стран ОВД со стороны союзников звучали призывы к полякам активнее применять силовые средства в борьбе с оппозицией. Только Чаушеску и Кадар выступили более сдержанно, отдавая предпочтение политическому разрешению польского внутривнутриполитического конфликта²⁹.

Вместе с тем под влиянием польских событий заметно эволюционировала позиция Чаушеску по проблемам экономической интеграции социалистических стран. Еще в начале 1960-х годов руководство Румынии во главе с Г. Георгиу-Дежем выступило, как известно, против советских планов интеграции стран СЭВ, увидев в них ущемление интересов своей страны,

недооценку ее промышленного потенциала, стремление превратить Румынию в аграрно-сырьевой придаток более развитых стран. И позже румынские лидеры неоднократно выступали с критикой планов кооперации в рамках СЭВ, хотя некоторые проекты ими все же были приняты – например, план строительства электростанции на Дунае у Железных ворот. Но экономические трудности конца 1970-х годов, заинтересованность в расширении поставок нефти из СССР способствовали некоторому смягчению прежних установок, вели к поискам оптимального места Румынии в системе экономических взаимосвязей стран социализма. На московском совещании в декабре 1980 г. Чаушеску вдруг поставил вопрос о том, что в условиях экономического кризиса надо делать интенсивнее сотрудничество между странами СЭВ. Недостатки экономической кооперации он назвал одной из причин кризиса в Польше. Другую, внутреннюю причину польского кризиса румынский лидер в духе догматического марксизма-ленинизма видел в «мелкобуржуазных иллюзиях» лидеров Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), критикуя их увлечение поддержкой частного сектора в городе и особенно на селе, что вело к усилению социального расслоения, возрождало классовые противоречия в польском обществе. Он говорил и о том, что польские лидеры не проявили необходимой политической твердости в августе 1980 г., пойдя на уступки «Солидарности». Любые независимые от партии профсоюзы способны, по его мнению, стать пристанищем для антисоциалистических сил. Обеспечение руководящей роли партии невозможно без завоевания ею промышленного пролетариата. Выработку программы, которая ставила бы во главу угла интересы рабочего класса и подчеркивала его ведущую роль в обществе, румынский лидер декларировал в качестве приоритетной задачи, без решения которой невозможно вывести страну из кризиса. Ни о каких системных изменениях речи не шло, конкретные рекомендации свелись к предложению шире выдвигать рабочих на руководящие должности. К числу других важных условий выхода Польши из кризиса Чаушеску отнес обеспечение единства партии, недопущение фракционности в ней, он говорил и о необходимости хорошо поставить пропаганду успехов и достижений – трудящиеся ни в коем случае не должны сомневаться в преимуществах социализма. В своем выступлении на декабрьском совещании 1980 г. в Москве он не мог скрыть своей обеспокоенности состоянием румынской экономики, что заставило его лишний раз подчеркнуть необходимость сотрудничества социалистических стран в рамках СЭВ. Чаушеску предложил своим коллегам из других стран через несколько месяцев снова собраться для обсуждения насущных экономических вопросов. Вновь коснувшись положения в Польше, он заметил, что в сложившихся условиях полякам самим придется решать свои проблемы. Это означало, что Румыния

не собирается принять участие в какой-либо внешней силовой акции, если такой путь будет избран лидерами стран ОВД³⁰. В конце своего выступления лидер румынской компартии подчеркнул: мы не хотим вмешиваться во внутренние дела Польши³¹. По итогам встречи было принято коммюнике, где в весьма обтекаемой форме было сказано о решении братских стран помогать Польше.

Один из главных выводов, извлеченных Чаушеску из польских событий, заключался в том, что любую форму оппозиционности (как внепартийной, так и внутрипартийной) надо жестко пресекать, ни в коем случае нельзя допускать фракционности и выпадов против руководства партии со стороны отдельных коммунистов, какие бы посты они ни занимали. На первом же после возвращения из Москвы заседании Политисполкома ЦК румынской компартии Чаушеску выступил за привлечение к ответственности по партийной линии, удаление из высших парторганов и даже исключение из партии влиятельного ветерана партии К. Пырвулеску, который 23 ноября 1979 г., в последний день XII съезда РКП, выступил с резкой критикой Чаушеску за попытки узурпации всей власти в стране (речь Пырвулеску не публиковалась до 1990 г.). Дискуссии о том, какую внутреннюю и экономическую политику следует проводить, не допускались. Вместе с тем опыт польских событий, активизация «Солидарности» и костела не только в политической, но и в идеологической сфере убеждали румынского диктатора в том, что любое отставание в идеологии приведет к тому, что инициативу перехватит оппозиция, еще совсем недавно очень слабая, но с каждым годом активизировавшаяся. Выступления Чаушеску как на закрытых партактивах, так и рассчитанные на более широкую аудиторию, становятся все более демагогическими, с претензией на теоретические изыскания. Уже 16 декабря 1980 г., вскоре после возвращения из Москвы, он заговорил на заседании Политисполкома о необходимости новых лозунгов (повышения эффективности социалистической экономики и т.д.), об устарелости понятия «диктатура пролетариата», необходимости более активного применения формулы «революционная демократия» и т.п. Предотвращение формирования структур рабочей оппозиции по образцу польской «Солидарности» требовало и определенных политических маневров. В 1980–1982 гг. Чаушеску периодически ставил вопрос о создании новых общественных организаций, способных проводить партийную линию применительно к разным слоям населения, – все это было призвано способствовать решению главной задачи: поставить под партийно-идеологический контроль разные слои населения, нейтрализовав тем самым возникновение внесистемных структур, особенно в среде рабочего класса. Это подавалось как расширение оригинальной, доморощенной, отвечающей национальным традициям румынской демократии,

хотя речь в принципе шла о создании новых бюрократических структур и приводных ремней режима личной власти.

Введение генералом В. Ярузельским военного положения в Польше 13 декабря 1981 г. Чаушеску воспринял с удовлетворением, как устранение опасного для всей системы социализма вызова, и не скрывал этого при посещении всего через несколько дней Москвы для участия в празднествах по случаю 75-летия Л.И. Брежнева³². Между тем, экономическое положение в его собственной стране с каждым месяцем только усугублялось. В октябре 1981 г. в целях экономии некоторые продукты и предметы первой необходимости стали распространяться по карточкам (пропаганда объясняла это стремлением к более рациональному распределению). В своих выступлениях, относящихся к этому времени, Чаушеску всячески стремился сложить с себя ответственность за экономические неудачи, переложить ее на подчиненных, на те или иные государственные институты, обвинял чиновников в некомпетентности, трудящихся – в нарушении дисциплины, словом, искал козлов отпущения. В мае 1982 г. он удалил в отставку правительство И. Вердеца, особенно досталось министру внешней торговли К. Буртикэ, значительная доля ответственности за кризисные явления была возложена на просчеты во внешнеэкономических связях. И все это на фоне растущего культа личности, строительной гигантомании, усиления волюнтаризма в экономической политике, принявшего в 1980-е годы поистине чудовищные формы. Взятый курс на сокращение любой ценой внешнего долга был призван возыметь политико-пропагандистский эффект, внушить населению уверенность в жизнеспособности румынской модели социализма, оптимальности избранного пути, а иностранных экономических партнеров убедить в надежности каких бы то ни было внешнеторговых соглашений с Румынией. Вводятся строгие меры по экономии электроэнергии, налаживается контроль за потреблением, происходит отказ от финансирования ряда жизненно важных проектов на местах, сокращение социальных программ. Людям приходится затягивать пояс, и в это же самое время сносятся целые кварталы исторической застройки Бухареста (землетрясение 4 марта 1977 г. сыграло на руку реализации этих планов), а на их месте начинает возводиться множество до сих пор недостроенных гигантских зданий, призванных символизировать имперскую мощь новой социалистической Румынии, афиширующей свою ответственность государственным традициям даков и древних римлян. К концу 1980-х годов в стране сложилась ситуация, которую в марте 1989 г. с острым сарказмом прокомментировал крупный поэт Мирча Динеску в своем интервью французской газете «Либерасьон» – о Румынии как уникальной стране, где даже желающий повеситься от безнадежности

существования не может этого сделать, потому что в магазинах нет ни веревок, ни мыла³³.

Польский кризис 1980–1981 гг., сильно напугавший Чаушеску, способствовал не только ужесточению экономической политики в Румынии, но и усилению режима личной власти. Элита, опасаясь потерять льготы, упражняется в славословии, демонстрации лояльности вождю, все более утрачивавшему адекватное представление о реальности. В начавшейся в СССР в 1985 г. перестройке Чаушеску увидел большую угрозу для себя, не скрывая от М.С. Горбачева своего отрицательного отношения к происходящему в СССР³⁴. Особенно напугала румынского лидера фактическая утрата коммунистами власти в Польше вследствие демократического волеизъявления населения летом 1989 г. Положение дел в экономике самой Румынии уже тогда давало все основания предполагать, что смена власти в этой стране может принять куда более острые формы. Показательна политическая эволюция Чаушеску. Политик радикально националистического толка, в августе 1968 г. под знаком защиты национальных ценностей решительно отмежевавшийся от силовой акции СССР и ряда его союзников по ОВД в отношении Чехословакии и заработавший на этом немалый внешнеполитический и внутривластный капитал (растрачивавшийся более десятилетия), по иронии истории превращался в «коммунистического интернационалиста». В августе 1989 г. Чаушеску обратился к лидерам других европейских социалистических стран с призывом собраться и обсудить положение дел в Польше, создающее угрозу для судеб социализма не только в этой стране, но и за ее пределами. Как ЦК ПОРП, так и ЦК КПСС решительно не поддержали его инициативы. В ответе ЦК КПСС румынскому руководству от 27 августа 1989 г. отмечалось: «Факт созыва такого форума был бы, несомненно, использован “Солидарностью” и другими оппозиционными кругами как повод представить ПОРП в качестве силы, выражающей не интересы страны, а интересы зарубежных партий и государств. Кроме того, сам ход политических событий в стране объективно лимитирует возможность наших совместных шагов, не вступающих в противоречие с суверенитетом ПНР»³⁵. До мощного социального взрыва в Румынии и падения диктаторского режима Чаушеску оставалось всего четыре месяца.

Примечания

¹ Румыния обладала собственными нефтезапасами и в 1930-е годы была одним из главных в Европе добытчиков и экспортеров нефти. Ее значение как нефтедобывающей страны резко упало после Второй мировой войны на фоне значительного роста поставок нефти из ближневосточных стран.

² См.: «В Румынии теплее, чем это нужно для страны». Прием Сталиным румынской правительственной делегации (в 1948 г. – А.С.) Публикация И.И. Орлика // Источник. 2002. № 2. С. 97; Волокитина Т.В. «Вопрос о предоставлении Румынии нового кредита требует серьезного изучения...» (Советско-румынские переговоры в Москве. Январь 1954 г.) // Славянский альманах. 2008. М., 2009. В конце 1970-х годов на строительстве канала работали уже не заключенные, а солдаты и вольнонаемные рабочие. Открыт для прохождения судов в 1984 г.

³ Эта программа, направленная на повышение обороноспособности страны и достижение максимально возможной автономии румынской армии в рамках объединенных вооруженных сил Организации Варшавского договора, была принята под влиянием чехословацкого кризиса 1968 г., когда Румыния оказалась в остром конфликте с СССР, решительно выступив против силовой акции ряда стран-участниц ОВД в отношении Чехословакии.

⁴ Свидетельство генерала армии А.И. Грибкова, тогдашнего начальника штаба объединенных войск ОВД: Грибов А.И. Судьба Варшавского договора. Воспоминания, документы, факты. М., 1998. С. 31-32. См. также: Opriș P. Nicolae Ceaușescu și iluzia sa politică: desființarea comitentă a NATO și a Tratatului de la Varșovia // Arhivele Totalitarismului. București, 2009. № 3-4. P.138-150. О некоторых проблемах и разногласиях в советско-румынских отношениях в этот период см. подробно: Buga Vasile. Relațiile româno-sovietice în anii '80 // Politică externă comunistă și exil anticomunist. Anuarul Institutului Român de Istorie Recentă. Vol. II, 2003. București, 2004. P. 101-128.

⁵ См.: Стыкалин А.С. Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953 – 1964) // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930 – 2005). Отв. редактор К.В. Никифоров. Сборник статей. М., 2010. С. 371-392; Он же. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. Отв. редактор Н.М. Куренная. М., 2011. С. 367-398.

⁶ Пленум ЦК КПСС 23 июня 1980 г. с удовлетворением констатировал единство в Организации Варшавского договора. См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 89. Пер. 42. Док. 15.

⁷ В 1980 г. в Румынии широко отмечалось 2050-летие дакского государства.

⁸ См. записку посла в СССР (январь 1980 г.), подписанную 1-м секретарем посольства М. Мунтяном, «О некоторых новых тенденциях в румынской исторической науке в связи с подготовкой в СРР к 2050-летию первого дакского централизованного государства и подготовкой в Румынии всемирного конгресса историков» – экземпляр, направленный для ознакомления ЦК компартии Молдавской ССР: Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău). (Далее – AOSPRM). F. 51. In. 54. D. 7. F. 13-19.

⁹ См. запись беседы: Ibid. F. 48-54.

¹⁰ Ibid. In. 54. D. 106. F. 35.

¹¹ Свидетельство известного отечественного историка В.Я. Гросула, участника конгресса.

¹² Программный документ чехословацкой оппозиции.

¹³ См. программу диссидентского движения в Румынии, подготовленную В. Джорджеску: Georgescu Vlad. Politică și Istorie. Cazul comuniștilor români. 1944-1977. München, 1983. P. 119-123. См. также адресованную правительству петицию другого диссидента, М. Ботеза (весна 1979 г.): Botez Mihai. Scrisoare către Vlad Georgescu. București, 2003. P. 13-15. Российское издание этих документов: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т. 1. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. Отв. редактор Ю.С. Новопашин. Спб., 2012.

¹⁴ Забастовка шахтеров в Долине Жиу в августе 1977 г., попытка создать независимый профсоюз в 1979 г., завершившаяся арестом ее инициаторов. См. хронику гражданского общества в Румынии (1968 – 1984): Anii 1973-1989: cronica unui sfârșit de sistem. Analele Sighet 10. București,

2003. Analele Sighet 10. P. 151-156. На русском языке опубликовано: *Анатомия конфликтов*. Т. 1. Спб., 2012.

¹⁵ В Москве в свою очередь и тогда, и позже понимали, что дополнительные поставки нефти Румынии «надо теснейшим образом увязать с нашим требованием об изменении принципиальных направлений румынской внешней политики. Мы должны твердо сказать т. Чаушеску, что Румыния должна идти с нами в общей колее» (Высказывание А.А. Громыко на заседании Политбюро ЦК КПСС 23 мая 1984 г. при обсуждении вопроса «О поставках нефти и нефтепродуктов из СССР в европейские страны СЭВ в 1986-1990 гг.» // РГАНИ. Ф. 89. Пер. 42. Док. 66. Л. 3).

¹⁶ AOSPRM. F.51. In. 52. D. 106. F. 18. Был довольно быстро согласован план развития межпартийных связей на следующий, 1981 г., приняты все советские предложения. Правда, и применительно к этому периоду встречаются отзывы о том, что связи пограничных районов зачастую носили формальный характер, программа двустороннего обмена не выполнялась в полном объеме (Ibid. D. 105). Надо иметь в виду, что в СССР в условиях обострения с начала 1980 г., после советской акции в Афганистане, холодной войны власти принимают меры по ограничению посещения гражданами СССР зарубежных стран, это не могло, конечно, не коснуться самого ненадежного союзника – Румынии. Большая часть заявок все же удовлетворялась. Имеются данные о том, что из поданных в 1981 г. в Молдавской ССР 4750 заявок на въезд в Румынию по частным делам было удовлетворено 80% (Ibid. In. 56. D. 7).

¹⁷ Ibid. In. 52. D. 106. F. 36.

¹⁸ Ibid. F. 4, 14, 18.

¹⁹ Ibid. D. 104. F. 23.

²⁰ Обилие портретов Чаушеску и цитат из его трудов в убранстве улиц, оформлении музейной экспозиции и т.д. бросалось в глаза гостям, приезжавшим из СССР. См.: Ibid. D. 105; 106. F. 33.

²¹ Из литературы о венгерско-румынских отношениях в этот период см.: Földes Gy. Magyarország, Romania és a nemzeti kérdésk. 1956 – 1989. Budapest, 2007.

²² См.: Стыкалин А.С. Польский кризис 1980-1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе // Российско-польский исторический альманах. Выпуск V. Отв. редактор А.Н. Птицын. Ставрополь–Волгоград–Москва, 2011. С. 85-107.

²³ См.: Opriș Petre. Criza poloneză de la începutul anilor '80. Reacția conducerii partidului comunist român. Ploiești, 2008.

²⁴ О настроениях части румынских рабочих свидетельствуют их письма в Польшу в поддержку «Солидарности». См.: Anii 1973-1989: cronică unui sfârșit de sistem. Analele Sighet 10. București, 2003. P. 869-870. На русском языке опубликовано: *Анатомия конфликтов*. Т. 1. Спб., 2012.

²⁵ См.: Opriș P. Criza poloneză. См. также информационное письмо посольства Венгрии в Румынии от 23 сентября 1980 г. о принимаемых руководством Румынии мерах в связи с польскими событиями. Опубликовано на польском языке: Kopyś Tadeusz. Polityka wewnętrzna Rumunii w okresie powstania NSZZ “Solidarność” // Pamięć i sprawiedliwość. Pismo Instytutu Pamięci Narodowej. Warszawa, № 2 (16). 2010. P. 497-505.

²⁶ См. прим. 24.

²⁷ Пражские реформаторы в то время по меньшей мере неоднозначно воспринимали проявления солидарности со стороны режима Чаушеску. Как заметил в августе 1968 г. в беседе с советским дипломатом один из них, журналист «Руде право» Моц, последовательным сторонникам демократических реформ «неприятна подчеркнутая солидарность руководства Румынии, где в вопросах внутренней политики существует такое же положение», как в Чехословакии до начала реформ (Чехословацкий кризис 1967 – 1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010. С. 851). Руководство ЧССР, не желая давать официальной Москве нового повода для недовольства, долгое время дистанцировалась от «диссидентской» Румынии и только в августе, перед лицом непосредственной угрозы силового вмешательства со стороны союзников в свои внутренние дела, сделало шаг к сближению с Румынией (а также Югославией), вероятно, надеясь, что согласованная позиция трех стран затруднит политику диктатора со стороны СССР и ОВД.

²⁸ См. воспоминания тогдашнего министра иностранных дел Румынии: Andrei Șt. Cu Ceășuscu, în *Polonia zguduită de «Solidaritate»* // *Dosarele Istoriei*. 2001. № 8. Это совещание показало, что по мере усугубления кризиса в Польше прибавлялось забот как у руководства СССР, так и у его союзников.

²⁹ О позиции Кадара см. подробно: Стыкалин А.С. Польский кризис 1980-1981 годов и позиция руководства Венгрии.

³⁰ См.: *Oprîș P. Criza poloneză*. См. отзыв М.А. Суслова на заседании Политбюро ЦК КПСС 11 декабря 1980 г., где обсуждались итоги встречи руководителей компартий социалистических стран: «Тов. Чаушеску, верный своей традиции, говорил больше о самостоятельности, суверенитете, невмешательстве во внутренние дела и т.д.» (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 42. Док. 59. Л. 2).

³¹ Помощник М.С. Горбачева Г.Х. Шахназаров в разделе своей книги, посвященном польскому кризису, пишет о том, что Чаушеску, в 1968 г. бойкотировавший военную акцию союзников в отношении Чехословакии, позже, напротив, предлагал повторить коллективную акцию стран-участниц ОВД, теперь уже против Польши. С советской стороны ему дали понять, что считают такие действия в отношении Польши неприемлемыми. См.: Шахназаров Г.Х. *Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника*. М., 1993. С. 115. Из контекста можно понять, что речь идет о начале 1980-х годов. Скорее всего мы имеем здесь дело с абберацией памяти – помощник Горбачева невольно проецирует на начало 1980-х годов ситуацию лета 1989 г. Нет никаких свидетельств того, что в начале 1980-х годов Чаушеску в диалоге с Москвой проявлял настойчивость в своих требованиях скорейшего разрешения польского вопроса силовым путем. В декабре 1981 г., в самый канун введения лидером ПОРП и главой правительства генералом В. Ярузельским чрезвычайного положения в Польше, на совещании министров обороны стран-участниц ОВД в Москве, румынский, как и венгерский представители выступили против включения в коммюнике жестких формулировок, которые могли бы быть интерпретированы как вмешательство во внутренние дела Польши. См.: Стыкалин А.С. *Польский кризис 1980-1981 годов и позиция руководства Венгрии*.

³² См.: Buga Vasile. *Relațiile româno-sovietice în anii '80*.

³³ См.: Dinescu Mircea : *Moartea citește ziarul, București, 1990*. На русском языке опубликовано: *Анатомия конфликтов*. Т. 1. Спб., 2012.

³⁴ О своих отношениях с Чаушеску, и в том числе о последней встрече с ним 4 декабря 1989 г., М.С. Горбачев впоследствии подробно вспоминал. См.: Горбачев М.С. *Жизнь и реформы*. Т. 2. М., 1995 (Проблемам отношений с Румынией посвящена в этой книге отдельная глава: Николае Чаушеску: падение самодержца. С. 390-404). См. также: Мусатов В.Л. *Советско-румынские отношения в период кризиса и краха режима Чаушеску // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя*. Отв. редактор К.В. Никифоров. М., 2011.

³⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 181. Л. 140-141. См. также: Constantin I. *Aspecte privind relațiile româno-polone în perioada anilor '80* // *Dosarele Istoriei*. 2005. № 3-4.

Клуб в поддержку гласности и перестройки в Болгарии

Abstract:

Valeva E. L. *A Club of Supporters of Glasnost and Perestroika in Bulgaria.*

Before November 1989, the opposition to the Bulgarian Communist regime did not have any political influence. Nevertheless, despite the short term of their activity, Bulgarian dissidents managed to prepare the society to changes, showing that the fight for democracy and human rights goes on even in Bulgaria. When the Club of Supporters of Glasnost and Perestroika was created, it marked a new period of division within the Bulgarian society. Before 1988, all dissidence was passive or individual. The creation of the Club meant the birth of a group that openly criticized the Communist regime. Indeed, the ideas of the Club became a real political alternative to the Bulgarian Communist Party.

Ключевые слова: история Болгарии, диссидентство, оппозиция, права человека, Болгарская коммунистическая партия, Т. Живков, Ж. Желев.

Болгарские исследователи диссидентского движения, констатируя отставание болгарского диссидентства от политической оппозиции в других странах Восточного блока, полагают, что специфика Болгарии состоит в большей приспособляемости общества к советской системе, а также, возможно, в способности болгар выживать в любых условиях¹. Во всяком случае, до начала перемен в СССР, начатых М.С. Горбачевым, в Болгарии отсутствовало организованное сопротивление властям. История болгарского диссидентства начинается вслед за советской «перестройкой» и некоторой либерализацией живковского режима, начатой «сверху». Речь идет о так наз. «июльской концепции», принятой на пленуме ЦК БКП в июле 1987 г. и ориентированной на ограниченный плюрализм в экономике и политике. В частности, в ней предусматривалась возможность создания объединений, клубов, движений и т.д. Эти установки, наряду с новыми взглядами на роль компартии (ее отход от управления обществом в качестве высшего эшелона), создали ту основу, на которой в последующие месяцы началось образование неформальных (то есть существующих вне официальных структур) объединений и организаций.

Среди таких несанкционированных властями объединений особое место занимает Клуб в поддержку гласности и перестройки, считающийся первой политической диссидентской организацией в Болгарии, открыто ставившей наиболее важные вопросы и призывавшей общество включиться в их обсуждение². Его учредительное собрание прошло 3 ноября 1988 г. в Софийском университете, утвердившемся к этому времени как центр свободомыслия. Среди учредителей и активистов Клуба были виднейшие

болгарские интеллектуалы, причем как члены БКП (профессор К. Василев, поэт Хр. Радевски), так и беспартийные, уже давно зарекомендовавшие себя оппонентами коммунистического режима, последовательно отстаивавшие свои эстетические, научные и гражданские ценности, – Б. Димитрова, Ж. Желев, Р. Ралин. Председателем был избран социолог П. Симеонов.

Собравшиеся приняли Программную декларацию и список из 81 учредителей. Программная декларация звучала достаточно амбициозно – она ставила задачу наметить основные социальные проблемы и искать пути их решения (при этом в ней не было ни слова против режима). С этой целью Клуб создал 6 секций: 1. Экономическая ситуация (то есть необходимость реформ); 2. Права человека и гражданские свободы; 3. Демографические проблемы (имелись в виду преимущественно проблемы турецкого меньшинства в Болгарии); 4. Экология; 5. Проблемы болгарской культуры; 6. Нерешенные проблемы болгарской истории. Фактически Клуб подготовил почву для общественного противостояния режиму Живкова, который открыто назывался помехой на пути демократизации.

С целью защиты Клуба от репрессий со стороны властей в его руководство было включено много авторитетных фигур, академиков и профессоров, а также так называемых «активных борцов против капитализма и фашизма»³. Позже Ж. Желев (ставший в 1990 г. президентом Болгарии) признавал, что «активные борцы» были выведены на передовую вполне сознательно: «...Я хотел, чтобы мы создали оппозиционную организацию, с которой режим не мог бы справиться и которая стала бы прикрытием для других организаций... Для этого была необходима широкая политическая спина „активных борцов“, против которых режим не имел ни морального, ни политического права действовать»⁴. О стремлении подстраховаться и предотвратить возможные репрессии свидетельствует и Программная декларация Клуба, в которой подчеркивалось, что он будет работать в рамках Конституции НРБ и при полной поддержке решений Июльского пленума ЦК БКП 1987 г. Поскольку Клуб (учтя горький опыт запрещенного Общественного комитета экологической защиты г. Русе) умышленно отказался от официальной регистрации через суд, то на этом основании объявлялось, что он не может быть закрыт или распущен никакой инстанцией, а только своими основателями⁵.

Исследовательница Д. Лаверн не без основания пишет, что «благодаря участию Желю Желева и других личностей, действовавших в болгарской политике после 1989 г., таких, как будущий вице-президент Блага Димитрова, „Клуб“ символизирует болгарское диссидентство, но также и основную его слабость – тесную связь с коммунистической партией»⁶. Поэтому Клуб

выступал не против социализма, а за его реформирование, то есть демократизацию и гуманизацию в духе гласности и перестройки. Его риторика основывалась на передовой роли болгарских интеллектуалов, которые, по примеру своих центрально-европейских коллег, представляли себя как социальную группу избранных лиц, носителей политической и моральной миссии. Таким образом, Клуб фактически являлся чисто интеллигентской закрытой организацией, хотя в Программной декларации объявлял себя открытым для всех гражданских структур. Тем не менее, основной причиной популярности Клуба среди населения было именно то, что его возглавляли известные и уважаемые в стране интеллектуалы, которые еще раньше заслужили общественное доверие и авторитет. А. Каракачанов свидетельствовал: «Плохо было то, что Клуб как-то закапсулировался, получалось, что он только для интеллектуалов, притом избранных. Иной вопрос, что он больше всего сделал самой своей позицией, его голос слышался сильнее всех». Похожее мнение о Клубе высказала его активистка К. Червенкова: «... Деятельность сводилась к еженедельным очень долгим заседаниям, на которых обсуждались разные проекты деклараций, обращений, анализов и т.п. Бесконечная говорильня. Но так или иначе, все, что появлялось как документ Клуба, ужасно беспокоило власть»⁷.

Болгарское партийно-политическое руководство было явно сбито с толку и не знало, как реагировать на новую неформальную организацию. Содержавшиеся в Программной декларации ссылки на Конституцию НРБ и Июльскую концепцию представляли собой формальное препятствие для запрещения организации как нарушающей закон. Партийные документы, в которых анализируется сам факт создания Клуба и его деятельность, демонстрируют беспомощность и озлобление властей. Так, в справке Софийского комитета БКП от 28 февраля 1988 г. говорилось, что позиция Клуба находится «в грубом противоречии с партийным пониманием социалистического плюрализма», что в ходе проводимой партией перестройки нашлись люди, «превратно понимающие созданные условия для демократизации нашего общества..., стремящиеся занять позиции в обществе, руководствуясь своими личными корыстными интересами»⁸. В духе пропаганды времен «холодной войны» подчеркивалось, что Клуб «быстро нашел горячую и всестороннюю поддержку западных средств массовой информации, вражеской эмиграции, за которой стоят подрывные империалистические центры», поэтому «партийные органы и организации приняли практические меры для нейтрализации его дальнейшей деятельности»⁹. Как оказалось, эти меры были крайне неэффективными и властям не удалось задуть Клуб в поддержку гласности и перестройки еще в зародыше, как это было сделано с Русенским комитетом.

В докладе начальника Шестого управления Госбезопасности¹⁰ А. Мусакова от 23 декабря 1988 г. делался вывод о продолжающейся демонстративной непримиримости инициаторов и организаторов Клуба, несмотря на принятые меры и официальные предупреждения. Проводя параллели с центрально-европейскими диссидентскими движениями, Мусаков предупреждал: «Учитывая широко разрекламированную поддержку западных подрывных центров и опыт отдельных акций в других социалистических странах, можно ожидать обособления в будущем части интеллигенции в альтернативное движение или организацию с целью дискредитации партийного и государственного руководства и проводимой им линии на перестройку, подобно «Хартии 77» в ЧССР, «КОС-КОР» в Польше и т.д.»¹¹.

Исследователь болгарского диссидентства И. Баева полагает, что создание Клуба в поддержку гласности и перестройки знаменует собой новый этап в разделении болгарского общества накануне переходного периода. Если до 1988 г. можно было говорить лишь о молчаливом, пассивном или индивидуальном несогласии с властями, то с возникновением Клуба оформилась группа открытых критиков режима, обособившаяся от бездеятельного большинства¹².

Важно отметить, что в Клубе, точнее, среди его актива имелись серьезные различия и противоречия. Их можно охарактеризовать как оппозицию «старые/молодые» (определение Д. Луджева – основной фигуры в направлении «молодых») или «романтики/ прагматики» (определение Е. Ивановой). Самые серьезные разногласия существовали по вопросу, должен ли Клуб развиваться как оппозиционная политическая организация, за что больше всех ратовал Ж. Желев, или он должен оставаться «дискуссионным» с элитарным интеллигентским составом и характером (как считали Б. Димитрова, К. Червенкова, И. Панова, Ч. Кюранов, Н. Василев). С этих позиций большинство в Правлении выступало против «массовизации» Клуба, приема туда студентов и рабочих, на чем настаивали Ж. Желев, Е. Иванова, Д. Луджев. Последние «дружелюбно» относились к резко антикоммунистическому Независимому обществу в защиту прав человека (НОЗПЧ), члены которого (в основном бывшие политзаключенные) заслуживали, по мнению Желева, уважения «как несправедливо пострадавшие и выступавшие вперед, без оружия, рискуя жизнью, здоровьем и имуществом». Большинство же руководства Клуба были против совместных действий и даже контактов с членами НОЗПЧ, поскольку считали его членов «экстремистами», а их деятельность – политической. Член Независимого общества К. Тренчев свидетельствует: «Наши отношения с Клубом за гласность и перестройку и с «Экогласностью» были весьма прохладными, с их стороны проявлялось не-

доверие, поскольку мы были очень разнородными, мы были антикоммунистами, а они соглашателями... В целом, в их действиях присутствовал страх перед конфронтацией с режимом, в то время как нам уже нечего было терять. У них же присутствовали элементы соглашательства, что не означает, что все люди там были инфильтрированы, но наша радикальность им явно не нравилась»¹³.

В Клубе прослеживались две тенденции: более старые, коммунисты, предпочитавшие конспирацию и нелегальность, и более молодые, в основном беспартийные, которые говорили и действовали открыто, публично. Однако более существенными, подчеркивает Д. Луджев, были некоторые принципиальные различия. Большинство в Клубе - коммунисты - протестовали против режима Живкова и призывали к реформированию компартии. Меньшинство, группа вокруг Желева, считали, что социализм скомпрометирован как система и что необходимы перемены в направлении современного капитализма. Со временем, когда бурное развитие процессов в Польше, Венгрии и СССР весной 1989 г. стало предвестником серьезных перемен, «различия в Клубе начали проявляться более отчетливо и стали превращаться в препятствие для перехода к политическим акциям протеста и к проявлению Клуба в качестве политической оппозиции»¹⁴.

Довольно быстро в Клубе оформилось «радикальное крыло» (Д. Луджев, Е. Иванова, Г. Величков, А. Желязкова и др.), где не было коммунистов. Оно выступало не за «перестройку», а за радикальные перемены, за ликвидацию монополии компартии. Речь идет о направлении, которое официально называлось «Историческая секция Клуба», но наряду с выявлением «белых пятен» в истории пыталось создавать альтернативные программы, разрабатывать новые экономические и юридические стратегии, вносить уточнения в законодательство. Уже на этом этапе в данном направлении были созданы экспертные группы из числа экономистов и юристов, что дало основание исследовательнице Д. Лаверн усматривать в программах секций Клуба эмбрионы рабочей программы будущих болгарских think-tanks, «мозговых трестов», «невидимой рукой» направлявших трансформационные процессы в Болгарии¹⁵. «Историческая секция» полагала, что Клуб должен не только реагировать на действия властей, но и выступать против государственной политики со своими собственными, альтернативными предложениями. (Многие положения будущей программы оппозиционного Союза демократических сил были разработаны еще на том раннем этапе именно этой немногочисленной группой.) Руководство Клуба отказалось даже обсуждать эти предложения – пожилым революционерам-романтикам интереснее была романтика нелегальных встреч, чем высказанные вслух прагматичные предложения молодых экспертов¹⁶.

Как и другие диссидентские организации, Клуб искал поддержки у международных организаций и западных СМИ с целью укрепления своей легитимности внутри страны, а также защиты от репрессий со стороны властей. К тому же иностранные радиостанции были основным средством общения с населением. «У нас не было доступа ни к одному из отечественных СМИ, – отмечал Й. Василев. – Все документы, которые мы направляли в БТА, на радио, телевидение и в редакции, оставались не обнародованными»¹⁷. В одном из своих докладов уже упоминавшийся генерал Мусаков подчеркивал, что «Клуб все более принимает характер формирования, которое через западные средства массовой информации, устную и письменную пропаганду «самиздатовским» способом стремится дискредитировать партийное и государственное руководство и посеять недоверие к его решениям и действиям в кругах общественности»¹⁸. Мусаков процитировал высказывание члена Клуба Д. Кюранова относительно тактики организации в связи «внешней помощью»: согласно Кюранову, «клуб является политической, а не бюрократической организацией, которая вольна выбирать сама (а не по согласованию с правительством) своих политических друзей и сотрудников (он имел в виду иностранные радиостанции)»¹⁹. А референт посольства СССР в Болгарии в своей информации «об использовании неформальных организаций в подрывной деятельности западных пропагандистских центров против НРБ» отмечал, что Комитет радио «Свобода» назвал Клуб «реальной альтернативой нынешнему режиму в Болгарии»²⁰.

Первой внешней легитимацией болгарского диссидентства стал нашумевший «рабочий завтрак» с французским президентом Ф. Миттераном в январе 1989 г. во время его визита в Болгарию (такие встречи он проводил с инакомыслящими в Советском Союзе и других соцстранах, которые посещал). Миттеран согласился посетить Болгарию лишь при условии, что ему будут организованы две встречи с «неформалами»: в Софии – с представителями Клуба, в Пловдиве – с представителями НОЗПЧ. Болгарские власти отступили, но до известного предела: помешали встрече с лидером НОЗПЧ И. Миневым и другими его представителями и добились права определить половину из приглашенных во французское посольство. В итоге на завтраке присутствовали 12 болгарских интеллектуалов, среди которых были как члены Клуба (Б. Димитрова, Ж. Желев, Р. Ралин, А. Шелудко, К. Червенкова и Н. Василев), так и «независимые интеллектуалы», не имевшие ничего общего с неформальными движениями. По сведениям Шестого управления, высказанные болгарами во время завтрака мнения на происходящее у них на родине варьировались от резко критических до умеренных²¹. Независимо от этого, значение беседы с французским президентом заключалось прежде всего в международном и внутривнутриполитическом признании Клуба как важ-

нейшей диссидентской организации в Болгарии. С этого момента болгарские власти не могли себе позволить уничтожить Клуб без неприятных для себя последствий. Встреча на таком высоком уровне показала как самим диссидентам, так и властям, что международное сообщество заметило оппонентов режима и признала их легитимными представителями Болгарии на международной арене. Деятельность болгарских инакомыслящих привлекала к себе все большее внимание западных СМИ, что делало разгром неформальных организаций гораздо более трудным, почти невозможным. Особенно много материалов о болгарских диссидентах появилось во французской печати после визита в Болгарию Миттерана (газеты «Фигаро», «Котидьен де Пари», «Либерасьон» и др.)²².

Одной из первых массовых кампаний Клуба стал сбор подписей под открытым письмом против вынесения приговора и тюремного заключения чешского драматурга-диссидента Вацлава Гавела в январе 1989 г. Письмо и фамилии 102 подписавших его представителей болгарской интеллигенции были зачитаны Б. Димитровой по радио «Свободная Европа» и «Дойче велле». Эта акция болгарских диссидентов получила признание в Европе, поскольку, как выяснилось впоследствии, она оказалась первой и самой массовой в социалистической стране. Даже в Чехословакии подписка в защиту Гавела началась не сразу, а с некоторым запозданием²³.

Таким образом, деятельность Клуба получила широкий отклик в обществе и во многом подготовила почву для противостояния Т. Живкову, который уже открыто назывался основным препятствием на пути демократизации страны. Встреченный властями в штыки, Клуб подвергся серьезному давлению с целью его ликвидации – утомительным беседам в самых высоких инстанциях, угрозам, подслушиванию, слежке, обыскам. При ЦК БКП была создана специальная «группа действий в нестандартных ситуациях в обществе», которая разрабатывала линию и тактику работы политических и административных органов по овладению положением.

Особенно власти беспокоило то, что интеллектуалы из Клуба могут объединиться с антикоммунистами из НОЗПЧ (хотя на самом деле руководство Клуба долгое время проявляло нежелание организовывать совместные с ними акции). В конце декабря 1988 г. в ЦК БКП и Софийском горкоме партии обсуждалась информация служб госбезопасности о контактах Э. Генова и И. Минева с Клубом. Секретариат ЦК БКП и Шестое управление Госбезопасности наметили меры против Клуба: прокуратура, Комиссия в защиту общественных интересов и прав граждан в Народном Собрании и созданный властями Комитет по правам человека должны были потребовать роспуска Клуба по причине его неправомочного учреждения; разрабатывались мероприятия по разъединению, изолированию, компрометации руко-

водства Клуба; создавались официальные дискуссионные клубы, которым надлежало перехватить инициативу; создавались социально-бытовые и другие трудности для наиболее непримиримых членов Клуба с целью ограничения их активности; расширение агентурных позиций в окружении активистов для воздействия на них.

Власти были вынуждены фактически расписаться в своем бессилии и безрезультатности попыток задушить Клуб еще в зародыше. В МВД был даже подготовлен документ – «Соображения по поводу причин недостаточной эффективности принятых мер в отношении Клуба и о будущей работе с этой «независимой» структурой»²⁴. В нем признавалось, что первоначально Клубу была дана поспешная, недостаточно глубокая и несколько эмоциональная оценка, что он ошибочно был квалифицирован как «явно враждебная структура, которая должна быть ликвидирована». Не было учтено, отмечалось в документе, что Клуб возник вследствие процессов, происходивших среди части интеллигенции, и стал выразителем ее настроений (в прежних же оценках утверждалось, что Клуб их насаждает и провоцирует). Признав, что «вся деятельность активистов Клуба... хотя бы формально подчиняется и находится в соответствии с партийной политикой и законами страны, что, в свою очередь, делает невозможным применение по отношению к ним более серьезных санкций и сводит на нет принятые до сих пор меры», силовые структуры предлагали внести определенные коррективы в прежние методы работы²⁵. Прежде всего, ставился вопрос о строго дифференцированном подходе к активистам, среди которых выделяли экстремистов, настаивавших на непримиримой конфронтации с партийными и государственными органами (Ж. Желев, Е. Иванова и др.), более «умеренных», центристов (Б. Димитрова, Н. Василев, И. Панова и др.), исполняющих роль «советников», но при этом «остающихся в тени» (Ч. Кюранов), и членов с низкой активностью (Д. Овадия, К.Василев, Хр. Радевски). Предлагалось также значительно сократить (и применять лишь в крайнем случае) открытые меры, партийные и административные санкции. С целью заставить Клуб отказаться от конфронтации с властями предлагалось, чтобы партийные и административные руководители всех звеньев «постепенно и внимательно шли на диалог (неофициальный) с активистами Клуба (без экстремистов)». Все эти соображения направлялись для конкретизации в высшую инстанцию – ЦК БКП.

Клуб в защиту гласности и перестройки, остро реагировавший на все, что происходило в зарождавшемся оппозиционном движении, стремился стать объединительным центром уже существовавших и новых диссидентских организаций. В «Декларации об отношении к остальным неформальным объединениям в стране» (март 1989 г.) заявлялось, что Клуб морально поддерживал и будет поддерживать в дальнейшем все неформальные

организации, преследующие легальные цели легальными средствами²⁶. В сентябре состоялась встреча представителей Клуба, профсоюза «Подкрепа», «Экогласности», Союза репрессированных, Независимого общества в защиту прав человека, что говорит о том, что болгарские диссиденты уже осознавали необходимость совместных действий. В начале ноября 1989 г. на собрании Клуба Ж. Желев открыто выдвинул идею объединения всех неформальных структур в общий фронт борьбы за демократию²⁷.

В мае 1989 г. в интервью «Свободной Европе» Ж. Желев обнародовал «Декларацию об основных принципах гласности и перестройки в Народной Республике Болгарии», содержащую конкретные требования законодательных и политических перемен - правового государства, политического плюрализма, свободы слова и информации, свободы объединений, равноправия национальных меньшинств²⁸. Несмотря на проведенные госбезопасностью обыски и аресты активистов Клуба, собиравших подписи под декларацией (ее подписал 131 человек), 12 мая она была передана в парламент страны. Д. Луджев оценивает эти действия как «первую успешную политическую акцию Клуба, которой проявила себя группа сторонников его преобразования в политическую оппозицию». Тем не менее, он вынужден был констатировать: «Несмотря на заметное брожение умов и более явные оппозиционные настроения среди части столичной интеллигенции, едва ли кто-нибудь мог бы утверждать, что весной 1989 г. в болгарском обществе, даже в Софии, имелось сильно выраженное критическое отношение к режиму, какая-то более определенная ментальная и психическая готовность к переменам, как в Варшаве, Будапеште и, в некоторой степени, в Праге и Москве»²⁹.

Предстоявшая в конце мая 1989 г. в Париже Конференция по правам человека стран-членов СБСЕ активизировала деятельность правозащитных организаций. Они стояли у истоков так наз. «майских событий» 1989 г., выразившихся в голодовках протеста, демонстрациях, митингах и ставших кульминацией борьбы турецкого населения в Болгарии за демократию и права человека. Демонстрации привели к столкновениям с силами внутренних войск, имелись убитые и раненые с обеих сторон. В ответ на протесты власти фактически спровоцировали массовое переселение мусульман в Турцию летом 1989 г. (около 360 000 чел.), вошедшее в историю под эвфемизмом «Большая экскурсия».

Действия властей вызвали возмущение и протесты болгарских диссидентов, прежде всего членов Независимого общества в защиту прав человека и Клуба в поддержку гласности и перестройки. Отношение к турецкому вопросу превратилось, по словам К. Тренчева, в ключевой вопрос легитимации диссидентов, правозащитников и их организаций. Это стало настоящим

политическим кризисом, с которым столкнулись болгарские инакомыслящие. Их позиция по этому вопросу привела к окончательному их разделению на критиков – реформаторов режима и диссидентов – политических оппозиционеров³⁰. Болгарская оппозиция (но не общество) в целом симпатизировала борьбе турецкого меньшинства за свои права и поддерживала его требования. Член Клуба историк А. Желязкова писала: «Как специалисту, мне было совершенно ясно, что в Болгарии совершается преступление по отношению к туркам и болгарам-мусульманам, и моим основным мотивом включиться в неформальные движения стало найти единомышленников, чтобы защищать их права»³¹. После «майских событий» по инициативе активистов Клуба группа граждан направила в Народное Собрание декларацию, в которой требовалось: «Признать право вернуть свои имена тем болгарским гражданам, которые этого желают. Освободить всех, кто был задержан или осужден за борьбу в защиту этнической самобытности и преемственности в культуре. Прекратить насильственное изгнание из страны болгарских граждан»³².

В то же время организованные Отечественным фронтом в конце мая – начале июня 1989 г. откровенно националистические демонстрации и митинги во многом способствовали усилению враждебного отношения к туркам со стороны большей части болгарского населения. Наряду с лозунгами «Болгария – для болгар!» на митинге в Софии был развернут и лозунг «Долой Софийский клуб и его демагогические тезисы о гласности и демократии!»³³. Ораторы из числа партийных функционеров клеймили членов Клуба как «родоотступников» и «предателей».

В сентябре состоялась встреча представителей Клуба, профсоюза «Подкрепа», «Экогласности», Союза репрессированных, Независимого общества в защиту прав человека, что говорит о том, что болгарские диссиденты уже осознавали необходимость совместных действий. В начале ноября 1989 г. на собрании Клуба Ж. Желев открыто выдвинул идею объединения всех неформальных структур в общий фронт борьбы за демократию³⁴.

1–2 декабря Клуб в поддержку гласности и перестройки провел общее собрание уже в новых условиях. В докладе его неформального лидера Ж. Желева впервые открыто говорилось о чисто политическом характере этой организации и о его будущем в качестве «политического движения болгарской интеллигенции за демократию и демократическую перестройку современной Болгарии». В принятой резолюции четко просматривалась амбиция Клуба разработать общую программу для всех диссидентских организаций, которые уже вели конкретные переговоры об объединении³⁵. Фактически, идеи Клуба превратились в реальную политическую альтернативу БКП.

Во время проходившего с 16 октября по 3 ноября 1989 г. в Софии международного Экофорума в одном из столичных кинотеатров был сделан доклад на тему «Экология и демократия». В нем охрана окружающей среды трактовалась очень широко, с акцентом на «социальное загрязнение» – создание «паразитических прослоек», номенклатуры и т.п. 26 октября неформалы организовали в центре Софии сбор подписей против сооружения гидрокомплексов «Рила» и «Места», грозивших нанести непоправимый вред природе, и были избиты милицией перед глазами иностранных журналистов. После поднявшейся волны протеста как внутри страны, так и за рубежом власти были вынуждены разрешить публичное шествие для передачи в парламент петиции против упомянутого правительственного проекта, собравшей 11,5 тыс. подписей. 3 ноября 1989 г. состоялась первая за 45 лет существования социализма независимая демонстрация, участники которой (около 4 тыс. чел.) впервые скандировали слова «Демократия» и «Гласность»³⁶. Буквально через неделю, 10 ноября, Живков был отстранен от власти на пленуме ЦК БКП частью партийной номенклатуры, надеявшейся укрепить позиции компартии и свои личные, воспользовавшись славой реформаторов.

Хотя коренные перемены в болгарском обществе наступили без непосредственного участия оппозиции, заслугой диссидентских организаций является то, что за недолгий (фактически полтора года) период своей деятельности они сумели подготовить общество к переменам, показали всему миру, что и в Болгарии ведется борьба за демократию и права человека. Поэтому нельзя не согласиться с выводом исследовательницы К. Байчинской: «...влияние диссидента на социалистического, коллективного человека было не столько политическим, сколько психологическим.... Диссидент освободил людей от страха, укрепил их желание сорвать маску и встать на путь индивидуализации, личной ответственности...Так, коммунист-реформатор разрешил гласность, но именно диссидент был человеком, который ее подготовил»³⁷.

Примечания

¹ http://212.39.92.39/e/prosveta/istoria_11/62.html

² Надо, правда, отметить, что самые первые организации инакомыслящих появились в Болгарии еще в начале 1988 г.; они были ориентированы на защиту прав человека и религиозных прав. Однако их влияние было крайне невелико, поскольку они находились в провинции и в них участвовали люди, неизвестные широкой общественности. Подробнее см.: *Валева Е.Л.* Инакомыслие и оппозиция в Болгарии в 1980-е годы // *Славяноведение*. 2012. № 5.

- ³ Привилегированная прослойка в болгарском обществе, аналогичная «старым большевикам» в СССР.
- ⁴ Цит. по: *Иванова Е.* Българското дисидентство. 1988-1989. Част I. София, 1997. С. 59.
- ⁵ Шесто управление срещу неформалните организации в България 1988-1989 г. София, 1999. С. 170.
- ⁶ *Лаверн Д.* Експертите на прехода. Българските think-tanks и глобалните мрежи за влияние. София, 2010. С. 195.
- ⁷ См.: *Иванова Е.* Българското дисидентство. С.84-85.
- ⁸ Шесто управление срещу неформалните организации в България. С.116-117.
- ⁹ Там же. С. 119-120.
- ¹⁰ Шестое управление Комитета госбезопасности в составе МВД Болгарии было создано в 1968 г. с целью раскрывать и предотвращать попытки антигосударственных и антипартийных проявлений в среде интеллигенции и партийной элиты. – См.: *Иванов Д.* Шести отдел. София, 2004. С. 46-48.
- ¹¹ Там же. С. 79.
- ¹² См.: *Баева И.* Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройството и ролята му за началото на прехода – 1988-1989 г. // Известия на държавните архиви. Т.87. София, 2004. С. 3-32.
- ¹³ Цит. по: *Иванова Е.* Българското дисидентство. С.137.
- ¹⁴ *Луджев Д.* Революцията в България 1989-1991. Книга 1. «Нежната» 1989-а и нейното време. София, 2008. С.100.
- ¹⁵ *Лаверн Д.* Експертите на прехода. С. 198.
- ¹⁶ *Иванова Е.* Българското дисидентство. С. 11-12.
- ¹⁷ Там же. С. 87.
- ¹⁸ Шесто управление срещу неформалните организации в България. С. 174.
- ¹⁹ Там же. С.126.
- ²⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 74. Оп. 71. Д. 8. Папка 99. Л. 30.
- ²¹ Шесто управление срещу неформалните организации в България. С. 164-167.
- ²² <http://bg.wordpress.com/tag>.
- ²³ Там же. С. 184-188.
- ²⁴ Там же. С.246-254.
- ²⁵ Там же. С.250.
- ²⁶ См.: *Иванова Е.* Българското дисидентство. С. 152-153.
- ²⁷ *Симеонов П.* Голямата промяна. 10. XI. 1989 – 10.VI.1990. Опит за документ. София, 1996. С. 626.
- ²⁸ http://www.omda.bg/arhiv/dokumenti_politicheski/Deklaratsiata_090589.htm
- ²⁹ *Луджев Д.* Революцията в България ... С. 97, 113.
- ³⁰ Там же. С. 119.

³¹ Цит. по: *Иванова Е.* Българското дисидентство. С. 34.

³² Там же. С. 204.

³³ См. *Баева И.* Създаване на Клуба за подкрепа... С. 27.

³⁴ *Симеонов П.* Голямата промяна. 10. XI. 1989 – 10. VI. 1990. Опит за документ. София, 1996. С. 626.

³⁵ См. *Баева И.* Създаване на Клуба за подкрепа... С. 18.

³⁶ См.: Независимо сдружение Екогласност 1989 г. (Съставители Л. Александриева, А. Каракачанов). София, 2009. С. 167-168.

³⁷ Цит. по: *Христова Н.* Специфика на «българско дисидентство». Власт и интеллигенция 1956-1989 г. Пловдив, 2005. С. 168.

Власть и оппозиция в Польше: подготовка к переговорам за «круглым столом» в конце 1980-х годов

Abstract:

Mayorova O.N. *Authorities and Opposition in Poland: Preparing the 'Round Table' Negotiations in the End of 1980s.*

The article explores the problem of relations between the authorities and the opposition in Poland in the end of 1980s. The author pays special attention to the long and complicated process of preparing the 'round table' negotiations, emphasizing the interest of both sides to achieve gradual political and economic developments.

Ключевые слова: Польша, реформы, оппозиция, соглашение, «круглый стол», Л. Валенса, «Солидарность».

К концу 80-х годов XX в. отношение властей к оппозиции в Польше принципиально изменилось: они пришли к выводу, что оппозиционеры отражают не какие-то привнесенные извне интересы, а жизненные потребности значительной части польского общества – прежде всего квалифицированных рабочих и солидарной с ними интеллигенции. М. Раковский незадолго до декабря 1987 г., когда он стал членом Политбюро ЦК ПОРП, в секретном докладе отметил: «В сравнении со второй половиной 70-х гг. нынешняя оппозиция количественно и качественно значительно более сильна. Мы не должны забывать, что тогда немногочисленная группа коровцев (КОР – Комитет защиты рабочих – *О.М.*) привела в движение всё Побережье (летом 1980 г.). Сейчас главной целью оппозиции является получение законной гарантии своего существования и деятельности... фактически мы уже признали оппозицию в качестве постоянного элемента на политической карте страны»¹.

Развитие событий в конце 1987 г. еще не предвещало именно такого поворота. Однако постфактум как раз именно это время можно считать началом пути, ведущего к «круглому столу». Переломным моментом для команды Ярузельского стало поражение на референдуме в ноябре 1987 г., когда предлагавшиеся этой командой реформы не получили необходимой поддержки. Следствие – падение престижа властей, а также вызванная этим необходимость идти на дальнейшие уступки.

В 1988 г. политический климат в стране вновь начал катастрофически ухудшаться. И как это было уже много раз, толчком послужило значительное повышение цен, объявленное хотя и заранее, но, как и предполагалось, приведшее к усилению социальной напряженности. С 1 февраля цены на мясо, копчености, сахар, масло, хлеб повышались в среднем на 40%, кварт-

плата и цены за коммунальные услуги – на 50%, бензин подорожал на 60%. Ожидалось повышение вдвое стоимости угля, электроэнергии и т.д. Прожиточный минимум населения снижался на 36%. Усилилась инфляция, произошло ухудшение рыночной ситуации. Становилось ясно, что основные цели в области цен и доходов не достигнуты. Неудивительно, что, согласно социологическим опросам, 89% населения оценило экономическую обстановку в стране отрицательно. На польскую экономику давила внешняя задолженность, выражавшаяся в астрономической сумме 39,2 млрд долларов.

1988 год можно назвать периодом определения контуров содержания и границ возможного соглашения. «Дрейф к демократии» – так оппозиционный политик Ст. Стомма определял ситуацию в стране в это время. В феврале 1988 г. впервые на страницах контролируемого властями журнала «Конфронтаце» публикуется интервью с одним из лидеров оппозиции Б. Геремком. Сам факт его появления свидетельствует о значительной степени либерализации общественно-политической жизни в тот период. Геремек выступил с официальным предложением о заключении «антикризисного пакта». Эта идея уже раньше появлялась в документах «Солидарности» и подразумевала поддержку властей в обмен на «профсоюзный плюрализм». По его мнению, в 1988 г. идея соглашения имела больше шансов, чем в 1981-м. «Опытom общества, – писал представитель оппозиции, – является то, что свои стремления оно должно держать в определенных границах; опытом власти – что без подлинных общественных сил нельзя совершить перелом, которого все хотят»². Развивая концепцию диалога с властью, Геремек в качестве основной задачи называет общественный плюрализм, понимаемый им как свобода объединения в неполитические организации и гражданские объединения. Как отметил в ходе беседы с генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым в сентябре 1988 г. член Политбюро ЦК ПОРП Ю. Чирек, «умные люди с “той стороны“ понимают необходимость соглашения в современных условиях. Есть и прямое влияние международного фактора. Я подозреваю, что американцы, западные немцы не подталкивают польскую оппозицию к конфронтации, а скорее наоборот – советуют ей идти на диалог. Насколько в этом сказывается ваше влияние, не знаю, но общая обстановка, новое мышление свое дело делают. Представители Белого дома раньше били по нам как по барабану, а сейчас говорят, что надо стремиться к соглашению»³.

Власти не решались открыто ответить на предложение оппозиции. Осень 1988 г. – время очередных неудач правительственных попыток реформирования экономики. В сочетании с взрывным состоянием общественных настроений подобное положение подталкивало власти к соглашению. Так, член Политбюро ЦК ПОРП Ю. Чирек в ходе той же беседы с М.С. Гор-

бачевым отметил: «Стратегическая линия у нас остается прежней – это опора на широкую коалицию социальных сил. А тактика – расколоть оппозицию, втянуть в переговоры более реалистическую ее часть, перехватить знамя «Солидарности» вместе с Валенсой, изолировать экстремистов, начать с ними борьбу. Костел тоже боится анархо-синдикализма, в худшем случае будет сохранять нейтралитет... Нам кажется, что сейчас есть шансы провести такую тактику, поэтому [мы] и пошли на переговоры. Получили сигналы от церкви, Валенсы о готовности пойти на компромисс. Об этом же «шептали» с Запада. Был, конечно, выбор – самим начать или дать им провявить инициативу. Долго думали и в конце концов Ярузельский взял это на себя. Не так-то просто было убедить ЦК». И чуть дальше: «Если нам удастся перехватить Валенсу, который остается символом и в стране, и за рубежом, то оппозиция будет очень ослаблена»⁴. В официальной прессе можно выделить два течения – сторонники и противники соглашения, причем достаточно сложно определить, какое из них преобладало.

В августе 1988 г. забастовки приобретали все более масштабный характер. Оппозиция, в феврале приглашавшая власти к диалогу, продемонстрировала свои возможности. Тем самым забастовки стали поводом для начала устойчивого взаимодействия между представителями власти и оппозиции.

Солидаристская оппозиция приходила к столу переговоров без ясно очерченной программы. В целом политическая оппозиция осознавала необходимость изменения строя как в политической, так и экономической сфере. Для части деятелей и группировок это было очевидно с самого начала их существования, т.е. со второй половины 1970-х годов, другие приходили к этой мысли постепенно, все чаще выдвигая требования либеральной демократии, партийного плюрализма, перемен в сфере собственности, независимости, суверенности государства и т.д. При этом обнаруживались различия во взглядах. Не вызывали споров только основные направления перемен, реализованные впоследствии, т.е. парламентская демократия и рыночная экономика, основанная на капиталистической собственности⁵.

Значительные различия многочисленных предложений и проектов, касавшихся будущего строя, имели свои плюсы и минусы. С одной стороны, это можно считать одним из необходимых условий демократии. С другой, как подчеркивает польский исследователь К. Лабендж, следовало ожидать, что имевшиеся разногласия будут затруднять попытки согласования взглядов. Одним из последствий было, например, участие солидаристско-оппозиционной стороны в переговорах «круглого стола» в принципе без такой согласованной программы. И это в ситуации существования многих программных предложений в рамках отдельных группировок и структур.

При этом дискуссии о формах и способах деятельности воспринимались как более реалистичные, чем анализ целей и будущего строя⁶.

Единственный официальный документ в этой области – программные тезисы «Самоуправляющаяся Речь Посполитая», принятые на I съезде «Солидарности» («С») в 1981 г. Элементы программы содержались в документе 1985 г.: «Польша: 5 лет после Августа». Генеральные цели оппозиционного движения указывало, как отмечалось выше, заявление от 31 мая 1987 г., в преддверии визита в Польшу Папы Иоанна Павла II. К важнейшим принципам государственного строя были отнесены: национальный суверенитет, демократия и плюрализм, свобода экономической деятельности⁷. Взгляды руководителей оппозиции подвергались эволюции вместе с меняющимися обстоятельствами. В конце 1988 г. эти перемены происходили в ускоренном темпе – программная мысль за ними не успевала.

Вместо альтернативы (после введения военного положения) «быть или не быть» перед солидаристской оппозицией все яснее вырисовывалась другая альтернатива: совместно править или просто сосуществовать? Стремиться к участию в управлении страной или занять место легальной, «конструктивной», но жесткой оппозиции правящей ПОРП? Именно вокруг этой дилеммы формировались новые концепции протестного движения. Так, Я. Куронь выступал не только за присутствие оппозиции в Сейме, но и за ее участие в органах исполнительной власти. Б. Геремек считал, что легализация профсоюза должна явиться предварительным условием заключения «нового общественного соглашения», которое предполагало подписание трех пактов с властью. Первый из них – пакт о неагрессии, в котором обе стороны отказывались от действий, направленных друг против друга; второй – новая программа экономической реформы, предполагавшая свободу экономической деятельности; третий – «соглашение по вопросам реформы строя, возвращающей демократический характер польской общественной жизни».

Ось предложений Р. Бугая – разделение общественного пространства на две сферы, управляемые различными законами (заметно влияние взглядов, высказывавшихся ранее Б. Геремekom). Первая – сфера плюрализма – могла стать пространством выражения общественных взглядов. Она допускала идейное и организационное разнообразие. Вторая – сфера монополии ПОРП. Предполагалось, что местом разрешения конфликтов, а также принятия согласованных экономических и общественно-политических решений станет институт, подобный предлагаемому правительственной стороной Совету национального согласия. Речь шла не о свержении коммунизма, а о его «демократизации» - постепенном освобождении очередных сфер общественной жизни из-под монополии ПОРП. Идея о резервации определенной

сферы общественной жизни для коммунистической партии и допущении плюрализма в других пользовалась популярностью среди элиты оппозиции, естественно, как переходное решение и так наз. «меньшее зло». В сравнении с тоталитарной концепцией подчинения всей общественной жизни диктатуре одной партии это был, без сомнения, шаг в сторону демократии. Таким образом, Куронь представил концепцию максимального взаимодействия с властями, Геремек же явился автором формулы «минимального сотрудничества»⁸.

В нелегальной публицистике отмечалось, что в оппозиционной среде преобладала все же позиция осторожности в отношении предложений, исходивших из правящего лагеря. Идея «круглого стола» стала вызывать разногласия и споры задолго до его начала, появились обвинения в предательстве и коллаборационизме. В упреках по существу отмечалось, что власть, призывая к диалогу, стремится в первую очередь реализовать собственные цели, противоречившие интересам общества. Соглашение, по мнению представителей оппозиции, может усилить власть, укрепив ее легитимность, приведет к расколу «Солидарности» и оппозиции⁹.

Соглашаясь на переговоры за «круглым столом», оппозиция принимала во внимание как внешние (Польша как часть советской сферы влияния, отсутствие ясности в допустимой с точки зрения интересов СССР границе перемен), так и внутренние (реальная власть коммунистов, слабость оппозиционных структур, вынужденных находиться в подполье, неконтролируемая забастовочная ситуация) условия. К тому же в среде оппозиции «коровского» происхождения существовало опасение, что после падения коммунизма на польской политической сцене будут доминировать националистические и христианско-демократические силы, представленные оппозицией правого толка, а также убеждение в правильности собственных целей и тактических положений.

Следует отметить большую роль католической церкви в подготовке переговоров за «круглым столом» власти и оппозиции. Ему предшествовал неафишируемый, трудный диалог власти с представителями костела, продолжавшийся более семи лет. Костел видел свою миссию в примирении двух противников – с одной стороны, правящих, а с другой – «разгоряченного» общества. Архиепископ Домбровский мотивировал позицию церкви следующим образом: «В условиях, когда общество не имело своей субъектности (т.е. возможности выражать собственные интересы – О.М.) и даже голоса, Костел по необходимости должен был их заменить, одновременно готовя почву для общественно-политического диалога»¹⁰. В августе 1988 г. епископат в своем послании отмечал, что «основной причиной нынешней общественно-политической ситуации является нарушение прав человека и

достоинства человеческого труда... следует признать, что основой разрешения всех социальных конфликтов является диалог»¹¹. Костел своими инициативами и длительными переговорами с властями заложил основы принципов, на которых мог возникнуть «круглый стол»: необходимость введения плюралистичной системы и сдержанного подхода к решению проблем.

В начале августа 1988 г. варшавский Клуб католической интеллигенции под влиянием иерархов католической церкви принял решение, чтобы его председатель А. Стельмаховский через секретаря ЦК ПОРП Ю. Чирека установил контакт с первым секретарем ЦК ПОРП В. Ярузельским. 24 августа Стельмаховский передал Чиреку подготовленную им и Б. Геремекем записку, содержащую предварительные предложения тем для обсуждения за «круглым столом». Следует отметить, что термин «круглый стол» впервые ввел во время VII пленума ЦК ПОРП в июне 1988 г. В. Ярузельский, говоря о необходимости открытой дискуссии различных кругов по новому Закону об объединениях. Два месяца спустя этот термин поддержали Б. Геремек и А. Стельмаховский, значительно расширив при этом сферу предлагаемых переговоров. Планировалось обсуждение трех групп вопросов: 1) профсоюзный плюрализм, под которым подразумевался способ легализации «Солидарности» на основе Закона о профсоюзах; 2) общественно-политический плюрализм - за этим термином крылся масштаб будущих легальных клубов и политических объединений; 3) антикризисный пакт, или определение вектора необходимых экономических реформ¹². 25 августа 1988 г. Л. Валенса выступил с заявлением, которое подготовили Б. Геремек, А. Михник, А. Стельмаховский и Т. Мазовецкий и которое в целом повторяло предложения Стельмаховского в записке для Чирека. 26 августа Политбюро ЦК ПОРП обсуждало заявление Л. Валенсы и пришло к выводу, что оно может стать исходным пунктом для предварительных переговоров, вести которые поручалось министру внутренних дел генералу Ч. Кищаку. Тем самым Ярузельский давал понять широкоим партийным кругам, что начало переговоров не является капитуляцией властей.

31 августа, в восьмую годовщину подписания августовских соглашений, в Варшаве, на Заврате, состоялась неофициальная, секретная встреча министра внутренних дел Ч. Кищака и лидера «Солидарности» Л. Валенсы. Первого сопровождал член Политбюро ЦК ПОРП Ст. Чосек, второго – ксендз епископ Е. Домбровский. В кратком коммюнике говорилось, что обсуждались условия организации встречи «круглого стола» и ход его проведения. Кш. Дубиньский, обращаясь к своим записям, которые он вел в ходе неофициальных встреч Кищака и Валенсы, отмечает, что в ходе этой первой встречи власти представили Валенсе суть проблем, определивших характер всех переговоров за «круглым столом» и содержание подписанных согла-

шений. Это был пакет политических и общественно-экономических реформ, включая новый Закон о выборах. Кишак заявил, что власти рассматривают вопрос о создании второй палаты парламента. Предметом обсуждения за «круглым столом», на его взгляд, могло бы стать определение места «конструктивных оппозиционных кругов» в политической системе страны, в том числе проблема будущего профсоюзного движения. Валенса в свою очередь подчеркнул, что так как польское общество плюралистично, то нужно создать условия для объединения в рамках плюрализма, а также определить «различные сдержки и противовесы», чтобы в ходе возникновения этой плюралистичной общественно-политической модели не создались предпосылки для деструкции. «Мы разделены, - говорил Валенса, - но это не такое деление, как в 1980–1981 гг. Мы сделали выводы и прежней дорогой больше не хотим идти... Польша одна, общая и мы не хотим ее будоражить... Ни правительство, ни “Солидарность” не могут быть ни победителями, ни проигравшими, так как это снова приведет к дестабилизации... Вопросы «круглого стола» важны, но самый важный из них – о “Солидарности”»¹³. Таким образом, уже в ходе первой встречи определился главный предмет спора, который в течение нескольких месяцев будет затягивать начало «круглого стола».

Постепенно определялся и круг вопросов, которые предстояло обсудить с представителями оппозиции. Они перечислялись премьер-министром М. Раковским на встрече с М.С. Горбачевым в октябре 1988 г. в следующем порядке: «Поддержка реформ, перестройка политических структур, вторая палата сейма, совет национального согласия, включение в сейм конструктивно мыслящих людей из оппозиции, дальнейшая демократизация выборов через представительные органы». М. Раковский подчеркивал, что «Запад грубо, открыто оказывает финансовую помощь политической оппозиции. Причем в нынешнем году (т.е. в 1988 г. – О.М.) эта помощь усилилась. В такой ситуации все замороженные структуры «Солидарности» активизировались. С учетом этого и необходимо рассматривать идею “круглого стола”. Два круга факторов породили “круглый стол” – соображения, вытекающие из нашей ситуации, и стратегический подход...»¹⁴

Власти планировали, что стол будет «именно круглый», как отметил Ю. Чирек в уже упоминавшейся беседе с М.С. Горбачевым: «Мы не хотим, чтобы Валенса сидел один против Кишака, здесь же будут союзнические партии [Объединенная крестьянская партия и Демократическая партия], профсоюзы»¹⁵. 16 сентября 1988 г. состоялись первые расширенные переговоры представителей ПОРП, Объединенной крестьянской партии, Демократической партии, Всепольского соглашения профессиональных союзов (ВСПС – объединение легальных, официальных профсоюзных организаций

на предприятиях и в учреждениях, а также отраслевых профсоюзов, созданное в ноябре 1984 г. в противовес нелегально действовавшим профорганизациям запрещенной «С»), «Солидарности» и Костела в Магдаленке – центре министерства внутренних дел, расположенном недалеко от Варшавы. Название этой местности приобрело впоследствии значение символа, означавшего неофициальные переговоры представителей власти и оппозиции. Этот чрезвычайно трудный процесс переговоров следует разделить на два отдельных этапа. Первый – попытки диалога, направленные на организацию встречи сторон за «круглым столом», второй – на решение трудных проблем уже в ходе самих переговоров.

Действия польских властей находили понимание со стороны советского руководства. Так, в ходе уже упоминавшейся встречи с Ю. Чиреком М.С. Горбачев заметил: «Мы солидарны с вашими действиями, понимаем проблемы, которые стоят перед Польшей, важность этапа, который вы переживаете. Я так думаю: если бы это носило характер скоропалительной сдачи позиций, то мы бы, возможно, засомневались. Но вы ведете дело в русле политики, определенной раньше, и методы выхода из трудностей представляются обоснованными». Ю. Чирек со своей стороны заметил, что поляки понимают «значение того, что делается в СССР. Польша в этом смысле – ваш испытательный полигон»¹⁶.

ПОРП готовилась к переговорам с оппозицией очень серьезно. 10 октября 1988 г. в ЦК был представлен документ «Изменения в политической системе государства». В нем утверждались следующие принципы: руководящая роль ПОРП, общественная собственность на основные средства производства и система международных союзов. Власти соглашались с наличием лояльной оппозиции, организованной в объединения, однако не допускали создания новых политических партий, считая, что социалистическая система исключает соперничество партий за власть. Планировалось создать новые государственные институты: Совет Национального Согласия (СНС), Сенат и пост президента ПНР. Предполагалось, что СНС сформируется из трех частей: треть его членов должны составить представители ПОРП и ее политические союзники; треть – деятели «политического центра»; треть – конструктивная оппозиция. Что касается Сената, одна треть сенаторов назначалась президентом, а две трети – влиятельными общественными организациями. Для представителей «центра» и «оппозиции» в Сенате предусматривалось до 50% мест. Коалиции ПОРП, ОКП и ДП гарантировалось большинство в Сейме. Ключевая роль в этой системе отводилась президенту, неизменно члену ПОРП, избираемому парламентом или специальными выборщиками, его каденция – 7 лет. В число его компетенций входили, в частности: роспуск парламента, издание постановлений и декретов, назна-

чение выборов, принятие решения о военном и чрезвычайном положении, формирование и отставка правительства с согласия Сейма. Несмотря на многие новые предложения, основной принцип гегемонии коммунистической партии оставался неизменным¹⁷.

Как уже отмечалось, оппозиция не имела ни четко сформулированных взглядов, ни планов в отношении переговоров. Встреча (13 октября 1988 г.), в которой приняли участие, кроме «Солидарности», целый ряд других оппозиционных группировок (Федерация «Освобождение», Конфедерация независимой Польши, Либерально-демократическая партия «Независимость», Польская социалистическая партия, «Борющаяся Солидарность» и др.), также ни к чему не привела¹⁸.

Двусторонние подготовительные переговоры проходили очень трудно, неоднократно прерывались. 29 октября 1988 г., когда правительство подписало документ о ликвидации Гданьской судоверфи, дошло до классического пата, преодолеть который в очередной раз помог костел. На конфиденциальной встрече 4 января 1989 г. правительство, намереваясь получить одобрение костела, проинформировало его о своих планах провести досрочные выборы, заключить политический контракт с оппозицией, в соответствии с которым «Солидарность» могла легализоваться в обмен на прекращение забастовок. Костел, с одной стороны, поддержал необходимость проведения «круглого стола», с другой – настороженно встретил намерения правительства, отклонив взаимодействие на выборах, пообещав при этом отказаться от их бойкота. Примечательно, что ни одна из сторон не проинформировала об этой встрече общественность, решив сохранить ее в тайне¹⁹.

Программной дискуссии сопутствовали организационные приготовления оппозиционной стороны. 18 декабря 1988 г. представители интеллектуальной и политической элиты оппозиции, признававшей лидерство Валенсы и его умеренную стратегию, нацеленную на соглашение, в пятый раз (начиная с мая 1987 г., как отмечалось выше) собрались в варшавском костеле. Здесь при председателе «Солидарности» был создан Гражданский комитет из 135 человек – коллективный партнер правительства в переговорах «круглого стола». М. Круль назвал его «теневым кабинетом». Появление нового органа в рамках «Солидарности» представляло выгодный противовес Всепольской исполнительной комиссии, где не всегда взгляды председателя профсоюза встречали единодушное одобрение. Соответствующим образом подобранный состав комитета приводил к тому, что в ходе дискуссий о дальнейшей стратегии деятельности солидаристской оппозиции верх одерживали сторонники далеко идущего соглашения с властями ПНР. Такую позицию представляли, в частности, Б. Геремек, М. Круль, А. Михник, Т. Мазовецкий, А. Веловейский, Я. Куронь, С. Братковский и др. В состав

Гражданского комитета не вошли представители многих оппозиционных кругов, что в будущем стало одним из источников острых споров в кругах солидаристской части оппозиции. В рамках Гражданского комитета было создано 15 комиссий, назначены их председатели для проведения подготовительной работы к переговорам «круглого стола». В ответ в этот же день в Гдыни заседала уже упоминавшаяся так наз. рабочая группа Всепольской комиссии «Солидарности» - конкурировавшая со сторонниками Л. Валенсы нелегальная структура. Эти радикально настроенные деятели объявили бойкот «круглому столу», призывали к силовой конфронтации с существующим режимом. Такие взгляды находили поддержку определенной части рабочих, особенно молодых, для которых события восьмилетней давности были окружены ореолом романтики.

Эти круги не могли быть партнером по диалогу по нескольким причинам. Они были слишком радикальны, выражали крайне негативное отношение к системе, что делало невозможным какие-либо контакты с властью. По мнению польского исследователя А. Пачковского, «в определенном смысле они играли по отношению к председателю роль, подобную той, какую играло по другой стороне баррикады ВСПС [Всепольское соглашение профсоюзов]. На их фоне... сторонники Валенсы представлялись как сила умеренная и склонная к сотрудничеству»²⁰. Определение состава оппозиционно-солидаристской делегации являлось также в известной степени результатом внутреннего соперничества. Политики и исследователи, трактующие «круглый стол» как «контролируемый отход» со стороны коммунистов, считают, что подбор представителей с оппозиционной стороны также контролировался властью. Предполагалось, что по ту сторону сядут те, которым можно было отдать в конце концов власть, так как они смогут предотвратить общественный взрыв недовольства и успокоить массы, но также и сохранить основные интересы правивших прежде²¹.

Две забастовочные волны (в апреле и августе 1988 г.) продемонстрировали нарастание общественного недовольства. Спонтанные выступления рабочих стали, как уже было в истории Польши (1956, 1970, 1980 гг.), импульсом, вынуждавшим партийное руководство к переменам. Забастовки пользовались поддержкой значительной части общества (62,4% считали требования забастовщиков справедливыми, а сами забастовки поддерживали 53,2%). За возвращение легального статуса «Солидарности» высказались 78% опрошенных, доверие правительству оказали 51%, а ПОРП – лишь 26%²². Тем самым на протяжении всех 80-х годов страна оставалась «дремлющим вулканом».

С осени 1988 г. чрезвычайно ускоряется развитие политических процессов в связи с кристаллизацией линии реформаторского крыла ПОРП на

углубление демократизации общества. Следует отметить решающую роль реформаторски настроенной части партийной интеллигенции в программно-теоретическом обеспечении «круглого стола». Политический перелом принес состоявшийся в декабре 1988 г. – январе 1989 г. в два тура X пленум ЦК ПОРП. Речь М. Раковского, согласованная с В. Ярузельским, явила собой политическое наступление партийных реформаторов. Премьер решительно защищал идеи «круглого стола», определяя последний как «попытку заключения генерального соглашения с конструктивной оппозицией», т.е. с той, которая «стремится реформировать отношения в Польше без свержения существующего строя». Глава правительства говорил о необходимости компромисса, о перспективе разделить ответственность с оппозицией с целью добиться массового общественного доверия. «Конфликты затормозили бы экономические реформы и инициированные партией общественно-политические перемены», - подчеркивал он²³. Партийные реформаторы с большим трудом (В. Ярузельский, Ч. Кищак, Ф. Сивицкий и М. Раковский были вынуждены заявить о намерении уйти в отставку), но все же сумели провести резолюции о политическом, а также профсоюзном (фактически означавшем повторное вхождение «Солидарности» в политическую систему) плюрализме. «ЦК видит потребность и возможность включения в политическую систему конструктивной оппозиции..., подчеркивает непосредственную связь создания новой формулы политического плюрализма и новой модели профсоюзного плюрализма с развитием общественного диалога и строительством прочного широкого национального соглашения...». За «круглым столом» должны быть определены его организационные формы, а также «согласованы условия, способы и календарь введения профсоюзного плюрализма и открытия пути для создания новых профсоюзов, в том числе “Солидарности”», - отмечалось в документах пленума²⁴. Решения пленума были восприняты в широких кругах партии неоднозначно. Уже сам способ их принятия (отсутствие широкой дискуссии в партии, своеобразный «шантаж» руководства, грозившего подать в отставку) свидетельствовал о том, что руководящая группа отдавала себе отчет в отсутствии поддержки со стороны большинства членов партии. С другой стороны, возрос радикализм той части оппозиции, которая выступала против соглашения с коммунистической властью.

Окончательное согласованное решение о проведении заседаний «круглого стола» было принято 27 января 1989 г. на вилле МВД в Магдаленке. Участники подготовительных переговоров (главными «переговорщиками» являлись Ч. Кищак и Ст. Чосек – с одной стороны, Л. Валенса, Т. Мазовецкий, Л. Качиньский, Бр. Геремек, А. Стельмаховский – с другой) заявили в коммюнике: «После согласования формулы общественного соглашения мы

обратимся в Государственный Совет с предложением изменить закон о профсоюзах и за “круглым столом” определим время начала создания “Солидарности”». Таким образом, было выполнено ключевое для оппозиции требование ясной декларации намерения властей легализовать «Солидарность». Власти согласились на более масштабные общественно-политические перемены по сравнению с теми, которые обсуждались на Гданьской судовой верфи в августе 1980 г.: решения касались не только легализации «Солидарности», но и участия оппозиции в официальной политической жизни, против чего ранее столь жестко выступали властные структуры. Иными, чем в 1980 г., являлись и формы ведения переговоров - оппозиционеры не сопровождали бастовавшие, а переговоры не транслировались. Не будучи делегатами, они чувствовали себя свободными от давления коллектива; временно отменялись демократические критерии, действовавшие в ходе августовских забастовок, а тем более в «Солидарности» в 1980-1981 гг.²⁵. «Недемократичной и неконституционной» назвал Магдаленку исследователь М. Гендек. Коммунисты разделили власть с определенной общественной группой. При этом общество не до конца осознавало, о чем ведутся эти переговоры, так как располагало всего лишь фрагментарной информацией, а его согласия никто не спрашивал²⁶. Сложную обстановку переговоров 27 января характеризует информация, представленная Ч. Кищаком в Политбюро: «Переговоры длились 11 часов и проходили в нелегкой, моментами драматической атмосфере. Они неоднократно заходили в тупик. Перелом явился результатом гибкости правительственной стороны, примирительных усилий епископа Гощовского, а также реализма и явного желания диалога со стороны двух главных переговорщиков, представителей «С» – Тадеуша Мазовецкого и Бронислава Геремека»²⁷.

Таким образом, обе стороны - монолитная, самая сильная в Восточной Европе оппозиция в лице «Солидарности» со сплоченной, хорошо организованной структурой, с харизматическим лидером, и реформаторское крыло в ПОРП, победившее благодаря решительной позиции команды Ярузельского – выразили заинтересованность в спокойном, эволюционном ходе политических и экономических преобразований.

Примечания

¹ Цит. по: Zuzowski R. Komitet Samoobrony Społecznej KOR: Studium dysydemtyzmu i opozycji politycznej w Polsce (Przekł. z ang.). Wrocław etc., 1996. S. 189-190.

² Цит. по: Skórzyński J. Uгода i rewolucja. Władza i opozycja. 1985-1989. W-wa, 1995. S. 59.

³ Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 5. Запись беседы М.С. Горбачева с членом Политбюро, секретарем ЦК ПОРП Ю. Чиреком. 23 сентября 1988 г.

⁴ Там же.

⁵ Следует отметить, что наиболее связный проект нового социально-экономического уклада, который в своих основных элементах реализовывался после перемен 1989 г., подготовили либералы из нелегальной Либерально-демократической партии «Независимость». Публицистика этой группировки в значительной степени повлияла на формирование в сознании ее читателей необходимости замены социализма моделью рыночной экономики, представляемой как единственно рациональный, проверенный в мире проект хорошего государства и хорошего общества – хотя сама группировка сначала разделилась, а потом, в результате многочисленных внутренних противоречий, распалась, не сыграв какой-либо существенной политической роли ни в переменах 1989 г., ни позже. (Molasy I. *Koncepcje polityczne liberalnych ugrupowań polskiej opozycji politycznej z lat 1976-1989// Wokół problematyki integracji europejskiej*. Toruń, 2000. S. 120-121).

⁶ Łabędź K. *Spory wokół zagadnień programowych w publikacjach opozycji politycznej w Polsce w latach 1981-1989*. Kraków, 1997. S. 268-269, 270, 272.

⁷ Holzer J., Leski K. *“Solidarność” w podziemiu*. Łódź, 1990. S. 125-126.

⁸ Skórzyński J. *Op. cit.* S. 146-156.

⁹ Łabędź K. *Op. cit.* S. 86-88.

¹⁰ Raina P. *Droga do “Okrągłego Stołu”*. Zakulisowe rozmowy przygotowawcze. Warszawa, 1998. S. 5-6.

¹¹ Цит. по: Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 839.

¹² Dudek A. *Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. 1989-2001*. Kraków, 2002. S. 20.

¹³ Dubiński Krz. *Magdalena. Transakcja epoki. Notatki z poufnych spotkań Kiszczak – Wałęsa*. Warszawa, 1990. S. 5-6. См. также: *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т. II. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов*. СПб., 2013. С. 425 – 427.

¹⁴ Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 1. Запись беседы М.С. Горбачева с М. Раковским. 21 октября 1988 г.

¹⁵ Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 5. Запись беседы М.С. Горбачева с членом Политбюро, секретарем ЦК ПОРП Ю. Чиреком. 23 сентября 1988 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Tajne dokumenty Biura Politycznego i Sekretariatu KC. Ostatni rok władzy. 1988-1989*. Londyn, 1994. S. 169-175.

¹⁸ Gędek M. *Przełom: Polska 1976-1991*. Lublin, 2002. S. 234.

¹⁹ Gędek M. *Op. cit.* S. 240.

²⁰ Цит. по : *Trembicka K. Okrągły Stół w Polsce – mity i stereotypy// Studia Polityczne*. Warszawa, 2004. N 15. S. 99.

²¹ Antoszewski A. *Erozja systemu politycznego PRL w latach osiemdziesiątych. Studium procesu*. Wrocław etc., 1991. S.170; Trembicka K. *Op. cit.* S. 99, 101.

²² Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М., 1993. С. 473; Paczkowski A. Od sfalszowanego zwycięstwa do prawdziwej klęski: Szkice do portretu PRL. Kraków, 1999. S. 147.

²³ Trybuna Ludu. 16.01. 1989.

²⁴ Stanowisko Komitetu Centralnego PZPR w sprawie pluralizmu politycznego i pluralizmu związkowego// Trybuna Ludu. 20. 01. 1989. S. 3.

²⁵ Dubiński Krz. Op. cit. S. 42; Karpinski J. Trzecia niepodległość: Najnowsza historia Polski. W-wa, 2001. S. 50.

²⁶ Gędek M. Op. cit. S. 245-246.

²⁷ Dubiński Krz. Op. cit. S. 11.

Словацкие социал-демократы в начале третьего тысячелетия: векторы эволюции*

Abstract:

Zadorozhnyuk E.G. *Slovak social-democrats at the beginning of the third millennium: vectors of development*

The phenomenon and tendencies for development of the Slovak social-democracy, which within the extremely short period has gained the leading positions in the political life of the country, are analyzed. The Direction – Social Democracy party (Smer-SD) has ended the disintegration of the left wing of the Slovak political spectrum by consolidating different types of social-democratic actors. Using the integral view of the state development at the beginning of the third millennium, the party is focused on searching for the new ways of solving the problems, escalated amid the global financial and economic crisis.

Ключевые слова: Центральная и Юго-Восточная Европа, Словацкая Республика, политический ландшафт, словацкая модель социал-демократии, партия Направление-Социал-демократия (Н-СД), парламентские выборы, электоральные предпочтения, интегральное видение государственного развития.

11 марта 2012 г. в политической жизни Словакии произошло знаменательное событие – триумфальная победа на внеочередных, прошедших двумя годами ранее установленном Конституцией срока¹, парламентских выборах левоцентристской партии Направление-Социал-демократия (Н-СД) во главе с Р.Фицо. Явка избирателей в этот раз составила 59,11%, т.е. была выше прогнозирувавшихся показателей. Партия Н-СД Р.Фицо, который уже занимал в 2006-2010 гг. пост премьер-министра, получила феноменальное число голосов словацкого электората – 44,41%² (для сравнения: в 2006 г. – 29,12%; в 2010 г. – 34, 79%). Это позволило ей при 83 мандатах в 150-местном парламенте - Национальном совете СР (НС СР) - впервые в двадцатилетней истории независимой Словакии, сформировать однопартийное правительство. Лидер партии Р.Фицо заявил, что такой результат дает возможность выполнить все предвыборные обещания и реализовать программу партии, предполагающую в числе ряда неотложных мер борьбу с государственным долгом и дефицитом госбюджета, но не за счет граждан.

Политических оппонентов социал-демократов – правоцентристскую партию Словацкий демократический и христианский союз-Демократическая

* Исследование выполнено в рамках проекта ОИФН РАН «Нации и государства в мировой истории».

партия (СДХС-ДП) бывшего премьер-министра И.Радичовой - предпочли всего 6,09% голосов (11 мандатов) пришедших на выборы граждан Словакии (в 2010 г. - немногим более 15,42%). На мартовских (2012 г.) парламентских выборах за голоса электората сражались 26 политических субъектов, но в НС СР, как и предыдущий парламент, прошли 6 из них. В их числе: Христианское демократическое движение (ХДД) Я.Фигеля – 8,82% голосов (16 мандатов), партия Обыкновенные люди и независимые личности И.Матовича (ОЛиНЛ) – 8,55 (16 мандатов), партия Мост-Хид Б.Бугара – 6,89 (12 мандатов) и партия Свобода и солидарность (СиС) Р. Сулика – 5,88% голосов избирателей (11 мандатов)³.

Из остальных 18 непарламентских политических акторов самую большую поддержку электората получила Словацкая национальная партия (СНП) – 4,55% и Партия венгерской коалиции (ПВК) – 4,28% голосов избирателей. Народная партия - Движение за демократическую Словакию (НП-ДЗДС) В. Мечьяра заручилась симпатиями всего 0,93% словацких избирателей⁴.

Итоги парламентских выборов в Словакии некоторые зарубежные СМИ и политические деятели назвали сюрпризом. Так, Австрийское информационное агентство (АИА) и газета «Die Standard» отметили «историческую победу левоориентированной, проевропейской оппозиционной партии» Н-СД. Агентство отметило также дезинтеграцию правоцентристских словацких партий и спрогнозировало дальнейшее их расхождение. Свою радость от «внушительной победы» Н-СД на выборах выразил и австрийский канцлер В. Файман, председатель Социал-демократической партии Австрии (СДПА). По его словам, результаты выборов в Словакии являются «дальнейшим импульсом к более социальной Европе».

Данное мнение разделил и лидер Чешской социал-демократической партии (ЧСДП) Б. Сobotка. Он поздравил Р. Фицо с «уникальной победой» и подчеркнул, что словацкий политик достиг одного из наилучших результатов европейских социал-демократов за последние 10 лет⁵. На его взгляд, словаки однозначно отвергли политику правого крыла и ее несправедливые социальные реформы.

Крупным успехом социал-демократов назвала победу на выборах партии Н-СД Русская служба БиБиСи. «Впервые с момента обретения страной независимости в ней будет сформировано однопартийное правительство. Правившая правоцентристская коалиция потерпела сокрушительное поражение во многом из-за обвинений в коррупции, которые были выдвинуты против многих из входящих в нее партий. Во главе нового правительства встанет Роберт Фицо, который и в прошлом занимал пост премьер-министра. Он занимает проевропейские позиции и обещал содействовать

укреплению государства всеобщего благосостояния путем увеличения налогов на компании и состоятельных граждан», - констатируется в ее сообщении.

На это же обратил внимание французский ежедневник «Le Monde» в статье с подзаголовком «Новые налоги для богатых», полагая, что именно обещание ввести прогрессивное налогообложение привлекло к программе Р. Фицо не очень состоятельных граждан республики. Председатель Европарламента М. Шульц первым из европейских чиновников поздравил председателя партии Н-СД с убедительной победой на парламентских выборах. Ведущий представитель Прогрессивной группы социалистов и демократов в Европейском парламенте отметил, что победа Фицо в Словакии одновременно со стабилизацией общественных финансов приведет к усилению экономического роста и созданию новых рабочих мест в стране.

В комментариях Американского информационного агентства (Associated Press) отмечалось, что с момента возникновения самостоятельной Словакии в 1993 г. еще никому не удалось править самостоятельно, без создания коалиции, и Р. Фицо будет первым. Агентством отмечалась и «удивительно высокая» явка избирателей, не соответствовавшая утверждениям аналитиков, предрекавших рекордно низкий интерес к выборам⁶.

Приведенные выше бесстрастные цифры и обоснованно эмоциональные комментарии говорят об одном: партия Н-СД в очередной раз получила доверие рекордного количества словацких избирателей и подтвердила свои левоцентристские программные установки, ориентированные на поиски новых способов разрешения обостряющихся в условиях глобального финансово-экономического кризиса социальных проблем. Последовательное, можно даже сказать, триумфальное наращивание словацкой социал-демократией в начале третьего тысячелетия мощного политического веса – достаточно весомый повод обратиться к анализу как данного феномена, так и вектора его эволюции.

История становления и тенденции развития Н-СД как силы, ориентированной на решение сложнейших задач развития страны в третьем тысячелетии, характеризуется большой динамичностью⁷. Левоцентристская партия Направление – Третий путь (Н-ТП) – совершенно новый политический субъект, которую возглавил энергичный лидер Р.Фицо, появилась в Словакии на исходе второго тысячелетия - в 1999 г. Консолидировавшуюся новую политическую партию можно включить, согласно введенной нами еще в 2000 г. типологизации⁸, в третий тип центральноевропейской модели социал-демократии, безусловно, с более успешной, как показали дальнейшие события, судьбой по сравнению с аналогичными партиями в других странах региона. Действительно, достаточно высокий уровень политической неоп-

ределенности в Словакии в целом по сравнению с другими странами Вишеградской группы на рубеже двух тысячелетий усиливал настоятельность консолидации всех левых сил социал-демократической ориентации в стране. Однако ни в конце XX в., ни в начале XXI столетия этим силам не удавалось занять такие же лидирующие позиции, как в ряде соседних - Польше и Венгрии - стран.

Поставив с начала 2000-х годов перед собой задачу представлять социал-демократическую альтернативу в целом, партия стала неуклонно набирать очки за счет размежевания как с рыхлой правящей коалицией, так и слабой оппозицией. Оказалось, что данная установка привлекла пристальное внимание большинства словацких политических сил социал-демократической ориентации, пребывавших на тот момент в диссипативном, т.е. хаотичном состоянии, которые устали от своей не востребованности, особенно на фоне более громких побед в других странах региона, в первую очередь в соседней Чехии⁹.

В течение последующего периода партия Фицо аккумулировала политический опыт, отрабатывая концептуальные положения своей программы на фоне триумфальных побед добившихся консолидации словацких правоцентристских политических сил. В 2004 г. Н-ТП объединилась с утратившей влияние дубчеховской Социал-демократической партией Словакии (СДПС) и другой малочисленной партией – Социал-демократическая альтернатива (СДА). Тогда же в истории партии Н-ТП произошло знаковое событие – интеграция под ее началом левых сил Словакии. В ноябре 2004 г. в ее состав влилась Партия левых демократов (ПЛД), просуществовавшая на политической сцене страны более 15 лет и растерявшая многих своих сторонников. В целом Н-ТП, используя свой интеграционный ресурс, объединила 6 словацких политических субъектов: помимо уже упоминавшихся трех партий в нее вошли партия Центр, Партия гражданского согласия (ПГС) и Левый блок (ЛБ). В итоге партия Фицо трансформировалась в мощного политического актора, а ее лидер заявил о необходимости «идти по пути современных социал-демократических программ»¹⁰.

Интеграции левых политических партий в Словакии достигла своей кульминационной точки на V съезде Н-ТП в декабре 2004 г. Именно тогда партия сняла из своего названия термин «Третий путь», сменив его на «Социал-демократию». С тех пор она выступает под названием «Направление-Социал-демократия» (Н-СД) и последовательно проводит в своей деятельности установку на социальный прагматизм¹¹. По сути же в ней, как представляется, оживаются носители всех трех типов социал-демократических партий в регионе, и это – своего рода прецедент и модель интеграции для социал-демократов в других странах и регионах мира. Многие их предста-

вители, а также лидеры Социалистического Интернационала (СИ) признают это со все большей определенностью, хотя поначалу инициативы данной партии воспринимались весьма настороженно.

Уже 19 мая 2005 г. Н-СД стала полноправным членом Партии европейских социалистов (ПЕС), а 24 мая того же года вошла в ряды СИ. Примечательна неординарная процедура приема этой партии в СИ: она просто сменила ставшие ее составными частями СДПС и ПЛД. В июне 2005 г. она организовала празднование 100-летия социал-демократии в Словакии, подтвердив тем самым готовность взять на себя новые интегрирующие функции. В программе «Поворот к достоинству человека» (принята на VI съезде 3 декабря 2005 г.) партия заявила о своей поддержке концепции социального государства, выступив с требованием справедливого распределения экономических результатов хозяйствования. В программе акцентировались требования бесплатного высшего образования, достойных пенсий, права на трудоустройство согласно уровню образования, сохранение минимальной заработной платы, право на автономное развитие всех словацких регионов. Речь в ней шла и о сфере здравоохранения, которая должна быть в равной степени доступной всем категориям граждан.

В своих внешнеполитических приоритетах Н-СД выступила в поддержку общеконтинентальной социал-демократической программы «Социальная Европа», подвергнув критике одностороннюю ориентацию правого правительства М.Дзуринды на США. Партия продемонстрировала намерение войти после парламентских выборов 2006 г. в правящую коалицию с теми политическими субъектами, которые готовы поддержать ее программу, ориентированную на социальные преобразования.

Своеобразным сигналом к резкой активизации деятельности Н-СД послужило новогоднее обращение (2 января 2006 г.) президента И.Гашпаровича, подчеркнувшего, что словацкое население с трудом переносит последствия экономических и иных реформ. Планировавшиеся Н-СД шаги по преодолению данного положения стали постепенно приносить свои плоды. Так, опрос общественного мнения, проведенный в мае 2006 г., т.е. накануне парламентских выборов, зарегистрировал следующие предпочтения: более половины словаков (51,8%) ставили премьеру правоцентристского кабинета министров самые низкие оценки за его деятельность на этом посту; лишь 16% его работу одобряли. Главным обвинением стало то, что в Словакии сохранялся высокий – выше 20% - уровень бедности¹².

17 июня 2006 г. состоялись очередные выборы в НС СР. Победу на них одержала Н-СД, добившаяся поддержки 29,14% голосов электората (в 2002 г. – 13,46%) и получившая 50 мандатов из 150; на втором месте оказалась правоцентристская партия премьера Дзуринды СДХС-ДП – 18,35% (в 2002

г. – 15,09) и 31 мандат. В парламент прошли также СНП – 11,73% и 20 мандатов, ПВК – 11,68 и 20 мест, а также НП-ДЗДС – 8,79% (вместо 19,5% в 2002 г.) и всего 15 мандатов, ХДД – 8,31% проголосовавших и 14 мандатов. Учитывая сложившийся расклад политических сил в парламенте, Фицо осуществил трудно предвидимые для политика социал-демократической ориентации маневры. После переговоров со всеми парламентскими партиями Н-СД приняла решение сформировать коалиционное правительство с НП-ДЗДС (партия В.Мечьяра) и СНП.

Коалицию партии Фицо с НП-ДЗДС можно было бы хоть как-то оправдать (Мечьяр продолжал считать себя правоверным социал-демократом). Альянс же с СНП носил оттенок скандальности, но все же Фицо сознательно пошел на союз с нею: лишь энергичное правительство, по его словам, способно возводить в Словакии социальное государство. А это значит – вывести страну на новый этап развития, согласованный с общеевропейскими векторами, даже в том случае, если олицетворяющие эти векторы социал-демократы Европы не одобряют союз со словацкими националистами. И, действительно, порицание не заставило себя долго ждать. Хотя в итоге ни лидер СНП Я.Слота, ни В.Мечьяр по разным причинам не вошли в состав сформированного правительства, 4 июля 2006 г. социалистическая фракция Европарламента рекомендовала приостановить членство Н-СД в ПЕС. Нужно заметить, что 14 февраля 2008 г. президиум ПЕС принял решение о восстановлении словацких социал-демократов в структуре европейских социалистов.

Между тем новое коалиционное правительство получило в парламенте 85 мандатов из 150 (партия Н-СД – заняла 11 из 16 министерских постов). Р. Фицо, утвержденный 4 июля 2006 г. (т.е. в день отлучения Н-СД от ПЕС) премьер-министром Словакии, заверил в своем программном экспозе, что выполнит все необходимые экономические требования для введения Словакии в еврозону в 2009 г. Через год, в годовщину прихода к власти, Фицо отметил, что нынешняя коалиция является весьма стабильным и прочным политическим объединением, а если ему удастся сохранить высокие темпы экономического развития страны, она сможет просуществовать весь избирательный период – то есть полные 4 года. Он заверил, что все партнеры коалиции разделяют общие ценности, которые можно назвать «возвращением к социальному государству», хотя и трактуют его по-своему. Фицо даже заявил, что коалиция за один год своего правления сделала в социальной сфере больше, чем предшествующее правительство за долгих 8 лет¹³.

На встрече И.Гашпаровича с руководителями словацких СМИ 17 января 2007 г. президент отметил, что большая часть словацкой прессы довольно скептически отнеслась к появлению правящей коалиции, однако си-

туацию в стране можно назвать стабильной. Свои симпатии партии Н-СД, помимо прочего, выражали 48% опрошенных респондентов, чего в новейшей словацкой истории ранее не удавалось добиться ни одному политическому субъекту.

11 октября 2007 г. словацкое правительство одобрило проект закона о госбюджете на 2008 год. Планировалось снижение дефицита бюджета до 2,3% ВВП, что могло бы позволить Словакии реализовать один из важнейших Маастрихтских критериев - уровень бюджетного дефицита не должен превышать 3% ВВП - для введения в стране евро. По словам премьера, законопроект, с одной стороны, учитывал эти критерии, а с другой – предоставлял государству возможность продолжать курс на развитие социально ориентированной экономики¹⁴.

Относительно внешнеэкономического курса правительства Р. Фицо, можно утверждать, что в нем можно обнаружить больше «дзуриндовского» поиска баланса, чем «мечьяровского» выделения особого статуса восточного направления. Так, в 2004 г. Словакия вместе с Чехией вошла в Европейский союз, а в НАТО - на 5 лет позже своего ближайшего соседа, который стал членом этого военно-политического блока в 1999 г., а вот вхождением в зону евро в 2009 г. его опередила. Этому предшествовала неуклонно, вплоть до 2008 г., нарастающая динамика роста словацкого ВВП: в 2001-2004 гг. - 4,8% годовых, в 2005 г. - 6,6%, в 2006 г. - 8,5%, в 2007 г. - 10,4%¹⁵. Характерно, что правительства в стране менялись, а рост не прекращался - вплоть до дошедшей до Словакии в 2008 г. волны глобального финансово-экономического кризиса. И все-таки и четыре (2004-2008) года ускоренного роста, и последующие неполных четыре (2009-2013) года нестабильности страна была и остается в той части «Европы двух скоростей» (метафорическое выражение, разделяющее Евросоюз на старых и новых членов), которая движется медленнее.

Следует подчеркнуть, что Словакия с большим трудом входила в зону евро. Ее ВВП достигал всего 1% ВВП стран еврозоны. Но то, что ей всего за два года удалось сократить бюджетный дефицит с 8% до 2,5% и опередить к 2008 г. в амбициозной гонке в зону своего более богатого чешского соседа, несомненно, воодушевляло как элиту, так и словацкое общество в целом¹⁶.

При этом темпы экономического сотрудничества в восточном направлении не снижались: в 2008 г. российская сторона выиграла тендер на поставку ядерного топлива для словацких АЭС, в ноябре того же года было заключено словацко-российское соглашение о газовом транзите на 20 лет.

Лидеры коалиционного правительства демонстрировали, что Словакия является составной частью НАТО, страной-членом ЕС, которые базируются на аналогичных ценностях. Риторика некоторых представителей правящей

коалиции, подчеркивавших прагматическое измерение и экономическую выгодность, как бы отодвигала на задний план ценностную основу словацкой внешней политики¹⁷. Поэтому опасения в связи с «билатеральностью» внешнеполитического курса Словакии и уменьшением ее роли как интегральной составной части НАТО и ЕС развеялись в первые месяцы работы правительства. Впрочем, они едва ли были обоснованными: просто рыхлой правой коалиции чаще приходилось, несколько даже излишне, доказывать свою приверженность западным ценностям, в то время как пришедшей к власти – больше концентрироваться на конкретных проблемах.

В целом политический курс Фицо по итогам первых лет его премьерства оказался в принципе приемлемым для избирателей. Он во многом предстал политиком новой генерации для стран Центральной и Юго-Восточной Европы, отличавшимся идеологической неангажированностью (о чем свидетельствует его взаимодействие с СНП), способностью поддерживать сбалансированный курс во внешней политике и курс на социально ориентированную экономическую политику. Его курс, отличающийся прагматизмом, нацелен на уход от форсированных приватизации и реприватизации, от чрезмерностей патернализма и крайнего либерализма, которые приходились на время прежних премьер-министров - не только Мечъяра, но и Дзуринды - лидера СДХС.

Не могут не обратить на себя внимание заявления Фицо в духе социального прагматизма, который характерен и для деятельности всей европейской социал-демократии. Так, в своем докладе на международной конференции «Будущее Европы» в Братиславе, посвященной перспективам развития ЕС, лидер словацких социал-демократов заявил, что Евросоюз должен больше внимания уделять интересам простых граждан, а не финансовым и лоббистским группировкам. Нынешняя экономическая практика в ЕС, по его мнению, свидетельствует именно об этом игнорировании, а глобальный финансово-экономический кризис подтвердил справедливость его слов. Кроме того, Фицо отметил необходимость разработки четких правил и механизмов для дальнейшего расширения Евросоюза. Он подчеркнул значимость принятия до конца 2009 г. Конституционного договора Евросоюза, который должен предоставить более эффективную и прозрачную систему принятия решений, упрочить статус национальных парламентов. По мнению словацкого премьера, ЕС после этой реформы приблизится к людям.

9 июня 2009 г. Фицо на пресс-конференции подвел итоги выборов в Европарламент, на которых партия Н-СД получила пять мандатов (до этого она располагала тремя мандатами). Согласно официальным результатам, в выборах в Европарламент победу одержала партия Н-СД, получившая 32,01% голосов (5 мандатов), на втором месте СДХС - 16,98% (2 мандата),

затем следовала ПВК - 11, 33% (два мандата) и ХДД (10,87%, два мандата). По одному мандату получили НП-ДЗДС (8,97%) и СНП (5,55 %). При этом явка на выборы была самой низкой из всех стран Евросоюза (19,64%).

Б.Зала, один из избранных в Европарламент депутатов от партии Н-СД, подчеркнул: «Нужно совершенно четко сказать, и мы повторяем это и в наших программных документах уже в течение длительного времени, что однозначно не оправдала себя слепая вера в свободный рынок, который якобы некими саморегулирующими механизмами может обеспечить долгосрочное процветание, рост благосостояния, жизненного уровня наших граждан. По этой причине и в Словакии в течение долгих лет насаждалась концепция ликвидации регулирующих механизмов государства, но сегодня совершенно ясно, что эта политика потерпела крах, она себя не оправдала»¹⁸. Зала назвал четыре направления деятельности партии: 1) борьба за социальное государство в Словакии наряду со стремлением внести вклад в борьбу за социальную Европу; 2) защита национально-государственных интересов Словакии; 3) энергетическая безопасность; 4) развитие регионов.

Эти и другие программные установки Н-СД подверглись очередному испытанию на прочность на прошедших 12 июня 2010 г. парламентских выборах. Как и прогнозировалось многими аналитиками, они принесли победу левоцентристам; электорат поддержал Н-СД, отдав за нее 34,79% голосов.

Согласно действующим правилам, президент предложил Р. Фицо, лидеру победившей на выборах партии Н-СД, сформировать правительство. Однако Фицо не удалось найти партнеров в парламенте для создания коалиции. Более того, представители четырех вошедших в парламент правых партий заявили об отказе вступать в какие-либо переговоры с левоцентристами относительно формирования правящей коалиции. В итоге право сформировать правительство перешло ко второй по величине парламентской провацентристской партии СДХС-ДП, возглавляемой И.Радичовой и М. Дзуриндой. В итоге Радичова заручилась поддержкой четырех парламентских провацентристских политических субъектов и создала правящую коалицию.

Новое правительство сформировали: СДХС-ДП с 15,42% избирателей, новая партия СиС с достаточно сильным лидером и противоречивой программой нелиберального толка с элементами популизма – 12,4%, ХДД – 8,52%, еще одна новая партия – Мост-Хид (представляет интересы этнических венгров) – 8,12%. В стране сложилась, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: новое правительство предстояло сформировать партиям, предпочтения которых значительно ниже уровня популярности словацких социал-демократов. Сложившаяся уникальная ситуация выглядит парадоксальной лишь на первый взгляд. Итоги парламентских выборов в Словакии в 2010 г. следует рассматривать в контексте общеевропейских электоральных

предпочтений, когда к власти поочередно приходят политические силы правого и левого толка (то есть действует принцип политического маятника при сохранении единого курса на продуктивные экономические преобразования).

В августе 2010 г. депутаты высшего законодательного органа Словакии утвердили Программное заявление нового коалиционного правительства, которое возглавила И. Радичова (СДХС). «За» проголосовали 79 депутатов (из 150), оппозиция голосовала «против». Главные цели правительственной программы – здоровая экономика, борьба с коррупцией, создание новых рабочих мест и условий для успешной предпринимательской деятельности, активное гражданское общество, реформы по улучшению здравоохранения и образования. Программой намечается до конца 2013 г. снизить бюджетный дефицит страны до трех процентов в соответствии с Маастрихтскими критериями.

Фактически этих же целей придерживались и находившиеся до июня 2010 г. у власти словацкие социал-демократы. При этом надо отметить, что они выдвинули и воплотили в жизнь целый ряд политических инициатив, значимых для европейской и мировой социал-демократии в целом, освоив некоторые новые пути, значимые и для определения векторов международной социал-демократии в целом.

Свои симпатии по отношению к перешедшей в оппозицию партии Н-СД словацкие избиратели подтвердили на прошедших 27 ноября 2010 г. выборах в местные органы власти, на которых победу в большинстве городов и населенных пунктов страны одержали ее представители. Коммунальные выборы показали, что партия Фицо стала побеждать не только в небольших городах, как в предшествующие годы, но и в таких крупных центрах, как Братислава и Кошице¹⁹.

Между тем глобальный финансово-экономический кризис продолжал распространять по миру свои щупальца, которые не могли обойти стороной и Словакию. В 2011 г. стране пришлось пойти на реальные жертвы в поддержку Греции, представившей фальсифицированные цифры относительно своего экономического положения, что не могло не уязвить словаков: те, кому надо было помогать, имели втрое большую среднюю зарплату и вчетверо большую пенсию; ВВП на душу населения в Словакии составлял 23 тыс. евро (в Греции – 27 тыс.), доля госдолга в ВВП при этом выше во второй в 4 раза.

Характерно, что словаки вошли в еврозону, ориентируясь на пример Греции, которая, скорее, имитировала, чем осуществляла стеснительные для населения меры. Неудивительно и психологически понятно, что когда это

обнаружилось, то именно словаки первыми и особенно громко забили тревогу.

Первое голосование по поводу выделения средств для борьбы с кризисом проходило в парламенте 11 октября 2011 г., который сказал «нет» ратификации соглашения об увеличении стабилизационного фонда еврозоны и одновременно выразил вотум недоверия правительству. Депутаты от либеральной партии СиС жестко квалифицировали такого рода «помощь» как «путь к социализму» (примерно то же немногим ранее утверждал и президент Чехии В. Клаус). Словацкому парламенту не удалось из-за разногласий ратифицировать договор о Европейском фонде финансовой стабильности (ЕФФС). При этом голосование по данному «антикризисному инструменту» увязывалось с голосованием по вотуму доверия правительству; в результате правительство его не получило.

Партия Фицо, которая воздержалась при голосовании по ЕФФС, заключила с правящей партией соглашение, по которому Н-СД обязывалась поддержать договор по еврофонду в обмен на проведение досрочных парламентских выборов в марте 2012 г. Все же проект прошел повторно 13 октября в результате компромисса с оппозицией, в первую очередь с партией Н-СД.

На Фицо, по убеждению его оппонентов, лежит большой «грех» – дефицит бюджета в связи с его «расточительной» социальной политикой: от 1,9% ВВП в 2006 г. до 6,8% в 2009 г.²⁰ Однако как раз избиратели этот «грех» простили, так как в 2010 г. партия получила наибольшее число голосов.

Фоном данных непростых процессов явилась интенсификация российско-словацкого взаимодействия в экономической сфере, точкой отсчета которой явился визит в Словакию президента РФ Д. А. Медведева в апреле 2010 г. Характерно в этом плане 15-е заседание Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству 17-18 марта в Братиславе. Стороны обменялись мнениями о перспективах взаимодействия в области энергетики, включая атомную, транспорта, промышленности, научно-технического и военно-технического сотрудничества, финансово-банковской сферы, сельского хозяйства, туризма, культуры и образования. Была достигнута договоренность по акцентированию усилий по обеспечению инновационного к нему подхода²¹.

Примечательно и то, что объем взаимной торговли в условиях глобального кризиса демонстрировал тенденцию к росту: в первом квартале 2011 г. он вырос по сравнению с первым кварталом 2010 г. на 23,5%, причем российский экспорт - на 28,8%, а импорт - на 12%²². Особо впечатляет укрепление связей на уровне регионов: министерство экономики Словакии в

2011 г. зафиксировало связи всех административных округов страны с 21 субъектом РФ; тем самым региональная составляющая нивелирует последствия глобального экономического кризиса на уровне отношений между двумя странами. В целом же ориентация на прочность и продуктивность связей с Россией носит инвариантный характер.

Важно и другое: Словакия, аттестовавшаяся заокеанским политиком М. Олбрайт в начале 1990-х годов как «черная дыра Европы»²³ и, казалось бы, «обреченная» на вторые роли в Вишеградской четверке, по ряду параметров задает ей в настоящее время конструктивные цели развития. В их числе разрешение таких взаимоисключающих ситуаций, как функционирование в политическом пространстве двух полюсных и предельно рыхлых коалиций (либерал–центристы плюс христианские демократы в правительствах Дзуринды и Радичовой, социал-демократы плюс националисты в правительстве Фицо); вхождение в еврозону при одновременном сохранении потенциала внешнеэкономических отношений вне Евросоюза (в первую очередь с Россией); конъюнктурно продуктивное решение национального вопроса вопреки идеологизированным обвинениям в его наличии (следов националистически ориентированной политики – основного греха, в котором обвиняли и В. Мечьяра, и Р. Фицо, и даже их политических оппонентов, - почти не заметно).

Внешнеэкономическое положение Словакии делает практически безальтернативной линию на своеобразное посредничество в отношениях между Востоком и Западом. Надо учесть, что сложившиеся конструктивные отношения с Россией предоставляют ей шанс стать местом встречи многих инициатив. Так, еще в начале 2005 г. в столице Словакии прошло событие, привлекшее внимание всего мира. Здесь 24 февраля в Братиславском замке состоялся российско-американский саммит на высшем уровне, наметивший новые перспективы сотрудничества между двумя странами, в первую очередь в борьбе с международным терроризмом. После него президент РФ В.В. Путин встретился с высшим руководством СР - президентом И. Гашпаровичем и премьер-министром М. Дзуриндой. В интервью для Словацкого радио накануне саммита В.В. Путин заявил, что после вхождения Словакии в Евросоюз российско-словацкие отношения не изменились. «В целом, - сказал российский президент, - наши отношения развиваются успешно и отвечают общей стратегии отношений России и ЕС»²⁴. После переговоров был подписан новый Договор о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве между двумя странами, особо подчеркивался его прагматический характер. Этот договор во многом помог Словакии в семь беспокойных лет ее истории – от эйфории в первые четыре года суще-

ствования ее в Евросоюзе, увенчавшихся вхождением в зону евро, до тревожных трех последних лет.

Следует еще раз подчеркнуть, что Словакия достаточно четко продемонстрировала наличие «Европы двух скоростей» в рамках не только Евросоюза, но и еврозоны, и это - весьма примечательный факт ее социально-экономической и политической истории. А если учесть, что она выступает единственным представителем стран Вишеградской четверки в этой зоне (и своеобразным ее адвокатом), еще в большей мере обращает на себя внимание. Важно и то, что экономические связи с Россией – далеко не последний фактор ее политического веса. К примеру, президент РФ Д. А.Медведев еще в 2010 г. «легитимизировал» линию на строительство АЭС. Этот опыт был воспринят Чехией лишь в декабре 2011 г. в ходе его визита в страну.

Таким образом, сложные внутривластные перипетии в истории независимого словацкого государства не подрывают линии на конструктивность многовекторных экономических связей страны с высоким удельным весом таких связей с Россией на фоне – и это нужно подчеркнуть особо - вступления в еврозону. О нарастании потенциала указанных связей говорят не только цифры и факты, но и инвариантная стабильность отношений Словакии с Россией в целом.

Современная экономическая ситуация в Словакии характеризуется тем, что она – в пример другим европейским странам – с меньшими потерями выходит из кризиса. Словацкая экономика испытывает негативное воздействие ослабления внешнего спроса, вызванного замедлением экономического роста в странах еврозоны. Прогноз темпов роста словацкого ВВП на 2012 г. скорректирован министерством финансов страны с первоначальных 3,4% до 1,7%, причем ЕБРР предсказывает Словакии еще более низкий рост - на уровне 1,1%. Замедление экономического роста может неблагоприятно сказаться на темпах бюджетной консолидации, и Словакии не удастся в 2012 г. сократить дефицит бюджета до запланированного уровня в 3,8 %. Все же ситуация не так устрашающа для страны, поскольку ее политическое руководство ориентировано на гибкую политику сдерживания внешних угроз и мобилизации населения страны на преодоление угроз внутренних. И даже если государственный долг Словакии, согласно прогнозам, может увеличиться к 2013 г. до 45% ВВП, это не должно подорвать ее экономический потенциал и привести к свертыванию социальных программ. Общий прогноз таков: социал-демократическое правительство способно не допустить краха, наблюдающегося в странах южной Европы. Можно согласиться со следующим выводом: «Усиливающаяся неопределенность в мировом экономическом развитии, долгой кризис и неослабевающие бюджетные проблемы в европейском регионе могут негативно отразиться на росте инвести-

ционных потоков в Словакию, имеющих первостепенное значение для восстановления внутреннего спроса на трудовые ресурсы. Однако благодаря уже запущенным иностранными инвесторами проектам страна может рассчитывать в ближайшие полтора-два года на довольно активный прирост рабочих мест»²⁵.

Специфика - а во многом и прецедентность - опыта словацкой социал-демократии заключается в том, что ее лидерам удалось соединить платформы и усилия трех типов словацких социал-демократических политических субъектов, характерных для региональной центральноевропейской модели социал-демократии, опираясь на установки социального прагматизма. Эти установки сводятся к тому, что во главу угла политической активности ставятся реальные интересы государства и его граждан с опорой на разного рода компромиссы. Эту линию проводит правящая коалиция в современной Словакии; в условиях кризиса она оказалась как никогда ранее востребованной, что и привлекает международное внимание к опыту словацкой социал-демократии. В плане внутренней политики она сводится к консолидации разнородных и даже конфликтующих политических сил для достижения национально значимых целей, а в плане внешней - к признанию необходимости развивать международные отношения по всем векторам, избегая диктата - экономического или идеологического - с любой стороны. По крайней мере, до конца первого десятилетия нового века есть все основания утверждать, что словацкий опыт соединения внутривнутриполитических сил и баланса внешнеполитических векторов оказался удачным.

Словацкая социал-демократия, не отказываясь от своих глубоких традиций, одна из которых связана с именем Александра Дубчека, стоит на высоте поставленных задач. Пока явных сбоев в политическом курсе данной партии не наблюдается, и в данном отношении опыт формирования ее курса и интеграции социал-демократии в стране можно признать удачным и заслуживающим применения в других странах региона. Он вызывает также растущий интерес со стороны устоявшихся сил социал-демократии в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе, а также формирующихся в Европе Восточной, в частности в Российской Федерации. Важно подчеркнуть еще раз то новое слово, которое внесла в центрально-европейскую модель словацкая социал-демократия. Это реализовавшаяся в структурах партии Н-СД попытка интеграции разных типов социал-демократических движений. Она удалась, и избиратели, пристально наблюдая за становлением партии, предпочли видеть ее представителей в парламентах новых созывов.

Успешность политики партии Н-СД побуждает европейских социал-демократов четче определять свои цели и избегать идеологизированных обещаний. Небольшое славянское государство в самом центре Европы тем

самым привлекает к себе внимание не только ближайших соседей по региону (вряд ли следует сбрасывать со счетов предпочтение чешскими избирателями социал-демократа М. Земана, избранного в ходе прямого всеобщего голосования на пост президента Чехии в конце января 2013 г.) – оно усиливает притягательность социал-демократической идеи в масштабах всего европейского континента и в начале третьего тысячелетия.

Примечания

¹ В октябре 2011 г. парламентская партия Свобода и справедливость (СиС) вышла из состава правящей правоцентристской коалиции из-за несогласия с премьер-министром И.Радичовой в связи с требованиями ЕС увеличить свой финансовый стабилизационный фонд. Спор вокруг расширения фонда по спасению евро завершился распадом правоцентристской правящей коалиции.

² <http://app.statistics.sk/nrsr2012/sr/tab3.jsp?lang=sk;> см. также: <http://app.statistics.sk/nrsr2012/graf/graf1sr.jsp?lang=sk>

³ <http://app.statistics.sk/nrsr2012/sr/tab4.jsp?lang=sk>

⁴ <http://app.statistics.sk/nrsr2012/sr/tab3.jsp?lang=sk>

⁵ К началу 2013 г. левые у власти находились в следующих странах Европы: Австрия (канцлер В.Файман); Бельгия (премьер-министр Э. Ди Рупо); Дания (премьер-министр Х.Торнинг-Шмитт); Норвегия (социалисты входят в правящую коалицию); Румыния (премьер-министр В.Понта); Словения (президент Б.Пахор, премьер-министр Я.Янша); Франция (президент Ф. Олланд); Хорватия (премьер-министр З.Миланович); Черногория (премьер-министр М.Джуканович); Чехия (президент М. Земан). См.: *Химшиашивили П.* Чехи тоже выбрали социалиста // Ведомости. 2013. 29. I. По непонятной причине газета не отнесла нынешнюю Словакию к странам, где у власти находятся левые, хотя именно она наиболее рельефно выявляет социал-демократические векторы развития центральноевропейского региона в третьем тысячелетии.

⁶ <http://www.rozhlas.sk/radio-international-ru/tema-dna/=2&i=32490&p=1>

⁷ См.: *Zadorozhnyuk Ella G.* The concepts of a New Europe in the Programms of the Political Parties of Social Democratic Orientation in Central Europe // *A New Europe. Images of the Democratic Order.* Wrocław, 1997; *Задорожнюк Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000; *она же.* Социал-демократия Центральной Европы: достижения и приоритеты на рубеже XX-XXI веков // Европа. Варшава, 2002. Т. 2. № 3 (4); *она же.* Место встречи - Словакия // Год планеты. 2005. М., 2005; *Marušiak J.* Smer - from Pragmatism to Social Democracy? Seeking Identity // *Trajectories of the left. Social Democratic and (Ex-)Communist Parties in Contemporary Europe: Between Past and Future.* Brno, 2005; *idem.* Fenomén strany Smer: medzi «pragmatizmom» a sociálnou demokraciou // *Středoevropské politické studie.* VIII. 2006. Č. 1; *Задорожнюк Э.Г.* Чехия и Словакия в начале нового тысячелетия: разнонаправленные поиски приоритетов политического развития // *Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX - начало XXI столетия).* М., 2008; *она же.* Центральноевропейская модель социал-

демократии. Словацкий вариант // Социал-демократия в российской и мировой истории. М., 2009; *она же*. Социал-демократия в Словакии и Чехии: вариативность моделей и политические реалии // Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления. М., 2010; *Zadorožňuk Ella G.* Vybrané aspekty sociálnodemokratického diskurzu na Slovensku na prelome 20. a 21. storočia // *Studia politica slovacica*. Bratislava, 2011. № 2.

⁸ Подробнее см.: *Zadorožňuk Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе... С. 7.

⁹ На парламентских выборах 1998 г. Чешская социал-демократическая партия с 32,31% голосами избирателей впервые опередила правую Гражданскую демократическую партию (27,74%). См.: Центральноевропейские страны на рубеже XX-XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М., 2003. С. 149.

¹⁰ См.: *Fico R.* Niet smeru okrem Smeru? // *Slovo*. 2004. 20. IX.

¹¹ Подробнее см.: *Zadorožňuk Ella G.* Vybrané aspekty sociálnodemokratického diskurzu na Slovensku na prelome 20. a 21. storočia...

¹² См.: *Zadorožňuk Э.Г.* Центральноевропейская модель социал-демократии. Словацкий вариант... С. 415.

¹³ Там же. С. 419.

¹⁴ <http://www.strana-smer.sk/index>

¹⁵ Центральная и Восточная Европа: уроки мирового кризиса. СПб. 2011. С. 243.

¹⁶ *Economist*. 2011. 23.VII. P. 24.

¹⁷ См.: *Hynčica P.* Volby 2006 a zmena vlády na Slovensku // *Politologická revue*. 2007. № 1. S. 130-133.

¹⁸ <http://www.strana-smer.sk/23/1206/smer-socialna-demokracia-vo-volbach-do-europskeho-parlamentu.html>

¹⁹ <http://app.statistics.sk/kv2010/sr/tab3.jsp?lang=sk>

²⁰ Зеркало недели. 2011. 4. XI.

²¹ <http://www.rusemb.sk/rus/russia-and-slovakia/spravka/>

²² Там же.

²³ Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Т. 2. М., 2005. С. 384.

²⁴ Там же. С. 425.

²⁵ *Копытина М., Левин Л.* Словакия в условиях глобальных потрясений // Свободная мысль. 2012. № 9-10.

Поляки при новом порядке: некоторые современные оценки

Abstract:

Korovitsina N. V. *Polish People under the New Order: Some Contemporary Evaluations*

Resting on the studies by Polish sociologists, the author demonstrates important social and economic implications of the passage from the Socialism to the Capitalism and the sources of a new social conflict. The focus is on the growth of social inequality and on the critical position assumed by modern Polish towards these developments.

Ключевые слова: Польша, посттрансформация, социальные классы, «выигравшие» и «проигравшие», эгалитаризм, власть и общество.

Поляки расходятся в оценках нынешней социальной реальности своей страны. Ее нельзя назвать ни неблагополучной, ни решительно позитивной. Приводятся данные: 21% населения страны говорит ныне, что приватизация – ключевой процесс общественной трансформации – оказала положительное воздействие на его жизнь, а 26% – отрицательное; 47% респондентов считает рыночную экономику лучшей экономической системой для Польши, решительно возражает им 42% опрошенных¹. Поэтому некоторые исследователи процесса реформ («великой перемены»), как и часть политических деятелей, склонны оценивать посткоммунистическую Польшу в категориях политического, экономического и социального успеха. Другие же знатоки положения преимущественно бедных и малообразованных слоев из малых городов, сельской местности и периферийных сегментов экономики, а также оппозиционные политики говорят об упущенных возможностях нации и несправедливом распределении цены реформ. Их результат – обнищание огромной части общества, для которых «лучшее будущее уже прошло», и незаслуженное процветание «выигравших» от проведенных преобразований. Все эксперты по-своему правы. Оказалось, чем более безнадежно люди воспринимают свою ситуацию, тем очевиднее для них определение «выигравших» от реформ как «более равных по сравнению с остальными». Со временем оптимизм в оценках реформ угасал, и на первый план в исследованиях системных перемен в Польше выступили их негативные стороны.

Тема социального неравенства, глубокой дифференциации общества в результате социально-экономической и политической трансформации после 1989 г. наиболее полное освещение получила в книгах, вышедших в последние годы в Институте политических исследований Польской академии наук (ИСП ПАН). Разочарование политическими и экономическими реформами в стране, говорится в этих работах, тем больше, чем сильнее была надежда

граждан на улучшение их жизни и позитивные перемены в человеческих судьбах в результате трансформации. Люди верили в лидеров «Солидарности», ожидая от них реализации призывов к свободе, самоуправлению, справедливости и человеческому достоинству. Люди из бедных регионов, рабочие теперь недоумевают: «Предполагалось, что наступит демократия, но у нас капитализм. И к чему это ведет?», «Нет справедливости и нет работы»².

Противоречиво оценивается польскими специалистами развитие страны в последние два десятилетия. Так, с началом стратегии радикальных реформ Польша относительно быстро вступила на путь экономического роста. Она была первой посткоммунистической страной региона, вернувшейся в 1996 г. к уровню ВВП, характерному до начала перехода. В последние двадцать лет Польша сокращала разрыв в ее развитии от Западной Европы быстрее других стран региона. Однако экономический рост не гарантировал улучшения качества жизни населения. Более того, уровень доходов польских домохозяйств в условиях ускоренного экономического роста демонстрировал наивысшую по сравнению с другими странами Центральной Европы поляризацию. Польша – одна из стран с самым большим в Европейском союзе неравенством доходов и самой большой концентрацией доходов среди наиболее высокооплачиваемых, но в то же время одна из беднейших по душевому показателю ВВП. Потребуется, как прогнозируют исследователи, еще не менее двадцати лет, чтобы догнать западноевропейские страны по уровню ВВП на душу населения. В конце прошлого десятилетия процент относительно бедных (с доходами около 50% средних и ниже) был в несколько раз выше, чем в других странах региона. Вместе с тем, процент относительно богатых (с доходами в 200% от средних и выше) здесь идентичен чешскому и венгерскому, но выше, чем в восточной части Германии и Словакии³. При этом польские авторы отмечают недостаток знания о контрастах в доходах и больших экономических дистанциях, что, по их мнению, облегчает легитимизацию властью существующего порядка⁴. Огромная разница в доходах свидетельствует о слабости современного «общества среднего класса» в Польше, более близкого в этом отношении странам «периферийного капитализма»⁵.

Важной чертой ситуации в Польше называется медленный, но верный рост различий между благополучными слоями населения и остальной его массой, включая еще не полностью развившийся средний класс. Обнаружен эффект кумуляции видов неравенства. Наиболее существенны неравенства экономические и социальные: они очевидны для польских специалистов после 20 лет политического перехода. Неравенство между людьми высоких рангов социальной иерархии и неуспешными – не обязательно по их собственной вине, а в силу игры ситуационных факторов – расширяется. Это про-

стует уже в том, как преуспевающие жители Варшавы и некоторых других городов все больше стремятся изолировать себя от остального населения. Публичное пространство сужается и захватывается более богатыми, часто элитарными группами общества. Вместе с тем, почти треть польского населения живет в бедности: это наиболее высокий показатель в Европейском союзе⁶.

Первый период общественного перехода в начале 1990-х годов отмечен резким ростом бедности и появлением массовой безработицы, которая стала интегральной частью польской социальной реальности, возникнув вместе со свободной рыночной экономикой. В 1995–1996 гг. эта негативная тенденция приостановилась, и отмечалось сокращение бедности, но с 1997 г. бедность вновь начала постепенно расти. Около 2004–2005 гг. масштабы бедности стабилизировались и начали демонстрировать нисходящую тенденцию, особенно отчетливо проявившуюся в 2006 г. Однако характер бедности, как и безработицы, остался неизменным, – со значительной чрезвычайной бедностью и длительной безработицей, устойчивыми по отношению к мерам социальной политики. Исследования, проведенные в Польше в первые годы политических и экономических реформ после падения коммунизма, показали, что бедность в этой стране не всегда явление «поверхностное и временное». Нередко это глубоко укорененный и даже хронический процесс, сочетающийся с многосторонней депривацией – ощущением социальной изоляции и потерянности, лишения (в состоянии материальной депривации живет треть польского населения). Старые и новые, вызванные переходом к рыночной экономике, формы бедности имеют тенденцию «наследования» из поколения в поколение.

Все социоземпирические исследования, проведенные в последнее десятилетие, демонстрируют низшие показатели бедности в крупных городах, тогда как наибольшее количество бедных людей живет в сельской местности. Важнейшим «генератором бедности» называют в Польше безработицу и факт проживания в сельской местности (в отличие от развитых капиталистических стран, где бедность характерна главным образом для городских агломераций)⁷. Сельские семьи отличаются более низкими, чем в городе, денежными доходами, которые не могут компенсировать преимущества ведения натурального хозяйства. Чрезвычайная бедность в селах в 2009 г. составляла 9,2%. Долгие годы одной из наиболее болезненных социальных и экономических проблем в сельских районах остается безработица и бедность в связи с закрытием государственных хозяйств, сопровождающимся низкой производительностью мелких ферм. «Скрытая безработица» сочетается в селах с низким уровнем образования населения и отсутствием перспектив для молодежи. Положение села – не только финансовое, но также

социальное и культурное – настолько тяжело, что его называют «другой Польшей»⁸.

Выразительная черта бедности в нынешней Польше – ее распространение на детей и молодежь. Вероятность бедности повышается с количеством детей в семье. В 2009 г. 21,3% людей из больших семей (с 4 и более детьми) жили ниже уровня прожиточного минимума. Уровень бедности больших семей в 4 раза выше, чем населения в целом. Но в Польше есть такие анклавы бедности – например в г. Лодзь, – где она характерна для детей из всех типов семей, в том числе малодетных. Уровень безработицы среди молодежи вдвое выше, чем населения в целом. К тому же феномены, получившие в науке название «травма великой перемены» и «культура неопределенности», влияют на молодежь в гораздо большей степени, чем на другие части общества. Исследователи используют понятия аномии или апатии для описания состояния молодежи. Вхождение во взрослую жизнь нередко оказывается очень трудным процессом для молодежи в Польше. Поэтому помощь, предоставляемая старшим поколением молодым, в несколько раз больше, чем помощь самого молодого поколения родителям. Подобная асимметрия межпоколенческих отношений является характерной чертой жизни польских семей. Она указывает на то, какие возрастные группы в большей степени принадлежат к нуждающимся. Для польской молодежи подходит определение «поколение неравных возможностей»⁹.

В центре внимания исследователей ИСП ПАН находятся исторические судьбы польских фермеров и рабочего класса, составлявших до 1989 г. социальную основу прежнего рабоче-крестьянского общества. Значительное снижение численности фермеров началось относительно недавно, во время перехода от социализма к свободному рынку, особенно в его первые годы. Спад продолжился и в первом десятилетии XXI столетия, этот процесс интенсифицировался после вступления Польши в Евросоюз в 2004 г. Среди фермеров высок уровень межпоколенческой преемственности, когда социальный статус передается от отца к сыну. У 8 из 10 фермеров отец также был фермером. Барьеры мобильности, отделяющие фермеров от других сегментов общества, обозначились еще в 1980-е годы. Социальная замкнутость этой социальной группы усиливается ее брачной гомогенностью: в 2002 г. у 73% фермеров жены были из той же группы населения¹⁰.

Польские фермеры занимают низшие позиции среди всех социально-профессиональных групп по уровню доходов, заработков и накоплений, даже несмотря на улучшение их объективного экономического статуса. Культурный разрыв между «аграрными категориями» и интеллектуалами и менеджерами, по оценке специалистов, превышает экономическое/финансовое неравенство между ними. Ресурсы человеческого капитала фермеров гораз-

до ниже средних для польского общества в целом и ниже средних для сельской местности.

Общий низкий уровень образования означает меньшую интеллектуальную гибкость – фактор особенно важный при адаптации к быстро изменяющемуся миру. Как показали более ранние работы специалистов ИСП ПАН, недостаток образования ведет к отсутствию «когнитивного предпринимательского духа», предопределяющего жизненную мобильность и активность человека¹¹. Социокультурный портрет современных польских фермеров оказался достаточно мрачным. Горизонт их потребностей и устремлений, по оценке исследователей, не превышает минимального уровня социальной безопасности. Они обладают более высоким по сравнению с другими социoproфессиональными группами уровнем авторитаризма. Представители этой группы характеризуются недоверием, консерватизмом и материализмом, склонны к предрассудкам. Многие из этих людей, до недавнего времени «кормившие и защищавшие», несчастливы и демонстрируют признаки депрессии и даже суицидальные наклонности¹².

В последнее десятилетие социализма многие эксперты в Польше рассуждали на тему о том, примет ли общество, особенно его рабочий класс, рыночную экономику, предполагавшую закрытие многих крупных предприятий, созданных в период социализма. Высказывалось мнение, что введение новой системы принесет многие беды народу, не готовому их вынести. Звучали опасения, что трудности рыночной экономики вызовут общественное сопротивление и заблокируют процесс реформирования страны.

Действительно, рабочий класс и главным образом важнейший сегмент этого класса – занятые на крупных предприятиях, уже в первую фазу общественной трансформации стали ее главным «проигравшим». Это нашло выражение в росте среди них численности безработных и трансфере людей из основного на периферийный рынок труда. Исторический парадокс – класс, бывший основой прежней системы, веривший в свою руководящую роль и не без оснований надеявшийся выиграть от инспирированной им резкой смены строя, больше всего от нее потерял. Рабочие не могли найти рациональное объяснение случившемуся¹³. Однако, хотя смена системы и введение рыночной экономики потребовали, прежде всего от рабочего класса и особенно в Польше, высокой социальной цены, фактически оппозиция со стороны рабочих была небольшой, и наемные работники воздержались от блокирования реформ. Как польский народ относился к рыночной экономике и как это отношение эволюционировало?

Многие исследования начала 1980-х годов – периода так наз. первой «Солидарности» – показывали, что поляки хотели «хорошей» социэкономической системы, которая должна была бы сочетать черты рыночной эко-

номики, оценивавшиеся позитивно, и элементы социалистической системы, также воспринимавшиеся как положительные, особенно эгалитаризм и социальные гарантии. В то же время социологи обнаруживали сильную общественную поддержку принципа соревновательности – столь внушительную, что он даже получил название «мифа соревновательности». Вместе с тем, слово «социализм» (в противовес «коммунизму») вызывало позитивные ассоциации у большинства людей. Высоко оценивались идеи «коллективной собственности» и рабочего самоуправления.

Введение военного положения повлекло некоторые сдвиги в общественном мнении. Поддержка крайнего эгалитаризма «равных желудков» сократилась, хотя умеренный эгалитаризм все еще активно приветствовался, принятие социализма уменьшилось, а поддержка частной собственности в экономике возросла.

Современные исследователи задаются вопросом: как случилось, что в 1990 г. польский народ не наложил вето на реформы, проведенные экономистом Лешеким Бальцеровичем? Отвечая на этот вопрос, они приходят к заключению, что общественное одобрение было ключевым фактором успеха польской трансформации. В начале 1990-х годов – критический период польского перехода – социально-экономические взгляды польского населения по ряду позиций отличались от их взглядов середины 1980-х годов, что и сделало возможным переход.

Выделяют две группы рабочих, составлявшие противоположные фланги социально-политического спектра в решающие годы общественного перехода¹⁴. Первая – традиционалисты и эгалитаристы «советского типа», которые поддерживали централизованное планирование и командно-административную систему; государство, по их мнению, должно было регулировать зарплаты, производство и занятость, обеспечивать социальное равенство. Приватизация ими однозначно отрицалась. Это отношение было непоследовательно в одном аспекте: его сторонники поддерживали принцип соревновательности. К данной группе принадлежала треть рабочих. Противовес им составлял небольшой процент (5%) людей с либеральными взглядами, безусловно принимавших свободный рынок и трудности, которые он нес обществу, веривших в неизбежность безработицы и необходимость приватизации государственных предприятий.

Третья и основная группа, главная для польских реформ, включала 60% рабочих. Ее образовывали сторонники умеренной, «безопасной» рыночной экономики. Взгляды этой группы характеризовались специфической амбивалентностью. Сторонники ее верили, что государственная собственность в экономике должна быть ограничена, но государство продолжало бы играть роль в народном хозяйстве; должно быть ускорено развитие частного

капитала, но государственные предприятия не продавались бы частным собственникам. Централизованное планирование отрицалось: государство не должно управлять бизнесом или определять заработки и цены. Они выступали за денационализацию государственных предприятий и продажу их частным компаниям, основанным на польском капитале. Данная группа не принимала безработицы, считая, что все желающие должны иметь работу. В целом эти люди поддерживали рыночную экономику, хотя и с большими оговорками. Такой подход получил название «ограниченного принятия» и предопределил специфическую черту переходного периода 1980–1990-х годов – непоследовательное отношение к переменам, когда две трети людей хотели рыночной экономики «с человеческим лицом».

Рабочее, особенно высококвалифицированное, сообщество накануне перемен состояло из относительно благополучных групп, в ценностном и многих других отношениях напоминающих средний класс как результат «обуржуазивания рабочего класса», амбивалентного и прагматичного по отношению к существующей социополитической системе, утратившего традиционный рабочий радикализм. Они принимали «польский капитализм», отвергая «польских капиталистов». Частный предприниматель находил поддержку только в том случае, если он был не слишком богатым¹⁵.

В польской литературе вводится понятие приватизационного диссонанса: рабочие в целом одобряли приватизацию государственных предприятий на основе польского капитала, но только не на тех предприятиях, где они сами работали. Поддержка денационализации предприятий возросла в 1991–1995 гг., сопровождаясь низким уровнем готовности респондентов работать в частных компаниях. Это был один из факторов снижения и даже исчезновения рабочей солидарности, как и готовности участвовать в массовых акциях. Во время системного перехода в Польше в 1989 г. и позднее большинство рабочего сообщества дистанцировалось от их собственных организаций – органов рабочего самоуправления и профсоюзов – и не использовало их для утверждения своей коллективной позиции в борьбе за смягчение рыночной системы.

Депролетаризация и фактическое вытеснение рабочего класса из структуры общества на начальном этапе возникновения польского капитализма не означали его исчезновения, но сопровождались идеологической фрагментацией, экономической, политической и культурной деградацией этого класса. Поэтому хотя рабочие быстро разочаровались в реформах, это не повлекло за собой акций коллективной оппозиции. Начало 1990-х годов считают временем широко распространенного в обществе чувства «покинутости» политической элитой.

В 1990-е и первое десятилетие 2000-х годов, показали исследования ИСП ПАН, несмотря на существенные трудности и массовую безработицу, сохранились три основные позиции в отношении к рыночной экономике: поддержка крайнего эгалитаризма, открытой рыночной экономики и ожидание «безопасной» рыночной экономики со всей непоследовательностью последней позиции. Сохранились и пропорции этих групп. Наибольшую составляли сторонники «безопасной» рыночной экономики, меньше по численности группа сторонников эгалитарно-статической модели, тогда как сторонники открытого рынка без какой-либо системы социальной безопасности образовывали самую небольшую группу.

С течением времени сложилось деление работающих поляков на «выигравших» (преимущественно частные собственники) и «динамичных индивидов» (хорошо образованные профессионалы в крупных корпорациях), с одной стороны, и «традиционалистов» (адаптировавшиеся квалифицированные рабочие) и «проигравших» (преимущественно неквалифицированные рабочие – не более 20%), с другой.

Работающие поляки, согласно социологическим данным, относительно редко верят в существование классовых конфликтов между капиталом и трудом. Нечасто упоминается и конфликт между частными работодателями (польскими и зарубежными, включая крупные корпорации) и работающими за зарплату. Наиболее важный социальный конфликт в современной Польше – между «теми в правительстве» и «управляемыми». Чаще всего упоминаются конфликты по поводу власти, идеологии, оценки коммунистической эпохи. Респонденты относительно редко говорят о конфликте между образованными и необразованными сегментами общества. Иерархия социальных конфликтов практически не меняется в последнее десятилетие¹⁶.

Вместе с тем, регистрируются существенный рост поддержки социального равенства и явное отвращение по отношению к богатым. Понятия «частный предприниматель» и «частный работодатель» обычно оцениваются позитивно, но если к ним добавляется прилагательное «богатый», эмоциональная нагрузка мгновенно меняется с позитивной или нейтральной на негативную. Польский народ, по утверждению его исследователей, – явный противник социального неравенства. Даже группы с высоким финансовым статусом считают нынешнее экономическое неравенство в Польше чрезмерным. Широко распространено здесь чувство неравенства и несправедливости заслуживает серьезного внимания политиков: большинство респондентов ожидает намного более эгалитарной версии капитализма по сравнению с существующей моделью.

Вызывает беспокойство и другая тенденция: люди верят в существование конфликта между правителями и управляемыми, даже более драматиче-

ски, между институциями парламентской демократии (парламентом и правительством) и обществом. Процент польских граждан, высказывающих подобное мнение, гораздо больше, чем в других странах. Ускоренными темпами растет конфликт между властью и рабочим классом, связанный с дефицитом его социального контроля над элитами. Исследователи ИСП ПАН связывают все это с недостаточным развитием гражданского общества в Польше.

В последние годы отношение к демократии как ценности в Польше практически не менялось. Социологи констатируют, что результаты исследований 2001, 2005 и 2007 гг. мало отличались от данных 1999 г. Ранее предполагалось, что с ростом уровня образования и сменой поколений поддержка демократии будет возрастать. Этого, однако, не происходит. Регистрируется отсутствие существенного различия в этом отношении между молодежью (менее 29 лет) и людьми старшего возраста. А поддержка тезиса «демократия предпочтительнее любого другого режима» в 1992–2004 гг. колебалась в промежутке 31–40%, что намного меньше по сравнению не только со странами Запада (65–93%), но также и латиноамериканскими странами (в 2004 г. Мексика – 53%, Аргентина – 64%, Чили – 57%, Уругвай – 78%)¹⁷.

Лишь 3% взрослых поляков декларируют членство или участие в деятельности партии или ассоциации политического характера, что считается одним из признаков выраженной политической апатии населения¹⁸. По оценке специалистов, доверие политическим партиям в Польше намного меньше, чем в других посткоммунистических странах. Ниже по сравнению с ними у поляков и доверие к остальным государственным институциям (полиция оставляет исключение), а также к политикам. Последнее в Польше почти отсутствует. Участие в парламентских выборах с начала 1990-х годов в Польше на 10–15 пунктов ниже, чем в пяти странах Центральной и Восточной Европы (ЧР, Словакия, Венгрия, РФ, Латвия). Многие поляки разочаровались в деятельности политических партий. Уровень социального доверия («большинству людей можно доверять») в Польше ниже по сравнению с центрально- и западноевропейскими странами. Поляки не доверяют друг другу, считают исследователи. К концу 1990-х годов исчезли существовавшие по инерции старые формы организации, характерные для периода до 1989 г.

Общественная жизнь, делается вывод в современной литературе, переживает регресс не только в сравнении с активностью поляков времен «Солидарности», но и в последнее десятилетие¹⁹. Социальный капитал снижается в условиях доминирования потребительства, индивидуализма, ориентации на успех, прежде всего материальный, а также под влиянием массовых

миграций за заработками, главным образом людей молодых и образованных. Открытие европейских рынков труда для польских граждан в 2004 г. исследователи считают подлинно революционной переменной. Удовлетворенность демократической формой правления увеличивается в периоды экономического роста и повышения благосостояния²⁰.

В целом, коллективное сознание поляков характеризуется как демонстрирующее признаки амбивалентности и антиномии: неодобрение богатых, сопровождающееся принятием частных работодателей; поддержка эффективности и соревновательности при экстраординарной популярности идеалов социального эгалитаризма; декларации о наиболее серьезном социальном конфликте между властью и обществом, сочетающиеся с неспособностью создать механизмы социального контроля над властью.

Некоторые исследователи считают, что работающие поляки, включая рабочих, не принимают капитализм или принимают капитализм как таковой, но не его польский вариант. Другие придерживаются мнения, что польский народ отвергает многие политические и социальные аспекты ситуации в стране. Он более склонен к некорпоративной модели скоординированной рыночной экономики, скорее эгалитарной, близкой скандинавским странам, с доминированием малых и средних предприятий²¹.

По результатам социологических опросов, простые люди в Польше чувствуют возрастающее удовлетворение от членства их страны в ЕС, тогда как польские политические элиты – и в целом восточноевропейские, в отличие от западноевропейских, – становятся все большими евроскептиками, не видя преимуществ евроинтеграции – ни коллективных, ни индивидуальных. Специфически польским явлением называется феномен разделенных элит и разделенного общества: различное отношение к европейской интеграции характерно не только для элит, с одной стороны, и остального общества – с другой, но и в еще большей степени для отдельных частей элит и общества. Деление, существующее между элитами (и внутри общества), в последние годы вылилось в распад на две разные Польши, состоящие из «настоящих поляков», считающихся патриотами, и «либералов», обвиняемых в отсутствии морального стержня. В свою очередь, либеральный лагерь исключает консерваторов и их сторонников из сообщества «подлинных европейцев», ориентированных на «цивилизованный» Запад²². Поэтому отношение к евроинтеграции было и остается важной детерминантой деления политической сцены, отношения к истории, модели польской демократии, т.е. речь идет о двух различных и конкурирующих подходах к внутренним и международным делам. Диспут по поводу собственной идентичности доминирует в стране над диспутом по поводу Европы. Вовлеченность Польши в дела ЕС,

заклучают в ИСП ПАН, еще долгое время будет обусловлена национальной политикой и внутривполитическими разногласиями²³.

Двадцатилетие – достаточно продолжительный период для изменения форм собственности, институциональной, политической и экономической среды, но слишком короткий для существенных культурных сдвигов. Так, современная Польша – одна из стран с чрезвычайно динамичным уровнем образования. Численность учащихся вузов возросла здесь за 20 лет с 400 тыс. до 2 млн. чел. Произошел подлинный образовательный бум. Рост ценности образования, особенно высшего, считают в стране одним из важнейших результатов трансформации. Однако нынешняя образовательная политика ведет к воспроизводству социального неравенства, когда положение молодых людей оказывается отражением образовательного и финансово-экономического статуса их семей. Низкий социальный статус и неблагоприятные образовательные, экономические и культурные условия семьи, как показали исследования, строго ограничивают образовательные возможности детей, привязывая их к тому же социальному классу, шансы перемещения из которого «наверх», как правило, невелики²⁴. Выходцы из наиболее обеспеченных семей получают высшее образование в 10 раз чаще, чем молодежь из бедных семей, существующих на уровне ниже прожиточного минимума²⁵.

Анализируя региональные различия в уровне образования, польские авторы пришли к выводу, что старые линии деления городских и сельских территорий уступили место делению на крупные города и остальную страну. Крупные города превратились в ключевые образовательные центры и рынки труда для высококвалифицированной рабочей силы. В последние два десятилетия общественной трансформации различия между городской и сельской местностью в уровне образования населения возросли. Таким образом, люди разного социального происхождения, места жительства и уровня доходов обладают неравными возможностями, предопределяющими условия их вступления во взрослую жизнь. Специалисты выражают обеспокоенность по поводу того, что образовательное неравенство ведет к закреплению основных социальных делений, общество теряет черты открытости, а это затрудняет присоединение Польши к европейской группе просвещенных и модернизированных обществ.

В то же время, иерархию профессионального статуса, как и в период социализма, в Польше возглавляет университетский профессор. Уровень доходов, предоставляемых отдельными профессиями, при новом порядке стал цениться гораздо выше, чем раньше, но не за счет образования. Последнее в польском обществе как обществе меритократическом считается наиболее ценным, даже среди самых бедных слоев населения. На образова-

ние детей бедные тратят значительную долю (10%) семейного бюджета, не удовлетворяющего базисные потребности²⁶.

Образовательное неравенство имеет выраженную социально-классовую основу и продолжает усиливать социальное деление, хотя с каждым годом молодые люди из рабочего класса или фермерского происхождения проявляют все больший интерес к получению высшего и общего среднего образования. Но этим устремлениям, свидетельствует практика, редко суждено осуществиться, что вызывает разочарование людей системой, принесшей свободу, но не справедливость для всех.

За исключением начальной школы в Польше отсутствует тип школ, в которых представленность учащихся из отдельных классов и слоев общества соответствовала бы принципу пропорциональности этих групп в социальной структуре. А доступность учебы в университете считается в прямом смысле наследственной. Таким образом, образовательная революция 1990-2009 гг. лишь углубила существующие структурные и экономические различия, воспроизводя «замкнутый круг» бедности²⁷.

Обнаружена и другая тенденция: резкий рост количества учащихся вузов сопровождался отчетливым снижением качества образования – в средней и высшей школе, особенно в частных вузах, за счет которых в основном и шел рост численности студенчества. Обучение в бесплатных государственных вузах стало элитарным и труднодоступным. Учащийся такого вуза крестьянского или рабочего происхождения является скорее исключением, чем правилом. Если дети из этих семей получают высшее образование, то, как правило, в частных платных вузах. Их учеба финансируется всей семьей, часто за счет основных жизненных потребностей. Однако в частных вузах стандарты образования ниже, чем в государственных. В результате студенты из бедных семей оказываются обманутыми дважды: они платят за что-то неспособное обеспечить им возможность достойной работы и конкурентоспособной квалификации²⁸. В целом, драматический разрыв в образовательных возможностях бедных и богатых сохраняется, способствуя все большему закреплению социальной структуры. В этой связи следует учитывать, что чувство несправедливости, вызванное неспособностью достичь определенных социальных позиций при социализме, провозглашавшем социальное равенство, было сильней, чем после его падения. Последнему в немалой степени способствовало разочарование в возможностях достижения желаемых профессиональных позиций.

Польские обществоведы склонны считать, что в их стране с трудом преодолевается наследие консервативной, закрытой для инноваций культуры сельского типа. Как и большинство стран Центральной и Восточной Европы, Польша не пережила в полной мере процессы урбанизации и индуст-

риализации. Модернизационные сдвиги, происходившие на Западе при жизни ряда поколений, осуществились в Польше в течение десятилетия: менялось положение социальных групп, некоторые профессии переставали существовать и заменялись другими. Это вызывало истерию, агрессию, иррационализм, а также недоверие и неуважение к установившемуся порядку.

В прошлом главной осью общественного конфликта было отношение между «миром власти» и «миром труда». После произошедших перемен критическое восприятие власти вернулось. Общественная структура вновь воспринимается людьми в категориях «мы» и «они». Под «они» подразумевается не только элита власти, как раньше, а также «выигравшие» от трансформации и больше всего нажившиеся на ней. Исследования общественного мнения указывают на стабильный критицизм решающего большинства поляков – независимо от социальной принадлежности и уровня образования – в отношении чрезмерных и возрастающих материальных различий между людьми, убежденность в недостатке равенства шансов для обогащения, крепнущее ожидание более эгалитарной политики доходов со стороны государства. В оценке структуры общества преобладает представление не только о ее крайней дифференциации, но и о выразительной тенденции дальнейшей дихотомизации, о разделении на богатых и бедных, «выигравших» и «проигравших». Посттрансформационная структура общества, в сущности, не утратила своих классовых особенностей, а создала их новые полюса. Сохраняется традиционный классовый конфликт, который лишь проявляется в модифицированных формах²⁹.

Социально-экономическая проблематика никогда в период после 1989 г. не играла роли действительно разделяющего политические группы Польши фактора. Хотя политики из консервативной партии «Право и справедливость» часто, особенно в период избирательных компаний, выдвигали социальные лозунги, такие как «Польша Солидарности» в противовес проекту «Либеральной Польши», идентифицирующемуся с Гражданской платформой, но, находясь у власти, они проводили социальный и экономический курс, не отличавшийся от политики либерального и посткоммунистического социал-демократического правительства³⁰. Таким образом, можно констатировать, что структура политической сцены и направленность социально-экономических преобразований в стране в последние два десятилетия недостаточно соответствуют как динамике социальной структуры, характеризующейся нарастающим классовым неравенством, так и вектору общественного мнения.

Примечания

- ¹ *Szczepański M.S., Śliz A.* The transition from socialist to a market economy. Privatization: the point of view of the Polish society // Polish sociological review. 2010. № 2.
- ² Polacy równi i równiejsi. Warszawa: Instytut studiów politycznych Polskiej Akademii Nauk, 2010. S.10.
- ³ Poland and its people in united Europe. Warsaw: Institute of political studies, Polish Academy of Sciences, 2011. S. 191.
- ⁴ Polacy równi i równiejsi. S. 71, 73.
- ⁵ Ibid. S. 117.
- ⁶ Ibid. S. 8.
- ⁷ Ibid. S. 129.
- ⁸ Poland and its people in united Europe. S. 62-63.
- ⁹ Ibid. S. 72.
- ¹⁰ Ibid. S. 155.
- ¹¹ *Mach B.W.* Transformacja ustrojowa a mentalne dziedzictwo socjalizmu. Warszawa: Instytut studiów politycznych Polskiej Akademii Nauk, 1998.
- ¹² Poland and its people in united Europe. S. 167.
- ¹³ *Jarosz M.* Władza. Przywileje. Korupcja. Warszawa: Instytut studiów politycznych Polskiej Akademii Nauk, 2004. S. 29-30.
- ¹⁴ Poland and its people in united Europe. S. 173-174.
- ¹⁵ Wykluczeni. Wymiar społeczny, materialny i etniczny. Warsaw: Instytut studiów politycznych Polskiej Akademii Nauk, 2008. S. 101-103.
- ¹⁶ Poland and its people in united Europe. S. 181.
- ¹⁷ *Szawiel T.* Democratic consolidation in Poland: support for democracy, civil society and the party system // Polish sociological review. 2009. № 4. S. 490.
- ¹⁸ Polacy równi i równiejsi. S. 305.
- ¹⁹ Ibid. S. 314.
- ²⁰ *Szawiel T.* Democratic consolidation in Poland: support for democracy, civil society and the party system. S. 504.
- ²¹ Polacy równi i równiejsi. S. 222.
- ²² *Zarycki T.* From soviet to a western-dominated political scene. The geopolitical context of politics in Poland. / Cultural transformations after communism: Central and Eastern Europe in focus. Lund: Nordic Academic Press, 2011. S. 104.
- ²³ Poland and its people in united Europe. S. 232-233.
- ²⁴ *Jarosz M.* Władza. Przywileje. Korupcja. S. 105.
- ²⁵ Wykluczeni. Wymiar społeczny, materialny i etniczny. S. 145.
- ²⁶ *Jarosz M.* Władza. Przywileje. Korupcja. S. 136-137.
- ²⁷ Poland and its people in united Europe. S. 245.
- ²⁸ *Domański H.* Nowe ognia nierówności edukacyjnych w Polsce // Studia socjologiczne. 2010. № 1.
- ²⁹ Polacy równi i równiejsi. S. 37, 43.
- ³⁰ *Zarycki T.* From soviet to a western-dominated political scene. The geopolitical context of politics in Poland. S. 103.

VI. Актуальные проблемы славянского языкознания

Т.И. Вендина

(Институт славяноведения РАН, Москва)

О некоторых новых принципах лингвогеографического изучения диалектной лексики: «Лексический атлас русских народных говоров»*

Abstract:

Vendina T.I. *On Some New Principles of Linguistic and Geographic Study of a Dialect Vocabulary: A Lexical Atlas of Russian Folk Dialects.*

The article is dedicated to the history of linguistic and geographic study of dialect vocabulary. Speaking about preliminary outcomes of such a study, the author emphasizes the system approach to the principles of selection and cartographic representation of the material that became the basis of the “Lexical Atlas of Russian Folk dialects”.

Ключевые слова: диалектология, лингвистическая география, атлас.

XX век в истории диалектологии ознаменован своеобразной «диалектологической революцией» (Ж. Фурке), обеспечившей победу лингвистической географии. Он открывается знаменитыми атласами Франции Ж. Жильерона и Э. Эдмона (*Atlas linguistique de la France*. Paris 1902 – 1910), Германии Г. Венкера (*Sprachatlas der Rheinprovinz*. Marburg 1926), Румынии Г. Вейганда (*Linguistischer Atlas des daco-rumänischen Sprachgebiets*. Leipzig 1889 – 1909), а заканчивается публикацией очередных томов Общеславянского и Европейского лингвистических атласов.

Процесс становления лингвогеографии как науки был довольно трудным и не всегда триумфальным: в начале XX в. результаты лингвистической географии часто ставились под сомнение. Известно, например, что карты атласа Г. Венкера, вдохновленного идеями младограмматиков, не подтвердили их тезиса о регулярности действия фонетических законов, так как не обнаружили четких ареалов континуантов этих фонетических законов. Спорными оказались и результаты картографирования лексики в лингвистическом атласе Франции Ж. Жильерона: они были настолько неожиданными, что заставили создателя атласа высказать даже сомнения в существовании диалектов. Только лишь в конце XX в. лингвистическая география прочно заняла свои позиции, став одним из важнейших источников лингвистической информации о внутренней динамике языковых, этнических и культурных процессов.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-04-00-160 «Русская диалектная лексика в лингвогеографическом аспекте»)

За прошедшие сто лет многое изменилось в лингвогеографических исследованиях: сложились новые представления о типах атласов и карт, их репрезентативных возможностях в решении этноязыковых и культурно-исторических задач. И сегодня диалектологические атласы различаются между собой не только территорией картографирования, но и целями, и соответственно характером представленных в них карт, объектом и способом картографирования.

В то же время следует отметить, что на протяжении всего XX в. в лингвогеографии удивительно устойчивой была сама научная идеология, ее, так сказать, приоритеты, поскольку в центре внимания диалектологов находились прежде всего факты диалектной фонетики, которые оценивались как наиболее существенные при определении диалектных различий. Это во многом объясняется тем, что в диалектологии еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к лексике и словообразованию¹ как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Вспомним хотя бы как много нападок выдержал лексический атлас Ж. Жильерона, ошеломляющим открытием которого явилось то, что диалектные границы растворились в отдельных линиях, так что вообще стали сомневаться в понятии диалекта (Бородина 1966: 34). Вследствие этого лексические диалектизмы (судьбы которых действительно часто оказывались индивидуальны) традиционно считались нерелевантными для целей лингвистической географии. Именно поэтому в центре внимания диалектологов долгое время были главным образом фонетические и морфологические различия. Не могу в связи с этим не привести слова известного румынского диалектолога Й. Йордана, который, описывая историческое развитие романской лингвистической географии, указывал на то, что при «изучении народных говоров... большое внимание уделялось звукам, затем грамматическим формам и значительно меньше – синтаксическим конструкциям. Словарный состав почти совершенно не учитывался. Хотя такие исследования часто сопровождались записями народных текстов в стихах и прозе, собранных в местностях, говоры которых были предметом исследования» (Йордан 1971: 218). Эта ситуация была характерна не только для романской лингвистической географии, но и для славянской.

Объяснение ее, как представляется, следует искать в самом феномене фонетических диалектных различий, поскольку на уровне фонетики диалектные различия прослеживаются действительно ярче всего. Пронизывая всю толщу языка, они охватывают огромное количество слов, поэтому именно фонетические признаки были долгое время в центре внимания диа-

лектологов, и лишь значительно позднее привлекли к себе внимание признаки морфологические. По-видимому, именно этим обстоятельством объясняется и тот факт, что в программах многих диалектологических атласов было, как правило, мало вопросов, относящихся собственно к лексике и словообразованию.

Лишь значительно позднее, когда сформировалось понятие диалекта как исторически развивающейся языковой категории (а не как языковой фикции или «произвольной концепции нашего ума» (П. Мейер²), в диалектном слове увидели возможность прикоснуться к истории языка того или иного народа, его культуре, ибо то, что оказалось утраченным в литературном языке, прекрасно сохранялось в его диалектах. Постепенно пришло и осознание глубокой связи диалектного слова с «духом народа», его национальной самобытностью, традиционной духовной культурой, ср., например, высказывания глубокого знатока славянской древности А.Н. Афанасьева, который задолго до младограмматиков указывал на то, что «областные словари сохраняют множество стародавних форм и выражений, которые столь же важны для исторической грамматики, как и для бытовой археологии. Положительно можно сказать, что без тщательного изучения провинциальных особенностей языка многое в истории народных верований и обычаев останется темным и неразгаданным» (Афанасьев 1994 т. I: 21).

Однако осознание этого факта мало что изменило в стратегии лингво-географических исследований. Если попытаться проанализировать корпус вопросов, включаемых обычно в программы диалектологических атласов, посвященных уровневому освещению фактов диалектологии национального языка, то окажется, что многие атласы, при всем различии стоящих перед ними целей и решаемых в них задач, объединяет сам принцип отбора материала: наиболее полное освещение в них получают факты фонетики как самые релевантные при решении вопроса диалектной дифференциации национального языка; что касается лексических различий, то хотя в словарном составе языка они признаются «структурно наиболее значительными» (Ивич 1963: 19), однако важность их, как правило, недооценивается, в связи с чем отражение их во многих атласах носит несистемный и фрагментарный характер, следствием чего является частая семантическая несоотнесенность картографируемых в них лексем.

Эта атомарность и несистемность лексической части вопросников как национальных, так и региональных атласов во многом объясняется сложностью и необъятностью самого предмета исследования, трудностью сбора и систематизации лексического материала, а также, по-видимому, и тем, что в период их создания была еще не разработана общая типология подходов к выявлению диалектных различий на уровне лексики и словообразования. В

связи с этим в атласах эксплицировались часто только те диалектные различия, которые были уже известны как релевантные для данной территории.

Осознание ограниченности знаний по географии диалектной лексики и в то же время необходимость в установлении точных ареалов диалектных слов побуждали исследователей восполнять этот пробел путем включения лингвистических карт в диалектные словари и диалектологические исследования, посвященные частным проблемам лингвогеографии. Образцом такого сочетания диалектной лексикографии с лингвистической географией послужила польская серия диалектной лексикографии под ред. В. Дорошевского, а позднее М. Шимчака «Słownictwo Warmii i Mazur» (Wrocław, 1958). Опыт польских ученых был использован и российскими учеными при создании «Псковского областного словаря» (1967), в 1-ом и 2-ом выпусках которого содержится несколько словарных статей, сопровождаемых картами (см., например, словарные статьи слов *бабурка*, *баркан*, *бор*; названия *Ledum Palustre*, название мелколепестника острого *Egiregon acer*). Однако такой способ репрезентации материала в словаре был в диалектологии довольно редким явлением, в связи с этим в лингвистической географии все острее ощущалась необходимость создания лексических атласов, которые позволили бы выяснить границы распространения диалектного слова на всей территории того или иного языка.

Лексикографическое и монографическое изучение диалектной лексики, особенно интенсивно начавшееся после Второй мировой войны, существенно расширило представления о составе и характере диалектных различий на уровне лексики и словообразования. Работы диалектологов позволили выявить структуру многих семантических групп, а также выяснить, в каких семантических сферах языка эти диалектные различия возникают чаще всего и с чем они оказываются связаны – с разным обозначением тех или иных понятий, с разной морфемной структурой однокоренных слов, с разной семантикой одних и тех же слов, или наличием ~ отсутствием тех или иных слов при обозначении реалий внешнего мира. Так со временем пришло осознание не только необходимости, но и перспективности изучения диалектного слова методами лингвогеографии.

Существующие сегодня региональные лексические атласы (см., например, «Закарпатский лексический атлас» И.А. Дзэндзелевского, «Лексический атлас Правобережного Полесья» Н.В. Никончука или «Лексический атлас гуцульских диалектов украинского языка» Я.Ригера, «Лексический атлас Московской области» А.Ф. Войтенко и «Лексический атлас Архангельской области» Л.П. Комягиной и др.) реально доказали плодотворность исследования лексики методами лингвогеографии. На картах этих атласов не только четко вырисовываются ареалы отдельных слов, но и про-

слеживается географическая повторяемость границ распространения целого ряда слов, принадлежащих к различным тематическим группам лексики.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в разработке программ некоторых лексических атласов (см., например, «Лексический атлас Московской области» А.Ф. Войтенко или «Лексический атлас Архангельской области» Л.П. Комягиной) по-прежнему сохранялась старая стратегия лингвогеографических исследований. При отборе лексем для картографирования по-прежнему использовался не системный, а дифференциальный подход, отсюда стремление представить в Атласе только те диалектные слова, которые являются специфическими для данной местности названиями предметов, действий или явлений или же дают ярко выраженные ареалы.

Однако такой дифференциальный подход к диалектной лексике (уходящий своими корнями в те времена, когда о диалекте существовало представление как об «испорченном» литературном языке), не позволяет рассматривать диалектную лексику в системном плане. Карты этих атласов реально доказали справедливость суждений Н.И. Толстого, который еще в 60-е годы писал о том, что «способ картографирования одиночных лексем и семем (“от слова к значению” и “от значения к слову”) недостаточен и мало перспективен, необходимо картографирование хотя бы небольших семантических полей с определением дистрибуции лексем и их словообразовательно-деривационных возможностей» (Толстой 1964: 39). Следует, однако, признать, что даже при таком, атомарном, подходе к отбору лексики для картографирования лингвистическая география серьезно продвинулась в пространственном изучении диалектного слова. Таким образом, идея изучения диалектной лексики того или языка с помощью методов лингвогеографии постепенно завоевывала признание, и к концу XX в. она оказалась уже в числе актуальных.

Итак, логика развития славянской лингвистической географии поставила перед диалектологией вопрос о необходимости создания лексических атласов принципиально нового типа. В их основе должен лежать не дифференциальный, а системный подход к принципам отбора и картографирования материала. Со всей очевидностью стало ясно, что существовавший долгое время в лингвогеографии дифференциальный подход к картографическому освоению диалектной лексики должен быть преодолен, поскольку он «не дает возможности рассматривать диалектную лексику в системном плане и затрудняет, а иногда и делает невозможным ее исследование в сравнительно-типологическом» (Толстой 1997: 245). При дифференциальном подходе к диалектному слову предметом внимания являются лишь регионализмы, слова же, имеющие общерусское распространение в исследовании не учитываются, потому что априори принимается презумп-

ция повсеместного распространения литературной лексики. Это отсутствие в большинстве диалектных словарей и атласов литературной лексики не позволяет выявить ареалы литературных слов и тем самым определить направление диалектных потоков в истории формирования литературного словаря. Между тем публикация «Лексического атласа белорусских народных говоров» показала, что «презумпция повсеместного распространения литературной лексики оказывается справедливой далеко не для всех слов литературного языка, достаточно широкий круг слов литературного языка оказывается связанным с определенными диалектными ареалами» (Толстая 1995: 263). Проведенный С.М. Толстой анализ карт «Лексического атласа белорусских народных говоров» в плане ареального соотношения литературной и диалектной лексики показал, что на картах отчетливо обнаруживаются две крайних ситуации, а именно: «полное отсутствие или спорадичность литературного слова на диалектной карте и повсеместное, практически не ограниченное распространение слова, при котором другие диалектные лексемы оказываются лишь вкраплениями» (Толстая 1995: 264). Постепенно в лингвистической географии утверждается новая парадигма диалектологических исследований, когда в центре внимания оказывается не отдельное слово, а вся лексическая система диалекта, во всей сложности ее единиц и связывающих их отношений.

Так родилась идея создания «Лексического атласа русских народных говоров», построенного на принципиально новых началах. Эта идея **возникла** еще в 70-е годы, когда на совещании по Общеславянскому лингвистическому атласу (ОЛА), проходившему в Ленинграде, И.А. Попов выступил с докладом, в котором, обосновывая необходимость изучения диалектной лексики в лингвогеографическом аспекте, предложил развернуть работу по созданию Лексического атласа русских народных говоров. Уже тогда было очевидно, что отечественная диалектология не располагает сведениями о диалектных различиях на уровне лексики, данные о которых в большинстве своем носили обрывочный характер. Однако более важными оказались тогда экстралингвистические факторы, чем собственно научные, и реализация этой идеи отодвинулась на двадцать с лишним лет³. За это время в силу естественных языковых процессов многое в диалектах было утрачено, а из науки и из жизни ушло много по-настоящему талантливых диалектологов, любивших и умевших по достоинству оценить диалектное слово. И в этом смысле судьба русской диалектной лексикологии и лингвогеографии оказывается сегодня безысходной, чтобы не сказать трагической, учитывая стремительное разрушение диалектов под натиском волн литературного языка.

Следует отметить, что в реализации этой идеи важное значение имела работа над «Диалектологическим атласом русского языка» (ДАРЯ), которая развернулась сразу после войны в 1947 г. «Существенной особенностью Атласа, – писали его составители, – является то, что в нем равное внимание уделяется всем сторонам языка: словарному составу, грамматическому строю, фонетической системе» (Атлас русских народных говоров... 1957: 14). Однако раздел “Лексика” в «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» занимает довольно скромное место (он содержит всего 154 вопроса, из которых 52 относятся к семантике ряда слов, большей частью архаизмов). Это во многом объясняется общим уровнем развития диалектологии, и, прежде всего недостаточной изученностью диалектной лексики к моменту составления этой Программы, отсутствием соответствующих монографий, а главное – необходимого количества диалектных словарей, равномерно представляющих основные группы говоров. Именно поэтому «круг вопросов, включенных в раздел лексики, оказался довольно случайным и не связанным с изучением лексики как системы», – писал один из создателей этого Атласа Р.И. Аванесов. Лексических карт в Атласе «могло бы быть значительно больше, если бы лексика русских диалектов была в большей степени изучена ко времени составления программы». Завершая свои размышления по этому поводу, он, однако, замечает, что «в дальнейшем, по мере развития монографического изучения лексики русских диалектов и выявления словарных и семантических диалектных различий, возможно создание новой серии атласов русских говоров, посвященных лексике и семантике» (Атлас русских народных говоров... 1957: 8).

В опубликованном сегодня III томе ДАРЯ, посвященном лексическому уровню языка, содержится всего 75 карт, большую часть из которых составляют собственно лексические карты, подготовленные по материалам ономастического раздела «Программы» Атласа, и лишь несколько карт семантических. Карты, представленные в этом выпуске ДАРЯ, охватывают фрагменты следующих тематических групп лексики, относящейся к области материальной культуры: 1) постройки и их части (например, названия крестьянского жилища, хода в подполье, построек и помещений для скота при доме, постройек для зерна, хозяйственного инвентаря и кормов и др.); 2) домашняя утварь (например, названия колыбели, посуды, в которой замешивают тесто, ковша, глиняной посуды для молока, орудия для выколачивания белья при стирке, названия ухвата, сковородника и др.); 3) одежда (например, названия верхней мужской одежды, заплаты, вязаных, кожаных или матерчатых рукавиц и др.); 4) пища (названия каши из муки); 5) сельскохозяйственные орудия (например, названия сохи, цепа, косы и их частей); 6) полеводство и огородничество (например, названия малых и больших укла-

док снопов в поле, построек и сооружений для сушки снопов, жерди, скрепляющей укладку снопов, всходов зерновых культур, глаголы со значением 'пахать' и 'бороновать', общее название сжатого поля, а также сжатого поля после различных зерновых культур, значение слова *жито*, названия коллективной помощи в сельской работе, слова, обозначающие период работы без перерыва, и др.); 7) животноводство и птицеводство (например, способы наименования лошади в начальные периоды ее жизни, названия петуха, цыплят, прилагательные *жерёбая*, *суягная* и их соответствия, глаголы *ржать*, *мычать*, *блеять*, *лаять* и их соответствия, подзывные слова для лошадей и коров и т.д.). Общее количество карт Атласа определялось, естественно, не столько возможностями материала, сколько условиями публикации. Понятно, что это лишь малая часть того лексического богатства, которое предстоит еще выяснять.

Между тем работа над ДАРЯ имела важное значения для научного осмысления теории системного подхода при лингвогеографическом изучении лексики. В ходе работы над Атласом стало ясно, что «показ на карте лишь ареалов отдельных слов, диалектных по звуковой форме или по значению, не отвечает современному состоянию диалектологии и диалектной лексикологии как сугубо атомарный по подходу» (Мораховская 1994: 18).

В связи с этим при обсуждении Программы «Лексического атласа русских народных говоров» решено было отказаться от дифференциального подхода и положить в ее основание системный принцип к отбору, интерпретации и картографической репрезентации материала. Эта ориентация на системный подход в лингвогеографическом изучении диалектной лексики предопределялась, с одной стороны, современной методикой изучения словарного состава территориальных диалектов, а с другой – требованиями самой лингвистической географии, объектом картографирования которой являются не разрозненные, а системные факты.

Таким образом, общий подъем лексикологических исследований диалектной лексики, ориентированных на выявление системных отношений, преодоление научного скепсиса в правомерности применения понятий «системы», «системности» к лексике и семантике, а главное – успехи, достигнутые лингвистической географией в картографировании диалектных различий на уровне лексики и словообразования, убедительно доказали, что широкий круг проблем, связанных с пространственным изучением лексико-семантического уровня языка, может быть решен только при условии все-стороннего охвата диалектного материала и более углубленного подхода к его собиранию и описанию.

Что же такое системный принцип в лингвогеографическом изучении лексики?

Системный подход к отбору материала предполагает прежде всего равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка. Включение в программу лексического атласа лексики литературного языка мотивируется не только требованием системности, но и самой языковой логикой, поскольку эта лексика образует основной костяк народного словарного запаса, игнорировать который просто нерационально. Кроме того, снятие этих ограничений дает возможность исключить искусственные лакуны в составе программы, которые всегда возникают при дифференциальном подходе.

Поскольку основными понятиями общей теории систем являются «целостность», «элемент», «структура», «связи», системный подход при лингвогеографическом изучении диалектной лексики, в отличие от атомарного, предполагает не только равное внимание к любому члену диалектного различия, но и внимание к тем отношениям и связям элементов системы, которые пронизывают всю лексику языка. Поэтому реализация системного принципа в отборе картографируемого материала потребовала, с одной стороны, существенного увеличения объема вопросника, а с другой – учета системообразующих связей лексических единиц, поскольку любая система являет собой внутренне организованную совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Учет системообразующих связей лексических единиц в свою очередь предполагает выявление семантической структуры как отдельного слова, так и лексико-семантических групп, выделения тематических групп, семантических микрополей, словообразовательных гнезд и т.д. Причем учет этих системных отношений в лексике реализовывался уже на самом начальном этапе работы над атласом, при разработке его программы, так как «отсутствие заранее запрограммированной семантической сетки с максимальным набором дифференциальных признаков может привести к опущению важного материала» (Толстой 1963: 29).

Подход к языку как к системе при разработке программы лексического атласа выразался и в том, что было последовательно проведено разграничение собственно лексических фактов и фактов, относящихся к другим сторонам языка.

Задача Атласа – показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров – лексические и семантические различия в организации тематических групп слов, семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования.

Понятно, что ввиду обширности лексической системы ни один атлас не может во всей полноте отразить системный характер лексики диалектов того или иного национального языка. Реально возможным для него является

изучение определенного (но все-таки довольно широкого) круга тематических, лексико-семантических, словообразовательных групп и семантической структуры отдельных слов.

Именно по этому пути и пошли создатели Программы Лексического атласа русских народных говоров.

Программа Атласа включает более 5 тыс. вопросов, касающихся лексики, типичной для социального уклада, среды обитания и быта сельских жителей и отражающей специфику русской языковой картины мира. Такое значительное количество вопросов должно существенно увеличить возможность выявления системообразующих связей в лексике говоров. В основу составления вопросника был положен критерий значимости реалии в традиционной материальной и духовной культуре. Ввиду обширности макросистемы диалектного языка (территориальные границы атласа простираются от Белого до Черного моря, а на востоке – до Урала, т.е. они значительно шире, чем в Диалектологическом атласе русского языка и в русской части Общеславянского лингвистического атласа), Программа строится по тематическому принципу, что само по себе способствует восприятию материала в этнокультурном контексте, поскольку подспудно выявляет материальные и духовные ценности традиционной культуры. Она состоит из следующих крупных разделов – природа (растительный и животный мир, ландшафт, метеорология), человек (анатомические названия, различные особенности человека, характеристика личности, социальные отношения; семья и семейные отношения; народная медицина), трудовая деятельность (полеводство огородничество, садоводство, животноводство, птицеводство, пчеловодство, ткачество, промыслы: рыболовство, охота; ремесла: плотницкое, гончарное, кузнечное дело); материальная культура: крестьянское жилище, хозяйственные постройки, строительство; домашняя утварь, крестьянская одежда, обувь, головные уборы, рукавицы, украшения; питание (пища, напитки и их приготовление), пути сообщения и средства передвижения; традиционная духовная культура (верования, обряды, праздники и развлечения, игры). Внутри этих разделов выделяются более узкие тематические группы. Вопросы формулируются от значения к слову и от слова к значению, что дает возможность выявить структурно-семантические и деривационные различия диалектного слова.

Системный подход к диалектному материалу отразился не только в его отборе, но и в картографической репрезентации. Поскольку объектом картографирования является лексика, не имевшая ранее в большинстве своем точных территориальных координат, то при обработке материала и составлении карты автор учитывает весь материал карты (за исключением единичных или не соответствующих теме карты ответов), а не только тот, который

логично укладывается в его концепцию, позволяя выделить четкие ареалы (и в этом также проявляется новация ЛАРНГ, для которого «любой тип лингвистического ландшафта представляет интерес, давая материал для интерпретации» (ЛАРНГ. Проект 1994: 57).

Вместе с тем следует отметить, что весь этот материал автором определенным образом препарируется с целью выявления разного плана диалектных различий, что специально оговаривается в комментарии. Поэтому карты ЛАРНГ дают в руки читателя не «сырой» материал, который еще предстоит осмыслить и определенным образом классифицировать, а материал, подвергшийся дифференциации и авторской интерпретации. При этом к каждой карте прилагается сводный индекс материалов, который позволяет читателю не только проверить авторскую версию карты и оценить правомерность его решений, но и самому составить представление о характере диалектных различий.

Значение этого атласа для русской диалектологии определяется, с одной стороны, спецификой объекта исследования, с другой – самого жанра исследования, с третьей – спецификой методики исследования, а с четвертой – спецификой способа исследования, а точнее способа репрезентации материала на карте.

Специфика о б ъ е к т а исследования – картографирование основных звеньев словарного состава русских народных говоров – определяет значение ЛАРНГ не только для русистики, но и в целом для славистики, поскольку впервые русский диалектный материал может быть рассмотрен в восточнославянском и шире – в общеславянском контексте, чему способствует сама Программа ЛАРНГ, при составлении которой учитывались Программы белорусского и украинского лексических атласов, а также Общеславянского лингвистического атласа.

Специфика ж а н р а исследования – лексический атлас – связана с особым отношением к фактической базе ЛАРНГ, поскольку обычно в лингвистических атласах предметом картографирования являются диалектные различия, п р е д а р и т е л ь н о уже у с т а н о в л е н н ы е в ходе изучения соответствующих диалектов (ср. в связи с этим слова Л.Л. Касаткина, который, определяя специфику диалектологического атласа, пишет, что «атлас диалектологический дает сведения о территориальном распределении заранее известных явлений» [ЛЭС: 51]). Что касается лексического атласа, то здесь такого ограничения нет, поскольку на сегодняшний день мы не располагаем информацией не только об ареалах многих диалектных слов (особенно об их семантической структуре), но и самом их инвентаре: «из общего количества известных по областным картотекам и словарям диалектных слов (около 250 тыс.) изоглоссы определены едва ли для 1% (карты ДАРЯ и

некоторые другие источники)» [ЛАРНГ. Проект 1994: 5]. Таким образом, создание Лексического атласа русских народных говоров является одной из актуальных задач русской диалектологии. И не только потому, что нам неизвестны границы распространения многих диалектных слов, но и потому, что на современном этапе развития социальной жизни процессы изменения говоров, утраты в них специфически диалектного протекают особенно интенсивно (в связи с этим собирание материала должно проводиться по максимально полной программе).

Специфика с п о с о б а исследования – компьютерное картографирование – дает возможность оперативно вести обработку материала по любому из задаваемых параметров, обеспечивая надежность и проверяемость картографируемых фактов, а главное – автоматическое создание карты. При этом компьютерная программа ЛАРНГ позволяет не только автоматически картографировать материал, но и проводить с ним всевозможные ареалогические манипуляции: разгружать и упрощать карту, представляя на ней лишь одно диалектное различие, определять ареал того или иного картографируемого слова, выделять этот ареал с помощью иного картографического средства – заливки или штриховки и т.д. Поэтому к каждой карте может быть легко создана карта-дубль, представляющая самые важные, с точки зрения автора, диалектные различия, которые впоследствии получают отражение на сводной карте изоглосс.

Компьютерная форма хранения и обработки материала помогает не только осуществлять автоматическое создание любой карты, но и дает возможность шире использовать статистические и автоматические методы исследования для решения проблем лингвогеографии.

Специфика м е т о д и к и исследования – системный подход к отбору, интерпретации и картографической репрезентации материала, который неоднократно был опробован и прекрасно себя зарекомендовал во многих монографических, лексикографических исследованиях диалектной лексики, а также в Программах Лексических атласов белорусского и украинского языков. Использование этого подхода диктовалось, с одной стороны, современной методикой изучения словарного состава территориальных диалектов, а с другой – требованиями лингвистической географии, объектом картографирования которой являются не разрозненные, а системные факты.

Составители Программы использовали методику системного анализа и при отборе материала и формулировке вопросов учитывали не только дифференциальные, но и интегральные семантические признаки, лежащие в основе формирования лексико-семантических микрогрупп, например, в лексико-семантической группе ‘дождь’ принимались во внимание такие интегральные и дифференциальные семантические признаки, как ‘интенсивность

дождя', 'его длительность', 'размер осадков', 'их количество', 'температура' и т.д., поэтому, кроме общего названия дождя, в Программу были включены следующие вопросы: 'небольшой кратковременный дождь' (*дождек, дождец...*), 'затяжной, ненастный дождь' (*дожджова, замочь, обложник, глухое ненастье...*), 'мелкий дождь' (*бус, бусенец, облог, подсевок, ситник...*), 'теплый грибной дождь' (*грибник, грибовик, грибовник...*), 'проливной дождь, ливень' (*дожджака, залив, завальный дождь ...*), 'дождь со снегом' (*облой, обморозь...*), 'мелкий частый (о дожде)' (*бусой, спорный...*), 'обильный, проливной' (*грудный, завальный, залевный, залойный ...*), 'идти (о дожде)' (*дождевиться, дождать, западать...*), 'начинаться, накрапывать' (*замолаживаться, задождять, запасть, затрусить...*), 'моросить' (*бусить, бухмариться, заморгосить, замийть...*), 'сильно идти, лить' (*бучить, дождать, запластывать...*), 'дождливый' (*дождевитый, дождяной, замолчливый...*), 'отсутствие дождя' (*недождь...*).

Системный принцип отбора материала проявился и в том, что при формулировке вопросов Программы учитывалась специфика регулярных синтагматических и парадигматических связей в лексике. В основе этих связей лежат принципы подчинения и соподчинения, включения и соположенности (родо-видовые и совидовые отношения), равнозначности (или синонимии), противоположности (или антонимии), целого и его части. Поэтому в вопросник Программы были включены родовые и видовые наименования, совидовые наименования с противоположными значениями, названия целого и его частей, т.е. все то, что составляет понятие системных отношений (ср., например, следующие вопросы Программы Атласа: Л 1 'лес' (о.н.); Л 3 'лиственный лес' (о.н.), Л 4 'хвойный лес' (о.н.); Л 5 'смешанный лес' (о.н.) и др.; Л 20 'молодой лес из деревьев разных пород'; Л 21 'старый лес из деревьев разных пород'; Л 24 'большой, обширный лесной массив'; Л 25 'небольшой лесок, роща'; Л 29 'поваленный бурей лес'; Л 30 'сломанное бурей дерево'; Л 35 'сухое дерево'; Л 37 'сухая вершина дерева' и т.д.

Таким образом, в Программе нашли отражение, с одной стороны, внелингвистические признаки (взаимосвязанные природные или социальные явления), а с другой – собственно лингвистические (разнообразные дифференциальные и интегральные признаки слов, входящих в одну лексико-семантическую группу или семантическое поле), что позволило последовательно провести принцип семантности в отборе материала.

Системный принцип был положен и в основу репрезентации картографируемого материала. Он связан с разработкой методики комментирования материала, представленного на карте. Каждую карту сопровождает комментарий, выполненный в соответствии с алгоритмом, единым для всех карт атласа. Он включает такие необходимые элементы, как объяснение пробле-

матики карты, характеристику картографируемого материала и тех диалектных различий, которые получают отражение на карте, принятую систему картографических средств, указания на сомнительные названия, которые дисквалифицируются автором по той или иной причине, замечания эксплораторов о тех или иных формах и другую информацию. Несмотря на известную унифицированность информации, представленной в комментарии, следует отметить, что каждый комментарий является, в сущности, маленькой статьёй, в которой излагаются вопросы, связанные с интерпретацией картографируемого слова и его ареала.

К комментарию прилагается иллюстративный материал, который имеет особую ценность, поскольку он позволяет читателю непосредственно соприкоснуться с диалектным словом. Этот иллюстративный материал имеет своей целью не просто показать «жизнь слова» в диалекте, но и обосновать его появление на карте. Так, например, на карте «**Опенок**» получила отражение лексема *поганка*. Включение ее в легенду карты мотивировано тем, что в русских диалектах она может являться обозначением и съедобных грибов (ср. в СРНГ: *поганка* ‘название съедобных грибов’: а) ‘опенок’ Шенк., Арх., Волог.; б) ‘дождевик’ Вят.; в) ‘летний мелкий гриб’ Ворон.; г) ‘сыроежка и лисичка’ Том., Орл., СРНГ, 27, 287). Об этом красноречиво свидетельствуют и материалы самой карты, в которых лексемы *опенок* и *поганка* часто выступают в одном синонимическом ряду. Судя по контекстам, опенок часто оценивается как несъедобный гриб, что также способствует синонимизации этих лексем, ср., например, следующие иллюстрации: *Росли опёнки куль берёз – это поганки* (п. 217). *Опята росли, да поганки это* (п. 62). *Опята около пней. На березах бывает такой плетень, один за одним растут. Поганки это* (п. 55). *Пень уже вёсной гадостью обросает – вот и вырос этакий гриб, опёнок. Я эти поганки жарить не буду. Но голодные люди и опёнки съедя – опята то есть* (п. 70). *Опёшки мы и за еду не считали. Опята тоже поди поганки. Около пенька растут опята. Опят у нас много, но мы их не берём, наверно других грибов много, хватает* (п. 472); или на карте «**Растущее дерево**» представлены лексемы *вербы* и *ветки*, которые, с точки зрения языкового сознания носителя литературного языка, как будто бы должны быть сняты с карты, однако приводимый в комментарии иллюстративный материал убеждает в правомерности их включения в легенду, ср. *Вон там ветки за домом, глянь, малый туда пошёл* (п. 636). *До тех веток минут сорок ходьбы* (п. 1053). *Ветки – это большие деревья, а если маленькое, то веточки* (п. 636.); *Верба – это и береза, и липа, и клен* (п. 846). *У нас в лесу одни вербы растут, а елок нет* (829). *Говорили вербина, а пишется она ивой* (п. 98).

Наличие этого иллюстративного материала выгодно отличает ЛАРНГ от большинства славянских атласов, обогащая его интерпретационные возможности (в связи с этим замечу, что опубликованные недавно македонский и словенский диалектологические атласы иллюстративного материала к картам не имеют).

Завершает комментарий алфавитный список картографируемых слов, который не только существенно облегчает пользование материалом атласа и прочтение карты, но и в сжатом виде предоставляет читателю информацию об ареалах картографируемых слов.

Новацией ЛАРНГ является и общий индекс всех материалов (в том числе и тех, которые не получили отражение на карте). Этот индекс материалов имеет самостоятельную ценность, так как он «паспортизирует» диалектный материал, позволяя читателю составить представление о локализации того или иного слова. А в том случае, когда автор по тем или иным научным соображениям отказывается от составления карты, он явится уникальным источником материала, который будет храниться в ЛАРНГ, «как цветы в гербарии», а впоследствии может стать основой для новых исследований.

Работа над ЛАРНГ – это коллективный труд сотрудников Академии наук России (Института лингвистических исследований и Института славяноведения), а также многочисленных вузов России (более 60 вузов, на базе которых созданы региональные диалектологические центры, в которых силами энтузиастов ведется большая диалектологическая работа по сбору и обработке материала). Несмотря на известные финансовые трудности, которые испытывает сегодня вся российская наука, работа над ЛАРНГ продвигается⁴. В настоящее время опубликован Пробный выпуск «Лексического атласа русских народных говоров», в котором «опробована» концепция атласа и представлены разные типы карт – лексические, семантические, лексико-словообразовательные, словообразовательные, номинативные, мотивационные, лексико-этнографические и др. Ежегодно, кроме общероссийского совещания диалектологов, участников атласа, устраиваются школы-семинары, на которых обсуждаются проблемы, связанные с картографической репрезентацией собранного материала, подготовкой к печати первого тома «Растительный мир».

Опубликованный в 2004 г. Пробный выпуск ЛАРНГ и развернувшаяся в настоящее время работа над созданием первого тома Атласа «Растительный мир» дают возможность оценить концепцию Атласа, методику отбора, интерпретации и картографирования материала. Системный подход к принципам отбора и картографирования материала позволил реально представить всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона

и сложность его лингвистического ландшафта (и здесь следует прежде всего отметить его сильную расчлененность, подчас мозаичность и пестроту, наличие многочисленных островных ареалов – все это требует своего осмысления не только в социологическом, но и глоттогенетическом аспекте).

Уже сейчас очевидно, что системный подход к отбору и картографической репрезентации материала полностью оправдал себя, ибо он открыл перед исследователями большие возможности в объективном решении целого ряда проблем современной диалектологии и в целом русистики:

1. Прежде всего следует отметить обилие нового материала, обогащающего наши представления о русском лексическом диалектном фонде: практически каждая карта ЛАРНГ выявляет новые диалектизмы, которых нет даже в таком солидном издании, как СРНГ: ср., например, такие лексемы, как *лешак, лесовик* – карта «**Медведь**»; *голощека, прогал, прогалина* – карта «**Поляна**»; *берла, верлог, залежина, лежа* – карта «**Берлога**»; *берества, берество*, широко представленные на карте «**Кора березы**»; *виш, инега, мороозь* – карта «**Иней**» и т.д.

Несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий, русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия, что особенно ярко проявляется в наличии в них слов, которым в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, карты «**Густые заросли кустарника**»: *бачажник, густарник, зарастель, кустарщина, палежник, чапарыжник, настельник*; «**Лес по берегу реки**»: *береговик, береговина, бережина, бережник, паберега, займище, левада*; «**Лес, растущий на болоте**»: *болотник, болотняк, мокрятник, омшара, топляк, топняк, согра, сохра, шохра* и др.).

2. Материалы ЛАРНГ позволяют уточнить ареалы многих диалектных слов, зафиксированных ранее в СРНГ: так, например, на карте «**Белка**» представлена лексема *мышь*, которая сопровождается в СРНГ пометой *псковская*, между тем как сегодня она сохраняется еще и на Урале. И в этом смысле материал Атласа являются серьезным дополнением к многочисленным диалектным словарям, иллюстрацией пространственной стратификации огромного пласта диалектной лексики.

3. Любая карта ЛАРНГ, в отличие от диалектного словаря, являет собой лингвогеографическую проекцию целой лексико-семантической группы, которая обычно представлена в разрозненном и далеко не полном виде в отдельных диалектных словарях, а наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально увидеть своеобразие русского языкового сознания в сложном процессе познавательной и классифицирующей деятельности человека (см., например,

карты «Густой лес» или «Мертвый лес с засохшими на корню деревьями», которые отличает обилие лексем и мотивационных признаков). В этом отношении чрезвычайно любопытными являются карты, посвященные названиям грибов, см., например, карту «**Дождевой гриб**», которая ярко иллюстрирует это своеобразие: *баня, банька, бздюх, бздюха, бздюшка, дождевик, дождёвик, поддождёвик, дымарь, дымовик, дымовуха, дымовушка, дымка, дымок, печки, порхавка, порхалка, пороховик, порохов-ник, пороховица, пороховница, пуховка, пуховик, пылевик, пыльник, пыхалка, табак, табачник, хлопушка, вороньи яйца, дождёвые яйца, Ванька-бздун, Васька – топись печка, заячья картошка, мышинная баня волчий табак, медвежий табак, дедушкин (дедов) табак, цыганский табак,* и др.

4. На лексико-словообразовательных и семантических картах Атласа у ряда картографируемых слов выявились и новые значения, которые в СРНГ не фиксируются: так, например, на карте «**Молодой лес**» представлены лексемы *дубрава* и *молочник*, которые в этом значении СРНГ не отмечены; на карте «**Лес, растущий по берегам реки**» представлены лексемы *прибрежник, паберега, бережняг, бережник, береговина*, которые в этом значении в СРНГ отсутствуют; ср. также материалы семантической карты «**Бирюк**», выявившие целый спектр значений, относящихся к человеку, которых нет в СРНГ (по данным этого словаря слово *бирюк* обозначает ‘толстого, крупного человека’ (Курск.), а также ‘грубого или неповоротливого человека’ (Твер., СРНГ, 2: 294), в ЛАРНГ же это прозвище и *злого человека*, и *ленивого и нелюдимого человека*, и *неразговорчивого*, и *одинокого*, и *угрюмого человека* и даже *прозвище богатого человека, живущего без семьи* и т.д. Это множество значений слова *бирюк* в русских диалектах дает возможность проследить развитие его семантики.

5. Материалы карт позволяют уточнить и некоторые этимологии: так, например, на карте «**Мелкая рыба**» встречается лексема *аргаши*, которую М. Фасмер квалифицирует как тюркизм (Фасмер, I: 84). По мнению автора карты С.А. Мызникова, эту лексему, зафиксированную в Балезинском р-не Удмуртии, следует отнести в разряд финно-угорских заимствований (ср. коми *арга* собир. ‘мальки’).

6. Материалы карт позволяют изучать и диалектную словообразовательную производность: практически каждая карта ЛАРНГ свидетельствует о том, что диалектный язык в этом плане значительно богаче литературного; на картах Атласа можно обнаружить такие диалектные словообразовательные модели, которые не только не характерны для литературного языка, но и не отмечены в СРНГ: см., например, карту «**Большой медведь**», на которой представлено обилие аугментативных словообразовательных моделей,

отсутствующих в СРНГ (*ведмедина, ведмедиче, ведмедяга, ведмедяра, ведмедятина, ведмежара, ведмежище, ведмедяк, ведмяк* и др.); или карту **«Волчий»**, на которой зафиксированы посесивы *бирючачий* и *волчевий*, которых также нет в СРНГ. Кроме того, уже сейчас материалы ЛАРНГ позволяют внести коррективы в представления о территориальном распределении тех или иных словообразовательных моделей (так, например, материалы карты **«Медведица»** свидетельствуют о том, что суф. *-их-а* не составляет исключительной принадлежности севернорусских говоров, как традиционно считается, но широко распространен и в южнорусских).

7. В Атласе представлены новые типы карт, т.н. мотивационные (см., например, карты **«Больной, низкий, кривой нестройной лес»** и **«Здоровый, высокий, прямой строевой лес»**). Их присутствие является чрезвычайно важным, так как материал обеих карт дает представление о системности в организации такой семантической сферы русского макрокосма, как **лес**. Соотношение мотивационных признаков на этих картах позволило выявить интересную картину их семантической корреляции, а именно: на обеих картах ведущим среди мотивационных признаков является функциональный (ср. в связи с этим замечание автора карты «Больной, низкий, кривой нестройной лес» В.Н. Гришановой: «Самую большую группу этих названий составляют суффиксальные образования с корнем *дров-/древ-* (ср. *древ'ник, дров'няк, 'дровеник, дрове'ник, дров'венник, 'дровник, дров'ник, дров'няк, дров'яник, дровя'ник, дров'янный, дровян'ник, дровя'ной лес, дров'янный лес*), они называют лес, в котором растут деревья, пригодные лишь для использования в качестве топлива, т.е. годные на дрова»; а также автора карты «Здоровый, высокий, прямой строевой лес» Меркуловой В.И., по наблюдениям которой ведущим мотивационным признаком является также функциональный, актуализируемый либо в общих (родовых) названиях строевого леса (ср. *строе'вик, стро'ёнка, строитель'ный лес*), либо в частных (видовых), ср. *бре'венник, бре'вешник, бре'вянный, бре'венный лес* – производные от корня *брев-* с общим значением 'растущий лес, годный на бревна' (Даль II: 126); *изб'няк, изб'янный, изб'янный лес, избя'ной лес* – с корнем *изб-* и общим значением 'строевой, хоромный лес, годный на жилое строение' (Даль II: 10) или 'строевой лес, годный для постройки изб' (СРНГ 12: 99); *мачтовик, мачто'вина, мач'товник, мачтовый лес* – с корнем *мачт-*, ср. *мач'товник* 'лес на корню, годный на мачты' (СРНГ 18: 56); *судо'лес, судо'вой лес, 'палубник; кора'бельный лес, кора'бельная 'роща* с общим значением 'строевой лес, идущий на строительство судов'), что косвенным образом подтверждает функционально-прагматический характер русского словообразования: словообразовательно маркируется то, что оказывается важным, прагматически значимым для человека.

8. Предварительный лингвогеографический анализ материалов подготовленных карт позволил уже на этом этапе выявить некоторые ареалы лексических диалектизмов, образующих противопоставленные лексические различия: так, в частности, материал карты «**Густой лес**» говорит о том, что лексема *займище* характерна в основном для южнорусских говоров, тогда как лексема *сузём* – для севернорусских; или на карте «**Иней**»: лексемы *виш*, *вишарь* распространены в основном в южнорусских говорах, а лексемы с корнем *курж-* (*куржак*, *куржавень*, *куржева*, *куржавина* и др.) – в севернорусских и частично в среднерусских говорах.

9. Чрезвычайно важным оказался и принцип соотносительности Программы и Вопросника ЛАРНГ с программой Общеславянского лингвистического атласа. Благодаря этой соотнесенности программ уже на этом этапе создания Атласа можно реально увидеть, *что* в русских диалектах является продолжением праславянского наследия, а *что* сложилось позднее и является фактом их собственной истории. Так, например, на карте «**Хорь**» в западной группе южнорусских говоров (смоленских и брянских) представлен латеральный ареал лексемы *тхорь*, которая является продолжением праславянской формы **dъxorj-ь*, широко распространенной в белорусских, украинских, польских, словацких и чешских моравских диалектах. В то же время в русских диалектах зафиксированы такие названия хоря, которые составляют их отличительную особенность, ибо их нет в других славянских языках, например: *бздух*, *бздюх*, *вонючка*, *куроедка*, *курятник*, *шашок*, *шашко* и др.

Системный подход к картографическому освоению диалектной лексики в будущем даст возможность для решения еще одной принципиально важной для отечественной диалектологии задачи – выявить лексический корпус диалектных различий, подобно тому, которым располагает фонетика и морфология. Составление полного реестра лексических диалектизмов позволит заложить фундамент для последующей обобщающей работы по систематизации диалектных различий на уровне лексики и словообразования и создать лексикологию русских народных говоров.

Системный подход к отбору и картографированию материала открывает перед диалектологами большие возможности и в решении задач региональной диалектной лексикографии и лингвогеографии. С появлением Атласа несомненно возрастет качество новых словарей и региональных атласов, так как он создаст необходимую базу и ареальную перспективу для этих частных региональных исследований. Так уже сегодня в Волгоградском государственном педагогическом университете разработана модель интернет-проекта «Лексического атласа Волгоградской области», в котором используются материалы и опыт ЛАРНГ (подробнее см. Кузнецова 2011: 69).

Особенно важную роль здесь играет тематический принцип, положенный в основу программы Атласа: он открывает широкие перспективы для дальнейшего, более углубленного изучения целых пластов диалектной лексики, созданию тематических и этнолингвистических словарей.

Публикация Атласа будет, несомненно, способствовать объективному решению многих вопросов исторической лексикологии, которая без должного учета диалектной лексики в ее пространственной проекции не может развиваться как полноценная научная дисциплина.

Новый подход к отбору и картографической репрезентации диалектного материала, последовательное освещение различных звеньев лексической системы диалектов в ее связи не только с материальной, но и духовной культурой народа открывает широкие перспективы и для решения целого ряда задач когнитивной лингвистики, связанных с реконструкцией языкового сознания, культурно-национального мировидения, моделирования языковой картины мира и т.д., этого современного направления лингвистики, стремящейся «найти доступ к Человеку через язык». Охватывая не только сферу языка, но и сферу культуры, лексический атлас содержит уникальный материал, который позволит «деконструировать» и заново обдумать словесный состав нашего знания и найти «ключ» к расшифровке языка традиционной духовной культуры. Этому в немалой степени способствуют мотивационные карты, создание которых является реальным воплощением в жизнь принципа системности в изучении диалектного слова, ибо без учета системных отношений в лексике создание этих карт (особенно карт синтетических, обобщающих принципы номинации целой семантической группы) невозможно.

Лингвогеографическое изучение диалектного слова представляет особую ценность, поскольку именно оно позволяет «в чистоте» без каких-либо помех (я имею в виду прежде всего иноязычные заимствования из языка современной культуры) провести реконструкцию и моделирование языка традиционной материальной и духовной культуры, которая сегодня под натиском города и так называемой «массовой культуры» стремительно исчезает. Поэтому работу над лексическим атласом следует расценивать не только как решение насущных задач диалектной лексикологии и лингвогеографии, но и шире – как решение задачи создания диалектологии народной культуры.

Работа над Атласом будет, несомненно, способствовать рождению новых идей как в осмыслении картографируемого материала, так и в решении проблем структурно-типологических методов лингвогеографии: интерпретация лингвистической карты, пересеченной изоглоссами, идущими в разных направлениях, через понятия варианта и инварианта, которые лежат в

основе картографической концепции Атласа, позволит уточнить и глубже проработать сущность многих лингвоареальных явлений (островные, маргинальные, центральные ареалы, зоны диффузных контактов и т.д.), центрально-периферийная противопоставленность архаизмов и инноваций и др. И в этом смысле карты ЛАРНГ будут способствовать развитию теории лингвистической географии, теории, которая должна дать в руки исследователя методологию «прочтения» карты.

Таким образом, лингвистическая география XXI в. обогатилась, несомненно, новой парадигмой исследования, ибо само ее развитие как науки привело к необходимости создания лексических атласов. Это задача является сегодня особенно актуальной потому, что на современном этапе развития социальной жизни процессы изменения говоров, утраты в них специфически диалектного протекают особенно интенсивно, поэтому наш долг перед отечественной культурой и наукой состоит не в последнюю очередь и в том, чтобы собрать все то, что еще живо в народной памяти и сохранилось в русской народной речи.

Примечания

¹ Ср. в связи с этим замечание Г. Пауля о том, что для диалектного членения «наиболее характерным признаком являются звуковые отношения... Менее всего характерны словарный состав и его употребление. Здесь чаще всего встречаются заимствования из одного диалекта в другой, как и из одного языка в другой» (Paul 1880:242).

² «Диалект является всего лишь довольно произвольной концепцией нашего ума, – писал П. Мейер в рецензии на работу Г. Асколи, посвященную описанию франко-провансальских диалектов. – Можно определить, на каком пространстве распространен тот или иной языковой факт, но не диалект, потому что вряд ли можно найти даже два факта, границы распространения которых совпадали бы» (Meyer 1875: 294-296).

³ Работа над ЛАРНГ развернулась лишь в 90-е годы, когда тема была включена в Комплексную программу исследований Академии Наук «Русский язык», хотя еще в 1974 г. был опубликован Проспект Лексического атласа русских народных говоров. В 1994 г. были изданы Проект и Программа Атласа (Лексический атлас русских народных говоров. Проект /Отв. редактор И.А. Попов. СПб., 1994; Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Часть 1-2 /Отв. редактор И.А. Попов. СПб., 1994).

⁴ Планомерное экспедиционное обследование лексики говоров началось с 1989 г., когда тема «Лексический атлас русских народных говоров» была включена в Комплексную программу исследований Академии наук «Русский язык».

Список литературы

- Атлас...* 1957 – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.
- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. I-III.
- Бородин М.А.* Проблемы лингвистической географии. М.-Л., 1966.
- Ивич П.* Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1963.
- Йордан Й.* Романское языкознание. М., 1971.
- Кузнецова Е.В. Интернет-проект «Лексический атлас Волгоградской области». Современный способ обработки диалектного материала // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 2011.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мораховская О.Н., Попов И.А.* Лексика в атласах русского языка // Лексический атлас русских народных говоров. Проект. СПб., 1994.
- Meyer P.* Archivio glottologico italiano diretto da G. Ascoli // Romania 1875. T.4. № 1.
- Paul H.* Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1880.
- Толстая С.М.* Диалектные ареалы литературных слов // *Dialectologia slavica*. М., 1995.
- Толстой Н.И.* Из опытов типологического изучения славянского словарного состава // Вопросы языкознания. 1963 № 1. 1966 № 5. а также *Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. 1. М., 1997.
- Толстой Н.И.* О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов // Проблемы лингво- и этнографии в ареальной диалектологии. М., 1964.
- Толстой Н.И.* Об изучении полесской лексики // *Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. 1. М., 1997.

Семантические и лексические локализмы через призму ботанической лексики украинских южнобессарабских говоров

Abstract:

Daki E.A. *A Case of Semantic and Lexical Localisms: a Botanical Vocabulary of Ukrainian dialects in South Bessarabia.*

The article is dedicated to South Bessarabian lexical localisms discovered during the research of botanical vocabulary in the Ukrainian dialects of Dniester-Danube interfluvium. The study is urgent because of necessity of systematic research of South Bessarabian dialects; it would permit to preserve the heuristically precious information for laboratories studying Ukrainian language and Slavic languages in general. The work presents semantic and lexical localisms, shows their semantic models of nomination, and establishes their motivation.

Ключевые слова: южнобессарабские говоры, семантические локализмы, лексические локализмы, флоронимация, мотивация, семантические модели номинации, семема.

В современной лингвистике наблюдаем заметный интерес к лексическому составу говоров. На протяжении длительного времени усилия исследователей были направлены на выявление состава, семантики, географии лексики говоров. Сегодня круг диалектологических проблем в области лексики расширился: все больше внимания уделяется исследованию номинативных ресурсов, средств и способов номинации, мотивации, функциональной дифференциации и генезису говоров. Несмотря на разноаспектность современных диалектологических студий и охват процессом исследования всего украинского языкового континуума, до сих пор нет полного представления всей ботанической номенклатуры украинских говоров, как целостной системы в ее пространственной вариативности; некоторые массивы говоров не охвачены исследованиями. Так, до сих пор отсутствует монографическая работа, посвященная флоронимации в украинских говорах междуречья Днестра и Дуная. Именно поэтому для исследования выбраны украинские южнобессарабские говоры, которые относятся к степному юго-восточному наречию. Материалом исследования послужили полевые записи ботанической лексики, собранные автором в 2006–2008 гг. во время диалектологических экспедиций.

Лексика говоров междуречья Днестра и Дуная была объектом научных исследований, это, в частности, сельскохозяйственная (П.Е. Гриценко¹, В.П. Дроздовський², Т.П. Заворотная³, Е.А. Мирошниченко

4), бытовая (В.П. Дроздовський⁵, Т.П. Заворотная⁶), обрядовая (О.А. Даки⁷), рыболовная лексика (А.А. Берлізов⁸), лексика земледелия (П.Е. Гриценко⁹) и животноводства (П.Е. Гриценко¹⁰, В.П. Дроздовський¹¹). Однако ботаническая лексика до сих пор остается неисследованной. В статье уделим внимание южнобессарабским локализмам, установим их мотивацию и семантические модели номинации.

Для украинских южнобессарабских говоров характерны флорономены, которые на данном этапе диалектологических исследований не зафиксированы известными источниками в других украинских говорах. Это дает возможность выделить семантические и лексические локализмы. Семантическим локализмом считаем флорономен, который функционирует в южнобессарабских говорах для обозначения определенной семемы, а в остальных говорах он представляет другую семему. К семантическим локализмам принадлежат флорономены, образованные по семантическим моделям номинации:

1) Модель 'рослина' → 'рослина':

‘вовча йїгода у дослідженому ареалі представляє семему ‘пасльон чорний, *Solanum nigrum* L.’ (Мт., Ск., К., М., Т.), також функціонує найменування ‘воўч’ї йїгоди (Стр., Бр., Мг., Кс., Сф., Б., СЦ., Лм., Я.); у переселенських говірках Київського Полісся ця назва позначає ‘вороняче око, *Paris quadrifolia* L.’¹², а в центральноподільських говірках ‘воўч’ї йїгоди – ‘крушина ламка, *Frangula alnus* Mill.’¹³; очевидно, що мотивація флорономенів виражена в семантиці означення, яке вказує на неїстівність чи отруйність ягід цих рослин;

‘соbacher ромашка у говірці Ж. позначає семему ‘ромашка непахуча, *Tripleurospermum perforatum* (Merat) M. Lainz.’, а в центральноподільських говірках – семему ‘ромашка без’язичкова, *Chamomilla suaveolens* Rydb.’¹⁴; означення ‘соbacher’ має значення ‘несправжня’;

‘чорна бузина в українських південнобессарабських говірках репрезентує ‘болиголов плямистий, *Conium maculatum* L.’ (Вм., А., Рз.), а в центральноподільських говірках – семему ‘бузина чорна, *Sambucus nigra*’¹⁵; за свідченням інформаторів південнобессарабських говірок, назва зумовлена зовнішньою подібністю суцвіття рослин;

‘дикий виноград в українських південнобессарабських говірках (Сг., П., Шр.) позначає семему ‘плющ, *Hedera*’; на думку респондентів, назва виникла через зовнішню подібність рослин; в центральноподільських говірках ‘дикий виноград’ представляє семему ‘виноград амурський, *Vitis amurensis*’¹⁶;

‘горобинка у говірці Вп. позначає семему ‘дрібна вишня’, назва зумовлена схожістю розміру плодів рослини; а в східнополіських говірках ‘дика горобина – ‘пижмо звичайне, *Tanacetum vulgare* L.’¹⁷;

2) Модель 'особливість зростання рослини' → 'рослина':

кушчовка у говірці Лн. репрезентує семему 'квасоля, яка не в'ється' (Лн.), а в центральноподільських говірках – 'вид цибулі'¹⁸, 'костриця борозниста'¹⁹; номен зумовлений особливістю зростання рослин;

3) Модель 'особа за суспільним станом' → 'рослина':

султан у говірці ПБ. представляє семему 'суцвіття кукурудзи', інформатори мотивують назву подібністю суцвіття кукурудзи до султана, волосної прикраси на головному уборі військових; в буковинських говірках *султанчики* функціонує на позначення семими 'гірчак зміїний, Polygonum bistorta'²⁰;

4) Модель 'фізичний стан людини' → 'рослина':

сон'ік у говірці Кс. представляє семему 'левкой, Matthiola', на думку респондентів, в основу номінації могли бути покладені фізичні властивості рослини (увечері квіти матіоли відкриваються і залишаються в цьому стані до ранку): *на ц'ї к'в'іти сонік кажемо / бо во'ни 'ноч':у цв'ітут'//* (Кс.); в буковинських говірках *сонник* репрезентує семему 'беладонна звичайна'²¹;

5) Модель 'тварина' → 'рослина':

козлики у говірці О. представляє семему 'довгий перець', очевидно, назва походить від назви перцю *козячий ріг*, номен *козлик* в інших говірках зафіксовано на позначення семими 'валеріана, Valeriana L.'²²;

6) Модель 'комаха' → 'рослина':

вош'і у говірці Мк. представляє семему 'нетреба звичайна, Xanthium strumarium L.', інформатори мотивують перенесення назви здатністю колючих плодів рослини чіплятися до одяжі; в центральноподільських говірках флорономен *вош'і* позначає семими: 'гравілат міський'²³ та 'череда трироздільна'²⁴;

7) Модель 'орган та частина тіла живого організму' → 'рослина':

ракова шишка зафіксована на позначення семими 'зігокактус усічений' у говірці СЦ., номен виник за асоціацією форми стебла рослини до шиї рака; назва *ракова шишка* репрезентує семими 'гірчак зміїний' в центральноподільських²⁵ та в середньополіських говірках²⁶;

м'ед'в'еже вухо^a в українських південнобессарабських говірках (Стк./, Бл./) представляє семему 'коров'як, ведмеже вухо, Verbascum thapsus L.', назва зумовлена подібністю листя рослини до вуха ведмеда; у центральноподільських говірках *ведмеже вухо* позначає семими: 'дивина звичайна, Verbascum phiomoides L.'²⁷, 'ведмеже вухо, Salvia aethiopsis'²⁸, назва *ведмеже'і вушка* репрезентує семему 'лисичка справжня, Cantharellus cibarius Fr.'²⁹;

лус'ача ланка у говірці Вм. представляє семему 'грицики звичайні, Capsella bursapastoris L.', у центральноподільських говірках – семими:

‘перстач гусячий, *Potentilla anserina* L.’³⁰, ‘пижмо звичайне’³¹, ‘дрібна травяниста рослина з високим стеблом’³²,

‘гус’ач’і *лапки* в українських південнобессарабських говірках репрезентує семему ‘спориш, *Polygonum aviculare* L.’ (Мг., СЦ.) та ‘деревій звичайний, *Achillea millefolium* L.’ (Пс.), а в центральноподільських говірках – ‘первоцвіт весняний, *Primula veris* L.’³³, ‘перстач гусячий, *Potentilla anserina* L.’³⁴, у говірках Чорнобильської зони – ‘перстач гусячий, *Potentilla anserina* L.’³⁵; при номінації грициків та споришу відіграла роль особливість будови листка рослин, що в інформаторів асоціюється з гусячою лапкою: в *‘каждом огород’е у нас йєст’ спориш / називайут’ на його / гусина лапка називайут’ / в’ін стелиц’а отако / і в’ін мае такий вид йак у гуски лапки* (Мг.). Назву споришу *‘гус’ач’і лапки* респонденти ще мотивують тим, що рослину охоче їдять гуси: *трав’а/ шо гуси дуже л’убл’ат’ / гус’ач’і лапки* (СЦ.). У говірці Пм. інформатори так пояснюють назву деревію *‘гус’ач’і лапки*: *лапки знайеш / йак у гусей лапки / так і в його йак лапки лис’точки* //;

8) Модель ‘суб’єкт дії’ → ‘рослина’:

лн’ій у говірці Мн. представляє семему ‘нетреба звичайна, *Xanthium strumarium* L.’, а в центральноподільських говірках – ‘підмаренник чіпкий’³⁶; респонденти південнобессарабських говірок мотивують назву властивістю плодів рослини липнути до чого-небудь;

9) Модель ‘реалія побуту’ → ‘рослина’:

бат’іг у говірці Бш. репрезентує семему ‘сансевієрія, *Sansevieria*’, у центральноподільських говірках *бат’іг* позначає ‘люпин городній’³⁷, у буковинських говірках – ‘дикий цикорій’³⁸, у східнополіських говірках – ‘цикорій звичайний *Cichogium intybus* L.’³⁹; ця назва мотивована подібністю форми стебла рослини до об’єктів;

10) Модель ‘предмети косметики та гігієни’ → ‘рослина’:

собач’е мило у говірці Вм. репрезентує семему ‘меліса, *Melissa officinalis* L.’, респонденти не змогли пояснити мотивацію цієї назви; у центральноподільських та переселенських говірках Київського Полісся вона позначає семему ‘мильнярка лікарська, *Saponaria officinalis* L.’⁴⁰;

11) Модель ‘явище природного довкілля’ → ‘рослина’:

добре луто у дослідженому ареалі (Вш., Пл., Стк., М.-Н., Р., Вп., З., Стр., Лн., К., СЦ., Уд., Сг., Кз., Кн., Рб., Нр., М., Мг., Д., Лк., Вм., Бк., О.) представляє семему ‘левкой, *Matthiola* L.’, назву мотивують тим, що вранці рослина вже розкрила свої квіти і приємно пахне, наче вітає всіх; у центральноподільських говірках *добре луто* репрезентує семему ‘іпомея, *Ipomoea*’⁴¹;

12) Модель ‘абстрактне поняття’ → ‘рослина’:

нош'на красо'та у говірці Сф. позначає семему 'левкой, *Matthiola L.*', у центральноподільських говірках – семему 'нічна красуня, *Mirabilis jalapa L.*'⁴², назва зумовлена гарним виглядом рослини, означення *нош'на* вказує на темпоральну ознаку – час її цвітіння.

Лексичні локалізми – флорономени, зафіксовані тільки в українських південнобессарабських говірках. Вони утворені за семантичними моделями номінації:

1) Модель 'рослина' → 'рослина':

'панс'ка 'роза в дослідженому ареалі (Вш., Зр., Нц., Бл., Тп.) репрезентує рослину 'мальва, *Malva L.*', в основу номінації покладено подібність форми квітки, означення *'панс'ка* містить виразну оцінку характеристику рослини; в переселенських говірках Київського Полісся – *'панска к'в'етка* позначає семему 'айстра, *aster L.*'⁴³;

г'листо'г'ін:а тра'ва у говірці Мг. репрезентує 'пижмо звичайне, *Tanacetum vulgare L.*'; зауважимо, що у центральноподільських говірках на позначення цієї семими зафіксовано флорономен *г'листник*⁴⁴; назви зумовлені лікувальними властивостями рослини – її використовують при гелмінтозі;

'жирна тра'ва в українських південнобессарабських говірках (Бш., Нс., Кс., Уд., Стр., Пб., Сф., Мт., П., Т., Н., Ск., Стк., О., З., Р., Лк., К., Б.) представляє семему 'портулак городній, *Portulaca L.*'; назва зумовлена зовнішнім виглядом рослини – соковитим, блискучим стеблом та листям;

'жирний бур'їан у говірках Стк., Лн. позначає семему 'портулак городній, *Portulaca L.*'; мотивом номінації також виступає зовнішній вигляд рослини;

дер'жи-трава у говірці Ж. репрезентує семему 'свинорий пальчатий, *Cynodon Dactylon*', постання назви зумовлене фізичною властивістю рослини – міцним корінням, яке швидко розповсюджується і важко викорчовується;

ска'жена тра'ва у говірці К. представляє семему 'свинорий пальчатий, *Cynodon Dactylon*'; за свідченнями респондентів, в основу номінації покладено здатність рослини швидко розповсюджуватись, що викликає у людей негативне ставлення до неї; зауважимо, що найменування *скаже'нина* зафіксовано в українських південнобессарабських говірках (Лк., Тр., Ш., Д., Пл., К.) на позначення семими 'свинорий пальчатий, *Cynodon Dactylon*' та у значенні 'пирій' подано у СДУГО⁴⁵;

га'д'уча тра'ва в українських південнобессарабських говірках (СЦ., Пр., Бр., Я.) позначає семему 'болиголов плямистий, *Conium maculatum L.*'; означення *га'д'уча* містить інформацію про шкідливість, отруйність рослини;

‘*божа трава*’ у говірці Кз. представляє семему ‘боже дерево, *Artemisia abrotanum* L.’, означення ‘*божа*’ містить емоційно-оцінну характеристику рослини, вирізняє її серед інших рослин незвичним запахом, зауважимо, що в інших говірках дослідженого ареалу (Бн., Мт., Б., Стк., Сг., Зр., Нц., Бр., Тп., Р., З., СЦ., Кн., Бк, Вп., Мг., Кв., Пс., М-Н., Вн., Б., Пл., Мк., Лн., Бш., Сф., Ш., Д., Лк., Тр., Бл., Нр., Стр., Уд., Мн., А., Рз., Вм.) семему ‘боже дерево, *Artemisia abrotanum* L.’ репрезентує номен ‘*боже дерево*’, ця назва також поширена у говірках Київського Полісся на позначення семими ‘полин лікувальний, *Artemisia abrotanum*’⁴⁶;

‘*рай-дерево*’ у говірці Бл. репрезентує семему ‘боже дерево, *Artemisia abrotanum* L.’, за свідченнями інформаторів, назва ‘*дерево*’ зумовлена будовою рослини, означення ‘*рай*’ мотивоване сакральним статусом рослини через її непридатність для використання тваринами і птахами як їжі, хоча етимологи вказують, що назва зумовлена присмним бальзамічним запахом божого дерева і його застосуванням як ароматичної і лікарської рослини, або тим, що ця рослина розводилась у монастирських садах чи в’язалась до святихенні букетів⁴⁷;

‘*собач’є дерево*’ в українських говірках Кз., Сг. позначає семему ‘пасльон чорний, *Solanum nigrum* L.’, означення ‘*собач’є*’ відбиває дикорослість рослини;

‘*мокрій ш’ір*’ у говірці Нс. репрезентує семему ‘зірочник середній, *Stellaria media* L.’, респонденти мотивують означення ‘*мокрій*’ соковитим, блискучим стеблом та листям рослини, ‘*ш’ір*’ пов’язують із здатністю рослини швидко розповсюджуватись;

‘*дикий молодчай*’ у говірці Уд. представляє семему ‘пижмо звичайне, *Tanacetum vulgare* L.’; передумову виникнення флорономена не з’ясовано, респонденти не можуть пояснити мотив номінації, зрозумілим є те, що означення ‘*дикий*’ вказує на несправжність рослини;

‘*в’ін’ача пах’н’уча*’ у говірці Лм. позначає семему ‘боже дерево, *Artemisia abrotanum* L.’, назва мотивована зовнішньою подібністю денотатів, означення ‘*пах’н’уча*’ вказує на одоративні властивості рослини;

‘*чортова кол’учка*’ у говірці Стр. репрезентує семему ‘якірці сланкі, *Tribulus terrestris* L.’, назва зумовлена особливстю будови рослини – наявністю колючок, означення ‘*чортова*’ містить емоційно-оцінну характеристику рослини;

‘*кур’аче п’росо*’ у говірці Лм. представляє семему ‘мишії, *Setaria P.B.*’, назва мотивована зовнішньою подібністю рослин, означення ‘*кур’аче*’ вказує на дикорослість, непридатність для використання людиною як їжі;

‘син’і пом’ідори у говірці Р. позначає семему ‘пасльон чорний, *Solanum nigrum* L.’, мотивом номінації є зовнішня подібність рослин та їх плодів, означення ‘син’і вказує на колір плодів;

‘свин’ача капуста у говірці Р. представляє семему ‘портулак городній, *Portulaca* L.’, за свідченням інформаторів: *свин’ача капуста / майе лист’а таке / сочне / і рос’те так / ну йак капуста // а чо свин’ача / бо л’уди не ід’ат’ / то свин’ам даїют’* // (Р.).

‘дика морква у говірці Лк. позначає семему ‘болиголов плямистий, *Conium maculatum* L.’, назва зумовлена подібністю листя рослин, означення ‘дика вказує на несправжність рослини;

гад’уча петрушка в українських південнобессарабських говірках (Мт., Б., Сф., СЦ., Кс., Сг., Бр., Пр., Вп., Бк., Мг., Тр., Д.) репрезентує семему ‘болиголов плямистий, *Conium maculatum* L.’, назва мотивована зовнішньою подібністю листя рослин, означення *гад’уча* вказує на отруйність рослини;

ко’сий го’рох у говірці Сф. представляє семему ‘сочевиця’, мотивом номінації цієї назви є зовнішня подібність рослин, означення *ко’сий* вказує на форму плодів сочевиці;

сви’н’ачий го’рох у говірці Пр. позначає семему ‘нут’, назва мотивована зовнішньою подібністю рослин, означення *сви’н’ачий* вказує на нетотожність цих рослин;

‘дика бузи’на у говірці Вм. репрезентує семему ‘болиголов плямистий, *Conium maculatum* L.’, за свідченням інформаторів, назва зумовлена зовнішньою подібністю рослин, зокрема, їх суцвіття, означення ‘дика вказує на несправжність рослини;

‘дика а’кац’їа у говірці Рб. представляє семему ‘софора, *Sophora*’, назва мотивована зовнішньою подібністю рослин, означення ‘дика – індикатор несправжності рослини;

но’чна с’ір’ен’ у говірці Бн. репрезентує семему ‘левкой, *Matthiola* L.’, основною мотивації послужили одоративні властивості рослини, означення *но’чна* вказує на час, сприятливий для її цвітіння;

‘свин’ач’і го’р’їшки у говірці Пл. позначає семему ‘чина бульбиста, *Lathyrus tuberosus* L.’, назва мотивована подібністю плодів рослин;

‘зайач’і го’р’їшки у говірці Рб. репрезентує семему ‘чина бульбиста, *Lathyrus tuberosus* L.’, назва виникла на основі асоціації за формою плоду, означення ‘зайач’і, ‘свин’ач’і вказують на несправжність плоду;

ли’мон:ик в українських південнобессарабських говірках (Мн., Мт., Пм, Тх., Лм., Б., Сф., Рз., А., Я.) позначає семему ‘котяча м’ята справжня (котовник, лимонна м’ята), *Nepeta cataria*’, респонденти пов’язують номінацію рослини з її одоративними властивостями;

стенова *рроза* у говірці КБ. представляє семему ‘мальва’, в основу номінації покладено подібність форми квітки, означення *стенова* містить вказівку на несправжність рослини;

2) Модель ‘ознака’ → ‘рослина’:

золотен’ке у говірці СЦ. представляє семему ‘портулак городній, *Portulaca L.*’, інформатори мотивують назву блискучим листям рослини;

каплавушки у говірці СЦ. позначає семему ‘грицики звичайні, *Capsella bursapastoris L.*’, респонденти пов’язують номінацію рослини з розташуванням листочків на стеблі, тому рослина набуває „каплавухого” вигляду;

голопузики, голопуц’ки у говірках Лм., Я. репрезентує семему ‘грицики звичайні, *Capsella bursapastoris L.*’, респонденти не змогли пояснити мотивацію назви;

гад’учин’а у говірці Д. представляє семему ‘болиголов плямистий, *Conium maculatum L.*’, це універбізована назва, що походить від словосполучення *гад’уча пел’трушка*, вказує на отруйність рослини;

жиров’ик у говірці В. позначає семему ‘портулак городній, *Portulaca L.*’, назва зумовлена зовнішнім виглядом рослини – соковитим, блискучим стеблом та листям;

воп’учка у говірці Бл. позначає семему ‘боже дерево, *Artemisia abrotanum L.*’, у говірці Мн. – ‘дурман звичайний, *Datura stramonium L.*’, назва мотивована одоративними властивостями рослин;

воско’вичка у говірках Вп., Бк, Мг. репрезентує семему ‘чорна квасоля’, інформатори пов’язують назву із зовнішнім виглядом плодів;

р’епеничка у говірках Б., Мг. представляє семему ‘сорт картоплі’, назва мотивована зовнішнім виглядом плоду (потрісканою кожурою);

тр’ісканка у говірці Д. позначає семими ‘сорт картоплі’, Д. ‘сорт дині’, назва зумовлена зовнішнім виглядом плодів (потрісканою кожурою);

тр’іскунка в українських південнобессарабських говірках (Лм., Пм., Тх., Пр., Кс., Бш.) репрезентує семему ‘сорт картоплі’, назва мотивована зовнішнім виглядом плоду (потрісканою кожурою);

куп’чатка у говірці Вп. представляє семему ‘корч цибулі’, респонденти пов’язують назву із особливістю росту рослини (укупі);

с’ін’учка у говірці К. репрезентує семему ‘вид картоплі’, флорономен мотивований кольором кожури плоду;

блискун у говірці Я. позначає семему ‘портулак городній, *Portulaca L.*’, назва зумовлена соковитим, блискучим стеблом та листям рослини;

3) Модель ‘людина’ → ‘рослина’:

пастушок у говірці М. репрезентує семему ‘грицики звичайні, *Capsella bursapastoris L.*’, очевидно, назва походить від флорономена *пастуша сумка*;

роз'чесана *баршин'а* у говірці Вп. представляє семему 'настурція лікарська, *Nasturtium officinale* R. Br.', назва зумовлена зовнішнім виглядом рослини, означення *роз'чесана* вказує на форму квітки, інформатори коментують: *їа так з'найу шо роз'чесана барин'а / і мама мо'їа називала / к'в'ітка в неїї така пишина / к'расива наче роз'чесана //*;

к'ручений кавал'ер у говірці Лк. позначає семему 'іпомея, *Ipomoea*', ця назва також пов'язана із гарним зовнішнім виглядом рослини, означення *кручений* вказує на особливість стебла;

доктор у говірці Лк. репрезентує семему 'алоє, *Aloe* L.', назва містить вказівку на лікувальні властивості рослини, на думку респондентів: *во'на от вс'ех бол'езн'ей / і рани гоїт' / і от кашл'у помогає //*;

4) Модель 'фізичний, фізіологічний стан людини' → 'рослина':

д'ев'іч'а ч'ест' у говірці П. позначає семему 'деревій звичайний, *Achillea millefolium* L.', інформатори пояснюють: *а у неїї цв'ет б'ілен'киї / як у н'ев'ести / д'івчини / як д'івчина н'ев'ін:а //* (П.); в українському діалектному континуумі цвіт рослини асоціюють із честю, совістю, так у центральноподільських говірках на позначення семими 'дика морква, *Daucus carota* L.' зафіксовано номен *д'івоча сов'іст*⁴⁸;

5) Модель 'тварина' → 'рослина':

собача рипка у говірці Мк. репрезентує семему 'полин гіркий, *Artemisia absinthium* L.', *рипка* в українських південнобессарабських говірках (Нц., Тп., Зр., Шр.) позначає семему 'деревій звичайний, *Achillea millefolium* L.', назви опосередковано мотивовані формою листочків, які нагадують рибок, означення *собача* підкреслює несправжність рослин;

6) Модель 'птаха' → 'рослина':

одутки у говірках Ш., Тр. представляє семему 'настурція лікарська, *Nasturtium officinale* R. Br.', колір суцвіття асоціюється у респондентів з яскравим оперенням одуда: *во'ни так'і йарк'і / схож'і на п'іріа одуда //*;

7) Модель 'орган та частина тіла живого організму' → 'рослина':

зайачий йа'зик у говірці Тр. позначає семему 'клівія, *Clivia*', назва зумовлена подібністю форми довгих листків рослини до язика;

зайача губа в українських південнобессарабських говірках (Мт., Б., Сф., Пр., Кс., П.) та *зайача губочка* у говірці Лм. представляють семему 'сорт яблук', номени мотивовані формою плоду;

с'вин'аче лушко у говірці Ж. репрезентує семему 'трицики звичайні, *Capsella bursapastoris* L.', респонденти пов'язують назву із формою листочків рослини;

с'р'дечки у говірці Мт. позначає семему 'трицики звичайні, *Capsella bursapastoris* L.', назва мотивована формою листочків рослини;

т'ошчине *салю* у говірці Вн. репрезентує семему 'портулак городній, *Portulaca L.*', інформатори пояснюють: *трава така жи'вуча / с'к'іл'ки не рубай / знов росте / йак у т'ошчи салю //* (Вн.);

бабине салю у говірці Мг. представляє семему 'портулак городній, *Portulaca L.*', респонденти коментують: *бабине салю / о-о / його йак у баби салю / кру'гом росте / с'к'іл'ки хош //* (Мг.);

8) Модель 'реалія побуту' → 'рослина':

волокло у говірках Мн., Бл. позначає семему 'волосяний покрив качана кукурудзи', у говірках Пб., Т. – семему 'бокова тоненька ниточка на моркві';

коврик у говірці Ж. представляє семему 'портулак городній, *Portulaca L.*', а в говірці Вп. цю семему позначає номен *ков'ришка*, мотиваційною ознакою найменування є специфіка існування рослини, вона – яскраво-зелена, невисока, сланка, утворює "зелений килим": *о'то коврик розти'лаец'а //* (Ж.);

балабоники у говірках З., Р. представляє семему 'чина бульбиста, *Lathyrus tuberosus L.*', у говірці П. *балабонч'іки* позначає семему 'чина бульбиста, *Lathyrus tuberosus L.*', мотиваційною ознакою цих назв виступає форма плоду;

лодочка у говірці Лм. репрезентує семему 'вусики на стеблі гарбуза', назва мотивована формою вусика;

ложичка в українських південнобессарабських говірках (Нц., Зр., Тп., Я.) представляє семему 'хвостик гарбуза', номен мотивований формою хвостика;

колокол'чики у говірці Лм. позначає семему 'трицики звичайні, *Capsella bursastoris L.*', назва мотивована формою квітки;

грамафонч'іки у говірці Нс. репрезентує семему 'нічна красуня, *Mirabilis jalapa L.*', респонденти пов'язують номінацію із формою квітки;

дрот'анка у говірці Мк. представляє семему 'свинорій пальчатий, *Cynodon Dactylon*', назва зумовлена особливостями будови кореня рослини та його властивістю зростання: *маїе та'ке ко'р'ін':а к'репке / шо не можна викорчеват' / а тамачки / дал'ше й'дут' та'к'і с'тебл'і у'верх йак дрот'и //*;

9) Модель 'музичний інструмент' → 'рослина':

лудочки в українських південнобессарабських говірках (Нц., Зр., Тп.) позначає семему 'царська корона, *Fritillius*', назва мотивована формою квітки;

барабанч'ік'і у говірках В., Н. репрезентує семему 'чина бульбиста, *Lathyrus tuberosus L.*', назва мотивована формою плоду;

10) Модель 'зброя' → 'рослина':

саб'ел'н'ік у говірці М. представляє семему 'сансевіерія, *Sansevieria*', назва зумовлена формою листя;

11) Модель ‘часове поняття’ → ‘рослина’:

‘рано і ввечор’ і в українських південнобессарабських говірках (Бш., Нц., Тп., Зр.), *‘добрий веч’ір* (К.), *‘рано і ввечором* (Бш.), *‘веч’ір і ‘ранок* (Ж.) позначає семему ‘левкой, *Matthiola L.*’, номен мотивований часом цвітіння рослини;

‘зор’ка у говірці О. репрезентує семему ‘нічна красуня, *Mirabilis jalapa L.*’, назва зумовлена часом цвітіння рослини;

‘веч’ірники у говірках Вн., Пс. представляє семему ‘левкой, *Matthiola L.*’, респонденти пояснюють, що назва постала за часом, найбільш сприятливим для цвітіння;

‘ночник у говірці Лн. позначає семему ‘левкой, *Matthiola L.*’, найменування також пов’язане із часом цвітіння рослини;

12) Модель ‘свято’ → ‘рослина’:

‘рожд’ест’во у говірці Бш. позначає семему ‘зігокактус усічений’, при номінації відіграв роль час цвітіння рослини – збігається зі святом Різдва;

13) Модель ‘продукт харчування’ → ‘рослина’:

‘хрустик у говірці Сф. репрезентує семему ‘плід акації’, респонденти коментують: *‘вони ўкусн’і / наче хрустики слатк’і //*;

‘сал’ник у говірці Мг. позначає семему ‘портулак городній, *Portulaca L.*’, назва утворена за семантичною моделлю, в основі якої фізичні властивості рослини – соковите стебло та листя;

‘жирний в українських південнобессарабських говірках (А., Рз., Пр.) позначає семему ‘портулак городній, *Portulaca L.*’, назва передає ознаку ‘соковитий’, флорономен семантично пов’язаний з мотиваційною моделлю “консистенція”: *‘в’ін ‘жирний ‘сочний //*.

‘собача ‘кашка у говірці Стк. репрезентує семему ‘деревій звичайний, *Achillea millefolium L.*’, назва зумовлена дрібними квітами рослини, що при перетиранні в руках утворюють щось подібне до крупи, означення *‘собача* вказує на несправжність;

14) Модель ‘місце, на якому росте флорооб’єкт’ → ‘рослина’:

‘перел’іг у говірці Пл. позначає семему ‘пирій повзучий, *Elytrigia repens L.*’, назва мотивована місцем зростання рослини;

‘пол’овик у говірці Кс. позначає семему ‘хвоц польовий, *Equisetum arvense L.*’, найменування зумовлене місцем зростання рослини;

15) Модель ‘місцевість, звідки походить флорооб’єкт’ → ‘рослина’:

‘мурав’л’овка в українських південнобессарабських говірках (Сф., Мт., Б, Кс., Пр.) репрезентує ‘сорт картоплі’, назва мотивована найменуванням села, в якому винайшли цей сорт картоплі;

16) Модель ‘об’єкт дії’ → ‘рослина’:

туканка у говірці Ш. представляє семему ‘цибуля, яку садять цибулінками’, респонденти коментують: *туканка / бо тикають у земл’у //*;

17) Модель ‘суб’єкт дії’ → ‘рослина’:

війнок у говірці Я. позначає семему ‘квасоля, яка в’ється’, у говірках Я., Нс. – семему ‘іпомея’, назва відбиває зовнішню ознаку – виткий характер рослини;

к’рученики у говірці Кс. репрезентує семему ‘настурція лікарська’, назва зумовлена витким стеблом рослин;

сирунці у говірці Мг. позначає семему ‘дрібні помідори’, респонденти не змогли пояснити мотивацію назви;

ч’інл’ашка у говірці Нс. репрезентує семему ‘мишій, *Setaria P.B.*’, назва мотивована здатністю колосків рослини чіплятися;

ростелушка у говірці Уд. представляє семему ‘спориш, *Polygonum aviculare L.*’, номен відбиває особливість зростання рослини – розстелятися по землі;

війун у говірці К. позначає семему ‘плющ, *Hedera*’, назва зумовлена витким стеблом рослин;

дж’оліни у говірці В. репрезентує семему ‘якірці сланкі, *Tribulus terrestris L.*’, назва мотивована колючими плодами рослини;

18) Модель ‘хвороба’ → ‘рослина’:

сиб’ірка у говірці СЦ. репрезентує семему ‘свинорій пальчатий, *Cynodon Dactylon*’, за свідченнями інформаторів, в основі семантичної мотивації назви *сиб’ірка* лежить відтінок негативної оцінки, пов’язаний у народі із хворобою сибірська виразка (сибірка): *зей / сиб’ірка росте у с’уди / на город’і / і на пол’і йійі багато / пус’кає та’к’і довг’і / корн’і / а к’репк’і / що неможна в’икопат’ / не’ма уп’рави на ней’і / ну / точно йак та сиб’ірка //*;

19) Модель ‘релігійна назва’ → ‘рослина’:

мат’ір божья у говірці О. позначає семему ‘боже дерево, *Artemisia abrotanum L.*’, номінацію рослини респонденти пояснюють легендою, ніби Діва Марія, переховуючись з маленьким Ісусом на руках, сиділа під цією травою, тому вона і пахне.

Следовательно, в процесі дослідження зафіксовано 106 южнобесарабських локалізмів, 19 із них – семантичні, 87 – лексичні локалізми. Семантичні локалізми утворені за 12 моделями номінації, лексичні за 19 – моделями. Продуктивною для локалізмів є модель ‘растение’ → ‘растение’ (утворено 5 семантичних і 28 лексичних локалізмів). Мотиви номінації рослин воспродуцують досвід респондентів і оцінку фітореалій. Дальніші студії ботаничної лексики будуть сприяти створенню монографічної роботи, присвяченої флоронімії в українських говорах міждурччя Дністра і Дуная.

Примечания

- ¹ Гриценко П.Ю. Ареальне варіювання лексики. ••ї•, 1990.
- ² Дроздовський В.П. Украинские говоры Бессарабского Приморья (на материале обследования Саратовского, Татарбунарского и Белгород-Днестровского районов Одесской области): автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.661 „Языки народов СССР (украинский язык)”. ••ї•, 1962.
- ³ *Заворотна Т.П.* Народна номінація рослин в українській і російській мовах // Лексика української мови в її зв'язках з сусідніми слов'янськими і неслов'янськими мовами. Тези доп. Ужгород, 1982. С. 82–83; *Заворотна Т.П.* Типи умотивованості народних назв рослин // Структура і розвиток українських говорів на сучасному етапі. XV респ. діалектол. Народа. Тези доп. і повідомл. Житомир, 1983. С. 191–192; *Заворотная Т.П.* Лексика украинских придунайских говоров : автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.661 „Языки народов СССР (украинский язык)”. Черновцы, 1968.
- ⁴ *Мірошниченко О.О.* Болгарські та східнороманські елементи в українських південнобессарабських говірках // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. Вип. 17. Ізмаїл, 2004. С.100–106; *Мірошниченко О.О.* Східнороманські запозичення в українських південнобессарабських говірках // Діалектологічні студії 5. Фонетика, морфологія, словотвір. Львів, 2005. С. 279–284.
- ⁵ Дроздовський В. П. Украинские говоры Бессарабского Приморья (на материале обследования Саратовского, Татарбунарского и Белгород-Днестровского районов Одесской области) : автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.661 „Языки народов СССР (украинский язык)”. ••ї•, 1962; Дроздовський В.П. Українські говірки Бессарабського Примор'я (на матеріалі обстеження Саратовського, Татарбунарського, Білгород-Дністровського районів Одеської області) : дис. ... канд. філол. наук : 10.661. Одеса, 1962. Ч. 1.
- ⁶ *Заворотная Т.П.* Лексика украинских придунайских говоров : автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.661 „Языки народов СССР (украинский язык)”. Черновцы, 1968.
- ⁷ *Даки О.А.* Структура і номінація молдавського весілля // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. Вип. 21. Ізмаїл, 2006. С. 111–113.
- ⁸ *Берлізов А.А.* Лексика рибальства українських говірок Нижньої Наддністрянщини : дис. ... канд. філол. наук : 10.661. ••ї•, 1976; *Берлізов А.А.* Лексика рибальства українських говорів Нижнього Подністров'я // Наук. зап. Чернігів, пед. ін-ту. Т. 14. Вип. 4. Чернігів, 1959. С. 14–18.
- ⁹ *Гриценко П.Ю.* Назви сільськогосподарських знарядь у говірках південної Одещини // Тези доповідей XIV республіканської діалектологічної наради. ••ї•, 1977. С. 115–117.
- ¹⁰ *Гриценко П.Ю.* Тваринницька лексика українських західностепових говірок. Питання організації тематичної групи // Структура українських говорів. ••ї•, 1982. С. 142–170.
- ¹¹ Дроздовський В.П. Украинские говоры Бессарабского Приморья (на материале обследования Саратовского, Татарбунарского и Белгород-Днестровского районов Одесской области) : автореф.

дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.661 „Языки народов СССР (украинский язык)”. ••і•, 1962; *Дроздовський В.П.* Українські говірки Бессарабського Примор'я (на матеріалі обстеження Саратського, Татарбунарського, Білгород-Дністровського районів Одеської області) : дис. ... канд. филол. наук : 10.661. Ч. 1. Одеса, 1962.

¹² *Ткачук М.М.* Ботанічна лексика говірок Чорнобильської зони : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. ••і•, 2011. С. 350.

¹³ *Гороф'янюк І.В.* Ботанічна лексика центральноподільських говірок. Матеріали до *Лексичного атласу української мови*. Вінниця, 2012. С. 111.

¹⁴ Там же. С. 166.

¹⁵ Там же. С. 108.

¹⁶ Там же. С. 89.

¹⁷ *Поїстогова М.В.* Номінаційні процеси у ботанічній лексиці східнополіських говірок : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. ••і•, 2005. С. 54.

¹⁸ *Гороф'янюк І.В.* Ботанічна лексика центральноподільських говірок. Матеріали до *Лексичного атласу української мови*. Вінниця, 2012. С. 51.

¹⁹ Там же. С. 184.

²⁰ Словник буковинських говірок. За заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці, 2005. С. 533.

²¹ Там же. С. 507.

²² Етимологічний словник української мови. ••і•, 1982. Т. 2. С. 500.

²³ *Гороф'янюк І.В.* Ботанічна лексика центральноподільських говірок. Матеріали до *Лексичного атласу української мови*. Вінниця, 2012. С. 156.

²⁴ Там же. С. 165.

²⁵ Там же. С. 151.

²⁶ *Малахівська О.А.* Назви дикорослих трав'янистих рослин // Говірки Чорнобильської зони. Системний опис. ••і•, 1999. С. 142.

²⁷ *Гороф'янюк І.В.* Ботанічна лексика центральноподільських говірок. Матеріали до *Лексичного атласу української мови*. Вінниця, 2012. С. 176.

²⁸ Там же. С. 181.

²⁹ Там же. С. 135.

³⁰ Там же. С. 156.

³¹ Там же. С. 166.

³² *Ткачук М.М.* Ботанічна лексика говірок Чорнобильської зони : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Київ, 2011. С. 359.

³³ *Гороф'янюк І.В.* Ботанічна лексика центральноподільських говірок. Матеріали до *Лексичного атласу української мови*. Вінниця, 2012. С. 155.

³⁴ Там же. С. 156.

³⁵ *Ткачук М.М.* Ботанічна лексика говірок Чорнобильської зони : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Київ, 2011. С.358.; *Малахівська О.А.* Назви дикорослих трав'янистих рослин // Говірки Чорнобильської зони. Системний опис. ••і•, 1999. С. 134–167. С. 145.

- ³⁶ *Гороф'янюк І.В.* Ботанічна лексика центральноподільських говірок. Матеріали до *Лексичного атласу української мови*. Вінниця, 2012. С. 185.
- ³⁷ Там же. С. 195.
- ³⁸ Словник буковинських говірок. За заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці, 2005. С. 26.
- ³⁹ *Поїстогова М.В.* Номінаційні процеси у ботанічній лексиці східнополіських говірок : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01. Київ, 2005. С. 128.
- ⁴⁰ *Гороф'янюк І.В.* Ботанічна лексика центральноподільських говірок. Матеріали до *Лексичного атласу української мови*. Вінниця, 2012. С.176.; *Ткачук М.М.* Ботанічна лексика говірок Чорнобильської зони : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01. Київ, 2011. С. 370.
- ⁴¹ *Гороф'янюк І.В.* Ботанічна лексика центральноподільських говірок. Матеріали до *Лексичного атласу української мови*. Вінниця, 2012. С. 191.
- ⁴² Там же. С. 190.
- ⁴³ *Ткачук М.М.* Ботанічна лексика говірок Чорнобильської зони : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01. Київ, 2011. С. 375.
- ⁴⁴ *Гороф'янюк І.В.* Ботанічна лексика центральноподільських говірок. Матеріали до *Лексичного атласу української мови*. Вінниця, 2012. С. 166.
- ⁴⁵ *Москаленко А. А.* Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958. С. 66.
- ⁴⁶ *Ткачук М.М.* Ботанічна лексика говірок Чорнобильської зони : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01. Київ, 2011. С. 350.
- ⁴⁷ Етимологічний словник української мови. ••ї•, 1982. Т. 1. С. 193.
- ⁴⁸ *Гороф'янюк І.В.* Ботанічна лексика центральноподільських говірок. Матеріали до *Лексичного атласу української мови*. Вінниця, 2012. С. 32.

Список обследованных населённых пунктов

(Все села находятся в Одесской области; краткие названия районов: Ар. – Арцизький р-н, Б-Д. – Білгород-Дністровський р-н, І. – Ізмаїльський р-н, К. – Кілійський р-н, С. – Саратський р-н, Тат. – Татарбунарський р-н, Тар. – Тарутинський р-н)

А. – с. Андріївка Б-Д.; Б. – с. Броска І; Бк. – с. Бикоза Б-Д.; Бл. – с. Білолісся Тат.; Бн. – с. Біленьке Б-Д.; Бр. – с. Бритівка Б-Д.; Бш. – с. Баштанівка Тат.; В. – с. Височанське Тар.; Вм. – с. Великомар'янівка Б-Д.; Вн. – с. Вільне Б-Д.; Вп. – с. Випасне Б-Д.; Вш. – с. Вишневе Тат.; Д. – с. Десантне К.; Ж. – с. Жовтий Яр Тат.; З. – с. Забари С.; Зр. – с. Зарічне Тат.; К. – с. Кам'янське Ар.; КБ. – с. Крива Балка С.; Кв. – с. Косівка Б-Д.; Кз. – с. Козацьке Б-Д.; Кн. – с. Карналіївка Б-Д.; Кс. – с. Кислиця І; Лк. – с. Ліски К.; Лм. – с. Лиман Тат.; Лн. – с. Лісне Тар.; М. – с. Михайлівка С.; М.-Н. – с. Миколаївка-Новоросійська С.; Мг. – с. Молога Б-Д.; Мк. – с. Миколаївка Б-Д.; Мн. – с. Монаші Б-Д.; Мт. – с. Матроска І; Н. – с. Новоукраїнка Тар.; Нр. – с. Нерушай Тат.; Нс. – с. Новоселівка Ар.; Нц. – с. Новоселиця Тат.; О. – с. Олександрівка Тар.; П. – с. Петрівка Тар.; Пб. – с. Пряма Балка Ар.; Пм. – с. Приморське Тат.; Пл. – с. Плахтіївка С.; Пр. – с. Першотравневе І; Пс. – с. Приморське Б-Д.; Р. – с. Ройлянка С.; Рб. – с. Рибальське

Тат.; Рз. – с. Розкішне Б-Д.; Сг. – с. Салгани Б-Д.; Ск. – с. Скриванівка Тар.; Стк. – с. Старокозаче Б-Д.; Стр. – с. Струмок Тат.; Сф. – с. Саф’яни І; СЦ. – с. Стара Царичанка Б-Д.; Т. – с. Теплиця Ар.; Тз. – с. Тузли Тат.; Тп. – с. Трапівка Тат.; Тр. – с. Трудове К.; Тх. – с. Трихатки Тат.; Уд. – с. Удобне Б-Д.; Ш. – с. Шевченкове К.; Шр. – с. Широке Б-Д.; Я. – с. Ярославка С.

Языковой портрет русского по данным словарей XIX в.

Abstract:

Potapova V.V. *Linguistic portrait of a Russian in dictionaries of the 19th century.*

The author reconstructed the linguistic ethnic stereotype of a Russian reflected in the Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language by V. Dal (1863-1866, 3rd ed. 1903-1911), in the Dictionary of Belarusian Dialect by I. Nosovich (1870) and in the Vilna Dictionary (1861).

Ключевые слова: языковой стереотип, этностереотип, этноним, образ мира, языковая картина мира.

Язык – это то хранилище, в котором на протяжении столетий консервируется опыт многих поколений людей, говорящих на этом языке. Одной из самых интересных задач лингвиста представляется экспликация этого опыта и сопоставление его с актуальными представлениями носителей языка об окружающем их мире. Наиболее ярко эти представления проявляются в лексике и фразеологии, а лексическая система как часть языкового устройства наиболее полно отражена в лексикографических источниках. При этом словарь как источник знаний о языковом образе мира “играет первостепенную роль для пробуждения этнического самосознания народа, так как охватывает не только сферу языка, но и сферу культуры”¹. Пробуждение этнического самосознания в данном случае следует понимать как осознание места собственной этнической общности среди других. Это осознание сопровождается формированием этнических стереотипов, которые находят отражение в языке и фиксируются в лексикографических источниках.

Использование лексикографических источников XIX в. для реконструкции языковых этнических стереотипов (ЯЭС) позволяет современному исследователю как носителю определенной системы стереотипов через призму своего языкового опыта представить особенности функционирования этностереотипов вообще и пути их изменения. Однако, как отмечает Ю.М. Лотман, «один и тот же текст может выдавать разным его потребителям различную информацию. Так, современный читатель средневекового сакрального текста, конечно, дешифрует его семантику, пользуясь иными, чем создатель, структурными кодами»². В случае с историческими ЯЭС обращение к словарям, где точно зафиксированы лексические и коннотативные значения словарных единиц, представляется более надежным, чем анализ текстов, в большинстве которых личная система стереотипов автора текста довлеет над системой стереотипов, сформировавшихся в данном об-

ществе. Даже несмотря на то, что некоторые из вышеназванных лексикографических источников являются результатом труда одного исследователя, можно говорить об отраженной в них системе языковых стереотипов в контексте общенациональной системы устойчивых представлений. Если словарь был принят обществом позитивно (а многие из этих изданий являются авторитетными для исследователей и в наши дни), значит, система стереотипов автора словаря не противоречила общественной.

Рассмотрим, как может выглядеть языковой портрет русского человека, реконструированный на основе “Словаря живого великорусского языка” В.И. Даля³ в сопоставлении с данными о языковом стереотипе русского, полученными на основе анализа “Словаря белорусского наречия” И. И. Носовича⁴ и Виленского словаря польского языка.

Языковой этнический стереотип – образование сложное, многоаспектное. В содержании этнических стереотипов можно выделить относительно устойчивое ядро – это комплекс представлений о внешнем облике представителей данного народа, о его историческом прошлом и особенностях образа жизни, и периферию, к которой относятся изменчивые суждения относительно коммуникативных и моральных качеств данной этнической общности. Изменчивость оценок этих качеств тесно связана с меняющейся ситуацией в межнациональных отношениях. Содержание этнического стереотипа или некоторых его частных аспектов не всегда адекватно действительности. По-видимому, этнические стереотипы отражают прошлый и настоящий, позитивный или негативный опыт межнациональных контактов.

Исследователи выделяют в структуре этностереотипа различные компоненты: 1) физический, который касается внешнего вида представителя этнической общности (внешность, сила, рост и т.п.); 2) интеллектуально-психологический, касающийся свойств и качеств характера, умений, способностей, особенностей поведения; 3) экономический, касающийся способов ведения хозяйства; 4) общественно-политический, касающийся позиции в обществе, отношения между этническими общностями; 5) религиозный, касающийся вероисповедования, отношения к вопросам веры; 6) культурно-бытовой, касающийся обычаев, традиций, языка, образования, кухни, одежды и т.п. На полноту отражения различных компонентов в каждом конкретном стереотипе влияет, во-первых, тип и объем рассматриваемых текстов, а во-вторых, степень близости (культурной или географической) между этническими общностями – объектом и субъектом стереотипизации.

В словаре В.И. Даля основу автостереотипа образуют слова *русский*, *Россія* и производные от них (слова с корнями-композиатами *малорус-*

/малорос-, бѣлорус-/бѣлорос- при анализе автостереотипа русского не рассматривались).

Для обозначения человека русской национальности в русском языке середины XIX в. существовало несколько лексем: *русский*, *русакъ* и их женские соответствия: *русская*, *русачка* (*Русакъ* м. 'вообще русский человекъ, русачка, русская' (Д., III, 1744)). Следует отметить, что специальные названия для обозначения женщин различных национальностей В.И. Далем приводятся не всегда, и это вряд ли связано с таким явлением, как мужская норма словаря – в словаре зафиксированы лексемы *нѣмка* (Д., II, 1459), *цыганка* (Д., IV, 1264). С другой стороны, например, встречаются, и довольно часто, этнонимы *киргизъ*, *ляхъ*, но отсутствуют **киргизка*, **ляшка*. Возможно, такие лексемы отсутствовали в лексиконе того времени, хотя возможность их образования, безусловно, программируется самой системой русского языка. Необходимость введения в активное пользование той или иной лексемы определяется тем, насколько часто человек встречается с предметом, явлением или понятием, обозначаемым этой лексемой, в жизни. Естественно, русским приходилось контактировать с народами и народностями, представительниц женского пола которых они не встречали. Подобные контакты имели место, например, в ситуации войны. В связи с этим интересно, что в словаре В.И. Даля ни разу не встречается лексема *французженка*. Большинство контекстов, в которых упоминаются представители французской национальности, так или иначе связаны с Отечественной войной 1812 года, и в этих контекстах француз, прежде всего, – солдат, воин.

Достоиным внимания, в связи с этим, является тот факт, что в словаре И.И. Носовича сходным образом представлен стереотип русского человека. Здесь лексемы со значением 'русский, русский человек' входят в два словообразовательных гнезда: 1) СГ с корнем *рос-/рус-*: *русский*, *рущизна*; 2) СГ с корнем *москв-*: *москва*, *москвитянинъ*, *московка*. Прежде всего они фиксируют представления о профессиональной деятельности русских. Эти представления отражены в значениях семантических дериватов лексемы *москва*: 1) '*русский солдатъ*' 2) '*русский плотникъ и множ. плотники*'; 3) '*русский, разбѣзжающий по торговельмъ и другимъ промысламъ*' (Н., 291). Очевидно, что носители белорусского языка середины XIX в. в повседневной жизни с представителями русского языка народа встречались не часто, для них русские – всегда пришлые: солдаты, торговцы, ремесленники на промысле.

В словаре В.И. Даля встречается еще несколько лексем, обозначающих русского человека, но сфера употребления их значительно ограничена. *Русичъ*, чаще мн. *русичи* (*русицы*) – встречается только в цитатах из памятников древнерусской письменности и в анализ системы этнических стереотипов в русском языке середины XIX в. включаться не может. *Расеець*, *расей-*

цы, сиб. 'рабочіе, мастеровые, приходящіе изъ Великороссіи' (Д., III, 1591) – в данном случае употребление ограничено территориально.

Для обозначения человека русской национальности используется также несколько лексем, не содержащих корня *-рус-/-рос-*: *кацапъ* м. юж. 'прозвище данное малоруссами великоруссамъ' (Д., II, 246), *москаль* м. юж. 'москвичъ, русскій, солдатъ, военнoслужащій' (Д., II, 912), великорусскій торгашъ (Д., II, 1149). Данные лексемы, как это и указано в словарных статьях, используются для обозначения русских людей представителями других национальностей, чаще всего имеют негативную окраску (ср.: *Кто идетъ? Чортъ! Ладно, абы не москаль. Съ москалемъ дружись, а камень за пазухой держи (а за коль держись). Москалитъ* млрс. 'мошенничать, обманывать въ торговлѣ' (Д., II, 912)). Подобные слова есть у И.И. Носовича – (см. также *москаль, москалёнокъ, москаликъ, москалюга* (Н., 291)).

Приводящийся в Виленском словаре этноним *Moskal* не имеет отрицательной коннотации (по крайней мере, ее не возможно определить по данным словаря – отсутствуют соответствующие пометы и контексты). Он нейтрален и имеет значение 'człowiek z narodu Rosyjskiego (dawniej pazuwanego moskiewskim)' (SW, 681), составляющий семантическое ядро словообразовательного гнезда: *Moskwa – Moskiewka – moskiewski – po moskiewsku – moskiewszczyzna*. Исторически этноним *Moskal* предшествовал этнониму *Rosjanin* и был образован от названия столицы Московского княжества. Помимо него (ср. также *Rosjanka* (SW, 1363)) в Виленском словаре зафиксировано несколько образованных от вариантного корня *rus-* этнонимов со значением 'представитель или представительница русского народа': *Rusin, Rusinka, Ruski, Ruska, Rusak, Rusaczka* (SW, 1426).

1. Физический аспект.

О физических данных представителей русского народа в словаре В.И. Даля практически нет сведений. Среди нескольких сотен контекстов о внешнем виде русских говорится только в двух: *Русскій народъ русский народъ* (Д., III, 1746) и *Русское племя отличается округловатостью лица, круглиною или круглотою* (Д., II, 1727). Никак не представлен этот аспект у И.И. Носовича и в Виленском словаре.

2. Интеллектуально-психологический аспект.

Гораздо полнее интеллектуальный и психологический портрет русского. Если судить по словарю В.И. Даля, основная черта характера русского человека XIX в. – его необязательность, надежда на авось: *Кое-каки м. мн., 'люди дѣйствующіе кое-какъ, на авось'. Война макаковъ с кое-каками, т.е. японцевъ съ русскими* (Д., II, 326); *Русакъ на трехъ сваяхъ крѣпокъ; авось, небось да какъ-нибудь* (Д., II, 1310); *Русскій Богъ, авось небось да какъ-нибудь* (Д., III, 1745). При этом данная черта характера осуждается: *Авось да*

небось къ добру не доведуть. <...> Небось – до бѣды (до грѣха, до опасности) (Д., II, 1310). Часто именно из-за своей беспечности русский и страдает: *Русские зябнуть въ Парижѣ по беспечью* (Д., I, 172). А вот польский язык, по данным Виленского словаря, с помощью паремии фиксирует в определенном смысле противоположное представление о русском характере, ср.: *Rusina kto oszuka będzie mądry* (SW, 1426), т.е. русский – очень хитрый и умный, его трудно обмануть. Интересно, что подобное представление характерно и для представителей другой народности, сосуществовавшей с русскими в пределах Российской империи, – для белорусов, ср. контексты *Москву не обманешъ* и *Москву одуривь* (Н., 291), последний при этом используется для обозначения особой хитрости и ловкости.

Следует отметить, что положительных черт в автостереотипе меньше, чем отрицательных. Лишь однажды упоминается, что русский человек (любой) храбр: *Страхи на ляхи, а русский не боится!* (Д., I, 298). Даже, когда речь идет о русском солдате, особо отмечается не мужество и смелость (скорее наоборот): *Коли у руссаго солдата поясница поразомнетя, да ноги поразмотаются, такъ только держись подметки!* (Д., IV, 373), а тяга к выпивке: *русский солдатъ съ австрийскимъ выпили* (Д., III, 1662).

Пьянство в словаре В.И. Даля неоднократно выделяется как одна из устойчивых характеристик русского человека: *Пьянство свойственно русскому человеку* (Д., IV, 77); *Руский человекъ похмельчивъ, любитъ похмеляться, и спивается...* (Д., III, 958), вошедшая даже в анекдоты и поговорки того времени: *Когда Богъ создалъ нѣмца, француза, англичанина и пр. и спросилъ ихъ, довольны ли они, то они отозвались довольными; русский также, но попросилъ на водку* (Д., II, 1009); *Пьетъ порусски, а вретъ понѣмецки* (Д., III, 845). При этом “определение пьющие вряд ли можно отнести к разряду отрицательных оценок, учитывая особенности русского национального мифа о питье” [57, с. 69].

Даже далеко не полный портрет русского человека в устойчивых представлениях белорусов того времени включает пьянство как характерную черту: *Не дури Москвы, ена и так дурная, знач. Не пои Руссаго, онъ и такъ уже пьянь*. (Н., 291).

Одним из элементов современного автостереотипа русского является представление о том, что русский человек обладает высокими интеллектуальными способностями, особым даром творчески решать поставленные перед ним обстоятельствами задачи. Данные русского языка середины XIX в. позволяют сделать совершенно иной вывод об этом аспекте этнического автостереотипа у носителей языка того времени. В словаре В.И. Даля как устойчивое выражение, обозначающее особый тип ума, выделяется словосочетание *русский ум*: *Русский умъ – задній умъ, запоздалый* (Д., III, 1745),

спохватный умъ (Д., IV, 463), *русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ* (Д., I, 1437), т.е. такой ум, который реагирует на событие или явление только по прошествии какого-то времени. Кроме того, например, *Нѣмецъ своимъ разумомъ доходитъ (изобрѣтаетъ), а Русскій глазами, т.е. перенимаетъ* (Д., I, 1208), т.е. русский человек обладает скорее репродуктивным, чем творческим типом мышления.

Медлительность и запоздалость в решении вопросов, небрежное отношение ко времени отражается и в стереотипе, сложившемся в сознании поляка того времени, что отражено во фразеологическом обороте *ruski miesiąc*, имеющем значение ‘*czas bardzo długi*’ (SW, 1426), и в многочисленных контекстах, содержащих данный оборот: *Dam ja mi, że poramięta ruski miesiąc; leżał potem z ruski miesiąc; Będziesz na mnie czekał ruski miesiąc* (SW, 1426).

3. Общественно-политический аспект

Отношение к общественному укладу русской жизни в словаре В.И. Даля выражено лишь в общих чертах и наиболее ярко представлено в следующем примере: *Царелюбивый народъ русскій* (Д., IV, 1250).

В масштабе отдельной семьи подчеркивается, что *русскій человекъ безъ родни не живетъ* (Д., III, 1700).

3.2.1.4. Религиозный аспект

Традиционным и доминирующим вероисповеданием в России середины XIX в. было православие. Причем, в русском языковом сознании настолько тесно слились понятия *русский* и *православный*, что лексемы, их обозначающие, часто и легко взаимозаменялись. Например, *Православный государь, русскій. Православные, русскій народъ* (Д., III, 992). И наоборот: *Русской, крещоный, христіанинь. Что ты, тварь, въ рускіе не окрестился* (Д., III, 1745).

Такое слияние наблюдается и в польском языке, о чем можно судить по дополнительным значениям, которые развились у лексем с основным значением ‘россиянин’, ‘россиянка’: *Ruski, Ruska ‘mężczyzna, kobieta rodem z Rosji, lub też wyznania greko-rosyjskiego*’ (SW, 1426); *Rusak ‘1) Rusin, 2) mężczyzna wyznania wschodniego*’ (SW, 1425); *Rusaczka ‘1) Rusinka, 2) kobieta wyznania wschodniego, dla odróżnienia od katoliczki*’ (SW, 1425). Данный аспект этностереотипа также отражен в устойчивых словосочетаниях, связанных с православным обрядом *kalendarz ruski, cerkiew’ ruska* (SW, 1426).

5. Культурно-бытовой аспект

Культурно-бытовой аспект является важным элементом этностереотипа вообще и этнического автостереотипа в частности. Культурно-бытовой аспект этностереотипа включает в себя обычаи и традиции, связанные с

одеждой, кухней, устройством дома и хозяйства, музыкальной культурой народа, воспитанием и т.п.

В русском языке середины XIX в. было очень четко зафиксировано, что значит вести себя по-русски и что значит вести себя не по-русски. Так, в словаре В.И. Даля мы находим объяснение, что *обойтись с кем-нибудь по-русски* значит *поколотить его, побить; угощать по-русски* значит *угощать торопато, хлебосольно; ругаться по-русски* значит *ругаться похабно, непристойно; кланяться по-русски* значит *кланяться не приседая, а наклонять головы* (Д., III, 845). Во всех приведенных случаях словосочетания, имеющие значение 'делать что-либо по-русски', по своей форме и функциям приближаются к фразеологизмам, а значит, отражают уже сложившиеся, устойчивые, стереотипные представления о народе.

Любопытно, что некоторые из этих характеристик получают своеобразное преломление в белорусском и польском языках. Так, носители первого полностью поддерживают автохарактеристику в том, что касается непристойных выражений. Для обозначения русского языка и русской грамоты использовалась лексема *руцизна* '*русский говор, язык*' (Н., 569), которая также могла употребляться в значении '*русская ругательная срамная выражения*': *Руцизноу зневаживь мене передь людзьми* (Н., 570).

С другой стороны, в сознании носителей польского языка, по крайней мере по представлению, отраженному в Виленском словаре, существовало совершенно иное представление о следующей важной, практически хрестоматийной черте русского характера – о гостеприимстве. Во фразеологизме *ruski dar*, имеющем значение '*dawszu, znowu się upominać*' (SW, 1426), нашло отражение представление о типично, по мнению поляка, русском способе поддержания отношений – неоднократном напоминании о единожды совершенном благодеянии.

Характеристика *русский* является устойчивой и при описании некоторых сторон хозяйственного устройства жизни русского народа: *русская упряжь/ѡзда, русская изба, русская коса, русская баня, русские ворота, русская крыша, русский плугъ, русская соха, русская ложка*. Во всех приведенных случаях речь идет об особых разновидностях предметов, свойственных именно русскому типу хозяйства. Однако самым типичным элементом русского хозяйства, по данному языку, является печь особого типа, что и отражено в частности словосочетания *русская печь* в словаре В.И. Даля – 47 раз (или 6,5 % от общего количества употреблений слов с корнями *-рус/-рос-*). Таким образом, можно сделать вывод, что типично русским хозяйством, в представлении носителя языка, является традиционное крестьянское хозяйство.

То же можно сказать и о манере одеваться. Одеваться по-русски значит одеваться традиционно, по старому обычаю: *Онъ ходитъ постарому, постаринному, одѣвается по-русски, въ круглый, неразрѣзной кафтанъ* (Д., III, 895); *Одежда руская, наша народная* (Д., II, 1670). При этом отход от традиции не приветствуется и осуждается: *Гребѣница ж. укорно, покинувшая русскую одежду, замѣнившая головной платок гребенкой* (Д., I, 972); *французская или нѣмецкая [одежда], фракъ или разрѣзной сзади сюртукъ, чего старики наши не любятъ* (Д., II, 1670).

Что касается русской кухни, то ее основные характеристики – простота и обильность: *Русскій столъ: горячее (щи, борщи, похлебка) и ботвинье; холодное (говядина, студень, рыба, заливное); жареное, жаркое; рыба; пироги (кулебяка, курникъ, подовые и пр.), каша (иногда ко щамъ), сладкій пирогъ, разныя заѣдки* (Д., IV, 547); *Поварской столъ, учоный, французскій. Столъ кухарочный, нѣмецкій, либо рускій* (Д., III, 357); *Сытень русскій столъ, голодень французскій* (Д., IV, 685).

У носителей же польского языка бытовало представление о русской кухне как о чем-то очень вкусном, деликатесном. Это представление отражено в паремии *Nie upasiesz go choćbyś mi ruskie pirogi smażyć* (SW, 1426). Возможно, подобное представление связано с тем, что в середины XIX в. Польша входила в состав Российской Империи, где русские были титульной, правящей нацией, и то, что имело отношение к этой титульной нации, считалось элитарным и пользовалось особым успехом.

Традиционная музыкальная культура русских – это песни и пляски. Русские песни чаще хоровые, разноголосые. Они также отличаются особой распевностью: *Въ русской пѣснѣ слышится просторъ души* (Д., III, 1344); *Въ русской пѣснѣ разгулъ слышенъ* (Д., III, 1502). Для плясок же характерны активные движения: *Русскую пляшутъ – и присѣдаютъ, и прискакиваютъ* (Д., III, 1154); *Баланжа ж. донинѣ сохранившаяся старинная (русская?) пляска. Бить баланжу выходитъ изъ себя, неистово кричать и метаться, бѣсноваться* (Д., I, 106).

А вот представление о русских как о работниках в автостереотипе отсутствует практически полностью (если не считать общих негативных характеристик, о которых шла речь выше). Однако подобная важная черта содержится в представлении белорусов. Выше уже говорилось о том, что русские представлены в этом случае как пришлые работники. Кроме того, намного чаще, чем непосредственно представителей данной национальности, этнонимические дериваты с корнями *рос-/рус-* и *москв-* обозначают товар, сделанный в России и привезенный из России: *московка 'топоръ Русскаго издѣля'* (Н., 291); *московщина '1) тонкій холстъ Русскаго издѣля; 2) вообще Русскій товар'* (Н., 291); *руцизна 'Русское издѣлие'* (Н., 569).

На наш взгляд, исследователи, изучающие языковые стереотипы, недостаточно полно используют такой источник, как словари. Лексикографические источники XIX в. дают возможность реконструировать систему ЯЭС, представляющую собой часть языковой картины мира определенного народа, что существенно отличает их от современных словарей национальных языков, в которых отражению реальных этнических стереотипов препятствует существующая цензура. Тогда как словари XIX в. демонстрируют языковую систему намного шире, фиксируя пласты лексики, которые обычно не находят отражения в толковых словарях современных языков.

Примечания

- ¹ *Плотникова А.А.* Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2000. С. 10.
- ² *Лотман Ю.М.* К проблеме типологии культуры // ТЭС. 1967. Т. 3. С. 33.
- ³ *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртэне. СПб., 1903–1909. Т. 1–4.
- ⁴ *Насовіч І.І.* [1870] Слоўнік беларускай мовы. Мн.: БелЭн, 1983.

Представление Ветхого Завета о труде в славянских переводах Псалтыри

Abstract:

Kozhinova A.A. *The Old Testament labor conception in Western and Eastern Slavic translations of the Book of Psalms.*

This article examines the conception of Hebrew lexemes connected with labor naming in Western and Eastern Slavic translations starting with the Psalms of Cyril and Methodius' tradition and finishing with the 16th century translations.

Ключевые слова: Ветхий Завет, Еврейская библия, славянские переводы, лексическое значение, труд.

В системе ценностей, существующей в человеческом сознании, *труд* выступал и выступает как ценность весьма противоречивая. Человек всегда осознавал, что не сможет существовать без труда (причем не только в материальном смысле), но также для него всегда было абсолютно понятно, что, не трудясь, жить легче. Подобное амбивалентное отношение обусловило семантику и прагматику лексем, представляющих эту категорию в тексте Псалтыри, и в разной степени и различным образом повлияло на славянские переводы этой великой книги.

В первом славянском переводе псалмов – Синайской псалтыри – лексема *трудоу* встречается 15 раз, при этом наиболее интересными представляются употребления Пс. 9:28¹, Пс. 54:11 и Пс. 89:10. О семантике этой лексемы С.М. Толстая писала: «В церковнославянском языке основным значением слова *трудоу* является 'страдание, мучение, болезнь; беспокойство, горе; трудность, тяжесть, тяжкое положение'... В этом значении оно употребляется в псалтыри и других богослужебных книгах. По сравнению со старославянским, где это слово, согласно Старославянскому словарю, имеет два основных значения: 1. 'усилие (также плоды труда, усилий, аскетическая жизнь, мученический подвиг)' и 2. 'затруднение, трудность'..., в церковнославянском усилено значение страдания, боли, мучений, хотя это различие может быть следствием разных толкований, принадлежащих авторам словарей»². Как представляется, отсутствие в толковании лексемы *трудоу* названной страдательной составляющей обусловлено тем, что «Старославянский словарь» по непонятной причине не приводит названные выше фрагменты³. А именно в них мы встречаем сочетание *трудоу* и *болѣзнь*, например, в Пс. 9:28⁴: *подъ ѡзыкомъ емоу трудоу и болѣзнь*.

Думается, что именно эти фрагменты в большой степени повлияли на формирование того значения рассматриваемого слова, которое позже было унаследовано церковно-славянским языком.

В лексической системе старославянского языка семантические отношения сформировались таким образом, что лексема *трудоѣ* была вынуждена принять на себя функцию обозначения трудовой деятельности, поскольку слово *работа*, полностью в соответствии со своим происхождением и внутренней формой, обозначала рабский труд, ср. Пс. 104, 17 в Синайской псалтири: *въ работѣ проданъ бысть іосифъ*.

Однако в текст Псалтири *трудоѣ* попадает, в том числе, и для перевода древнееврейского לָמַד , означающего как 'беспокойство, тревога, заботы, хлопоты, трудность, неприятности, болезнь, вред, повреждение, зло, ущерб', так и 'тяжелый труд, работа'⁵. И в Синайской псалтири эта лексема может также переводиться как *болѣзнь*: *се болѣ неправдѣ: Зачи́тъ болѣзнь і роди безаконнѣ* (Пс. 7.15); *обратисьѣ болѣзнь его наглавьѣ емоу: И на врѣхъ емоу неправда его съидеть* (Пс. 7.17); *видиши ѣко ты болѣзнь і брость смотриши* (Пс. 9.35). Интересно, что эти, следующие подряд фрагменты – единственные примеры подобного перевода. Далее לָמַד в тексте Псалтири переводится только при помощи лексемы *трудоѣ*.

Однако подобная трактовка не является произволом славянского переводчика, поскольку здесь он старательно следовал за создателями греческого текста LXX. Приведенная выше формула *трудоѣ* и *болѣзнь* – ἰσὴ λᾶμ оригинального текста – соответствует греческому сочетанию *κόποςκαίπνοϋς*, где *κόπος* переводящее др.-евр. לָמַד , имеет значение 'усталость, изнурение, слабость', а также и 'труд, тягость', а *πνοϋς* переводит др.-евр. לָמַד 'забота, беспокойство' и означает 'труд, работа, тягость, напряжение, борьба' и 'страдание, мука, горе, несчастье, бедствие, боль или болезнь'⁶. По сути дела, славянский переводчик вообще имел право перевести рассматриваемое сочетание тавтологически, однако на протяжении всего текста Псалтири он последовательно переводил *κόπος* как *трудоѣ*, а *πνοϋς* как *болѣзнь*. Именно этим обусловлены указанные выше разночтения трактовки др.-евр. לָמַד , так что за непоследовательность в переводе древнееврейского оригинала целиком ответственны создатели LXX.

Славянские переводчики определенным образом были обречены и на перевод неточностей LXX. Так, в греческом тексте в стихе Пс. 87.16 встречаем $\text{ἐνκόποιςἐκνεότητός}$ (дословно 'в трудах (в усталости, изнурении?) с юности') как соответствие др.-евр. $\text{עָמַל עַל יְלָדוּתוֹ}$ (дословно 'я готов умереть (в умирании) с юности'), что, безусловно, не совсем верно. Можно предположить, что переводчик, ориентируясь на текст, в котором, как известно, не было пробелов между словами, усмотрел в оригинале сочетание עָמַל (фи-

нальная часть глагольной формы и начала служебного слова), на основании чего мог сделать вывод о наличии в тексте обычно переводимой при помощи *кѡлос* лексемы *лѣтѣ*. Соответственно, в славянском тексте Синайской псалтири обнаруживаем: *ништь есмь азъ и въ трудѣ ѣхъ отъ юности моея* (Пс. 87.16). Безусловно, подобный контекст добавил в семантику лексемы *трудѣ* представление о страданиях и мучениях.

Нельзя, однако, сказать, что славянский переводчик был лишь послушным копиистом греческого оригинала. Многие примеры демонстрируют его тонкую работу, прекрасное знание семантики греческих слов и попытки поправить существующие в LXX неточности, даже если это может восприниматься с первого взгляда как переводческая непоследовательность. Так, стих Пс. 77.51 в Синайской псалтири читается следующим образом: *начыто къ всь ѣкого трудодаѣхъ въ селѣхъ хамовѣхъ*. В данном случае форма *трудода* переводит греч. *τῶν πόνων* – gen. pl. *πόνος*, которое, как было сказано выше, обычно представлялось как *болѣзнь*. Переводчик был поставлен в трудную ситуацию – контекст стиха здесь абсолютно не предусматривает болезни. Но дело в том, что лексема *πόνος* ошибочно находится в данной позиции. Здесь ей соответствует др.-евр. *יִסָּ* ‘сила’⁷, совпадающее по составу согласных с упомянутым выше словом *יָזַח* ‘забота, беспокойство’, которое обычно и переводилось как *πόνος*. Как известно, в оригинале, которым пользовались переводчики LXX, отсутствовали огласовки, поэтому в ее тексте встречаются подобные ошибки.

Предложенные способы перевода сохранились и в церковно-славянском тексте Псалтири: «Последней Елизаветинской комиссии принадлежит честь пересмотра славянского перевода Псалтири и книг Нового Завета. Пересмотр этот, по особенному поручению Святейшего Синода, произведен был с исключительной осторожностью. Исправители обязывались сверить эти части Библии «с греческими множайшими и различными свидетельствованными составами и отцов святых толкованиями» и исправить согласно с ними, но исправления свои выставлять только на полях страниц, а не вносить в самый текст, который должен был оставаться неизменным и в новом издании Библии»⁸ (Евсеев 1916). Следовательно, на протяжении нескольких веков представление о труде, ассоциируемом с болезнью, формировало сознание православных верующих. В цитированном исследовании С.М. Толстой приводятся убедительные диалектные примеры, доказывающие наличие у труда «страдательной» составляющей, при этом обращает на себя внимание тот факт, что практически все доказательство располагаются на территории *Slavia Orthodoxa*, что могло бы служить косвенным подтверждением влияния на языковое сознание людей соответствующих текстов Священного писания – в его церковно-славянской версии.

О подобном влиянии свидетельствует и тот факт, что лексема *трудоу* в соответствующих псалмах встречается и в издании Библии Франциска Скорины, в переводе, который, по мнению большинства исследователей, несмотря на использование его создателем во многих случаях чешских библейских версий и латинского комментария Николая Лиранского, имеет православную основу⁹, ср. Пс. 9,28: *подъ языкомъ его трудоу и болѣзнь*¹⁰.

Можно, следовательно, предположить, что переводчик Синайской псалтири обнаружил в языке, еще не потерявшем древнего синкретизма, достойный эквивалент для полисеманта греческого и, соответственно, древнееврейского оригинала. На протяжении нескольких веков подобное употребление определяло сознание православных верующих. Однако в процессе развития языка лексема *трудоу* утрачивала элементы своей семантики, с течением времени стала восприниматься во многих рассматриваемых фрагментах чужеродно и была ликвидирована в Синаодальном переводе. На ее месте появились лексемы *злоба* (Пс. 7.15, 17)¹¹, *мучение* (Пс. 10.7), *обида* (Пс. 10.14), *изнеможение* (Пс. 25.18), *злодеяния* (Пс. 55.11), *насилие* (Пс. 94.20). Лексемы же *труд* или *работа*, которая уже к этому времени приобрела возможность нейтрального, не окрашенного негативно обозначения трудовой деятельности, сохранились в тех фрагментах, где контекст более или менее обосновывал их наличие, ср. *и дал им земли народов, и они наследовали труд иноплемennых* (Пс. 105.44) или *на работе человеческой нет их, и с прочими людьми не подвергаются ударам* (Пс. 73.5). И даже упомянутая выше формула *труд и болезнь* сохранилась только в одном фрагменте – в молитве Моисея, человека Божия, там, где говорится о временности человеческого существования и о бренности его: *Дней наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим* (Пс. 90.10).

В тоже самое время западнославянские переводчики изначально не замечали древнего семантического синкретизма. Так, в первой редакции чешских библейских переводов, куда относятся Библии Лесковецко-драждянская (1360 г.) и Оломоуцкая (1416 г.), представлена лексема *úsilē: pod uazyket gehou fylea boleŕŕ*¹². По данным исторического словаря эта лексема имеет значение ‘усилие, напряжение, труд’¹³. Более того, и в четвертой редакции чешского библейского перевода, к которому относятся, в частности, Кугногорская (1489 г.) и Венецианская (1506 г.) Библии, представлена эта же лексема: *pod iazykem gehou fylea boleŕŕ*¹⁴.

Интересно другое – почему в чешских библейских переводах не использовано слово *práce*. По данным «Старочешского словаря»¹⁵, оно, во-первых, обозначает трудности, лишения, тяжелые физические и психические нагрузки, далее – угнетение, потом – умственное и физическое напря-

жение, и лишь в качестве 4-го значения приводится обозначение трудовой деятельности. Казалось бы, именно эта лексема предоставляла нужный для перевода семантический синкретизм, однако она не была использована.

Следует, однако, обратить внимание на то, что «Старочешский словарь» в качестве иллюстрации к первому значению лексемы *práce* приводит цитату из Еккл. 2, 11 в переводе Лесковецко-драждянской Библии: *ve všem semvi děljěšitenstvie a praczyméhouma*. В данном случае рассматриваемой лексеме соответствует лат. *afflictionem* как соответствие др.-евр. לַעֲרָ, в то время как в Псалтири в рассматриваемом стихе 9.28 во всех версиях Вульгаты стоит *laboretdolor*, в которой *labor* значит ‘напряжение, труд, работа’, но также и ‘трудность, бедствие, тяготы, мука, страдание, болезнь, боль’, а *dolor* – ‘боль, страдание, скорбь, огорчение, печаль’¹⁶. Употребление этих лексем в Псалтири Вульгаты последовательно соответствует употреблению κόλοςκαιπόνος в LXX, а также אָרָבִיךְ древнееврейского текста.

Таким образом, чешские переводы обнаруживают удивительное единство, не видя в данной позиции синкретизма древних текстов. Иржи Мелантрих, чье более позднее библейское издание относится к упомянутой уже 4-ой редакции, по-видимому, чувствовал несоответствие и заменил в Пс. 9, 28 слово *úsilé*, но снова не использовал лексему *práce*, которая этот синкретизм могла бы представить: *pod jazykem geho ob tužnofta bolest*¹⁷.

Видимо, перевод этого фрагмента вызывал сомнение, поиски продолжались. И в протестантской Кралицкой Библии, создатели которой использовали для перевода Ветхого Завета древнееврейский текст, появляется новая версия, в которой выступает лексема *trápení* ‘мучение’: *pod jazykem jeho trápení a starost*¹⁸. Нужно сказать, что эта же лексема выступала в Кралицкой Библии и в Екклесиасте для перевода לַעֲרָ, ср. Екк. 2.11: *marno statrápení ducha*.

Из сказанного выше можно предположить, что те переводчики, которые ориентировались на Вульгату, видели первое значение лат. *labor* ‘труд’, а использующие древнееврейский текст – первое значение אָרָבִיךְ: ‘трудности, неприятности, болезнь, мучение’.

Это наблюдение подтверждается анализ омпольских переводов. Так, в ранних польских версиях Псалтири (Флорианской и Пулавской (XIV в.)), которые делались с опорой на старочешские переводы этой книги, в Пс. 9, 28 мы находим слово *robota*, которое соответствует первому значению лат. *labor*: *pod językiem jego roboty i *leść*¹⁹; *pod językém yego roboty ý bolefzcz*²⁰.

Здесь следует вспомнить, что слово *praca* появляется в польском языке с XIV в., так что в ранних Псалтирях мог и не использоваться неологизм. А уже в католической версии Библии, составленной Яном Леополитой,

профессором Краковской академии (1561 г.), в первый раз в этой позиции встречается лексема *praca*: *á pod ięzykiem iego praca y boleść*²¹. Кстати, это еще один аргумент против того, чтобы, как это делают некоторые исследователи²², увязывать Библию Леополиты с изданием Мелантриха, в котором, как мы видели, в этом стихе стоит совсем другая лексема. Здесь мы можем сказать, что переводчик этой польской библейской версии ориентировался непосредственно на латинский текст Вульгаты. То же самое можно говорить о Псалтири иезуита Якуба Вуека (1594 г.), ставшей для поляков-католиков канонической в составе полного текста Библии (1599 г.): *pod ięzykiem iego praca y boleść*²³.

Здесь нужно отметить, что в польском языке чешское заимствование *praca* уже в качестве первого имела значение 'труд, усилие, действие, занятие, старание'²⁴, и только как производное от него дается 'мучение, страдание, беспокойство', причем с меньшей употребительностью этого лексико-семантического варианта²⁵.

А вот у Сымона Будного (его Библия была издана в 1574 г.), в отношении которого является непреложным тот факт, что он пользовался масоретским древнееврейским текстом, встречаем соответствующую первому значению др.-евр. לָמַץ лексему *boleść*: *pod ięzykiem ie^o boleśćynieprawość*²⁶. Повидимому, этот же оригинал инспирировал появление лексемы *uprzykrzenie* в Радзивилловской Библии (1563 г.), создатели которой, по крайней мере, прокламировали использование при переводе древнееврейского текста: *pod ięzykiem iegou przykrzeniezłość*²⁷. Это подтверждает высказанное выше предположение о влиянии языка оригинала на семантику переводной лексемы: 'труд' или же 'болезнь, страдание'.

Однако не все переводческие варианты можно свести к характеру оригинального текста. Так, в стихотворной версии Яна Кохановского (1579 г.) на выбор лексемы, безусловно, повлияли законы стихосложения: *Ufía iego przekłętwapełné / yzdrády: Język rozterkišieié / ykrwáwé zwady*²⁸.

И в Псалтыри, которую перевел Валенты Врубель, ортодоксальный католик и полемист, используя в качестве оригинального текста Вульгату (латинские стихи приводятся в издании параллельно польскому тексту), мы находим совсем иную лексему, нежели в других католических версиях: *pod ięzykiem iego smuteku żalofc*²⁹. Однако о переводческой технике Врубеля известно, что он отдавал предпочтение аллегорическому смыслу стихов³⁰. Его версия возникла позаказу жены воеводы из Шамотул, которая выражала желание всех польских женщин получить понятную, снабженную толкованием Псалтирь. Он передал переносный смысл псалмов, о чем можно судить, в частности, из его глоссы к рассматриваемому стиху, где он подробно объясняет, что грусть и сожаление (*smuteku żalofc*) у христианского народа

будут вызываться действиями Антихриста:
NiedofycItakzleAntychrifibędziemyflit aleteż
ZłorzeczeniaybluznieniaboobędzieJefufabluznił.To iest, tylko smutek y załofc
będzie on zadawał ludu świętemu.

Из сказанного выше можно сделать вывод о размывании древнего семантического синкретизма в славянских языках. Если старославянское *трудоу* обладало им и в определенной степени передало церковнославянскому, то в западной традиции, имеющей более позднее начало, переводчики видели, в лучшем случае, первое значение лексем тех оригиналов, которые они переводили. И если в соответствующих словарях все-таки представлено соединение в семантике одной лексемы различных смыслов, то это является отражением ее употребления в различных контекстах как соответствие различным оригинальным лексемам, а не представление ее внутренней сущности.

Примечания

¹Нумерация псалмов в соответствии с LXX.

²*Толстая С.М.* Труд и мука // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 115.

³Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков). М., 1994. С.702–703.

⁴Здесь и далее Синайская псалтирь цитируется по изданию *Северьянов С.* Синайская псалтирь. Graz, 1954.

⁵*Brown F., Driver S.R., Briggs Ch.A.* A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix Containing the Biblical Aramaic, Based on the Lexicon of William Gesenius. Oxford, 1907. P. 765.

⁶*Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. Спб., 1899. С. 722, 1034.

⁷*Brown F. etc.* I *ibid.* P. 20.

⁸*Евсеев И.Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пгр., 1916. [Электронный ресурс. Режим доступа: http://bibliapologet.by.ru/statii/Slav_b.htm].

⁹*Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. Спб., 1999. С. 203.

¹⁰Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 г.г. Т. 3. Мінск, 1991. Пс. 9. 28.

¹¹Псалмы нумеруются в соответствии с нумерацией Синодального перевода.

¹²Bible olomoucká. [Электронный ресурс.Режим доступа: <http://dig.vkol.cz/dig/miili/index.htm>]. Пс. 9.28.

¹³Malý staročeský slovník. Praha, 1978.

¹⁴Bible kutnohorská. Kutná Hora, 1489. Пс. 9.28.

¹⁵Staročeský slovník. Seš. 21. Praha, 1996.

¹⁶*Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 2000. С. 435, 265.

¹⁷Bibli Czeska. Ed. 2. Praha, 1557. Пс. 9. 28.

¹⁸Biblij Swatá. Kralice, 1596. Пс. 10.7.

¹⁹Psalterz Floriański. [Электронный ресурс. Режим доступа:

http://staropolska.pl/sredniowiecze/biblia_i_apokryfy/psalterz_florianski]. Пс. 9. 28.

²⁰Psalterz Puławski. [Электронный ресурс. Режим доступа:

<http://www.archive.org/stream/psalterzpuawski>]. Пс. 9. 28.

²¹*Leopolita*. Faksimile der Ausgabe Krakau 1561. Paderborn etc., 1988. Пс. 9. 28.

²²См. например, *Kossowska M.* Biblia w języku polskim. Т. 1. Poznań, 1968. S. 207-208.

²³ Biblia w przekładzie J.Wujka z 1599 r. Transkrypcja typu B. Warszawa, 2000. Пс. 9. 28.

²⁴Słownik polszczyzny XVI wieku. Т. 30. Warszawa, 2002. S. 2.

²⁵ Ibid. S. 17.

²⁶Biblia, to iest księgi Starego i Nowego przymierza z nowu z ięzyka ebrejskiego, greckiego, łacińskiego przełożona z predmową S. Budnego, jako tłumacza. Nieśwież, 1570; Zaslów, 1570-72. Пс. 10.7.

²⁷ Biblia Święta, to iest księgi Starego y Nowego Zakonu własnie z żydowskiego, greckiego i łacińskiego na polski język z pilnością i wiernie wyłożone. Brześć Litewski, 1563. Пс. 10.7.

²⁸ Psalterz Dawidów przekładnia Jana Kochanowskiego. Kraków, 1587. Пс. 9. 28.

²⁹Zołtharz Dawidow, przez Mistrzá Wálántego Wroblá, niekiedy kaznodzieję Poznańskiego, na rzecz polską wyłożony. Kraków, 1567. Пс. 9. 28.

³⁰*Pietkiewicz R.* Pismo święte w języku polskim w Latach 1518 – 1638. Sytuacja wyznaniowa w Polsce a rozwój edytorstwa biblijnego. Wrocław, 2003. S. 84.

Оппозиция «свой – чужой» в классических древнеболгарских произведениях

Abstract:

Micheva-Pejcheva K. *Opposition own - somebody else's in the classic Ancient Bulgarian literature.*

Through the binary oppositions might be developed entire analysis - diachronic or synchronic, of the cultural and language phenomena. The opposition o.'s own - somebody else's lies amongst the basic binary oppositions. In my study I have committed with the following tasks: to present how the o.'s own - somebody else's (thing) show the specificity of Ancient Bulgarian literature; to analyse the correlation between both components of the opposition; to find the reason for it to be assymetric. The study tries to give answers to the issues, related with the characteristics of the opposition, namely in the selected texts, to define the reasons for occurence of new synonymic lines, to give a new perception of the postulated border between o.'s own - somebody else's. The apporoach to the problem shall be realized through analysis of the various cultural codes, upon which it is made the original separation of o.'s own - somebody else's.

Ключевые слова: этнолингвистика, лексической семантики, бинарные оппозиции, оппозиция свой – чужой, культурный код, концепт.

Лингвистическая традиция рассмотрения анализируемых объектов как членов оппозиции опирается на типологическую характеристику оппозиций, рассмотренную в ряде трудов Н. Трубецкого и изложенную последовательно в «Основах фонологии»¹. Идеи Н. С. Трубецкого были развиты последователями структурализма в различных гуманитарных областях знаний, в основном, в языкознании. Они нашли приложение в психолингвистических разработках, в том числе, Е. Герганова: «Наиболее типичными противоположностями являются бинарные оппозиции, в которых один член оппозиции представляет один полюс некоторого признака, свойства, характеристики, а другой – противоположный полюс. Данная биполярность проявляется на различных уровнях. В области лексической семантики это пары антонимов, например *высокий – низкий, длинный – короткий, гладкий – шероховатый и др.*»². В конце XX и начале XXI века бинарная модель становится основополагающей в этнолингвистических исследованиях Н. И. Толстого и С. М. Толстой. По мнению С. М. Толстой, семантические оппозиции – «это один из основных механизмов содержательного плана культурной традиции, организующий, упорядочивающий и структурирующий набор единиц симво-

лического языка культуры, определяющий основные параметры символизации и оценки реалий внешнего мира и самого человека»³.

На основе бинарных оппозиций может быть проведен целостный (как синхронический, так и диахронический) анализ культурных и языковых феноменов. В то же время, каждая культурная традиция создает свою специфическую иерархию оппозиций, в которой отражаются национальные культурные устои и ценности.

В русской, польской и болгарской этнолингвистике и лингвокультурологии в исследованиях, посвященных семантическим оппозициям, в качестве основных называются: мужской – женский, правый – левый, свой – чужой, четный – нечетный, верх – низ⁴; верх – низ, высоко – низко, белое – черное, темное – светлое, день – ночь, мужское – женское⁵; видимый – невидимый, внешний – внутренний, белый – черный, чистый – грязный, сухой – мокрый, целый – начатый, первый – последний, здоровый – больной, живой – мертвый⁶; хаос – космос, порядок – беспорядок, чистота – нечистота⁷; положительное – отрицательное, хорошее – плохое, правое – левое, мужчина – женщина, день – ночь, жизнь – смерть⁸; свое – чужое, добро – зло, хорошее – плохое, чистое – нечистое⁹. В балканском мировоззрении основополагающей оппозицией является оппозиция свое – чужое, которая коррелирует с оппозициями внутреннее – внешнее, близкое – далекое, положительное – отрицательное¹⁰.

Следовательно, оппозиция **свой – чужой** является одной из базовых бинарных оппозиций. Она прямо или косвенно присутствует во всех указанных исследованиях. Противопоставление внешнего и внутреннего, хаоса и космоса, чистоты и нечистоты коррелирует с оппозицией свой – чужой. В соответствии с теорией В. Н. Топорова и В. В. Иванова, реконструкция древних религиозных славянских систем RS и в частности на уровне официального пантеона I-RS может быть исключительно точной, при этом структура определяется рядом значимых противопоставлений, которые являются универсальными для всех систем этого типа. Основной принцип противопоставления, по мнению авторов, – отношение коллектива, положительное или отрицательное. Ученые выделяют четыре вида оппозиций:

1. Противопоставления, связанные с наиболее обобщенными и абстрактными характеристиками, нелокализованными во времени и пространстве: счастье – несчастье, жизнь – смерть, четное – нечетное.
2. Противопоставления, связанные с пространством: правый – левый, верх – низ, земля – небо, восток – запад, север – юг.
3. Противопоставления, связанные со временем: день – ночь, солнце – луна, а также более специфические: белый – черный, светлый – темный.
4. Противопоставления, характеризующие социальные отношения в широком смысле: свой – чужой, близкий – дальний, мужской – женский, старый – молодой и т.д.

По мнению В. Н. Топорова и В. В. Иванова, все исследованные оппозиции с ритуальной точки зрения обобщаются в противопоставлении сакральное – профанное. Данная оппозиция, определенная как наиболее значимая, напрямую связана с оппозицией **свой – чужой** (обуславливает ее и обусловлена ей). Несомненно, сакральное связано со своим как в пространственном, так и в духовном плане и, соответственно, профанное соотносится с чужим, неусвоенным, незнакомым, нерегламентированным.

Н. И. Толстой считает, что бинарные оппозиции могут быть исследованы и в отдельно взятой культурной традиции, связанной с одним этносом. Именно в этом контексте проводится и данное исследование оппозиции **свой – чужой** в классических древнеболгарских произведениях.

Древнеболгарский язык (в русской лингвистической традиции и «старославянский») возникает в IX веке как результат переводческой и творческой деятельности святых братьев Кирилла и Мефодия, их учеников и последователей на территории Болгарии во время правления князя Бориса и царя Симеона. На этом языке, который по своей этнической принадлежности является болгарским, а по функции – общеславянским, так как в определенные периоды времени используется моравскими, паннонскими славянами, болгарскими, русами, украинцами, сербами и хорватами, создается большое количество памятников. Большая их часть сохранилась только в более поздних списках. Наше исследование опирается только на классические древнеболгарские памятники, созданные или переписанные в X-XI веке. Использована полная эксерпция материала из Архива Словаря древнеболгарского языка¹¹ в Секции истории болгарского языка при Институте болгарского языка Болгарской академии наук.

Семантические реализации оппозиции **свой – чужой** прослеживаются в следующих произведениях, которые процитированы с использованием соответствующих сокращений:

Маринское евангелие – М; Зографское евангелие – З; Ассеманиево евангелие – А; Саввина книга – СК; Синайская псалтырь – СП; Синайский евхологий – СЕ; Синайский служебник – СС; Сборник Клоца – К; Супрасальская рукопись – С; Енинский апостол – Е.

Прочитированные в данном исследовании примеры не претендуют на исчерпываемость. Их цель – проиллюстрировать наиболее значимые проявления оппозиции **свой – чужой** в классических древнеболгарских произведениях. Контексты подобраны таким образом, чтобы представить как традиционное употребление понятий **чужой** и **свой**, так и менее характерные реализации данной оппозиции. Существует множество примеров перехода своего в чужое и обратно. Так создаются два пограничных субъекта – «свой среди чужих» и «чужой среди своих», которые завершают и, в то же время,

разворачивают разноликий и многослойный портрет представления о своем и чужом, своем в чужом и чужом в своем.

В рамках данного исследования предполагается решить следующие задачи: показать, каким образом концепты **свое** и **чужое** подчеркивают специфику древнеболгарских памятников; анализировать соотношение двух компонентов оппозиции; выявить причины асимметричности оппозиции. В исследовании предпринимается попытка ответить на вопросы, связанные с характеристиками оппозиции именно в подобранных текстах, определить причины появления новых синонимических рядов, дать новое осмысление установленной границы между **своим** и **чужим**. Подход к проблеме будет реализован посредством анализа различных культурных кодов, через которые преломляется исконное разделение на **свое** и **чужое**. Принимается следующая дефиниция термина «культурный код»: «культурный код - это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов»¹². По мнению авторов, наиболее универсальным кодом в семиотике является языковой код. Культурные коды делятся на два вида: вербальные и невербальные. Все рассматриваемые далее коды принадлежат к первому виду.

Оппозиция **свой** – **чужой** имеет свои материальные и духовные аспекты, именно это мотивирует выбор культурного кода как основной структурирующей единицы исследования. Оппозиция реализуется во многих культурных кодах, среди которых наиболее значимыми являются следующие: телесный, вещественный, животный, архитектурный, антропогенный, духовно-религиозный, временной, пространственный код. Для большей ясности сначала будет рассмотрена культурная парадигма своего, которая представлена более широко и более развита в данном историко-языковом контексте.

В.Н. Топоров¹³ приходит к выводу, что семантика глагола *усваивать* мотивируется притяжательным местоимением *свой*. Человек усваивает действительность, превращая ее в *свою*. В зависимости от степени обязательности притяжательных отношений между субъектом и объектом мы регистрируем два вида посессивности – отчуждаемая (ОП) и неотчуждаемая (НП). Первая характеризует отношение между человеком и предметами материального мира. При отчуждаемой посессивности собственность может переходить от одного possessора к другому. Неотчуждаемая посессивность внутренне присуща человеку и определяет параметры его материальной и духовной сущности. К неотчуждаемой посессивности относятся физические характеристики и части человеческого тела, то есть телесный код своего, а также эмоциональная, интеллектуальная и социальная жизнь человека, которые участвуют в структурировании идейно-религиозного кода; а также

взаимоотношения в различных сферах – профессиональной, социальной, родственной, которые формируют антропогенный код.

По причине большого разнообразия отношений, качеств и объектов выделяется несколько видов притяжательных отношений, которые формируют категорию НП, при этом все они засвидетельствованы при реализации *своего*.

1. Реальная притяжательность. Связана с теми сущностями, которыми индивид располагает и которые не могут стать чужой собственностью, например: мысли, глаза, сердце, а также с качествами, которыми он наделен: смелость, честность, преданность и т.д.

2. Псевдопритяжательность. Формально она выражается теми же языковыми средствами, что и реальная, но характеризует человеческие взаимоотношения несимметричного характера. Данная лексическая группа состоит из коррелирующих пар, в которых один член является доминирующим, а другой – подчиненным: дети – родители, хозяин – раб и др. Важно отметить, что отношение притяжания и отношение принадлежности выражаются однотипно в формальном плане – *свои дети и свои родители*.

3. Рефлексивная притяжательность (или в терминологии В. Н. Топорова **взаимопринадлежность**). Здесь посессор является и владеющим и владеемым одновременно. В данную категорию входят: супруга, сосед, спутник, друг и т.н.

4. Реверсивная притяжательность. К этой категории относятся те посессивные отношения, при которых личность – посессор в плане высказывания, но на самом деле она сама является объектом притяжания. Данная категория имеет место в тех случаях, когда человек является частью данной группы, общности, нации, которую называет своей, несмотря на то что сам к ней принадлежит – *свой (мой) город, свое (мое) Отечество*.

В Словаре Н. Герова¹⁴ дается следующее толкование лексемы *свой* – ‘который принадлежит кому-либо’, а вторым значением дается ‘нечто свое, родственник, близкий знакомый, большой друг’. Одними из первых синонимов даются прилагательные ‘личный, собственный’. Подобным образом толкуется *свой* и в современных словарях болгарского языка: 1. который принадлежит лицу или предмету – исполнителю действия; 2. который является родным, рожденным, настоящим; 3. который является очень близким родственником или членом семьи; 4. *как сущ.* близкий, родственник; 5. *как сущ.* все, что принадлежит кому-либо¹⁵. Следовательно, принадлежность является одним из наиболее важных аспектов положительного члена оппозиции.

И в классических древнеболгарских произведениях **свое** имеет материальные измерения, реализующиеся как в вещественном, так и в животном

культурном коде. В рассмотренных нами примерах встречается большое количество предметов, принадлежащих индивиду и называемых своими – ножь, мръжа, водонось, риза, плодъ, свѣтльннкъ и др., а также животных – овца, скотъ, стадо, волкъ. В большинстве случаев речь идет не просто о притяжении, данное притяжение включено в некий мифологизированный контекст, сотканный из притч и преданий. То есть, так или иначе, **свое**, хоть и материально, реализуется на одном метауровне, оно одухотворено и окружено ритуалами.

Вещественный код вербализуется, переходя из реальной жизни во внебытийный пересказ притчи о небесных девах, притчи о собственнике овец и наемнике, притчи о дереве и плоде.

а мждрына принаша ѿ оубы. ѿ въ съсждѣхъ свѣтльннкы своиин – 3 Мт 25.4

а наемннкъ ѿже нѣстъ пастырѣ, емоуже не сжтъ овыца своа. виднтъ вьлка гряджшта. ѿ оставлѣтъ овыца и вѣраетъ – 3 Йо 10.12

вѣско оубо дрѣво отъ плода своего познает ся – 3 Лк 6.44

В притче об овцах четко прослеживается отношение к **своему** и **чужому** – наемник считает овец чужими, поэтому не готов жертвовать собой ради них, они не принадлежат к его пространству **своего**, поэтому они не подлежат защите. Притча о дереве и плоде отражена в болгарской поговорке: «*Всяко дърво се познава по плода*» («*Каждое дерево познается по плоду его*») и перефразирована в другой поговорке: «*Крушата не пада по далече от дървото*» (дословный перевод: «Груша не падает далеко от дерева», соответствие: «Яблочко от яблоньки недалеко падает»). Плод воспринимается как эманация **своего**, его лицо, его сущность, но и его продолжение.

В текстах классических древнеболгарских произведений вещественный код **своего** связывается с духовно-религиозным, например: словами Иисуса, который предрекает, что тот, кто достает нож, тот от ножа и умирает; обычаем постигать одежды по пути Иисуса; Христовой молитвой о спасении его стада (христиан).

тъгда гдѣ емоу нѣ. вѣздратн ножь свон въ свое мѣсто. всн во принагши ножь, ножець погыбнжтъ – 3 Мт 26.52

ѿджштво же емоу. постнадахъ ризы своа по пжтн – 3Лк 19.32

млтвоя твоае сѣсн стадо свое. отъ вѣсѣкомъ вѣды – Е 21а 16

Вещественный код переосмыслен, речь не идет только о **своем собственном ноже**, а о его роли в определении судьбы, в возможности благодаря ему спастись, послушав слова Иисуса, или погибнуть, когда *свой нож* покинет *свое место* и будет испачкан. Здесь идет речь о духовном выборе между гневом и смирением, послушанием и своеволием, сохранением целостности своего и утвержденного – своего ножа на своем месте – или о его разрушении, которое приведет к превращению порядка в хаос.

Во втором примере вновь появляется образ Иисуса – именно ради него человек должен пожертвовать своей рубашкой, показывая свое уважение. Эта жертва – своеобразное предоставление части самого себе в пользу Божьего сына, связывание *своего* вещественного мира с миром божественного. Связь между Христом и христианами красноречиво подтверждается тем фактом, что Христос считает правоверных своими, включает их в границы *своего стада*, того *своего*, что находится под божественной защитой. Об этом свидетельствуют следующие контексты:

ѿ чко посѣти гѣ бѣ людн своуѣхъ – 3 Лк 7.16

гѣ бѣ... посѣти ѿ сътвори извавл'еннѣ люднчъ своигѣ – 3 Лк 1.68

В Евангелии от Луки, глава 13 Христос своими словами оправдывает нарушение установленного порядка (отдыхать в субботу) во имя высокой цели – исцеления больных. Порядок должен быть переосмыслен и не должен соблюдаться слепо и лицемерно, кроме того, заботясь о христианах (как о своем стаде) Христос поступает как хороший хозяин, который в выходной день тоже напоил бы своих животных. Забота о **своём** характеризует как людей, так и Бога и является одним из основных постулатов социального и божественного порядка.

гѣ рече. лицѣи брн. кождо ва съ въ сѣботѣ. не отърѣшаеѣ ли своего волоу. ли осѣла отъ чѣлнн ѿ ведаѣ напаѣтѣ – 3 Лк 13.15

Господь присутствует в парадигме **своего** и у человека, но не в рамках притяжательного модуса, потому что он не может быть ситуирован в повседневном материальном понимании **своего**. Он является тем, кто ближе всего к сердцу. Он часть идейно-религиозной кодификации правоверных.

Възлюбнвшн гѣ ба своего отъ всего сръдѣца твоего – 3 Лк 10.27

Сохранение **своего** считается большой ценностью, люди должны заботиться о **своём**, должны не растрчивать его, а умножать, передавать из поколения в поколение, это их щит для защиты от **чужого**. Вещи в данном случае не играют только роль предметов, они являются той нитью, которая гарантирует преемственность в притяжении, сохранение границ **своего**.

мыннн бнѣ отнде на странѣ дѣлеу. н тоу растоуи нѣкннѣ свое. жнѣгѣ влѣдѣно – М Лк 15.13, 3, А, СК

ѿ много пострадавѣвшн отъ многоѣ врачевѣѣ. ѿ жднѣвѣвшн все свое, ѿ нн едною польза оверѣтѣвшн – 3 Мк 5.26

ѿ жена сжштн въ тоуеннн крѣвн. отъ дѣвою на десѣте лѣто. чѣже врачевѣѣ. издавѣвшн все наѣннѣ свое. нн отъ одного же не може ѿчѣлѣтн – 3 Лк. 8.43.

В каждом из трех примеров идет речь о потере **своего**, но разница заключается в причине этой потери. В первом случае налицо многократное отречение от **своего**, толкуемое с точки зрения не только вещественного кода, но и со стороны пространственного и духовно-религиозного кода. Сын

покидает пространство **своего**, уходя «далеко», «в другую страну». Он отрекается от своих. Он отдается блудству, нарушая таким образом духовно-религиозный код **своего** и чистого. Он жертвует своим не во имя чего-либо, а отчуждаясь и оскверняясь.

Во второй и третьей цитатах жертва приносится с целью сохранения жизни, как способ уцелеть. Но и здесь оказывается, что **свое** пожертвовано напрасно, им злоупотребляет не владеющий им, а потребляющие его – в лице множества знахарей. Следовательно, данный трудный выбор – лишиться всего своего, пытаясь поправить нарушенный порядок вещей (превратить болезнь в здоровье, смерть в жизнь, плохую участь в хорошую) – оказывается неудачным. Кроме того, абсолютно закономерно в рамках официальной древнеболгарской литературы утверждается точка зрения, что не стоит жертвовать всем **своим**, так как это не гарантирует спасение. Этот вывод представляет ограниченность вещественного перед божественным промыслом, но также и неспособность человека изменить судьбу, претерпев лишения.

Утверждение, обратное изложенному выше, мы обнаруживаем в другом древнеболгарском тексте. В нем отречение от **своего** является видом отречения от материального как обязательное условие для причисления к духовно своим. Отказ от притяжения – это отказ от мира вещей и путь к своим, к ученикам Иисуса.

тако оубо въсѣкъ отъ вась ниже не отрѣчуетъ сѧ всего своего имѣннѣ. не можетъ люди быти оученикѣ – М Лк 14.33, 3.

Свобода располагать **своим** иносказательно представлена в притче о хозяине, который нанимает работников на свой виноградник и платит одинаково первым и последним. Оказывается, что человек сам выбирает, что делать со своими вещами (выражено в субстантивации: **въ своиѣхъ ми**) – он может завещать их, растратить, продать или добровольно отказаться от них во имя чего-либо. В его руках выбор – нанести урон своему или сохранить, отчудить его или защищать ценой жизни. Он хозяин своего, как и Господь Бог – хозяин небесного царства и может превратить последних в первых.

ни имѣеть имѣнѣ дѣтъ сътворити въ своиѣхъ ми еже хощѣ – 3' Мт 20.15.

Эта свобода позволяет человеку передать **свое** тому, кто мог бы обеспечить его сохранность. Хорошо, если эта передача происходит в рамках дома, семьи, домашних (в широком смысле: тех, кто обитает в одном и том же пространстве – как кровные родственники, так и слуги и рабы). В евангельской притче о розданных слугам талантах утверждается ценность не сохранения, а приумножения **своего**, богатства, потому что тот, кто приумножил таланты господина своего и «был верен и в самом малом», будет вознагражден.

ѣкоже во ѣкъ отъхода. призъва своа рабъ. и прѣдастъ личъ личнне своѣ – 3 Мт 25.14.

Говоря о своих людях, мы имеем в виду антропогенный культурный код, те его реализации, которые выделяются как родственный код и социальный код. Родственный код содержит в себе как сами субъекты – родственников, так и взаимоотношения между этими субъектами. К ядру круга своих причисляются самые близкие родственники – мать, отец, жена, дети с их конкретными названиями, в приядерную зону попадают более дальние родственники – двоюродные братья и сестры, племянники, золовки, девери и т.д., на периферии находится род в целом, все те субъекты, которые тем или иным образом связаны кровным (прямым) или непрямым родством.

Социальный код охватывает те объекты, с которыми субъект (Я) вступает в отношения. Эти отношения могут быть равноценными, если субъект и объект занимают одинаковое положение в обществе или попадают в одну и ту же трудовую категорию. Также эти отношения могут быть и неравноценными. Возможно, субъект доминирует над объектом, является его хозяином или управителем. Другая разновидность неравноценных социальных отношений включает те случаи, когда субъект находится в подчиненной позиции по отношению к объекту.

При анализе родственного кода наряду с базовой оппозицией **свой – чужой** выявляется множество других бинарных оппозиций. Одним из этих основополагающих противопоставлений является противопоставление молодой – старый, которое коррелирует с парами сыновья – отцы, неопытность – мудрость и т.д. На отцов возлагается ответственность заботиться о своих сыновьях, оберегать и защищать их. Словосочетание **сыновья свои** может быть истолковано и в более общем смысле – те, кто являются сыновьями одной и той же земли, рода или народа. Это все, кто одинаково принадлежит и отождествляется со **своим**. Поэтому и в своих словах к Симону Иисус задает риторический вопрос, которым напоминает, что земные цари собирают налоги не со своих, а с чужих сыновей.

ѣсъ блд. что ти са личи симоне цре земаѣстин отъкъхъ прнемаѣтъ данъ личи кинѣсъ. отъ сновъ личи своинхъ личи отъоуждихъ – 3 Мт 17.25, М, А

Утвержденный стереотип – молодые (сыновья) неопытны и нуждаются в протекции, а старые (отцы) опытные и мудрые – может измениться, что приводит к переосмыслению всей родовой и социальной иерархии. Оказывается, что новый век «рождает» более мудрых сыновей и таким образом изменяет порядок.

ѣко сновѣ вѣка сего. мждѣише паче сновъ свѣта. въ родѣ своельмъ сѣтъ – 3 Лк 16.8

Инверсия родственных отношений проявляется в наибольшей степени в отчуждении от ядра своих, в отречении сына от матери и отца, невестки от свекрови, родителей от детей и т.д. Свои становятся чужими, свой делает

чужих своими, но и свои отрекаются от своего. В самом общем смысле идет речь об инверсии – свое становится чужим, порядок – хаосом, близкое – далеким.

въ свояхъ приде. ꙗко свон его не приаша – 3 Йо 1.11.

приде во ѿка на оца своего и дъщерь на мръ своихъ. ꙗко невѣстна на свекръвѣ своихъ – 3 Мт 10.35.

иже не поучитеть оца ни мре своихъ – 3 Мт 15.5.

ꙗко рече сего ради оставитъ ѿкъ оца своего и мръ и прикѣпитъ съ жень своихъ. ꙗко выждете оба въ плкътъ едины – 3 Мт 19.5.

В вышеперечисленных примерах встречается несколько вариантов отречения от **своего** и восприятия его как **чужого**: в первом случае свой идет к своим, а они отвергают его, при этом контекст относится к Иисусу Христу, который приходит как человеческий сын, а человеческий род отвергает его; во втором – дети должны отказаться от своих родителей, чтобы стать последователями Христа и сыновьями Божьими; в третьем примере нарушена одна из Божьих заповедей – «Чти отца и мать». В последнем примере обнаруживается противоположное суждение – именно Бог предписывает человеку оставить мать и отца своих и привязаться к жене своей, то есть создать новые параметры своего – как в чисто физическом, так и в духовном плане. Здесь кровное родство отступает перед новыми взаимоотношениями и в ядро семантического поля **своего** включается и супруга.

Наряду с противопоставлениями родственный – неродственный, близкий – далекий, выделяется еще одна бинарная оппозиция: друг – враг. Она вписывается в антропогенный код, определяется как социальное отношение, но близкая дружба характеризуется как близкое родство, даже иногда дружеская связь представляется как более сильная, чем родственная. Дружба представлена как высшая любовь, а любовь к другу вступает в противоречие с ненавистью к врагу.

възлюбивши подруга своего. ꙗко възненавидѣвши врагы своихъ – 3 Мт 5.43.

больше съя любви не имать никтоже. да кто дѣш своихъ положитъ за друзѣи своихъ – 3 Йо 15.13

Жертва во имя друга не диктуется социальной иерархией, это имманентный выбор сердца, завет Иисуса, осмысленный как часть интимного **своего**. Пара друг – враг связывается с семантическими оппозициями любовь – ненависть, близкий – далекий и представляет часть искомого противопоставления свой – чужой.

Тогда как родственные отношения стабильны, статичны, социальные отношения считаются более динамичными, но и в них существует иерархичность: раб не может быть выше своего господина, а апостол – того, кто его отправил.

гдѣхъ единъ. несть рабъ волъ и гѣ своего. ни апостолъ волъ послѣлавшаго ꙗко – 3 Йо 13.16

Тот, кто стоит выше, определяет судьбу своих подчиненных, распоряжается их жизнью. Его свои принадлежат ему.

внѣтъ клѣвръѣтъъ своа. н оубнванѣтъъ — С 107.28

слышавъ цръ тѣ разгнѣва са н постѣла въ своя погуби оубнца тѣна н градъ ихъ зажеже — 3 Мт 22.7.

В вышеуказанных примерах идет речь о двух различных способах использовать данную принадлежность. В первом господин использует свою власть самостоятельно, чтобы наказывать и убивать. Во втором – царь приобщает своих воинов к парадигме большого **своего** – своей земли, своего Отечества.

В данном контексте важно проанализировать и другой культурный код **своего**, а именно, пространственный. У него есть свое ядро, в котором располагается дом, но **свое** охватывает и более крупные пространственные единицы, такие, как двор, пастбища, пашни, села, город, Отечество. Все они связаны с субъектом (Я), часть из них принадлежит ему – дом, двор, пашня, пастбище, это его частная собственность. К некоторым из них принадлежит он сам – город, село, отечество, попадая в эти сакрализованные как свои топосы наряду с остальными людьми из данного города, села, Отечества. В классических древнеболгарских произведениях данные топосы имеют соответствующие названия – своя домъ, своя село, своя градъ, своя отчѣственнѣ и субстантивированные формы въ своа, въ своа си со значением ‘свой дом’.

Ядро семантического поля своего пространства – свой дом. Дом – это место, окруженное друзьями и соседями, место, где можно найти уют и которое человек делит с близкими.

и приидѣтъ въ домъ своа. съзываетъ друци. и съсѣды ѿла лич. радостѣ са съ мною — 3 Лк 15.6
и градѣтъ година. и нынѣ приде. да раздѣтъ са каждо въ своѣ. и лине едного оставите и нѣсмь едниъ. чѣко бѣ съ мною естъ — 3 Йо 16.32

В примере из Евангелия от Луки человек возвращается не просто в свой дом, он возвращается к своим – друзьям и соседям, с которыми он хочет разделить свою радость от того, что приходит от **чужого** в **свое**, и от того, что нашел свою заблудшую овцу. В примере из Евангелия от Иоанна отсутствие своих является болезненным для говорящего Иисуса, который оставлен сам в чужом пространстве, после того как все его последователи отправились в свой дом, но и там он уповает на Бога, потому что Небесный Отец повсюду и надо всеми.

Те, кто возвращается домой, испытывают огромную радость от того, что они выжили в мире **чужого**. Несломленные, они возвращаются в свое пространство, после того как Иисус совершил чудо и сохранил их *своих*. Именно защита их близких мотивирует их поверить в Господа и креститься.

и възвратнѣши са въ домъ. радваша са въсклѣ домомъ възвратнѣши си — С 537.13

рече емоу ѿс ꙗко снъ твои живѣтъ естъ. и върова самъ и весь домъ его — М Йо 4.53, 3, А

В обоих контекстах дом толкуется как нечто тождественное для домо-чадцев, семьи. Как место, где живут самые дорогие тебе люди, и как собирательное название всей семьи — **весь домъ его**. Дом — это защищенное пространство, где субъект (Я) делится своими переживаниями, невзгодами и чудесами, кроме того, это еще и место, где он будет утешен и излечен. Дом — это сакральное место, где может произойти святое таинство крещения. Дома можно показать себя уязвимым и больным, потому что там все свои.

възврати са въ домъ твои. и повѣдан елико ти сътвори бѣ — М Лк 8.39 3, А, СК.

радоуѣтъ са зѣло яко оу своихъ сѣтъ си дома лежалн — С 267.18.

Дом воспринимается как чистое место, где только избранные, чистые и свои имеют право жить. Но даже и это святое для человека место не достойно для Богочеловека Христа. Данный текст защищает идею о том, что, с точки зрения христианской парадигмы, святое **свое** не может быть отождествлено с высшим сакральным, т.е. с Богом.

и отбѣжавъ сотникъ рече емоу. гн не смъ достоинъ да въ домъ мои внидеши — М Мт 8.8 3, А.

Анализ текстов подтверждает суждение о том, что **свое** воспринимается как сакральное. Данный тезис убедительно доказывается лексическим развитием слова **храмъ**. В некоторых примерах названия **храмъ** и **храмнина** имеют значение 'дом', потому что в коллективном сознании дом считался священным местом, подобном храму, церкви.

аште вни въдѣла гнъ храма въ кнжъ стражъ татъ придетъ. въдѣла оубо вни. и не вни оставилъ подѣр-
гыти храма своего — 3 Мт 24.43

аште вни въдѣла гнъ храмнина въ кнъ часъ татъ придетъ. въдѣла оубо вни. и не далъ подѣкопати
домоу своего — 3 Лк 12.39

Некоторые святые места одновременно воспринимаются как обитель, принадлежащая к **своему** в более широком смысле. С этнолингвистической точки зрения очень интересным является тот факт, что лексемой **храмъ** называется дом, а название **домъ** используется для храма, церкви. Очевидно, что в сознании людей того времени оба места, и дом, и храм, воспринимаются как защищенные и святые места, обители **своего**. Они ассоциируются друг с другом, и им предписываются общие характеристики — и в одном, и в другом месте можно найти приют, встретить понимание и теплоту, быть среди своих.

блаженн жнежштен въ домоу твоемъ. въ еѣкъ вѣкомъ есъхвалѣтъ — СП 83.5

азъ же...вниде въ домъ твои. поклонѣ сѣ къ цркви еѣкъ твои — СП 5.8

не творитъ домоу отъца моего в домоу коупльнаго — М Йо 2.16, 3, А

Существует также ряд мест, уже не столь сакрализованных, которые включаются в более широкий круг **своего**. Пашня, двор, обрабатываемая земля воспринимаются как свои, как топасы, не только принадлежащие к

дому, но и оберегающие дом и домочадцев, следовательно, являющиеся своеобразным гарантом **своего**. В исследовании рассматриваются и *свои места*, начиная с наиболее близких к дому и заканчивая более широкими измерениями своего – деревни, города, Отечества.

егда крѣпкыи вържжѣ сѧ хранитѣ свои дворѣ — 3 Лк 11.21

емоуже лопата въ ржкоу его. и потрѣвитѣ гоуагьно свое. и съверетѣ пшеницѧ въ житицицѧ свои. а пѣвѣи съжежетѣ огнѣнь не гашитици — 3 Лк 3.17

В примерах рассматриваются топосы двора и гумна. В первом утверждается долг человека охранять свой двор, двор – это то место, ради защиты которого нужно вступить в бой. Во втором тексте делается акцент на заботу о своем гумне, которое обеспечивает пропитание, но здесь налицо аллегория: добро – это пшеница, а зло – плевелы, **свое** воспринимается как хорошее, а **чужое** – как плохое. Гумно и двор, как было упомянуто выше, принадлежат субъекту (Я), в этом смысле человек считает их своими. С другой стороны, границы двора, пашни, деревни и т.д. одновременно являются защитниками **своего** и местом обитания злых сил. Следовательно, **свое** всегда находится под угрозой нашествия **чужого**, загрязнения. По этой причине на пограничных территориях осуществляется множество обрядов для защиты от нечистых сил.

Село в значении ‘пашня’, город, Отечество являются реализациями принадлежности субъекта (Я) к более широкому **своему**.

Они же не рождаше отидѧ отъ на село свое отъ же на коупци свои — 3 Мт 22.5

и чко съконьяваш сѧ в'сѣ по законуу гноу. възвратниша сѧ въ галлици. въ градѣ свои назаретѣ — 3 Лк 2.39

и приидѣ въ отъчѣствѣ свое. оучаше ѧ на сънѣмништнѣхъ ихъ — 3 Мт 13.54

В первом контексте *село свое*, как и *купля своя* воспринимаются как места, где человек трудится, чтобы добыть пропитание. В примере из Евангелия от Луки *град свой* представлен как место, куда человек идет, когда завершает свое странствие, свои дела, когда покидает чужое пространство и возвращается в границы **своего**. В третьем примере говорится о том, как Иисус приходит в *свое отечество*, чтобы передать свою мудрость и опыт, которые он накопил за его пределами, чтобы просветить своих, научив их самому лучшему из того, что есть в **чужом**. Субъект играет роль медиатора между двумя мирами – своим и чужим – который таким образом структурирует **чужое**, чтобы оно было понято и воспринято.

В текстах *свое отечество* противопоставляется *чужой земле*, она не может стать обителью духовной сопричастности. Чужая земля всегда остается чужой, в ней человек чувствует себя неспособным раскрыть свое сердце.

Како съповѣи пѣсьнѣ гниѧ. на земли тоуждѣи — СП 136.4, срв. К 7в1

С древних времен люди верят в то, что забыть свою Родину – кощунство, каждый обязан помнить свой род и Родину, чтобы не превратиться в человека, предавшего себя самого и свою национальную принадлежность. Родина – это то сакральное место, где человек не просто родился, а место, где протекает вся история его рода и народа.

да навъкътъ памать житниа своеа земаля – С 418.27

Однако Родина может играть и другую роль – она может не быть защитой, а может, наоборот, отталкивать и не принимать человека. Субъект (Я) может быть брошен своими и признан чужими, что без сомнения является доказательством нарушения порядка и находит отражение в таких выражениях, как *свой среди чужих* и *чужой среди своих*. Текст Евангелия является первоисточником современной поговорки: «*Никой не е пророк в своята родина*» («Нет пророка в своем отечестве»). Данная мудрость, изреченная устами Бога, доказывает, что **свое** может быть не просто недружелюбным, но и несовершенным, несправедливым, более плохим, чем чужое.

ѡс же рече ялъ. нѣсть пророкъ въземти. тѣкмо въ своеа отъчествѣ. ѡ въ домоу своеа – 3 Мт 13.57
самъ во ѡс. свѣдѣтелствова ѡко пророкъ въ своеа отъчествѣ. не имать устн – 3 Йо 4.44

Наряду с пространственным кодом концепт **свой** реализуется и через телесный культурный код. В классических древнеболгарских произведениях засвидетельствовано отождествление определенных частей тела с субъектом (Я). Называние субъекта с помощью *глава*, *оун*, *оушн*, *лице*, *рѣка* и т.д. является типичным примером синекдохи, при которой целое замещается частью. Некоторые из этих частей тела, как, например, *своя рѣка*, *своя мѣшца* представляют не только субъект (Я), они символизируют его силу. Свои *пѣрсн* олицетворяют душу человека, являются вместилищем его эмоционального мира. Телесные измерения **своего** имеют не только материальное выражение, но и духовный смысл, они осмысляются как эманация личности, выразитель духовной и физической силы.

Рѣка и *мѣшца* символизируют мощь субъекта не только в физическом плане, но и в духовном – возложение *своей руки* на кого-либо может исцелять, восстанавливать порядок, нормальное состояние, очищать.

сѣтворн доуважв мѣшцыа своя – М Лк 1.51

ѡ нѣдан неджжѣтъа възложьша рѣкк своа на нѣ – СЕ 40а 14-15

Противоположным возложением руки действием является поднятие руки – этот жест тоже имеет символическое значение. Поднять руку на кого-либо – все равно, что противостоять ему. В тексте Синайской псалтыри Бог рукой грозит уничтожить евреев, так как они не соблюдают закон Моисея, а в тексте Супрасальской рукописи поднятие руки равносильно угрозе физической расправы с субъектом (Я).

н въздвѣнже рѣкк своа на нѣ – СП 105.26

н простергыше на нь своа ржкы ноуждаахж н принестн кмоу нлкънне – С 38.22

Бить себя в свою грудь значит выражать свое эмоциональное состояние, когда человек раскаивается и просит милости, когда скорбит. В обоих случаях таким образом демонстрируются имманентные, глубокие чувства. Когда идет речь о страхе, стыде или боли, *пръсн* используется как синоним души.

...нн очно своно възвестн на нво. нъ възше пръсн своа глѧ. бѧ милостнвъ вждн мнѧкъ грѣшннкоу – 3 Лк 18.13

н колѧкъ прѣклоннвъ исповѣдааше са вогъвн. вна без милостн въ своа пръсн – С 528.1

Сердце как носитель душевности субъекта (Я) также несет сильный символический заряд. Сердце как будто не просто выражает то, что случается с субъектом, но и живет своей собственной жизнью, в которой бытие преломляется через призму сильного субъективного импульса.

Марнѧ же съблюдаше всѧ глѧ сна сълагажштн въ срдцн своенъ – М Лк 2.19, 3, СК, Б

В древнеболгарском выражение *положити на сръдци своенъ*, как и в современном болгарском *лагам си на сърце* (*принимать близко к сердцу*), означает ‘принимать что-то серьезно, как большую личную ответственность или заботу’. Следовательно, в классических древнеболгарских произведениях все *свои* части человеческого тела не воспринимаются столько в парадигме материального модуса, сколько с учетом их символичности: *свои руки* – это не просто часть тела, это сила и исцеление; *своя грудь* – это не просто анатомический орган, это сердце, душа, дом эмоций; *свое сердце* – это не только жизненно важный орган, а место для самых личных скорбей и радостей; *свое тело* – не только материя, в которой живет человек, это овеществленная личность. Жертва тела – это личная жертва *всего своего*, сущности.

положен тѣло свое хѧ бже нашъ. зложнлѧ есн пжтъ всѣкон непрѣзнн – СЕ 42a11

При анализе концепта **свой** в древнеболгарском языке обнаруживаются все аспекты категории посессивности, рассмотренные В. Н. Топоровым. Притяжание истолковано с учетом различных культурных кодов, они же, со своей стороны, вписаны в различные виды посессивности. Это доказывает богатство подобранного материала, а также возможность применить теорию в диахроническом плане.

Второй компонент оппозиции **свой – чужой** – концепт **чужой** менее широко представлен в древнеболгарских памятниках. Вероятно, это связано со следующими причинами:

1. **Свое** более знакомо, и, следовательно, в большей степени диалогизируется.

2. **Свое** связывается с самыми святыми для субъекта (Я) вещами и в рамках христианской парадигмы соотносится с проявлениями сакрального, которое доминирует в данном пространственно-временном континууме.

3. **Чужое** часто является объектом табуирования, так что его упоминание в письменных источниках не может быть исчерпывающим.

Часть реализаций концепта **чужой** встречается только в контексте вместе со **своим** и поэтому уже были проанализированы в данном исследовании. Основная семантика концепта **чужой** в древнеболгарском языке – ‘тот, который не является **своим**, который не принадлежит Я’.

присно въпадажъ въ вѣдѣты...въ вѣсхъщениѣхъ тоуждего наѣвниѣ се – СЕ 68b 5-6

и аште въ тоуждеиѣ вѣрнии не вѣстѣе. ваше кѣто ванѣхъ дастъ – М Лк 16.12, 3, А, СК

В обоих примерах идет речь об отношении субъекта (Я) к **чужому** в материальном смысле, поэтому они могут быть причислены к вещественному коду. С другой стороны, они относятся и к антропогенному коду, так как акцент падает на **чужое** не столько в физическом плане, сколько в моральном – если человек расхищает и не уважает **чужое**, он не может хорошо относиться к **своему**. Соблюдение границ **своего** и **чужого** имеет большое значение для правильного функционирования мира, пренебрежение этими границами, разграбление **чужого** – это нарушение модели мира, разделенного и единого.

Оценивание и осуждение чужого раба, слуги также представляет нарушение социальной границы, вмешательство в чужие дела, то, что также считается нарушением порядка.

ты же кто еси о(с.ж.)ждади тоуждего раба – Е 5б 15-16

Смешение **своего** и **чужого** есть опорочивание, загрязнение. В духовном плане принятие на себя *чужих грехов* не воспринимается как христианская добродетель, напротив, человек, который принимает на себя чужие прегрешения, не может быть назван „хѣвъ ракъ”. Это привилегия и обязанность только духовных лиц, которые являются посредниками между божественным и человеком и могут принять чужие грехи на себя и обратиться к Богу с молитвой об их прощении.

ѣко тоужда грѣхъы възиметь. несть липо да наименоуетъ сѧ хѣвъ ракъ – СЕ 104аб

Чужие люди – это те, которые находятся за пределами **своего**, которые не подлежат неотчуждаемой притязательности. *Чужие люди* могут обитать в топосе **своего**, но с определенной целью. Они могут служить другому господину, покоряться ему и уважать его, потому что он силен своей огромной верой в Бога, таким образом, они попадают в пространственный код **своего**, но как чужие в **своем**.

людѣ тоужди ихъже не знахъ работаша ми – СП 17.44

Иногда субъект превращается в того, кто делает чужих своими. Не будучи связанным родственными отношениями с ними, он включает их в парадигму **своего**, и даже более – он передает им притяжательность **своего**, ту посессивность, которая может сменить своего посессора. Субъект (Я) делает их частью вещественного кода **своего**, но в более широком смысле это доказательство переходящего характера земного богатства, потому что чужие не могут быть настоящими наследниками и продолжателями своего. Так в тексте псалтыри утверждается христианская догма бессмыслия притяжания земных благ, что приводит только к мукам в преисподней.

ї оставиъ тоужди нмъ богатство свое – СП 48.11

Свой превращается в *чужого*, когда не исповедует те же ценности, что и его близкие, он отдалается от них морально и эмоционально, даже если обитает на своем пространстве и формально принадлежит как к пространственному, так и к родственному коду **своего**. Данные субъекты добровольно и сознательно начинают играть роль чужих среди своих.

нъ нъинъ та послушанте мене тако и азъ исльчъ вашего племени. штоуждъ же вась дѣломъ – С 28. 2-3.

тоуждъ вѣхъь брати мои – СП 68.9

Восприятие чужого как ‘который принадлежит другому, который не является своим, нашим’ – это чаще всего встречаемое значение слова *чужой* в современном болгарском языке, засвидетельствованное и в древнеболгарском.

а кто похотъ нагы. лии акавѣствемъ тоуждъ женж приниѣ. ѣ лѣ да покаетъ сѧ – СЕ 103а 22

Вожелание чужой жены идет в разрез с одной из Божьих заповедей, не слушаясь слова Божьего, индивид пренебрегает границей чужого и своего и таким образом опорочивается и отчуждается от Господа.

Чужой со значением ‘враждебный, далекий, противоположный’ открывается в тексте Супрасальской рукописи в Житии о 40 мучениках Севастийских, в котором мучитель праведников сравнивается с *темным дьяволом* и воспринимается как *чужой истине*. А в Житии Исаакия хулитель Святой Троицы, еретик Арий определяется как *чужой Божьему слову*. В данных контекстах *истина* и *божие слово* воспринимаются как тождественные самому Богу. В отрицательном полюсе находятся мучитель Севастийских мучеников и Арий, которые чужды сущности Отца, то есть далеки от христианской веры. Следовательно, в этом своем употреблении *чужой* может быть истолкован в парадигме идейно-религиозного кода.

не стѣднши ли ед прѣисподнѣни темнъчин днѣволе. и штѣждъ нестниѣ – С 74.27 – 28.

арни...сгноу и словоу вожню...штоуждоу вѣхъи сжштна отъва – С 188.7.

Чужие люди – это те, которые обитают в чужих землях. В тексте Синайской псалтыри засвидетельствовано такое употребление, при этом суб-

стантивация прилагательного во мн. числе усиливает грамматическими средствами представление об агрессивных, враждебных, восстающих против субъекта (Я) и угрожающих **своему** чужеземцам. Так *чужие* становятся частью пространственного кода чуждости.

‘ѣко тоужди вѣсташа на миа – СП 53.5.

Оппозиция **свой** – **чужой** в классических древнеболгарских памятниках, в соответствии с результатами проведенного исследования, может быть охарактеризована следующим образом:

1. Оппозиция **свой** – **чужой**, с точки зрения объема реализаций двух составляющих ее компонентов, асимметрична, так как засвидетельствованные вербальные реализации концепта **чужой** значительно меньше. Причины данного явления указаны выше.

2. Оппозиция **свой** – **чужой**, с точки зрения семантики концептов **чужой** и **свой**, состоит из почти равноценных сем. С концептом **свой** связаны проявления вещественного культурного кода, антропогенного с его двумя разновидностями: родственным и социальным, идейно-религиозного, пространственного и телесного. Асимметричность обнаруживается из-за отсутствия телесного культурного кода среди реализаций концепта **чужой**.

3. Оппозиция **свой** – **чужой** коррелирует с другими противопоставлениями, такими как: сакральное – профанное, близкое – далекое, порядок – хаос, усвоенное – неусвоенное, безопасное – опасное, любовь – ненависть, добро – зло, чистое – нечистое, внутреннее – внешнее. Среди них самая заметная связь наблюдается между концептом **свой** и сакральным. Отождествление *домъ с храмъ* и *храмъ с домъ* является бесспорным доказательством слияния своей обители и святого убежища Бога. Восприятие Господа и ангелов как *своих*, также, как называются *своими* представители рода человеческого: мать, отец, братья, сыновья, дочери, друзья, соседи – также объединяет божественное и **свое**. В то же время, **чужой** не соотносится в такой степени с антисакральным, с **чужим** не соотносится дьявол, бесы, демоны, хотя они принадлежат **чужому** в высшей степени, как враги Бога и христиан, как обитатели чужих мест, как опасные и незнакомые существа. Эту семантику в болгарском языке, а также в других славянских языках, несет на себе лексема *нечист* (*нечистый*) – как в диалектах и этнокультурных терминах традиционной культуры, так и в древнеболгарской литературе IX – XVIII веков. По этой причине засвидетельствованы: *нечисти духове*, *нечисти босове*, *нечисти демони*, *нечист дявол* (*нечистые духи*, *нечистые бесы*, *нечистые демоны*, *нечистый дьявол*) и обобщающие *нечисти сили*, *нечисти същества* (*нечистые силы*, *нечистые существа*).¹⁶

Примечания

- ¹ Трубецкой Н. Основы фонологии. Москва, 1960.
- ² Герганов Е. Психоллингвистична и когнитивна реалност на маркираността при фонологични и семантични опозиции. <http://www.slav.uni-sofia.bg/lilijournal/index.php/bg/issues/spring2011/cognitive-spring2011/652-egerganov-spring2011>
- ³ Толстая С. М. Оппозиции семантические. Славянские древности. Т.3, М, 2004.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Иванов В. В., В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие системы (древний период). М., 1965.
- ⁶ Признаковое пространство культуры. М., 2002.
- ⁷ Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003.
- ⁸ Пенчева М. Човекът в езика. Езикът в човека. С., 1998.
- ⁹ Китанова М. Концептът семейство в българските пословици и поговорки. – В: Етнолингвистични етюди. Велико Търново, 2010, 99 – 134; Китанова М. Семья и её ценности в болгарских пословицах и поговорках. – В: Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Москва, 2010, 433 - 454; Легурска П. Ономастиологична картина на обредния цикъл «Раждане». – Български език, кн. 2 – 3, 2003, 75 – 95; Илиева И. Интерпретация на опозицията свое – чуждо и добро – лошо в езиковата картина на света. – В: Свое и чуждо в културата на българи и сърби. Велико Търново, 2006, 26 – 39; Панчев И. Към опита за лингвокултурна съпоставка на концептите добро и зло в български и руски език. – Български език, 2009, кн. 1, 81 – 87; Мичева К. Етнокултурна семантика на чист в новобългарските дамаскини. – Българска реч, 2007, кн. 2, 98 – 105; Мичева К. Семантичната опозиция чист – нечист в езика на Патриарх Евтимий. – Български език, 2009, кн. 1, 71 – 80;
- ¹⁰ Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- ¹¹ Старобългарски речник. Т. 1, С., 1999. Т. 2, С., 2009.
- ¹² Гудков, Д., М. Ковшова. Телесный код русской культуры, Материалы к словарю, М., 2007.
- ¹³ Топоров В. Категория посесивности. Функциональная грамматика. Ленинград, 1984.
- ¹⁴ Геров, Н. Речник на българския език. Т.V, С., 1978.
- ¹⁵ Речник на съвременния български книжовен език. Т. III, С., 1959.
- ¹⁶ Мичева-Пейчева К. Семантичната опозиция чистый – нечистый в древнеболгарском языке. – В: Традиция в развитии славянских культур, Славянский филологический сборник, выпуск II, М., 2012, 19 - 37; Мичева-Пейчева К. Сблъсъкът на чистотата и нечистотата в българската култура и език. С., 2013.

Семантическая оппозиция «свой – чужой» в болгарской терминологии родства

Abstract:

Kitanova M. *The semantic opposition familiar-alien in Bulgarian family terminology.*

The opposition familiar-alien is examined in its strictly semantic aspect. That is in order to contemplate on its participation in literature and dialects, the change of positions in the different cultural codes: somatic, zoomorphic, vegetable.

Somatisms (body parts) are being used as metaphors in the Bulgarian family terminology. For example we examine blood, knee, heart, womb, bone, waist, concerning their secondary metaphorical meanings as terms, defining family relations.

In conclusion we declare that the kinship by blood stands in the centre of the left part. Through the kinship by marriage alien social areas are assimilated.

Ключевые слова: терминология родства, оппозиция, свой, чужой, семантическое поле, род, термины, культурный код.

Антропология видит в бинарных оппозициях организационный принцип идеальных представлений о мире, который управляет индивидуальным и коллективным поведением членов определенного социума. Семиотический подход к истории культуры рассматривает дуальность как условие динамизации социокультурных процессов, предлагая использовать универсальный характер бинарных оппозиций для целостного описания картины мира¹. Знаковые системы культуры и языка могут рассматриваться и как способ сохранения коллективной памяти, с помощью которой моделируется окружающий мир и отношение к нему. Это моделирование носит четкий антропоцентрический характер.

Оппозиция **свой – чужой** является одной из основных бинарных оппозиций в народной культуре болгар. Применительно к социуму она «осмыляется через разноуровневые связи человека: кровно-родственные и семейные (свой/чужой род, своя/чужая семья), этнические (свой/чужой народ, своя/чужая нация), языковые (родной/чужой язык, диалект), конфессиональные (своя/чужая вера), социальные (свое/чужое сообщество, свое/чужое сословие)»². По мнению К. Леви-Стросса, дуальность является организационным принципом структур родства, составляющих материальную базу социальной системы³, а также идеальных представлений о мире, посредством которых она управляет индивидуальным и коллективным поведением своих членов⁴.

Оппозиция **свой – чужой** входит в корреляцию с оппозициями **внутренний – внешний (внутри – снаружи)** и **тождественный – нетождественный, правый – левый, мужской – женский, хороший – плохой, четный – нечетный, чистый – нечистый** и др.⁵, определяя отношения **Я** в окружении других. **Другость** и **чуждость** превращаются таким образом в объект специально выраженного отношения, через других мы осознаем и познаем самих себя.

В свою очередь противопоставление **внутреннее – внешнее** маркирует освоенное (**свое**) и неосвоенное (**чужое**) пространство, что всегда связывается и с осознанием определенной границы. Это граница между **Я** и другими.

К. Леви-Стросс раскрывает механизм мифологической логики, выводя множество бинарных оппозиций, таких как **высокий – низкий, левый – правый, теплый – холодный** и др. Этот механизм наводит автора на мысль, что наиболее фундаментальные противоположности как **жизнь – смерть** начинают подменяться менее резкими противопоставлениями. Кроме того, Золотарёв⁶ в своей книге „Родовой строй и первобытная мифология” рассматривает проблемы экзогамии с помощью бинарной логики. Важный шаг в этом направлении сделан в исследованиях В. Иванова и В. Топорова, которые развивают структурную антропологию К. Леви-Стросса, делая попытку реконструкции древнеславянской и индоевропейской мифологических систем. Основное место в их книге „Исследования в области славянской древности”⁷ занимает анализ бинарных оппозиций.

В своей книге „Славянские языковые моделирующие системы”⁸ В.В. Иванов и В.Н. Топоров отмечают, что противопоставление **свой – чужой** в древнеславянской системе реализуется в трех планах: **социальном, этническом и мифологическом**.

Противопоставление первого плана встречается, когда один элемент принадлежит к данной социальной группе, а второй – к другой социальной группе. Под **чужим** в данном случае понимается то, что не является символом первой социальной группы. Речь идет о противопоставлении двух частей одного коллектива. Например, **мужской – женский, старый – молодой, главный – неглавный, свободный – несвободный, сакральный – профанный** и др.⁹.

В плане этническом условия для противопоставления создаются, когда в данный коллектив включаются группы другой этнической или религиозной принадлежности. Например, христианский – нехристианский и др. Здесь чужое незнакомо, а незнакомое – опасно.

В мифологическом плане противопоставление проводится между людьми и враждебными им существами, которые могут обладать одновременно антропоморфными и зооморфными чертами. Такие противопоставления обычно включают оппозиции **человек – нечеловек**, **живой человек – мертвый человек**. В последнем случае различаются и два вида смерти: **своя и не-своя**¹⁰. В болгарской народной культуре умерший человек становится чужим для живых. Наиболее очевидно эти отношения реализуются в этническом плане.

Корни этого противопоставления в сфере культуры обнаруживаются в обрядности, а в области языка лежат в его семиотической природе. Сама оппозиция может рассматриваться в разных аспектах: мифологическом, концептуальном и семантическом. Изучение семантического противопоставления, в свою очередь, может проводиться в диахроническом, синхроническом, психолингвистическом и лингвокультурологическом плане. Это разделение несколько условно, поскольку, независимо от точки зрения, все исследования, посвященные анализу бинарности, носят междисциплинарный характер, что обусловлено универсальностью самих оппозиций. Как феномен культуры бинарные оппозиции имеют и семиотический характер. В культуре сохраняются сформированные разными социумами знания о мире каждого этноса. В свою очередь, этнос есть группа людей, которые неосознанно противопоставляются всем другими подобным коллективам, а подсознательно противопоставляя **нас** и **их**, разделяя своих и чужих¹¹. Это означает, что этнос осознает другие этносы как отличные от него самого, опираясь на определенные этностереотипы.

В настоящем исследовании разрабатывается семантический план оппозиции **свой – чужой**, выраженный в болгарских терминах родства.

Семантическая оппозиция „свой – чужой”

„Противопоставление, противоположение – отношение, устанавливаемое между двумя однородными элементами лингвистической системы и позволяющее выделить различия, существующие между ними. Совокупность противопоставлений, в которых данный элемент выступает по отношению к другим элементам системы, позволяет ему осуществить свою функцию в этой системе. Два высказывания или два каких-нибудь фрагмента высказываний могут образовывать фонологическое противопоставление в том случае, когда они отличаются наличием в одном из них и отсутствием в другом по меньшей мере одного релевантного элемента”¹²

В лингвистике расчленение объектов на бинарные оппозиции ведет свое начало от труда Трубецкого «Основы фонологии», изданного в 1938 г. Термин **бинарная оппозиция** становится основным для выражения идей

Пражского лингвистического кружка, отсюда он переходит и в другие гуманитарные дисциплины. В этнолингвистике принципы бинарных противопоставлений разрабатываются Московской этнолингвистической школой. В ней семантические оппозиции рассматриваются как «...один из основных механизмов содержательного плана культурной традиции, организующий, упорядочивающий и структурирующий набор единиц символического языка культуры, определяющий основные параметры символизации и оценки реалий внешнего мира и самого человека. Принцип бинарной оппозиции и поляризации, противопоставляющий альтернативные в логическом смысле признаки (мужской – женский, верх – низ, восток – запад, жизнь – смерть, начало – конец и т.д.¹³). Эти оппозиции могут быть не только признаковыми, но и предметными, и акциональными. Например: **земля – небо, вода – огонь, или начинать – заканчивать, давать – брать** и др. Семантические оппозиции в принципе имеют универсальный характер. Однако, каждая культурная традиция создает свою иерархию противопоставлений.

Оппозиция **свой – чужой** является базовой, концептуальной и семантической. В ней мы находим семантику „свойственности” и „чуждости”. Она разделяет мир на два полюса, проводя границу между своим миром, близким и безопасным, который оценивается положительно, и чужим, незнакомым и опасным миром. Разделение мира надвое раскрывает мифологический характер данной оппозиции. Представления о своем и чужом можно найти во всех сферах действительности, что свидетельствует о ее знаковом характере. Это бинарное противопоставление по своей сущности антропоцентрично. Семантика своего и чужого попадает в личную сферу человека или исключается из нее. Свой означает *принадлежащий самому субъекту*, а чужой – *не собственный, принадлежащий другому субъекту*.¹⁴

Вот почему важной особенностью бинарных противопоставлений является их оценочный характер. Всегда один член оппозиции имеет положительную окраску, а другой – отрицательную. В оппозиции **свой – чужой** положительный заряд несет ее левая сторона, но в определенных обрядовых действиях мы обнаруживаем прямо противоположную ситуацию. В случае, когда в семье умирают дети, наблюдается следующее: в некоторых районах страны следующий ребенок должен обязательно носить имя отца, чтобы быть под защитой. Здесь важную роль играет **свое**. Оно исполняет защитную функцию. В других районах, напротив, ребенок оставляется на дороге, и случайный человек, который его найдет, должен будет стать его крестным. В этом случае носителем положительного является **чужой**. Он может быть защитником. Наблюдается так называемая „смена оценки”. Иногда эта смена оценки „приводит к тому, что они вступают в отношения эквивалентности, приравниваются друг к другу,

начинают замещать друг друга и символически отождествляться”¹⁵ Каждая из этих оппозиций связывается с другой и таким образом образуются ряды. Например, **свой** как правило хороший, **чужой** – плохой. В обряде создания „грамады” (груды камней, выполняющей роль символического погребения) наблюдается отвержение своего и превращение его в чужое. Сложенные камни функционируют как граница, защищающая от отверженного. **Свой** становится **чужим** и опасным.

Семантические оппозиции неравноценны по своей сущности. Некоторые из них, такие как **свой – чужой, мужской – женский, правый – левый, верх – низ**, остаются релевантными в ряде обрядовых и текстовых ситуациях. Особенно характерно это для обрядов, имеющих „переходный характер”, таких как рождение, свадьба и похороны.

Оппозиция „свой – чужой” через призму лексикографии.

Свой ‘свой’ в Болгарском толковом словаре (1973: 908):

1. Возвратное притяжательное местоимение; 2. Член семьи, родственник, близкий; 3. Как суш.

Свой в словаре Н. Герова (т.5, 1978: 83-83):

1. Принадлежащий кому-либо; 2. Свояк, родственник, ближний, знакомый, большой друг;

Приведены и синонимы: *свойник, свойщина, свояк* (муж сестры – *свако, вуйчо*).

Следовательно, речь идет не только о родственнике, но и о близком человеке, не являющимся родственником, о большом друге. *Ближний*, с точки зрения христианской этики, значит – „каждый по отношению к другим”; старосл. *ближньъ, ближинка* – ‘ближний, близкий’ Супр., *привлжити сѧ Супр.*, Ман., *близкий* – ‘не далекий’. В Болгарском этимологическом словаре – от латинского *pressus* – ‘прижатый’ (т. 1: 56).

Свой в словаре синонимов болгарского языка: *личен, собствен, частен, субективен, индивидуален, роднина, близък, околел, ближен, доверен* (sinonimen onlinrechnik.com).

Чужд ‘чужой’ в Болгарском толковом словаре:

1. Принадлежащий другому, не свой, не наш; 2. Далекий, неродной, враждебный; 3. Перенесенный из другой страны, занятый другим народом.

Н. Геров (т. V: 137) отмечает следующее значение: 1. *не свой, не наш*.

Н. Геров приводит и следующие примеры из болгарских диалектов: *чюждинак* – ‘иностранец’, *чюждинца* – ‘иностранка’, *чюждина* – ‘чужбина’, *тужун// тугын* – ‘чужой’, *тугына* – ‘чужбина’, *юбанец* – ‘иностранец’, *юбанджия* – ‘иностранец’.

Следовательно, речь идет не только о не нашем, но и о неродном, далеком, а также и враждебном, т.е. опасном.

Словарь синонимов болгарского языка: *не свой, хорски, людски, неизвестен, непознат, външен, далечен, чуждестранен, друг, отчужден, отдалечен, враждебен, неприятелски, вражески, заимстван, зает, копиран, имитиран, възпроизведен, несвойствен, случаен, страничен* (sinonimen onlinrechnik.com).

В словах *копиран* (скопированный) и *имитиран* (имитированный) мы обнаруживаем семантический компонент 'ненастоящий'.

Корень *сво-* входит в возвратно-притяжательное местоимение *свой, своя, свое, свои*, прилагательные *свойски, свойствен*, причастия *усвоен, неусвоен*, существительные *своица, своещина, свояк, свако*. В. Топоров приходит к выводу, что семантика глагола *усвоявам* мотивируется притяжательным местоимением *свой*. *Усвоявам свое или чуждо пространство, свой или чужд социум, своя или чужда вяра, свои или чужди предмети* и т.н.¹⁶ Корень *чужд-* обнаруживается в прилагательных *чужд, чужда, чуждо, чужди*, в существительных *чужденец, чужденка, чуждестранец, чуждестранка*, в прилагательном *чуждестранен* и в глаголах *чуждея се, отчуждавам се*.

Социальный аспект этого противопоставления мы наблюдаем, когда первый член оппозиции означает принадлежность к определенной социальной группе, а второй – принадлежность к другой социальной группе, которая находитсЯ в некоторых отношениях с первой.

Семантическое поле род

Родство является теоретической проблемой исключительной важности не только в антропологии, но и в ряде других гуманитарных дисциплин, таких как этнология, культурология, этнолингвистика, социология. Не случайно ряд ученых как Морган, Л. Хоули, Фортес, Гуди, Эванс-Причард, Фокс, Леви-Стросс, Дюмон, Левин, Питт-Риверс и др. останавливаются на этих вопросах.

Категория родство может изучаться в разных аспектах – генетики, этнографии, фольклора, этнолингвистики, культурологии и т.п. В настоящем исследовании мы обратим внимание главным образом на этнолингвистические аспекты проблемы. По мнению С.М. Толстой, «языковые данные в изучении родства, как известно, имеют первостепенное значение».¹⁷ Она рассматривает институт родства в нескольких планах. Первый и основной план – вся лексика и фразеология, относящаяся к родству: термины, структуры, связи и их иерархия. Второй план – фольклорные формы (мотивы и сюжеты, связанные с родством), и третий план – ритуальные формы (обряды установления родственных отношений, их типология и функции).

Болгарская система терминов родства является частью древней общеславянской терминологии. Для этнолингвистики особое значение имеет не

только терминология, отражающая номенклатуру родственных отношений, но и вся лексика, связанная с самим родством как концептом и семантической категорией. Слово род (*rod-), старосл. *rodъ* характерна для всех славянских языков. Трубачев указывает, что она этимологически связана с семантикой глаголов *расти, вырастать, прорасть* > *рождаться*¹⁸.

Понятие **род** рассматривается в разных аспектах. Это ключевое понятие не только болгарской, но и славянской культуры в целом.

В нашей работе **род** будет рассмотрено как **семантическое поле**, как структура, в которую входят понятия, которые являются ключевыми для болгарской культуры и определяют пространство каждого индивида – *происход* (происхождение), *родители* (родители), *родство* (родство), *роднина* (родственник), *Родина* (Родина). Термин **семантическое поле** используется в соответствии с определением Ю.Д. Апресяна как совокупность лексических единиц, объединенных общим значением и раскрывающих понятийное или функциональное сходство¹⁹. В последнее время наблюдается тенденция рассматривать лексику в ее системности. Эти системные отношения важны как при диахроническом, так и при синхроническом анализе. Еще в XIX в. Крушевский отмечал, что существуют разные возможности для различных лексических объединений – семантических полей, синонимических рядов, синонимических гнезд. Эти системные отношения могут рассматриваться на материале одного языка, нескольких языков или на базе разных диалектов одного языка. Лексические единицы с разной степенью семантической близости образуют семантическое поле. Создание термина **семантическое поле** связано с возрождением учения В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка. Рассмотрение лексики как системы с ядром, приядерной зоной и периферией, особенно в диахроническом анализе, дает возможность проследить динамику значений и их перемещений во времени. В последние годы XX в. и сейчас больше всего внимания обращается на изучение лексики в когнитивном и лингвокультурологическом аспекте, в рамках антропологической парадигмы. Растущий интерес к этнолингвистике или антропологической лингвистике связан с исследованиями наивной и языковой картин мира через призму концептологии. Конечно, это направление не отвергает системно-структурные и сопоставительно-исторические исследования языка. Оно только продолжает их традиции. В последнее время даже этимологи начинают обращаться к определенным фрагментам языковой картины мира. Еще Гумбольдт, Потенбня, Бенвенист, Сепир и Уорф интересовались проблемами антропоцентризма и его отражения в языке. Бенвенист даже называл это „человек в языке”.

Данная работа ограничивается только семантическим противопоставлением **свой – чужой** внутри терминологии родства, т.е. ключевыми понятиями, которые характеризуются соответствующими ключевыми лексемами *род, родство, роднина, майка, баща, брат, сестра* и т.д. Ключевые ситуации рассматриваются в работе „Концепт семьи в болгарских пословицах и поговорках”²⁰. Объектом исследования является семантическое поле **род**, а предметом – термины родства, репрезентативные для этого семантического поля. Исследование нацелено на род как компонент бинарной концептуальной оппозиции **свой – чужой**. Концепт **свой** тождествен концепту **род**, а представляющие его компоненты реализуются и функционируют как основные ключевые лексемы оппозиции родной – неродной (кровный – некровный), которые представляют семантическую оппозицию **свой – чужой**. Само противопоставление осуществляется разными способами:

В нескольких ядрах: *майка – мащеха* (мать – мачеха), *баща – пастрок* (отец – отчим), *заварени, доведени и преродени деца* (неродные дети), *снаха – свекърва, невеста, зет* (снаха – свекровь, невестка / молодая жена, зять).

С использованием терминов родства в различных культурных кодах – телесном, фитоморфным, зооморфным и т.п.

Под **концептом** в настоящей работе мы понимаем „многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочное, ассоциативные характеристики, которые должны быть учтены, при описании концепта”²¹. Следовательно, концепт – это ментальный знак, связанный с этнической культурой, сохраненный в национальной памяти носителей языка.

Под **ключевым понятием** мы понимаем важный и специфичный ключ, помогающий в понимании культуры²². Следовательно, термин **ключевой** означает – культурно-значимый, устойчивый и, в данном случае, служащий для понимания менталитета народа.

Ключевая ситуация – это обобщенное значение паремии, отражающее устойчивые традиционные схемы поведения, связанные с определенным ключевым понятием. Например, *Родната страна е майка, а чуждата – мащеха*. Ключевая ситуация в данном случае следующая: ‘в родной стране хорошо, а в чужой – плохо’. В других исследованиях употребляется термин когнитема значения.

Семантическое поле **род** в болгарском языке и культуре имеет мифологическое, понятийное и семантическое значение.

Лексема *род* через призму толковых словарей:

В Словаре старославянского языка (П 2010: 265) для лексемы *родъ* встречаем следующие значения: 1) *раждане*; 2) *произход, потекло*; 3) *род, семейство; род, племя, народ*; (1) рождение; 2) происхождение; 3) род, семья; 4) род, племя, народ).

В Словаре старославянского языка представлены и следующие производные: *родителевъ* – ‘родительский’; *родитель* – ‘родитель, создатель’; *родительница* – ‘мать’; *родительскъ* – ‘родительский’; *родительство* – ‘то, что унаследовано’, *родство* – 1) рождение; 2) род, родственник; *рождество* – 1) рождение; 2) день рождения; *рождествовъ* – ‘родственный’; *рождьєс* – отросток, отпрыск, росток, веточка.

Глагол *родити рождж* – 1) стать матерью; 2) дать жизнь; 3) стать причиной возникновения чего-то.

Устойчивые сочетания: *женскъ родъ* – ‘женский пол’; *добра слава родъ* ‘благородное происхождение’.

Н. Геров (V 1978: 83-84) отмечает следующие значения лексемы *род*: 1) все, кто имеет общее происхождение, одного прародителя; 2) родня, семья; 3) корень, кровь, колено, происхождение.

В Толковом словаре болгарского языка (1973:882) встречаем следующие значения лексемы **род**: 1) множество людей с общим прошлым; 2) союз родственных семейств с общим хозяйством, которые образуют основную общественную единицу первобытного общества; 3) родственники по общему деду или прадеду; родня; 4) родственник; 5) поколение, колено; 6) семья, порода, происхождение; 7) плод, новорожденный; 8) группа близких чем-либо видов; 9) грамматический род.

Из приведенных примеров видно, что значение ‘рождение’ не встречается в словаре Н. Герова и в современных толковых словарях. В его словаре значение – ‘все, кто имеет общее происхождение, одного прародителя’ – первое, а в словаре старославянского языка – второе. В Толковом словаре болгарского языка это значение идет третьим. Следовательно, с течением времени значения этого слова сдвигаются.

В словаре синонимов к слову **род** отмечены следующие значения: 1) *произход, произхождение, начало, потекло, потомство, потомци, родословие, генеалогия, поколение, генерация, фамилия, семейство, джинс, сой*; 2) *народ, племя, коляно, раса, кръв*; 3) *сорт, вид, подвид, категория, отдел, естество, класа, система*; 4) *качество, манталитет*; 5) *порода, разновидност*; 6) *клан, племенна група*; 8) *рода, роднини, родственици*; 9) *роднина, сродник, семейни връзки*; 10) *родство, група, династия, домочадие, челяд, порядък*.

Интересно слово *порядък* (порядок), которое является частью семантической оппозиции **порядок – хаос**. Следовательно, **свой** имеет и значение – ‘упорядоченный определенным образом, связанный с определенной иерархией’, что в свою очередь характеризует семантическое поле **род**.

В Толковом словаре болгарского языка (1973: 883-884) указаны и такие производные: **рода** – 1) родственники; 2) родственник; **родов** – 1) относящийся к

роду; связанный с рождением; **роден** – 1) связанный самым тесным кровным родством (*роден брат, родна майка* - родной брат, родная мать); 2) связанный с родиной и народом (*роден език* – родной язык); 3) народный (*родна песен, роден край*); **родя се** – 1) быть кому-либо родственником, 2) быть близким, похожим, родственным; **родоначалник** – 1) прадед или прабабка; 2) основатель, основоположник; **родина** – 1) страна, в которой человек родился, откуда происходит его род: *отечество, татковина, роден край*; **родители** – отец и мать; **роднина** – человек по отношению к кому-либо, с кем у него есть кровная родственная связь или связь через брак; родственник; **родословие** – история известных поколений данного рода и их взаимных родственных связей; **родство** – 1) родственные отношения; 2) близость по происхождению, по характерным чертам, по содержанию.

Структура исследования состоит в прослеживании истории и семантического развития ключевых лексем, которые представляют ключевые понятия семантического поля **род** и раскрывают семантическую оппозицию **свой – чужой**. Прослеживается изменение семантики, как и отношения внутри ключевых понятий с историко-культурной и когнитивной точек зрения.

В семантическое поле **род** входят следующие ключевые понятия: **поколение** – поколение, происходящее от общего прародителя, **роднини** (родители, семья), выраженные лексемами *род, свои, воища, своещица, роднини, рџдеи* ‘родственники’, *родители, рџдица, рџдка* ‘мать’, *рождѐне* ‘ребенок’, а также терминами родства: *баца, майка, брат, сестра*, и т.д., производ (происхождение, родство, наследственно-социальное происхождение), выраженный лексемами: *родя, рождение, род, родина, народ, рџга* – ‘ребенок’, *родџто* – ‘ребенок’, *рџжба* ‘ребенок’, *рождѐнье* – ‘ребенок’ и словосочетания: *своя земя, свой дом, Родина-майка, Родина*.

Как подчеркивалось выше, из семантического поля **род** мы будем рассматривать только ключевое понятие **произход** (происхождение), выраженное терминами родства из аспекта противопоставления **свой – чужой**, которое реализуется в рамках самого семантического поля. С точки зрения эндогамии семантическое поле род включает и **изначально чужое**, которое превращается в **свое**. При анализе ключевого понятия **роднини** (родственники) оппозиция **свой – чужой** реализуется через противопоставления **родной – неродной, кровный – некровный**. В болгарской патрилинейной форме родства, кровные родные – по отцовской линии. Не случайно в некоторых диалектах (Костурская область) встречаются словосочетания: *дебела кръв* ‘кровные родственники по отцовской линии’, *слаба кръв* ‘кровные родственники по материнской линии’. В терминологии родства иерархия обозначена совершенно отчетливо. Еще в XIX в. основоположники теории родства выделяют два основных типа: родство по крови (филиация) и родство по браку (алиация). Вне зависимости от того, какой вид родства принимается за основной: кровное или по сватовству - оба вида являются культурно-организующими для человеческого общества. Есть еще один тип

родственных отношений, известный из научной литературы как „псевдородство” – усыновление, побратимство, духовное родство, кумовство и отношение крестных и крестников.

Побратимство – ритуальная форма создания родственных отношений, с помощью которых расширяются социальные связи определенных лиц. Питт-Риверс предлагает ставить этот вид „псевдородственных” отношений между реальными родственными отношениями и дружескими²³. Совокупность всех родственных отношений + номенклатура (терминология) родства, репрезентирующая эти отношения, образуют так называемую **систему родства**. „Системы родства имеют не только самую высокую степень упорядоченности, целостности и консистентности, но и обладают также высокой устойчивостью во времени и в общем являются одними из наиболее трудно изменяемых целостностей в социальных структурах. Свойственная им устойчивость во времени обуславливается главным образом фактом их активного функционирования и степенью поддержания существующих в рамках системы структурных, поведенческих и семантических связей. Система родства должна предлагать и поддерживать именно работающую модель социальных отношений, которая должна постоянно активироваться и утверждаться деятельностью и обиходом в соответствующей социальной группе”²⁴. Элементы каждой системы родства находятся в определенных „родственных отношениях”, которые их связывают в так называемую „сеть родства”.

По мнению Радклиффа, эти родственные отношения признаны в культуре, а термины родства имеют также аффективное значение. Леви-Стросс развивает предложенную Радклиффом концепцию, но закладывает в ее основу не аффективность, а набор правил, обязательных для каждой родственной позиции. Между этими правилами и использованием терминов родства, по его мнению, есть прямая связь. „Индивиды или классы индивидов, пользующиеся этими терминами, придерживаются по отношению друг к другу определенных норм поведения: уважения или фамильярности, права или долга, любви или вражды. Таким образом, в сущности говоря, систему терминов), существует другая система, являющаяся одновременно психологической и социальной, которую мы назовем системой установок”²⁵.

В традиционной болгарской культуре функционируют следующие родовые институты: **кровное родство, родство по свойству, родство по кумовству и побратимство**.

В болгарской культуре кровные родственники имеют общее происхождение и для них обязательна экзогамия – запрет на брак до четвертого ко-

лена, т.е. до четвероюродных братьев и сестер. В некоторых районах страны этот запрет распространяется только до троюродных²⁶. Родители и их дети находятся в родстве по прямой линии, а дети между собой – по боковой линии, поскольку не происходят один от другого. **Родство по прямой линии** называется нисходящим, когда рассматривается от предшественника к потомству и восходящим, когда рассматривается от потомства к предшественнику. Родственниками по прямой линии являются *ded > отец > внук > правнук* и т.н. Степень родства по прямой линии завист от числа поколений, которые связывают двух лиц.

Родство по боковой линии – это связь между лицами, которые имеют общего родоначальника, но не происходят одно от другого. **Родство по боковой линии** может быть полным или неполным. Когда общий только один из родителей, родство неполнокровное. Если это мать, оно обозначается как *едноутробно* (единоутробное), если отец – *еднокръвно* (единокровное). К родственникам по боковой линии относятся братья и сестры, тети и дяди (сестры и братья одного из родителей), племянники и племянницы, двоюродные братья и сестры. Нет родства между детьми от предыдущих браков. Нет родства между ними и их вторым отом или второй матерью. Это связь по свойству. Между двумя родственниками по боковой линии столько степеней родства, сколько поколений от одного из них до общего родоначальника и от него до другого родственника. Тетя и племянник являются родственниками по боковой линии третьей степени; двоюродные братья – четвертой степени т.д. В семье мать, отец и дети входят в *один пояс* или в *одно колено*. Более сложное положение наблюдается, если для одного из родителей этот брак второй и по этой причине есть *заварени, доведени деца* – дети от первого брака и *природени деца* – дети, родившиеся уже в новом браке. В отцовском доме остаются, как правило, сыновья со своими семьями, тогда как дочери отправляются в дом своих супругов. Отец и живущие в доме сыновья с их семьями образуют один *джинс (задруга, брѣтовчина, голѣма кѣща, кѹпнина, купчѣна, кървь сърь, орандѣя)*. Отец, основатель дома, называется *стопан, сайбия* или *чорбаджия*. Он единственный имеет право на беспрекословную власть. Родственная близость внутри *джинса* считается по *коленам* и *поясам*. *Первое колено* включает самые близкие родственные отношения (отец и его дети), *второе колено* – двоюродных братьев, *третье колено* – троюродных братьев и т.д. Обозначенные таким образом, родственники не могут заключать брак до четвертого колена, от основателя до четвертого нисходящего поколения.

Родство по свойству связывает членов двух семей после заключения брака между женщиной и женщиной из этих семей. Муж и жена становятся центром этого родства. Они разграничивают своих родственников по

свойству, которые принадлежат к их семейным группам по рождению. Через родство по свойству род осваивает **чужое пространство** и превращает его в **свое**. Таким образом с помощью новой семьи род расширяется и создается более крупный социум.

Кумовство „объединяет только те семейно-родственные группы, которые после исполнения определенных обрядовых действий породнились между собой”²⁷. В этом случае первая группа – *кумовья*, которые совершают обрядовые действия, а вторая – *кумцы*, над которыми совершаются эти действия. По правовому обычаю кумовство имеет необратимый характер. Экзогамия между *кумовьями* и *кумцами* обязательна, что свидетельствует о восприятии этого родства как близкого.

Побратимство как традиционный институт все еще существует в некоторых районах Болгарии. Как правило, обряд совершается священником на Ивановдень или на Атанасовдень. В некоторых районах оно может происходить без участия священника, в доме одного из мужчин. Названными братьями и сестрами (*побрáтими* или *посèстрими*) считаются и дети, которые не являются кровными родственниками, но выкормлены одной и той же женщиной (*поддйница*). В сербском языке *млèчни брáтя* и *млèчни сèстри* – это дети, имеющие общую мать. Там они делятся *по крв* и *по млеко*. В болгарских диалектах выкормленные одной матерью дети называются *захрáнти* или *млèчни брáтя* и *млèчни сèстри*. Побратимами называются также лица, которых крестили в одной воде, если они не кровные родственники. По правовому обычаю для них обязательна экзогамия.

Ключевые для репрезентации понятия **род** лексемы в болгарском языке: *род, рага, джинс, една крѡв, оцур, тарах // тараф, чок, корен, дърво, стѣбло, лоза*.

Слова иностранного происхождения из них являются *джинс, тарах, чок* со следующими значениями: *Джинс* – ‘род, колено, порода’ - т. – сипс: *Тя нали е чужед джинс* по словарю Илчева (1969: 104).

Слово *тарах // тараф* со значением - ‘род, родство’ встречается в районе Смолянской и Асеновградской областях, в Козичене (область Поморие). В Смолянской области встречается и *тарафлѡк* - ‘родство’. По Болгарскому этимологическому словарю (т. 7 2011: 818) это слово происходит от турецкого *tağaf* - ‘страна, группа людей, родственники’.

Слово *чок* также пришло в болгарский через турецкий, где оно имеет значение - ‘много’.

Интерес представляет и слово *оцур* (Родопы) со значением ‘род’. В говоре болгар из Баната встречается слово *чур*: *Се плашат от чуре. Иди на чуре. Чуре да те удари!*²⁸. Этимология слова *чур* изучалась рядом

исследователей. В этнографической литературе это слово рассматривалось некоторыми авторами как название домашнего духа, в которого верили древние славяне.²⁹ Выдвигается предположение, что они, вероятно, почитали *чур* как домашнее божество, которое защищает род. Автор видит связь между словами *чур* и *пращур*. Последнее слово в русском языке означает ‘прадед, прародитель’. Приводятся русские выражения *Чур! Чур меня! Чур, это мое!* По мнению Зеленина, *чур* – эвфемистическая замена слова черт³⁰. Аналогично употребляется *Цур тебе!* в белорусском языке и *Śur tobie!* в польском. В русском языке существует и глагол *чураться* со значением ‘опасаться, держаться в стороне’. М. Фасмер³¹ предлагает следующие значения слова *чур*:

*Чур*¹ ‘граница, межа’.

Он подчеркивает, что есть авторы, которые находят близкими слова *чур* и *чурка*, полагая, что *чур* означает ‘пограничный столб’³².

*Чур*² в выражениях: *Чур меня! Чур чур!* В украинском: *Цур!*

Трубачев отрицает это разделение на *чур*¹ и *чур*². Он предполагает, что это очень старое слово, которое представляет собой эвфемистическое и экспрессивное название, вероятно, связанное с **сърта*. Бернекер связывает это слово с **сърта* и через него со словом *черт*. В чешском *čart*, означающее – ‘черт’, в польском *czart* – ‘злой дух’. В словенском языке это слово имеет значение ‘вражда’, что осуществляет семантическую связь между **сърта* и **съртъ*, наводя ряд ученых на мысль о том, что речь идет о магической черте.

Фасмер не принимает подобного толкования. По его мнению, сомнительна и связь с *пращуром*, которую предполагают В. М. Волин и Д. Н. Ушаков³³. Семантика *граница* отсутствует и в некоторых архаичных языках диалектов русского языка, в которых это слово употребляется как заклинание против сглаза и болезней: *Цур поганим очом! Цур ему! Цур тобі!*³⁴ Он подчеркивает, что подобные примеры не позволяют принять значение – ‘магическая граница’ в качестве исходного. Толстой предполагает, что компонент **куръ-/ *keurъ-*, серб. *курац*, болг. *курчо*, словен. *kurec* имеет значение ‘пенис’. На чередование *k/č* обращает внимание и Куркина, приводя в качестве примера **сур-*, **кур-* ‘парче дърво’³⁵. С своей очереди Н. И. Толстой в указанной статье связывает слова *куръ* ‘пенис’ и *куръ* ‘петух’ с глаголами типа *kauti* со значением ‘кричать’ в древноиндийском, а также с латинским *caurir*. В поддержку этой версии можно привести семантическую модель *петух – петь* в ряде языков. Толстой добавляет, что связь названия гениталий с названиями птиц широко известна в славянских и индоевропейских языках: *пичужка – пташка* – в русском и *пичка* в сербском. Тем не менее, корень **циг-* изолирован от предполагаемого значения в приведенных примерах. В некоторых архангельских диалектах слово

кур встречается в выражении „Кой кур?“, без конкретизации значения. Контекст позволяет связать его с южнославянскими *курац*, *курчо*, *kures*. Успенский объясняет, что такие неприличные выражения служат для защиты от различных духов, таких как леший³⁶. В русском языке встречается слово *чурка* // *чурак*, которое обозначает - ‘кусочек дерева’. Встречаются также *курушка* в значении - ‘сосновая шишка’, *курик* - ‘палка с толстым концом’. В древней чешской рукописи „Hronika von Bohmen“, составленной пражским канонником Козьмой (1045 – 1125) отмечается, что славяне почитают домашние божества, которым приносят жертвы. В литовском встречается слово *kiauras* со значением ‘дырявый, дырка’, а в латышском *kaurs* – ‘дырявый’. Глаголы *чурать*, *чураться* – также производные от слова *чур*. Трубачев определяет праславянское **prask(i)urь* как ‘прадед, создатель рода’.³⁷ В старославянском существует *прашчѣоуръ* *прашчѣоура*, в древнерусском *пращур*, *прашур* - ‘прадед и правнук’, в польском *praszcur* – ‘праправнук’, в литовском *prakureias* – ‘прародитель’.

Видно, что это слово означает ‘далекое родство’, как по восходящей, так и по нисходящей линии. Некоторые авторы не находят связи между *чур* и *пращур*.³⁸ Слово *чур* в качестве междометия исполняет, по мнению авторов краковского Словаря праславянского языка, защитную функцию. Подобное значение имеют и фразеологизмы: *Не знать чуру!* и *Не лезь через чур!*

У Трубачева мы встречаем для обозначения прадеда слово *dedь* с префиксом **pro-* ‘перед’. У этого слова есть соответствие в старославянском *радѣдъ*, в древнерусском *радѣдъ*, рус. *praded*, украин. *pradid*, польск. *pradzjad*, чешск. *praded*, словен. *praded*, в болг. *прадядо*. В некоторых болгарских диалектах встречается слово *кочун*, сродное сербскому *чукундед* и образованное путем метатезы. От корня *ded-* в славянских языках образуется ряд производных со значением - ‘наследие’ или ‘дедово наследство’. Например, *дядичь* – ‘наследник’, *дядичество* – ‘дедово наследство’, словенское *dedič* - ‘наследник’, *didina* – ‘то, что унаследовано’, в польских диалектах *dziadowiżne* – ‘дедово наследство’. В украинском слово *didko* – эвфемизм, означающий ‘дьявол’³⁹, *хатный didko* имеет значение ‘домашний дух’. В Галиции называют домашнего духа *дид*, *дидко*. В болгарских диалектах домашнего духа называют *дядото*, *наместник*, *сайбия*, *стопан*. Кроме того, встречается и слово *дедейко* со значением ‘вампир’, производное от **did-* ‘домашнее божество’. Вместо *стопан* в некоторых местах употребляется *дядото*. Домовой означает - ‘хозяин дома’. Это значение явно видно в слове *стопан*, характерной для областей городов Охрида, Валовицкое, Смоляна, Асеновграда. Это название родственно

русскому слову *хозяин*, чешскому *kospodarik, hospodarik, stary hospodar* и греческому *χόριος*.

Домовым может стать и человек, умерший без причастия. Такие люди могут превратиться также в вампиров.

Некоторые специалисты в области мифологии связывают названия и представления о домашних духах со сверчком. Эта аналогия не принимается этимологами. Здесь мне хотелось бы отметить, что в болгарских говорах для обозначения сверчка встречается и слова *щур*, и *чуркал* (Ардинская, Крумовградская, Маданская, Смолянская область).

В болгарских диалектах встречается слово *ощур* со значением - ‘род, происхождение, корень, вера’ в Асеновграде, Кюстендиле, Смоляне, Софии, Дупнице, в Страндже. Это слово сохранилось только в клятвах и неприличных выражениях: *Да ти е...ощуро! Пусти да му остане щуро! Кдй знае какдв им е тоя щур?* (область городов Бобошево, Дупница). *Ощурът майни!* (Странджа). Вероятно, отсюда образуется и странджанское слово *ощурявам* со значением - ‘стать проклятым, опустеть’. *Да ошурее имането му и главата му! Да опустее, нусто, да ошурее! Щур да ошурееш!* Прилагательное *щур* со значением - ‘сумасшедший’ может восприниматься как производное от *ощур* или *ощурявам*, как *начастничав* - ‘человек, который поддается настроению’ происходит, вероятно, от слова *намесник*⁴⁰. Ясно, что это слово в некоторых выражениях выполняет функцию эвфемизма, замещающего табуированные *дявол* и *оня свет*. Аналогичную функцию имеет и слово *чур* в Банатском говоре. Там оно употребляется только в проклятиях. По мнению У. Дуковой, ряд названий более устойчив, когда не связан с официальным пантеоном.⁴¹

В болгарском языке встречается и ряд топонимов с корнем *чур-* и *кур-*: *Чурева мляка, Чуревица, Чурев вѧлог, Чурев дол, Чуреви ливѧди* (Радомирская область), *Чурково* (Валовицкая область), *Чуревица* (Гоцеделчевская область).

Чуриѧнка, Чуриѧнка в Радомирской области, вероятно, образовано от *чуруѧ* - ‘шишка на лбу или голове от удара’. *Чурка* в этом районе, вероятно, происходит от слова *чур* - ‘дым’, образованного от *чуряк* ‘место, где есть дым’. Встречается и ряд топонимов с корнем (*кур-*): *Курѧина зѧградня, Курѧйница, Курѧто, Курѧиното, Курѧило* (области Софии и Дупницы).

Вполне правдоподобно представление некоторых специалистов по мифологии, что существовал культ *чура* как домашнего божества, аналогичного *прядѧдо*, также не стоит исключать полностью.

Трубачев предполагает, что старым названием группы родственных, **своих** людей является, по всей вероятности, и слово *свободѧ* от старосл. *свѧбѧда*. По-русски оно звучит как *свободѧ*, по-сербски *свѧбѧда*, по-

словенски *svoboda*, по-чешски *svoboda*, по-польски *swoboda*. Трубачев выделяет в этом слове основу *своб-*, стсл. *свѣкъство*, производную, по его мнению, от местоименной основы *сѣ-* ‘свой’ с суффиксом *bh-*, часто со значением - ‘род, свои, родственными, соплеменники’. Исследователь считает, что суффикс *-o(da)* характерен для собирательных существительных, и первоначальное значение слова *свобода* - ‘совокупность живущих вместе родственников, своих’. В др. русском известно значение слова *свобода* как - ‘поселок, селение, слобода’, а в польском *śloboda* означает - ‘небольшое поселок, поселение крестьян’.⁴²

Семейство ‘семья’

Слово *семейство* также очень старое. Оно существует в старосл. *сѣминъ* ‘*ávdralodov mampirium*’, *сѣмина* *collect.* ‘*ávdraloda mampiria*’, в древнерусском со значением - ‘челядь, домочадцы, рабы’, ‘семья’, а *сѣминъ* ‘работник, слуга, домочадец’. Трубачев принимает, что суффикс *-m*, лежащий в основе слова *-heim* имеет значение - ‘дом, семейный очаг’.⁴³ Мы знаем, что „дом воспринимается как центр освоенного семейного пространства, которое противопоставляется чужому. Не случайно в некоторых болгарских диалектах (Момчиловцы, Виево, область Смоляна) для обозначения родственников встречается слово *вѣтреини дѣра*, а для неродственников - *вѣнкашини дѣра*. Везде, где речь идет о родстве и о семье, оппозиция **свой – чужой** имеет и пространственный аспект.

Телесный (соматический) код в болгарской терминологии родства и семантической оппозиции „свой – чужой”

Язык – не только объект, но и субъект культуры. А культура, в свою очередь, чаще всего находит свое выражение в языке, знаковой системе, базовой для всех семиосфер жизни человека. Выбор языкового знака является принципом культуры, а слово – ее архетипом, воплощением разума.⁴⁴ Одно из важнейших определений культуры характеризует ее как „негенетическую память определенного коллектива”.⁴⁵ Язык – это то средство, которое может выразить значения всех знаковых систем.

Ключевой термин семиотики – **код** – означает принцип соответствия между планом выражения и планом содержания определенного знака; кодом задается значимость знака, а интерпретатор эту значимость определяет „расшифровывает”, т. е. понимает знак.⁴⁶ Следовательно, существует знак, значимость этого знака, и есть код, благодаря которому соответствующий знак может быть понят. Культура может рассматриваться как семиотическая система, в которой синтезируются знаки и смыслы. „Культура может рассматриваться как семиотическая система, в которой синтезируются знаки и смыслы: знак является носителем того, что было выработано в процессе самопознания и осознания человеком своего личностного и межличностного

бытия в мире”.⁴⁷ В культуре наблюдается организация вторичных знаковых систем, которыми может быть закодировано определенное содержание, а язык осуществляет связь между этими знаковыми системами.

„Культурный код” – это система знаков, ставших носителями культурных смыслов. Знаки могут быть как вербального так и невербального характера. Самым универсальным, однако, базовым для семиосферы человека является язык. Различные объекты, которые нас окружают, кроме своих основных функций, обладают и знаковой функцией, они способны иметь как основные, так и дополнительные значения. Например, растительный и животный мир иногда превращаются в зеркальное отражение особенностей человека. Они могут быть носителями определенных индивидуальных или социальных характеристик. Метафорическое восприятие мира – специфическая особенность homo sapiens. Постоянно устанавливая связи, „человек говорящий” пытается с помощью других объяснить мир, представить непонятное как понятное, осмыслить свои чувства, свои связи со социумом, свою жизнь, оценить и поставить себя в центр сложных отношений с близкими и далекими, своими и чужими.

В терминологии родства семантическое противопоставление между своим и чужим может быть выражено и с помощью определенных культурных кодов, представляющих собой по сути вид метафоры: „телесный код” (названия с ключевым компонентом ‘часть тела человека’), „фитоморфный код” (названия с ключевым компонентом ‘растение’ или ‘часть растения’), а в некоторых случаях и „зооморфный код” (названия с ключевым компонентом - ‘маленькое животное’ или ‘насекомое’). Вместо термина „код” некоторые авторы используют в качестве синонимов термины „метаформа” и „символ”.⁴⁸

Путем анализа терминов родства через определенные коды мы можем интерпретировать бинарную семантическую оппозицию **свой – чужой**. Материал в данном случае исключительно разнообразен. Встречаются лексемы из литературного языка и болгарских диалектов, словосочетания и паремии. Некоторые из этих метафорических обозначений известны еще из Библии.

„Отношения родства могут иметь в славянских языках также многих других (непрямых, метонимических и метафорических) обозначений, из которых самыми регулярными являются соматизмы и фитонимы”.⁴⁹ Эти две основные группы в сербском языке были подробно проанализированы в работах М. Белетича.⁵⁰ Через вторичные значения, специфические для каждого языка, обозначаются и социальные отношения человека. Они являются выражением антропоцентризма в языке.

„Соматический, или телесный, код культуры – один из основных в классификации кодов по своей значимости во всех культурно-национальных картинах мира”.⁵¹ Тело человека широко представлено в болгарской терминологии родства. Соматизмы составляют сравнительно большую лексикотематическую группу, что обусловлено исключительно развитой первой частью концептуальной оппозиции **свой – чужой**. То, какую функцию выполняет тот или иной соматизм, можно понять при интерпретации противопоставления, которое открывает и культурный смысл соответствующих ключевых лексем. С.М. Толстая подчеркивает, что „с этнолингвистической точки зрения изучение категории родства может иметь два главных плана”. Первый – путем изучения языковых форм, с точки зрения не только номенклатуры, но и смыслов, которые за ней стоят. Второй план, по ее мнению, еще мало разработан. Терминология родства в этом случае рассматривается с функциональной точки зрения, к ней подходят как к „коду” или семантической модели, используемым в языке и в культуре. „Сюда могут относиться вторичные значения терминов (или шире – лексикки), родства, используемые системно в языковой номинации различных объектов, а также мотивы родства, метафоры семьи и родственных отношений, что дает информацию о содержательной стороне самого концепта родства, его релевантных параметрах и характеристиках, его оценке в сознании носителей традиционной культуры”⁵², которая имеет как коммуникационную, так и символическую природу.

Следовательно, культура – это семиотическая система, имеющая строгую иерархию и входящая в сложные отношения с другой системой – языковой. Человек как носитель языка, в свою очередь, обладает способностью непрерывно искать сходство и аналогию, раскрывать нечто через нечто другое. „С формальной точки зрения метафорическая проекция представляет собой функцию отображения элементов области источника в элементы области цели. Тем самым источник оказывается «областью отправления» функции отображения, а цель — «областью прибытия». В результате формируется соответствие между источником и целью, стабильность которого в каждом конкретном случае сильно варьируется — от наименее стабильных творческих метафор до устойчивых «стертых» метафор, фиксированных в культурной традиции общества”.⁵³ В дескриптивной теории метафоры описываются как множество сигнификативных и денотативных дескрипторов, которые представляют и источник, и цель. “Тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов формируют **метафорические модели** (М-модели). Дескрипторы, тематически связанные с родственными отношениями, формируют М-модель родственных отношений. Каждая М-модель

описывается йерархически упорядоченными деревьями сигнификативных дескрипторов”, раскрывая таким образом функционирование самих метафор.⁵⁴ Телесный код в болгарской терминологии родства представлен отдельными лексемами и словосочетаниями, в которых в качестве ключевого элемента входят соответствующие соматизмы. Вообще, соматизмы очень часто включают в спектр своей семантики и родственное значение. Основными соматизмами в болгарском языке являются: *кръв* (*кровь*), *сърце* (*сердце*), *утроба* (*утроба, матка*), *плът* (*плоть*), *кост* (*кость*), *коляно* (*колени*). Символика телесного связана прежде всего с одним членом оппозиции – **свой**. Все, что связано с телом человека – это его, знакомое и очень близкое. Оно представляет собой единый организм, неделимый, каждая часть которого может представлять целое. Метонимия – вид метафоры, при которой одной сущности позволено заменить другую. Таким образом, метонимия исключительно ясно раскрывает связь между целым и его частями. Надо отметить, что **свое** очень широко представлено в терминологии родства. **Чужое** сравнительно менее выражено, главным образом, через некоторые мозаичные противопоставления, такие как *майка* – *мащеха*, *баща* – *пастрок*, *невеста*, *доведени*, *заварени* и *природени деца*, *вдтрешни дѝра* – *вднкашни дѝра*.

Кръв ‘кровь’ – ‘род, порода, колени, поколение’.

Самым универсальным во всех славянских языках является название родственных отношений через слова „кровь, кровный” со значением „основанный на одном происхождении”.

В Словаре болгарского языка Н. Герова (т. II: 419) в качестве второго значения лексемы *кръв* отмечено – ‘*коляно, род, влака, корен, пасмина, лоза, пояс, повой, сой, поколение, род, порода*’ (колени, род, родня, корень, племя, лоза, пояс, повой, происхождение, поколение, род, порода).

В болгарском языке встречаются следующие словосочетания: *една кръв* – ‘кровные родственники’, *своя кръв* – ‘родной ребенок’, *дебела кръв* – ‘родство по отцовской линии’ (Костурская область), *слаба кръв, женска кръв, тънка кръв* – ‘родство по материнской линии’ (Костурская область), *кръвни братя, кръвни сестри* – ‘дети одних и тех же родителей’, *негова кръв, наша кръв, от една кръв* – ‘из одного и того же рода’, *детиво е от наша кръв* (Костурская область), *кръв от кръвта* – ‘родной ребенок’. Наиболее явное противопоставление мы видим в выражениях *моя кръв, наша кръв* со значением – ‘свой, родной’ и *чужда кръв, тугина кръв* со значением – ‘чужой, неродной’. Пословица *Кръвта вода не става* (кровь людская – не водица) раскрывает исключительное значение кровного родства для болгар. На самом деле, лексема *кръв* в этих словосочетаниях означает „происхождение”. Словосочетание *кръвно родство* имеет значение –

‘родство по происхождению, а не по сватовству’. В болгарской традиционной культуре кровное родство имеет патрилинейный характер. По этой причине в Костурской области и других диалектах встречается словосочетание *дебела кръв* – ‘родство по отцовской линии’ и *слаба кръв, тънка кръв* – ‘родство по материнской линии’. Эта патрилинейность отражается и в сочетаниях *еднокръвни* – о детях с общим отцом, и *едноутробни* – о детях, у которых общая мать. В сербском встречается *род по крви и по млеку* – ‘родство по отцу и по матери’, *род по дебела крв* – ‘родство по отцу’ и *род по танка крв* – ‘родство по матери’. Словосочетание *кръв от кръвта ми* означает – ‘родной ребенок’. Существительное *кръвосмешение* связано с экзогамией – запретом на сексуальные отношения и брак до четвертого колена, которая очень точно определяет структуру родственной близости с ядром и периферией. Запрет на брак между кровными родственниками в болгарском традиционном праве отличается исключительной строгостью.

Ключевая лексема **кръв** представляет **свое** в болгарской терминологии родства. „Кровное родство считается самым важным (эталонным) видом родства, родством в прямом, узком или собственном смысле слова; по отношению к нему в первую очередь формулируются регламентации поведения, на него ориентируются нормы, относящиеся ко всем другим видам родства”.⁵⁵

Кост ‘кость’ – ‘род, колено’.

Соматизм **кость** реже встречается в болгарских диалектах. В болгарских говорах Пиротской области зафиксированы слова *кос, коска, кошчина* со значением – ‘род, колено’. Встречается и *Чужда кошчина, она дом растура. Женското е чужда кошчина. Женски деца са тугя кошчина*. Использование такого типа метонимичного именованя, свидетельствующего о достаточно большой близости, берет свое начало из Библии. *И създаде Господ Бог от реброто, взето от човека, жена, и я заведе при човека*, (Бытие, гл. 2 стих 22). *И рече човекът ето това е кост от костите ми и плът от плътта ми; тя ще се нарича жена, защото е взета от мъжа (си)* (Бытие, гл. 2 стих 23).

Семе ‘семя’ – в значении ‘сперма’, ‘оплодотворяющая жидкость’ связывает телесный код с растительным.

Сърце ‘сердце’ – ‘родной ребенок’.

Для слова *сърце* Н. Геров приводит второе значение: ‘внутренние органы человека или животного, мать, матка, *плодница*, чрево’ (т.5: 462).

В болгарских говорах Эгейской и Пиринской Македонии встречаются следующие примеры: *от сърце да ти е върнато*, (Костурская область) и *од сърце да си исчекаш* (Охридская область) как пожелание родного ребенка, также *дете под сърце носи* – ‘беременная женщина’.

Для обозначения родства *сърце* используется только с предлогом *от* – *от сърце* как в болгарском, так и сербском языке.⁵⁶

Плът ‘плоть’ – ‘родной ребенок’.

И рече човекът ето това е кост от костите ми и плът от плътта ми; тя ще се нарича жена, защото е взета от мъжа (си) (Бытие гл. 2 стих 23).

Плът от плътта, кръв от кръвта (ФРБЕ 1975:126) – ‘неделимая, неотделимая часть от кого-либо и чего-либо; что-то близкое, родное (породнившееся)’.

Плът и кръв сме – едно сме – ‘иметь одно происхождение’.

Жила, жилка ‘жила, жилка’ – ‘род, колено, *сой*’ (Геров т. II: 20).

В своем первом значении в старославянском (СР, т. I 1999: 497) – ‘жила, сухожилие, кровеносный сосуд’. Это слово семантически может быть связано с *кръв*. Во втором значении – ‘род, *сой*’ она встречается в старославянском языке и некоторых болгарских диалектах: (Севлевская область; Геров т. II: 20), *Роднини сне еднѧ жЙла сне* (Костурская область). *Тѧй си е замѧ грѢчов, такава му е жЙката* (Врачанская область); *ТЙхната жЙлка си е комуниЙска* (Хасковская область).

Коляно ‘колено’ – ‘поколение, степень родства’.

В словаре Герова данное слово представлено во втором значении – ‘род, влака, корен, *кръвнина*, лоза, пасмина, *кръв*, поколение, *порода*’ (т. II: 389-390).

В словаре старославянского языка оно имеет также второе значение – **колъно** – ‘поколение, происхождение, род, племя, народ’ (СР, т. I: 737). Встречается в таких старославянских памятниках, как: Асем., Зогр., Мар., син. Пс., Супр., Сав., Слеп. Ап., Ман. хр. и др..

В Толковом словаре болгарского языка **колено** указано со значением – ‘происхождение, род’ (1973: 368).

В Этимологическом словаре болгарского языка **колено** дано во втором значении – ‘происхождение, род’ (т. 2: 565).

В болгарских диалектах **колено** означает – ‘степень родства’.

Трубачев цитирует, но не принимает точку зрения Р. Бака, что в языке древних индоевропейцев *род*, *раждане* означает ‘коленопреклонное положение’, однако, допускает, что существует связь между *geni* ‘колено’ и *genus* ‘род’, гр. γόνυ ‘колено’ и γένος ‘род’.⁵⁷

В болгарских диалектах встречаются следующие употребления: *от големо колено – от богаток рода* (Костурская область). *Лош човек е – от дяволско колено* (Самоковская область). *Уд дибелу коляну съм – от богаток сам рода* (Елена). *Ще го гоня до девето коляно – ‘Ще го гоня до далечни роднини’*. Как уже было отмечено в болгарской традиционной культуре

существует запрет на брак *до четверто коляно*, что означает – до четвероюродных братьев и сестер. *Перво коляно* – мать, отец, дети; *второ коляно* – двоюродные братья и сестры; *трето коляно* – троюродные братья и сестры; *четвърто коляно* – четвероюродные братья и сестры и т.д.

Утроба ‘утроба’ – встречается только в прилагательном *одноутробен*, *одноутробни* со значением ‘дети одной матери’ – одноутробные братья и сестры. В старославянском *жтроба* – ‘материнская утроба’ (СР, т. I 1999: 1281). В словаре болгарского языка (т. 4 1984: 666) слову *одноутробен* дано следующее толкование: ‘братья и сестры, которые рождены одной матерью’.

Компонент *едно* в таких словах как *одноутробен* в этом же словаре имеет третье значение: тот, кто с кем-то другим имеет одинаковое происхождение или какой-либо существенный признак: *едноверен*, *едноплеменен*, *еднокръвен*.

Молочные братья и молочные сестры

В болгарской традиционной культуре дети, вскормленные одной и той же женщиной, но не связанные кровным родством, воспринимаются как родственники. Их называют *захрани* (Сакар) или *млѣчни братя* и *млѣчни сѣстри* (Сакар). Женщина, которая их вскормила, называется *поддѣница* или *помѣйчима* (область горада Ямбола). префикс *по-* в болгарской терминологии родства означает ‘почти’ – ‘почти мать’. В своем составе эти сочетания имеют ключевой компонент – соматизм. Как уже отмечалось, в сербском языке встречаются *род по крви* и *по млеку*, что означает – ‘по отцу’ и ‘по матери’. Для молочных братьев и сестер также обязательна экзогамия. Это означает, что данный вид родства воспринимается как исключительно близкое, несмотря на то, что речь идет о ритуальной родственной связи и в сущности представляет собой символически установленную идентичность.

В семантической оппозиции **свой** – **чужой** они относятся к ее левой части.

Пояс ‘пояс’ – ‘степень родства, колено, поколение’ (БЕР 5: 14-19).

В определенной степени с соматизмами может быть связан и термин **пояс**, если мы имеем в виду его значение ‘до талии’ или ‘до живота’: *Сняг до пояс*. *Брада до пояс*. *Стягам пояса*. В говорах македонских болгар *Тоя пояс луге сите измреа*. *Арам стока спечелена не оди до три пояса* (пословица). Вероятно этимологию слова *пояс* можно связать с глаголом **ro-jasati* – ‘опоясывать’, от которого развилось и вторичное значение ‘часть тела, вокруг которой опоясывают пояс’. *Пояс* в греческом ζώνη означает – ‘женильба, брак’. В Пазарджикской области, перед тем, как молодая жена войдет в дом своего супруга, свекровь опоясывает ее красным мужским поясом только после (в таком виде) вводит ее внутрь, чтобы были дети – мальчики. Безусловно, слово *пояс* имеет и другие значения в народной

культуре и в славянских языках: а) вступление детей в жизнь (опоясывание); б) вступление в брак; в/ плодovitость, мужская сила; г) защита от нечистой силы.⁵⁸ В болгарской традиционной культуре телесный код раскрывает первый член семантической бинарной оппозиции **свой – чужой** в терминологии родства. Благодаря соматизмам функционируют следующие родственные связи: „род“ > „поколение“ > „степень родства“ > „родной ребенок“ > „молочный ребенок“ > „родство по отцовской линии“ > „кровные братья“, „кровные сестры“ > „родство по материнской линии“ > „молочные братья“, „молочные сестры“. В семантическом центре **своего** находится ключевое слова **кровь**. Важную роль в родственных отношениях играют люди, связанные кровно – родители, братья, сестры. Так как у болгарских родственных отношений патрилинейный характер, кровное родство идет по линии отца. Различают **единокровных** - у которых общий отец - и **единоутробных** - у которых общая мать - братьев и сестер. Для **своих** обязательна экзогамия до четвертого колена, т.е. до четвероуродных братьев и сестер. Этот запрет на брак выстраивает ясную иерархическую систему ближайших родственников и прочно их связывает. Самый яркий отказ от **своего** и превращение его в **чужое** в традиционной болгарской культуре – это родительская клятва.

Фитоморфный код в болгарской терминологии родства и семантическая оппозиция „свой - чужой“.

Фитоморфны (растительный) код в отличие от телесного, связан как с кровным родством, так и с родством по свойству.

В болгарских терминах родства он функционирует в трех основных направлениях культурной традиции: 1) части растений мотивируют термины родства, связанные с кровными родственными отношениями; 2) растения мотивируют термины родства, при родстве по свойству, к которым относятся так называемые „невестинские имена“ (евфемизмы, которыми молодая жена называет в доме мужа его родственники – прим. переводчика); 3) термины родства мотивированы названиями растений.⁵⁹ Растительный код представлен номинациями, относящимися к линиям и степеням родства, за которыми стоит образ генеалогического древа: *семе, плод, корен, жила, лоза*. В болгарском языке существует словосочетание *родословно дърво* со значением - ‘разветвление какого-либо рода, представленное графически как ветвистое дерево’. Еще в старославянском языке встречается слово *рождѣе* значением - ‘отросток, отпрыск, росток, веточка’.

Некоторые названия, такие как *семе, плод, жила, коляно*, являются общими как для телесного, так и для вегетативного кода. У южных славян растительный код используется наиболее часто в вокативных терминах, с которыми, молодая жена обращается к родственникам своего супруга *дуња*,

калина, малина, ябълка, црешня и др. Данные названия имеют метафорический характер.

Растительный код в болгарской терминологии родства (кровное родство) представлен отдельными лексемами и словосочетаниями, в которых ключевым компонентам являются соответствующие названия частей растений. Самые основные: *жила, коляно, корен, семе, плод, влака, лоза*.

Растительный код через призму лексикографии:

Корен ‘корень’

Толковый словарь болгарского языка. Третьим переносным значением слова *корен* дается - ‘начало, происхождение, основа’. *Корените на българския народ са в дълбока древност* (1973: 381).

Бл. Шклифов в Словаре костурского говора как третье значение слова *корен* приводит - ‘происхождение’, а как четвертое - ‘потомство’. Следовательно, в этом говоре встречаются два термина, образованные от фитонимов: **корень**¹ - ‘происхождение’: *На него корено му е от Стара Гърция*; и **корень**² - ‘потомство’: *Остави корен той. Корено му да се ископачи. Корен да не остане от ними.*⁶⁰

Этимологический словарь болгарского языка: *корен* - ‘подземная часть растения, стебель, росток, побег, пень, ствол дерева’ и ‘начало, происхождение, род, колено’ (3, 1979: 634).

Словарь синонимов болгарского языка – ‘*произход, коляно, род, начало, извор, източник, зародиш, зачатък, основа, дъно, вътрешност*’.

Тот корень, от которого произрастает ствол и расходятся в разные стороны ветки, метафорично раскрывает общее происхождение и представляет первый член **свое** в семантической оппозиции **свой – чужой**. Он лежит в основе и дает общее начало роду. Кроме того, корень находится в земле и связан с хтоническим миром, а отсюда и с умершими предками. В значении *вътрешност* открывается и пространственный аспект оппозиции, которая связана с *вътрешни дѝра* - ‘родственниками’ в селах Момчиловци, Виево и Кутела, Смолянская область.

Семе ‘семя’

Толковый словарь болгарского языка (1973: 916): 1. Покрытое оболочкой зерно растения, из которого прорастает новое растение; 2. Личинки некоторых насекомых; 3. Сперма; 4. Поколение, потомство.

Н. Геров, Словарь болгарского языка (т. V: 159): как второе значение – ‘сперма’, а как третье значение – ‘потомство’. *Хамово семе, нищо и никакъв човек*.

Шклифов в Словаре Костурского говора в качестве второго значения приводит ‘сперма’, а третьего – ‘поколение, потомство’. *Да му се ископачи семето, никой да не устане от ними жиф*.

Фразеологический словарь болгарского языка (т. 2, 1975: 730) – *Дяволско семе. Хамово семе* (потомство).

Словарь синонимов болгарского языка: *семка, ядка, костилка, зародиш, кълн, начало*.

Старославянский язык: *сѣмѣн* – ‘потомство, семья’ Син., Супр..

Влакà с фонетическим вариантом *лякà* - ‘род, колено, корень, пасмина, род, порода, племя’ (Геров т. I: 133): *Стоян не е от тая влака, от тоя род*.

Толковый словарь болгарского языка: *влакà* – ‘род, колено, происхождение’ *Влаката им е голяма*.

Этимологический словарь болгарского языка *влакà*: ‘род, поколение’ (1971, 1:163; СЗ, Белослатинско).

Диалектное слово *влакà* как термин родства означает - ‘род’ и ‘поколение’. В сербском это слово означает - ‘большое дерево (бревно), которое нельзя погрузить на телегу, нужно волочить’. В русском - ‘устройство для валки деревьев’, в слов. - ‘волочение, боронение’, в некоторых польских диалектах - ‘вид меры площади поля’. В Этимологическом словаре болгарского языка считается производным от глагола *влача*.

Плод ‘плод’

В Толковом словаре болгарского языка (659-660). – 1. Плод растения, которое содержит семя. 2. Плод растения, которое употребляется в пищу. 3. Зародыш у человека или животного: *Развитие на плода*. 4. Результат определенной деятельности. *Плод на общи усилия*. Встречается и прилагательное *плодовит*, во втором значении - ‘быстро размножающийся’ *Заекът е много плодовито животно*. Существительное *плодовитост* обозначает ‘качество плодовитости’: *Плодовитостта на мишките е голяма*.

В болгарском языке встречаются прилагательные *оплодотворена* и *неоплодотворена* и глагол *оплодотворявам* со значениями: 1. Дать начало развитию растения или организма животного, зачать; 2. Перен. Послужить источником творческой деятельности; а также *оплодя*, *оплождам* с таким же значением (см. знач. 1.) (587).

Слову *рожба* в Толковом словаре болгарского языка (884) дано следующее толкование – ‘все, что рождено человеком, животным или растением; чадо, ребенок, плод, род’.

Н. Геров, Словарь болгарского языка (V: 84): ‘все, что рождено животным или растением, *рожба*’.

Следовательно, и у Герова, и в Толковом словаре болгарского языка существует значение слова **плод** – ‘ребенок, чадо’.

Этимологический анализ слова *дете* у Трубачева и в Болгарском этимологическом словаре (т. 1. 1971: 349) выявляет основное значение –

‘вскормленный’. Это слово встречается в старославянском языке – дѣтѣ (Ман. хр. и Остром. ев.).

Лоза ‘лоза’. В болгарских диалектах встречается слово *лоза*, которое означает ‘линия родства’. Словосочетание *жѣнска лоза* обозначает ‘женская линия’, а *мѣжка лоза* – ‘мужская линия’. В сербском и болгарских говорах в Царибродской и Босилеградской областях встречаются словосочетания *силазна лоза* со значением ‘нисходящая линия’ и *улазна лоза* со значением ‘восходящая линия’.⁶¹

Коляно ‘колено’ со значением – ‘поворот в стебле растения подотдела хвощовые’ связывает растительный и телесный код.

Жила ‘жила’ со значением – ‘утолщенные линии на листьях или стебле растения’ также связывает растительный и телесный код.

Родство по свойству. „Невестинские имена“

„В традиционной народной культуре проявление родственных связей по свойству является неделимой частью общего хода человеческой жизни. Они начинаются практически с рождения отдельного индивида и сопровождают на жизненном пути до самой смерти. Их неизменное присутствие обуславливается основной ролью, связанной с упорядочиванием брачных отношений и межродовых связей и улаживанием конфликтов. Они способствуют прежде всего их активному взаимодействию и нормальному воспроизводству остальных родственных институтов, т.к. вплетены в их систему“.⁶² С помощью родственных связей по свойству род в целом и отдельная семья социализируются, занимают часть **чужого** пространства и превращают его в **свое**, не создавая при этом опасности перехода нарушения внутренних границ, которые контролирует родственная система.⁶³ Кроме того, молодая жена приходит **чистой** в дом своего супруга и берет на себя грех первой брачной ночи и последующего зачатия. По этой причине невестка *говее* ‘говееет’ (не разговаривает с родственниками своего супруга определенное время). Их имена для нее являются табу и поэтому она обращается к ним эвфемизмами. Сначала молодая жена **чужая** роду своего мужа, и необходимо некоторое время, чтобы она стала **своей**. Подтверждение этому можно найти и в этимологии слова *невеста* от корня *ved-‘знать’ - ‘неизвестная’. Это толкование подтверждают „культурно-исторические обряды молчания в первые дни после ее вступления в дом супруга, обычаи обращаться к ней как к неизвестному лицу“ и запрет обращаться к братьям и сестрам мужа, и не называть их по именам (БЕР, т. 3 1996: 589). До сих пор нет единого мнения об этимологии этого слова, и у семантики, приведенной в БЭР, есть ряд противников. Ст. Младенов предлагает следующие значения: ‘украденная’, ‘нововведенная’, ‘нопроданная’, ‘неоплодотворенная’⁶⁴. Фасмер также не согласен с семантикой ‘неиз-

вестная’ и предлагает другое, немного отличающееся значение - ‘новая’.⁶⁵ Е. Шнеевайс⁶⁶ предполагает, что у данной семантики есть дополнительное значение - ‘чужая’. Следовательно, она **чужая** и **неизвестная** для семьи своего супруга, а чужое и неизвестное в традиционной культуре болгар всегда воспринималось как опасное. Не случайно в болгарских диалектах существуют слова *вѣнкашни* и *однадворни* для внешних, незвестных существ, которые опасны для людей. „Прилагательное *вѣтрешен* - ‘внутренний’ кроме своего прямого значения имеет и второе - ‘близкий’ и субстантивированное - ‘близкие люди’ „*На зѣтю вѣтрешните уддат да калѣсваш* (Певец, Търговиштская область). Т.е. внутреннее – то, что принадлежит семье.”⁶⁷ *Вонкашни*, т.е. *вѣншни* (внешние) означает ‘чужие для семьи’ (Тетевен, Панагюриштская область). Они вне освоенного пространства дома, незнакомы, чужие и опасные. Выше были приведены примеры из Смолянской области *вѣтрешни дѣра* – ‘родственники’ и *вѣнкашни дѣра* – ‘не родственники’.

К младшим и незамужним сестрам своего супруга молодая жена обращается, используя названия плодов кустарников и деревьев: *калина*, *малина*, *ябълка*, *дуня*, *дунка*, *црешня* (БЕР, т. 2, 169). Здесь принимается этимология **kalina* **kal-* с суффиксом *-*ina* с первоначальным значением ‘влажное место’, а позже - ‘влаголюбивое растение’. Праславянское **kalina* встречается во всех славянских языках как название различных растений, чаще всего *Viburnum opulus*.⁶⁸ Д. Младенова приводит и этимологию Ив. Гълъбова⁶⁹ слова *калина* - ‘младшая золовка’, с чем она соглашается. Он возводит это слово к тюркскому *кайын* – ‘термин, выражающий родство по браку’. Следующим этапом было связывание его со славянским словом, обозначающим вид растения, и создание системы терминов, которыми сноха называет золовок, незамужних сестер мужа, используя названия различных растений.

Терминология родства, мотивирующие названия растений

Большое число названий родственников, связанных с кровным родством и родством по свойству, можно найти в названиях лесных растений. В своей статье „О некоторых фитонимах в болгарском языке“ Н. Павлова приводит ряд подобных примеров. Названия растений, мотивированные терминами родства, она делит на несколько групп: названия, состоящие из одной лексемы; словосочетания со структурой существительное + имя прилагательное и сложные слова, компонентом которых является термин родства.⁷⁰ По мнению автора, самые часто используемые термины родства в составе фитонимов - *майка*, *баба* и *дѣдо*, которые „участвуют как определение и определяемое слово в словосочетаниях и как мотивирующая основа названий, состоящих из одной

лексемы”⁷¹: *ба̀бка* - ‘горска съсънка’ ‘ветреница дубравная’ *Anemone nemorosa*, *ба̀бка*, *ба̀бушка* – ‘кокиче’ ‘подснежник’ *Galantus*, *ба̀бинец* – ‘рогачица’ ‘прицепник морковный’ *Saucalis daucoides*, *ба̀бица*, *ба̀бин зъбец* – ‘тробаозон’ ‘якорцы стелющиеся или колючая лоза’ *Tribulus terrestris*, *ба̀бина гъ̀лѣбица* – ‘кичуресто плюсковиче’ ‘тимьян’ *Thymus L.*, *ба̀бина души́чка* – ‘мащерка’ ‘тимьян’ *Thymus L.*, *ба̀бини иглѣци* – ‘часовниче’, *ба̀бини прѣсти* – ‘клинавче’, *ба̀бин ко̀сѣм* – ‘самодивска коса’, ‘аспарагус’ *Asparagus tenuifolius*, *ба̀бино ви́нце* – ‘див здравец’ ‘герань мягкая’ *Geranium molle L.*, *ба̀бино ру̀но* – ‘вилаина метла’, ‘спаржа лекарственная’ *Asparagus officialis*, *ма̀йка* – ‘подбел’ ‘мать-и-мачеха’ *Tussilago farfara*, *ма̀йчица* – ‘маргаритка’ ‘поповник, ромашка полевая’ *Chrysanthemum leucanthemum L.*, *ма̀йчина души́ца* – ‘мащерка’ ‘тимьян’ *Thymus L.*, *ма̀йчина мятѣвка* – ‘котешка трева’ ‘котовник кошачий’ *Nepeta cataria*, *ма̀йчин лист*, *ма̀йчен боб* – ‘*боб преткар*’ ‘сенна александрийская или египетская сенна’ *Cassia angustifolia*, *на̀на* - ‘джоджен’, ‘мята’ (это слово означает *майка* в Ломской и Велинградской областях и *баба* в Маданской области), *дѣ̀дови зѣ̀би* – ‘напрѣстник’ ‘наперстянка’ *Digitalis L.*, *дѣ̀дови дисѣ̀ги* – ‘щавуняк’ ‘щавель’ *Rumex arpinus*, *дѣ̀дов зѣ̀б* – ‘воловодец’, ‘заразиха гвоздичная’ *Orobanchaceae*, *дѣ̀дово ви́нце* – ‘мъртва коприва’, ‘ясотка белая или глухая крапива’ *Lamium album* и др. Такой способ образования названий фитонимов, содержащих как компонент термин родства, относящийся к кровному родству, в сущности, свидетельствуют о приобщении чужого и неизвестного к своему. Бабушка и дедушка - самые близкие родственники, не считая отца и матери. Павлова цитирует Т. Лукинову, которая допускает, что семантическое развитие таких терминов родства, как *дядо* и *баба* связано с культом умерших предков.⁷² Умерший человек после своей смерти становится чужим для своих близких, что снова подтверждает тезис о приобщении **чужого** к **своему**. Обратная связь - **свое** через **чужое** - прослеживается в названиях *ма̀йчина души́ца* для растения *мащерка* ‘тимьян’, перевод с латыни *Matris animula* (*ма̀щерица*, *ма̀щерица*, *ма̀щерица*), что связывают с этимологической легендой о детях сиротах, которые оплакиют свою умершую мать. Она их жалеет и возвращается к ним в виде ароматного цветка.⁷³

Встречаются и термины родства по свойству: *етѣ̀рѣва*, *бу̀лка*, *невѣ̀ста*, *сна̀хѣ*, *ка̀лѣ̀на*: *бу̀ла*, *бу̀лка* - ‘див мак, кадѣ̀нка’ ‘мак самосейка’ *Ranunculus acris L.*, *сна̀хѣ* - ‘горлюха ястребинковая’ *Picris hieracioides L.*, *злѣ̀ етѣ̀рѣва* – ‘фасуличе’, ‘сочевник веченный или чина веченная’ *Orobanchaceae*. Эти названия скорее свидетельствуют об отношении между родственниками, которые связаны по свойству, чем о противопоставлении **свое** - **чужое**. Что касается названия *бу̀лка* в значении - ‘мак самосейка’, вероятнее всего, это связано с

цветом растения. У гриба *Amanita cesarea* также похожий красный цвет. Это ‘съедобный гриб с яркой оранжево-красной шляпкой, с большими белыми остатками общего покрывала, с приятным вкусом и запахом’ (РБЕ, 1977, т. I: 834), который также известен как *булка*.

Растительный код в болгарской терминологии родства представлен отдельными лексемами и словосочетаниями, в которых ключевым компонентом являются соответствующие названия частей растений, а также названия самих растений, в составе которых наблюдаются термины родства. С помощью этих вторичных (метафорических) названий ясно очерчивается семантическая оппозиция **свой – чужой**. В отличие от телесного кода, растительный связан как с кровным родством, так и с родством по свойству, что создает возможность для **чужих**, внешних и незнакомых лиц приобщиться к своим, стать близкими. Таким образом род социализируется и с помощью чужих, незнакомых, которых он приобщает, расширяет свое влияние в определенном социуме. Это стремление превратить **чужое** в **свое** предполагает время и соответствующие превентивные действия – молчание на определенный период времени, употребление эвфемизмов при обращении к близким супругу.

Зооморфный код в болгарской терминологии родства и семантической оппозиции „свой - чужой“

Зооморфный код в болгарской терминологии родства представлен сравнительно небольшим числом названий, из которых чаще всего встречаются: *калинка* - ‘насекомо’ (насекомое) *Coccinella septempunctata* и *невестулка* – ‘хищное млекопитающее семейства куньих’ *Mustella nivalis*. Речь идет как о диалектных словах, так и о словосочетаниях. В обоих случаях встречаются названия, связанные с родством по крови и по свойству. При использовании этого кода термины родства служат эвфемизмами для табуированного названия чужих, неизвестных и опасных существ, которые каким-либо образом связаны с традиционными представлениями болгарина о хтоническом мире. В оппозиции **свой – чужой** названия таким образом животные относятся к части **чужой**, но эвфемистические названия, которые по своей сущности метафоричны, относятся к части **свой**.

Божья коровка - ‘насекомое’ *Coccinella septempunctata*.

Названия, связанные с кровным родством:

Из названий, относящихся к кровному родству, встречаются названия с обоими основными компонентами: *баба* и *майка*.⁷⁴

Названия с компонентом *майка*: *божд майка*, *божд майчица* (Ловечская область), *мудзиварва майка* (Корово, Велинградская область), *литмама* (Кюстендилская область). Д. Младенова подчеркивает, что эти названия локально изолированы. По поводу неясной лексемы *литмама*

автор допускает, что это аналогия с *литмара*, поскольку обе отмечены в одном и том же регионе. В основе этих слов согласно Болгарскому этимологическому словарю лежит глагол *литам* 'летать, махать крыльями, порхать' (т. 3: 430).

Названия с компонентом *майка* связаны с использованием *богородичка* для божьей коровки *Coccinella* и тех названий, в которых основным компонентом является имя собственное *Мара – баба Мара*. В данном случае название божьей коровки определено связано с Божьей матерью, которая в мифологии соотносится с Великой богиней-матерью.

Названия с компонентом *баба*: *баба, бабичка* (Костандово, Велинградская область), *бабашка* (Златоградская область), *бабалйна* (Никопольская, Банатская области), *баба Мårта* (Петричкая, Санданская области, Железница, Софийская область), *баба Мårа* (Гоцелчевская область, Разложская область), *баба Кåле* (Драмская область). Последнее название, по мнению автора, восходит к собственному имени Каля, которое есть в словаре Ст. Илчева и в словаре Н. Герова (Илчев, 1969: 232; Геров, II: 342). Младенова допускает, что кроме этого значения речь может идти и о греческом слове *καλός* - 'хороший, красивый', что обнаруживается в самом названии *калинка* и в *калимåна, калимåнка*. Автор рассматривает все значения слова *баба*: 1) мать матери или отца; 2) старая женщина; 3) женщина вообще; 4) акушерка; 5) знахарка, ворожея, гадалка, колдунья, волшебница, чародейка. Первое значение она связывает с гипотезой, что божья коровка является образом прародительницы-женщины, которая связывает мир живых с миром мертвых. Как прародитель, здесь термин *баба* определено относится к нисходящему кровному родству. По этой же причине Младенова предполагает и связь со значением - 'знахарка, колдунья', т.к. кроме того, что знахарка умеет предсказывать будущее (что характерно для верований, связанных с божьей коровкой), она может быть связью между миром живых и миром мертвых. Но это значение отличается от термина, связанного с кровным родством. Так же, как и в растительном коде, самые употребительные термины родства здесь – *майка* и *баба*. Так что вряд ли в данном случае значение слова *баба* имеет смысл 'знахарка, колдунья'. Термины родства, особенно те, что связаны с кровным родством как эвфемизмы, используются для того, чтобы превратить чужое и неизвестное и, соответственно, опасное существо в близкое и свое, и тем самым его умилостивить. Знахарка также относится к таким людям, которые как полезны, так и опасны из-за своей деятельности. Поэтому именование ее словом *баба* имеет такую же функцию.

Названия, связанные с родством по свойству.

Невеста: *невѣста*, *невѣстица* (Благовско, Монтанской области, Галичник, Реканской области), *невѣстичка* (Ивайловградская область), *геленджѣж* – ‘невеста’ (Аврен, Крумовградской области), *цѣрева невѣстица* (Дебърская, Гостиварская области)⁷⁵.

Названия типа *божѣ крѣвичка*, *божѣ крѣвица*, *божѣ крѣвка*, *божѣ крѣвичица* связаны с символикой невесты в свадебном обряде. Для славянских народов эти названия чаще всего корова и курица, которые частично пересекаются с символикой свадебного каравая.⁷⁶ В этих названиях *невѣста* имеет символический характер.

Д. Младенова предполагает, что названия с компонентом *невѣста* связаны с внешним видом божьей коровки *Coccinella*, чей цвет красный, а красный цвет характерен для свадебного наряда невесты, как в Болгарии, так и в Турции и Албании. У этого предположения есть определенные основания, т.к. некоторые растения подобного цвета называются *булка*, что является синонимом *невѣста* в некоторых районах страны. У гриба *Amanita caesarea* также похожий красный цвет. Это ‘съедобный гриб с яркой оранжево-красной шляпкой, с большими белыми остатками общего покрывала, с приятным вкусом и запахом’ (РБЕ 1977, т. I: 834). Однако, в этом случае связь между божьей коровкой и названием *невѣста* можно искать в этимологии слова *невѣста* – ‘незнакомая, неизвестная’. Эта аналогия раскрывает особенности восприятия божьей коровки как существа, которое можно использовать при гадании о свадьбе, а отсюда и как существа, которое связано с хтоническим миром, с предками.

Невестулка (‘ласка’) – ‘хищное млекопитающее семейства куньих’ *Mustella nivalis*.

Ласка в различных регионах болгарской этнической территории имеет разные названия, но большинство из них связаны с родством по свойству: названия с внутренней формой – *булка*, *невѣста* и названия с внутренней формой – кума – *калмѣна*, *крѣсница*. Названия, связанные с кровным родством с компонентом *майка*, *сестра*, *лѣля* или *щѣрка*, единичны и изолированы.

У ласки амбивалентная природа. Она не похожа на других животных. В фольклоре южных славян занимает промежуточное место между Этим и Тем миром, между чужим и своим. Она ни полностью хтоническое, ни полностью солярное существо. Может быть как мстительной, так и справедливой. Благодаря своей амбивалентности ласка близка образам самодив. В болгарской традиционной культуре ласка воспринимается как животное без костей, это ее связывает с вампирами и змеями. А у змеи в свою очередь также амбивалентная природа.

В тоже время ласка выражает отсутствие равновесия в природе. В мифологической оппозиции **свой - чужой** она относится к **чужому**, и поэтому воспринимается как главный классификатор человека, находящегося вне рода. Если мы обратимся к образу мирового древа в фольклоре, ласка стоит у его корней вместе с кротом. В греческой мифологии ближе всего к ней богиня Гера, которая представлена как невеста – девственница, покровительница семьи, которая прядет нити судьбы. Этот мифологический образ ласки как прядильщицы мы находим в болгарской этиологической легенде о невесте, которая превращается в ласку, потому что прядет в неподходящее, по мнению ее свекрови, время. Так она наказана оставаться между этим и тем миром, между домашним (своим) и чужим, как регулятор нарушенного порядка. Предсказательницы судьбы также держат нити судьбы и могут предсказывать будущее человека. Их можно воспринимать как связующее звено между божьей коровкой и лаской.

Ласка на болгарской этнической территории имеет следующие названия, в которых основным компонентом является термин родства по свойству.

Названия с компонентом *невѣста*, *бѹлка*: *невѣста*, *невѣстичка*, *невѣстица*, *невѣска* (БМ 1994: 227), *бѹйнова бѹлчица* (Кортен, Новоагорской области), *бѹйнова бѹлка* (М. Манастир, Ямболской области), *бѹйновица* (Бургасская область), *бѹтюва невѣска* (БМ 1994: 21), *бѹнова бѹлчица* (Харманлийская область), *цѹрева невѣста* (Арх. Романски).

Названия с внутренней формой *кума*: *калмѹна*, *калимѹна* (ЮИБ), *калимѹнка* (Геров, II: 339), *крѣсничка*, *мѹикина калимѹнка*, *мѹиа калимѹнка* (Смолянская область).

Термины родства, связанные с кровным родством:

Названия с компонентом *сестра*: *кѹмова сестра* (Арх. Романски).

Названия с компонентом *майка*: *мѹиа мѹйка* (Смолянская область).

Названия с компонентом *леля*: *лѣля* (Еленская область).

Независимо от того, что они изолированы, термины родства *майка*, *сестра* и *леля* раскрывают близкое кровное родство и их цель - сделать какое-то опасное и чужое существо своим. Превратить *вонкашното* и *однатворното* во внутреннее (*вотрешно*) и близкое, что не только не будет мешать, но и будет помогать семье.

Выводы:

Зооморфный код представляет эвфемистические названия. Термины родства употребляются как эвфемизмы, чтобы создать представление о чужом как о **своем** и тем самым сделать его безопасным.

И для божьей коровки, и для ласки характерны эвфемистические названия – термины родства, которые связаны как с кровным родством, так и родством по свойству.

Термины, связанные с кровным родством: *майка, баба, лѐля, сестра, щѐрка*.

Термины, связанные родством по свойству: *невѐста и калимана, кумѐ, крѐсничка*.

Названия типа *божѐ краѝвичка, божѐ краѝвица, божѐ краѝвка, божѐ краѝвица* могут толковаться как символы невесты. Корова, курица, овца часто являются символами-дублерами невесты в свадебном обряде и характерны для всех славянских языков.

Название *цѐрева невѐстица* также связано со свадебным обрядом, в котором она часто предстает невестой царя или князя.

По мнению Д. Младеновой, нельзя не обращать внимания на то, что некоторые названия божьей коровки и ласки совпадают. Это *невѐста, калимана и калмана*. Термины, в которых отражено родство по браку. У этих терминов совпадает и ареал распространения. Известно, что родство по кумовству воспринимается на болгарской этнической территории как исключительно близкое, что доказывает и обязательная экзогамия для кумов.

Термины родства и болезни

Термин для выражения кровного родства *баба* (*baba) употребляется как эвфемизм в названиях инфекционных болезней: *баба Лѐшка* (БЕР 3: 381), *баба Шѐрка* (ЗБ, ИБ, СБ), *баба Друсла, баба Пѝсанка бабичката* (Силистренская область).⁷⁷ Так как настоящие названия болезней табуированы, необходимо использование эвфемизмов с термином родства *баба*. Использование терминов родства для названия болезней – один из самых распространенных способов умиловить опасное и превратить **чужое в свое**. В данном случае речь идет о детских болезнях, которые в традиционной культуре болгарина воспринимаются как разновидность демонов.

Для болезней также используются термины родства *лѐля*: *лѐля* – ‘чума’ (Смолянская, Хасковская области); *лѐля* – ‘оспа’ (Петрич), *лѐличка* – ‘оспа’ – (ЮЗБ); *лѐля* – ‘брюшной тиф’ (Разградская область). Необходимо отметить, что термин родства *лѐля* употребляется и для названия ласки *Mustella nivalis*, а *баба Шѐрка* и *бабичката* для названия божьей коровки *Coccinella*.

Для болезни ‘оспа’ используется сочетание *млѐтата майчица* (ЮЗБ), при этом деминутив *майчица* и прилагательное *млѐтата* раскрывают стремление носителя традиционной болгарской культуры превратить нечто чужое и опасное для него в родное, хорошее и близкое.

Самый распространенный термин родства для демонов-болезней – *баба*.

Другие названия, отражающие противопоставление свой – чужой

В болгарской терминологии родства существуют следующие противопоставления, которые отражают семантическую оппозицию **свой – чужой**:

1) *майка* – *мащеха* (мать - мачеха)

Основное значение слова мать, которое дается во всех толковых словарях, это – ‘женщина, родившая одного или нескольких детей’ (БТР, 1973:435). Это слово засвидетельствовано еще в старославянском: *мати*, *матере* со следующими значениями: 1. Мать; 2. Перен. Источник, начало (СР, т. I: 843).

В Словаре болгарского языка Н. Герова (III: 53) как первое значение слова *майка* указано - ‘женщина, у которой есть дети’, а как четвертое значение - ‘самка, у которой есть детеныши’. В Этимологическом словаре болгарского языка приведено следующее значение - ‘родительница, женщина по отношению к детям’ (БЕР, 3: 615). Это название славянское, от **матька* с антиципацией мягкости, **majka*. В болгарских диалектах также употребляются названия: *ма̀та* (Гоцделчевская, Белоградчикская, Царибродская области), *ма̀тер* (Белоградчикская, Царибродская области), *плъ̀чка* (Смолско, Пирдопской области), *на̀нка* (Плевенская область), *р̀дица* (Самоковская область).

У слова *мащеха* в болгарском языке следующее значение - ‘ненастоящая мать, вторая жена отца’. Как второе значение в Толковом словаре болгарского языка (1973: 447) приводится - ‘тот, кто относится враждебно, без заботы и любви’. Известен и фразеологизм *Едному майка, другому мащеха*. Слово *мащеха* вероятно происходит от **matjexa*, что может быть объяснено **mat-ies-a*, где *ies-* суффикс, обозначающий сравнительную степень, ‘почти мать’. В лат. *mater-tera* означает - ‘тетя, сестра матери’. Это чисто славянское образование. В болгарских диалектах встречаются следующие названия: *вирѝеа* (Ново село, Видинской области), *повтѝрка* (Ново село, Видинской области), *премѝжена майка* (Костурская область), *памѝчима* (Смолянская область). Все названия показывают, что речь идет о ненастоящей матери. Как уже было отмечено, приставка *по-* в *памѝчима*, обозначает *почти*. Она встречается и в *побратим*, и в *посѝстрима*. *Помѝчима* означает также и - ‘молочная мать’. Считается, что слово *вирѝеа* заимствованно из румынского *vitreg* со значением - ‘не родной’.

Настойница – женщина, которая определена заботиться о ком-либо, не являясь при этом настоящей матерью. В данном случае не обязательно, чтобы она была супругой отца.

Здесь семантическое противопоставление **свой – чужой** проходит по линии *роден – нероден, истински – неистински* и отсюда *свой – не свой*.

2) баща – побѣщим (отец – посаженный отец)

В болгарском языке слово *баща* имеет следующие значения: 1) мужчина по отношению к своим детям; 2) мужчина, у которого есть дети; 3) перен. родоначальник *Древните наричали Херодот баща на историята*. В Манасиевой хронике встречается прилагательное *ващинъ*, а в среднеболгарском *ващина* – ‘вид налога, наследуемое имущество’. В старославянском это слово *отъць*, которое сохранилось в диалектах в *отчина, вѣтчина, отцѣвина* (Геров, I: 29). В болгарских диалектах встречается также и *родител, родилен бащѣ, пляк, тѣино, тѣти, тѣтко, бѣлю, бубѣ, бубѣйко, нѣньо*. *Тати* и его производные слова, возникшие позже из детской речи, а тоже и *бубѣ, бубѣйко* – тюркского происхождения. Здесь в левой части оппозиции остаются все названия, особенно интересные – *родител* и *родилен бащѣ*, обозначающие ‘настоящий, свой отец, родной’. Все эти термины представляют левую часть оппозиции **свой – чужой**. В болгарских диалектах встречаются также и термины *побѣщим, витрѣ, пастрѣк, пастѣрак, притѣтко*, которые означают – ‘ненастоящий, неродной, второй отец’. *Побѣщим* еще и персонаж в свадебном обряде, обычно старший по возрасту родственник молодожена, который его напутствует перед первой брачной ночью. Речь идет о родственнике, но не об отце жениха. Как уже было отмечено, приставки *по-* и *при-* в данном случае означают – ‘почти’. Следовательно, в правой стороне оппозиции остаются термины: *побѣщим, витрѣ, пастрѣк, пастѣрак, притѣтко*. Приставка *при-* в *притѣтко* и *примѣйка* привносит ту же семантику, что и приставка *по-*. Термин *витрѣ* уже был рассмотрен, когда речь шла о мачехе. Скорее всего, он заимствован из румынского языка со значением – ‘второй отец’. В болгарском языке встречается и слово *настойник* со значением – ‘взрослый человек, который должен заботиться о малолетнем, не являясь ему настоящим отцом’. Этот человек не обязательно должен быть супругом матери. В диалектах встречается также *пѣистурек* (Беглеж, Плевенской области) и *сарѣшки бащѣ* (Банат). Термин псевдородство ‘служит для обозначения социальных связей, выраженных терминами родства (как при назывании, так и при обращении), которые, тем не менее, не являются результатом ‘действительных’ родственных отношений по крови и по браку’.⁷⁸ В этом случае в левой части семантической оппозиции **свой – чужой** остаются *истински, роден, свой баща*, а в правой – *неистински, нероден, не свой баща*.

3) *заварени, доведени и преродени деца* – ‘дети от разных браков, пасынки, падчерицы’.

При последующих браках семейные отношения усложняются и дети могут быть *заварени*, *доведени* и *преродени*. В Толковом словаре с фразеологическими словосочетаниями⁷⁹ слово *заварен* толкуется следующим образом: ‘тот, кто уже был, уже существовал, когда кто-то пришел’, *доведен* – ‘сын, дочь, ребенок от предыдущего брака матери по отношению к ее новой семье; тот, которого привели’. *Заварените* – это дети, оставшиеся в доме отца при следующем его браке с другой женщиной. В Толковом словаре болгарского языка приведены *завареник* и *завареница* – ‘дети овдовевшего отца, вступившего в брак, по отношению к его второй жене; противопоставление – *доведеник*, *доведеница*’ (1973: 223). Для *доведеник* и *доведеница* даны следующие значения – ‘ребенок второй жены от ее первого мужа’ (1973: 167). В болгарских говорах встречаются следующие термины: *доведени* (Дупницкая область), *сведени братья*, *сведени сестри* (ЗБ), *доведеник*, *доведеница* (Севлиевская, Троянская области), *заварен брат* – ‘сын от предыдущего брака по отношению к детям следующей супруги’, *заварена сестра* – ‘сестра от предыдущего брака по отношению к детям следующей супруги’ (Сакар), *завареник*, *завареница* (Видинская, Разлогская области, Геров, II: 43), *заварениче* (Ихтиманская область), *заварениче*, *заварену дѣя* (Родопы) – ‘ребенок от предыдущего брака отца’, *заваренту* (Ямболская область).

Семантическая оппозиция **свой** – **чужой** осуществляется здесь в основном в пространственном аспекте. Проводится различие между детьми, находящимися внутри, в доме, и теми, кто приходит извне, и которые чужие, но должны стать своими. Первое значение глагола *довеждам* – ‘приводить, приносить что-то в направлении говорящего’, а второе – ‘брать в жены’. Кроме того, благодаря любому браку осваивается чужое пространство, в данном случае не только супруги, но и ее детей.

4) *свекър*, *свекърва* (свекор, свекровь)

По мнению Трубачева самой характерной частью слова *свекър* для славянского сознания является *sve-*; *svo-*; *svojь* > **svesry*. Можно предположить, что вторая часть слова заменена благодаря народной этимологии на –*кгу* под влиянием славянского *кгу* – ‘кровь’, таким образом свекор и свекровь понимаются как ‘своя кровь’. Трубачев полагает, что данная замена – *sry* на –*кгу* произошла сначала в женской форме, а потом – в мужской.⁸⁰ В Этимологическом словаре болгарского языка (VI: 538) значение слова *свекър*, старославянское *свѣкръ* – ‘свой господин’. Интересную этимологию приводит И. Левенталь – ‘имеющий собственный очаг’⁸¹. Во всех приведенных случаях в составе слова *свекър* присутствует *свой*. В принципе в традиционной культуре невестка идет в дом свекра и свекрови, где живет со своим мужем. Это термин родства по свойству, который явно принадлежит

к левой части семантической оппозиции **свой – чужой**. Она должна различиться со своими родителями, чтобы родители мужа стали ее близкими.

5) *свако* – ‘супруг сестры матери или отца’.

К этой части оппозиции принадлежи и *свако* – ‘супруг сестры матери или отца’. В некоторых болгарских диалектах встречается слово *сво³/к* (Троянская область), которое характерно и для русского языка. Слово *сво³/к* означает и ‘роднина’ (родственник). В Родопах встречается и *свдйна*, *свдйник* – ‘роднина’ (родственник). Ясно, что *свако* идет через * *swajaкъ* > *свдй*, *сво³/к*. В Манасиевой хронике засвидетелствованы слова *свон*, *своеволие*.

6) *снаха* – ‘супруга сына по отношению к его родителям’.

Интересна и этимология термина *снаха* со значением – ‘жена сына по отношению к его родителям’, характерного для всей болгарской языковой территории. В Этимологическом словаре болгарского языка (т. VII: 238) это слово восходит к **sneu* со значением – ‘связывать’. В Толковом словаре болгарского языка (1973: 909) слово связывать дано со следующим основным значением – ‘собрать две вещи или более, чтобы соединить их в одно’. Здесь снова можно увидеть, как благодаря брачным связям происходит усвоение **чужого социума**. Жена сына является связующим звеном между двумя **чужими** друг другу родами, которые должны стать **своими**.

7) *зет* – ‘супруг дочери по отношению к ее родителям’.

Слово встречается в старославянском в Супральском сборнике и у Йоанна Экзарха *затъ* – ‘жених’. В болгарских диалектах есть формы *зьдкъ* (Широколыска область), *зькъ* (Банат). Трубачев возводит *зет* к **genə* – ‘рожать’. „Поэтому предполагаемое значение слова *зет* должно конкретизироваться не как родственник, а как кровный родственник”.⁸² Он утверждает, что *зет*, несмотря на то, что является родственником по свойству, воспринимается как кровный родственник, т.е. свой.

Бинарную оппозицию **свой – чужой** можно рассматривать в нескольких планах: пространственном (внутренний - внешний), социальном (свое – чужое общество), этническом (свой – чужой народ), конфессиональном (своя – чужая вера).

В болгарской терминологии родства в левой части семантической оппозиции **свой – чужой** остаются свои (кровные родственники, родственники по свойству, побратимы, кумовья). В правой части оппозиции – не родные, далекие, враждебные существа. Самое яркое отделение **своего** и превращение его в **чужое** – родительская клятва.

В данной работе ключевое понятие **род** рассматривается как семантическое поле. В это семантическое поле включены следующие

ключевые лексемы: происхождение, семья, родители, родственники, Родина, народ.

В семантическом центре своего находится ключевая лексема **кровь**. Для болгарина важнейшее значение имеют кровные родственники – родители, братья, сестры. У кровного родства строгая иерархия. В ней экзогамия четко очерчивает границы ядра (самых близких родственников).

Культурные коды (телесный, зооморфный, фитоморфный) также четко очерчивают границы своего и чужого в болгарской терминологии родства.

Основное противопоставление в болгарских терминах родства – **кровный – не-кровный, родной – не-родной**, приближающийся к **настоящий – не-настоящий**.

При последующих браках оппозиция **свой – чужой** приобретает и пространственный аспект: *заварени и доведени деца*.

Пространственный аспект обнаруживается и в названиях, характерных для говоров сел Момчиловци, Виево и Кутела Смолянской области: *вдтрешни дра* – ‘родственники’ и *вднкашни дра* – ‘не-роднини’ (не родственники).

Терминами родства, в составе которых есть корень *svo-* являются: *свой, своица, свояк, свако, свекър, свекърва*.⁸³

Перевод: М. Сергунина, Ю. Григоренко

Примечания

¹ Иванов, В., Топоров, В., К истокам славянской социальной терминологии (семантическая сфера общественной организации, власти, управления и основных функций) //: Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте, Москва, 1984, 6-9; Толстой Н. И., О природе связей бинарных противопоставлений типа левый – правый, мужской – женский //: Языки культуры и проблемы переводимости, Москва, 1987, 178.

² Славянские древности, т. 4, Москва, 2009, 581-582

³ Леви-Строс, К., Структурная антропология, Москва, 1983; Костадинова М., Опозицията „свой/чужд“ в чешки и български език, София, 2008, 28.

⁴ Иванов, В., Топоров В., Славянские языковые моделирующие семиотические системы. 1965; Костадинова М., Опозицията „свой/чужд“ в чешки и български език.

⁵ Толстой Н. И., О природе связей бинарных противопоставлений типа левый – правый, мужской – женский //: Языки культуры и проблемы переводимости, Москва, 1987, 172.

⁶ Зеленин, Д., Очерки русской мифологии //: Избранные труды, Москва, 1995, 136.

⁷ Иванов, В., Топоров, В., К истокам славянской социальной терминологии (семантическая сфера общественной организации, власти, управления и основных функций) //: Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте, Москва, 1984, 156-157.

- ⁸ Иванов, В., Топоров, В., Бинарные структуры в семиотических системах //: Системные исследования, Москва, 1972, 206-236.
- ⁹ Иванов, Топоров 1984: К истокам славянской социальной терминологии (семантическая сфера общественной организации, власти, управления и основных функций) //: Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте, Москва, 1984, 158.
- ¹⁰ Зеленин Д., Очерки русской мифологии //: Избранные труды, Москва, 1995, 141, 142.
- ¹¹ Гумилев, Л., История народа хунну, Москва, 2004, 10-11.
- ¹² Марузо, Ж., Словарь лингвистических терминов, Москва, 1960, 240).
- ¹³ Славянские древности, т. 3, Москва, 2004, 557 – 558)
- ¹⁴ Ожегов, С., Словарь русского языка, Москва, 1986, 38.
- ¹⁵ Славянские древности, т. 3, Москва, 2004, 557 - 558.
- ¹⁶ Топоров В., Иванов В., Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. Москва, 1974, 68.
- ¹⁷ Толстая, С. М., Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре, Москва, 2009, 7-10.
- ¹⁸ Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя, Москва, 2006, 150-153.
- ¹⁹ Апресян, Ю., Лексическая семантика синонимические средства языка, Москва 1974.
- ²⁰ Китанова, М., Концептът „семейството“ в българските пословици и поговорки //: Етнолингвистични етюди, Велико Търново, 2010:99-132.
- ²¹ Маслова, В. А, Введение в когнитивную лингвистику, Москва, 2006, 59.
- ²² Зализняк, А., Левонтина И., Шмелев, А., Ключевые идеи русской языковой картины мира, Москва, 2005, 17.
- ²³ Вуков Н., Родствени отношения в българския юнашки епос, София, 2008, 21; Rivers P., Kinship: Pseudo-kinship., International Encyclopedia of the Social Science. Vol. 8. New York, Macmillan, 1968, 408-413.
- ²⁴ Радклиф-Браун А., Структура и функция в примитивното общество, София, 1997, 73.
- ²⁵ Levi-Strauss Cl. Structural Antropologi. Basic Books, New York, 1963, 44.
- ²⁶ Иванова 2000: 375).
- ²⁷ Генчев, С. Кумството у българите. Прояви. Основни черти. Исторически корени //: ИЕИМ, 15, 1974, 89-112; Иванова, М., Традиционни родови институции и роднинска терминология //: Сакар, София, 2002, 387.
- ²⁸ Стойков Ст., Лексиката на банатския говор София, 1968, 272.
- ²⁹ Панчевски, Ив., Пантеонът на древните славяни в митологията им, София, 1993, 120-121.
- ³⁰ Зеленин, Д., Табу слов у народов восточной Европы и Северной Азии // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. VIII и IX, 1929-1930, 93.
- ³¹ Фасмер, М., Этимологический словарь русского языка, М. 1987, т. IV, 385-386.
- ³² Желтов, И., Этимологические афоризмы //: ФЗ, №4, 1876.
- ³³ Волин, Б., Ушаков, Д., Толковый словарь русского языка, М., 1958, 1221-1222.

- ³⁴ Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва, 1995, 86.
- ³⁵ Куркина, Л., К реконструкциям этимологических связей основ с дифтонгом -и, Этимология, Москва, 1973. Фразеология, 1983.
- ³⁶ Успенский, Б. А., мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Studia Slavica ungarica* 29. Budapest, 1983, 33-69.
- ³⁷ Трубачев, О., История славянских терминов родства, 1959, 77-78.
- ³⁸ Berneker, E., Von der Vertretung des idg.eu im balt-slav. Sprachzweig. IF, 10, 1899, Heidelberg, Lehr – und. 155; Berneker, E., Slavische etymologische Wörterbuch, A-, mor-, Heidelberg, 1908 – 1913; Ильинский, Г., Sur un faux dieu// RES, 8, 1928, 241-242.
- ³⁹ Зеленин, Д., Табу слов у народов восточной Европы и Северной Азии, Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. VIII и IX, 1929-1930, 93.
- ⁴¹ Дукова У., Названия на демонични същества от общославянското *mog- в български език, Проблеми на поетиката на фолклора, София, 1980, 108-113.
- ⁴² Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя, Москва, 2006, 170.
- ⁴³ Там же, 165.
- ⁴⁴ Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры (материалы к словарю), Москва, 2007, 6.
- ⁴⁵ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре, СПб., Тарту, 1994, 8.
- ⁴⁶ Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры (материалы к словарю), Москва, 2007, 7.
- ⁴⁷ Теллия В. Н. Русская фразеология. Москва, 1996, 18.
- ⁴⁸ Букулова, М. Г., Соматическая фразеология тюркских языков, диссертация канд. ф. наук, Москва, 2006, 5.
- ⁴⁹ Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе –В: Категория родства в языке и культуре, Москва, 2009, 10.
- ⁵⁰ (Бјелетић 1996: 96; Бјелетић М. Кост кости (делови тела као ознаке сродства) // Кодови словенских култура, Београд, 4, 1999, 48-67; Бјелетић М. Од девет брата крв (фитоними и термини сродства) // Кодови словенских култура, Београд, 1996, 80-97.
- ⁵¹ Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Там же, 115.
- ⁵² Толстая, С. М., Категория родства в этнолингвистической перспективе, 2009, 9-10.
- ⁵³ Лакофф Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем, М., 2004, 11-12.
- ⁵⁴ Там же, 12.
- ⁵⁵ Толстая, С. М., там же, 2009, 12.
- ⁵⁶ Бјелетић, М., Кост кости (делови тела као знаке сродства) // Кодови словенских култура, Београд, 4, 1999, 53.

- ⁵⁷ Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя, Москва, 2006, 158.
- ⁵⁸ Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва, 1995, 109-111.
- ⁵⁹ Павлова, Н., За някои фитоними в български език // Българска реч, кн. VII, №3, София, 2001, 36-40.
- ⁶⁰ Шклифов, Бл., Речник на Костурския говор //: БДПМ, 8, 1977, 255.
- ⁶¹ Толстая, С. М., Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре, 2009, 11.
- ⁶² Иванова М., Родство по сватовство, Велико Търново, 2003, 29.
- ⁶³ Дъглас, Мери, Чистота и опасност. Анализ на понятията за омърсяване и табу, София, 2005: 191).
- ⁶⁴ Младенов, Ст., Етимологически и правописен речник на българския книжовен език, С. 1941, 347.
- ⁶⁵ Фасмер, М., Этимологический словарь русского языка, Москва, 1987, т. IV, 54-55.
- ⁶⁶ Schneeweis E. Serbokroatische Volkskunde. Berlin, 1961, 81)
- ⁶⁷ Мичева, К., От прага до края на света //: Български език, № 2, 2012, с. 40-50.
- ⁶⁸ Младенова, Д., Етнолингвистично изследване на българските названия за калинка-малинка (*Coccinella septempunctata*) в балканска и славянска перспектива // Етнографски проблеми на здуховната народна култура, т. 3, София, 1994, 204.
- ⁶⁹ Гълъбов, Ив., За произхода на група названия от българската народна роднинска терминология // Избрани трудове по езикознание, С. 1986. Цитат по Младеновой Д., 204.
- ⁷⁰ Павлова, Н., За някои фитоними в български език //: Българска реч, кн. VII, №3, София, 2001, 36-39.
- ⁷¹ Там же, 37.
- ⁷² Лукинова Т. Б., Лексика славянского язычества, Фразеология, Москва, 1986.
- ⁷³ Павлова, Н., За някои фитоними в български език // Българска реч, кн. VII, №3, София, 2001, 38.
- ⁷⁴ Младенова, Д., там же, 206.
- ⁷⁵ Младенова, Д., там же, 222.
- ⁷⁶ Славянские древности, т. 3, Москва, 2004: 387.
- ⁷⁷ Младенова, там же, 221.
- ⁷⁸ Вуков Н., Родствени отношения в българския юнашки епос, София, 2008, 20.
- ⁷⁹ Дечева, Д., Тълковен речник с фразеологични словосъчетания, 1997: 135, 171.
- ⁸⁰ Трубачев, О., История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя, Москва, 2006, 120-125.
- ⁸¹ Loewenthal, I., *ΘALATTA–WuS*, Bd. 10, 1927, 164-165.
- ⁸² Трубачев, О., там же, 2006, 131.
- ⁸³ В работе использованы следующие источники и сокращения:

Источници:

- Архив на Секцията за българска диалектология. Институт за български език – БАН.
- Архив на Института за фолклор, БАН
- Архив на идеографски речник – СУ „Климент Охридски”
- Архив Ст. Романски, СУ „Климент Охридски”
- Архив на речник на народните термини, свързани с българските обреди, обичаи и вярвания, Секцията за етнолингвистика, ИБЕ, БАН
- Българска митология, Енциклопедичен речник, С., 1994.
- Андрейчин, Георгиев, Илчев Леков, Костов, Стойков, Тодоров, Стойков 1973: Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст., Леков Ив., Костов Н., Стойков, Ст., Тодоров Цв., Български тълковен речник. „Наука и изкуство”С., 1973.
- БДПМ: Българска диалектология. Проучвания и материали, т.3, 1967; т. 5 1970; т. 8, С. 1977; т. 9, 1979.
- БЕР: Български етимологичен речник, София, ИБАН, т. 1 1971, т. 2 1979, т. 3, 1986, т. 4, 1995, т. 5, 1996, т. 6, 2002, т. 7, 2011.
- Георгиева 1983: И. Георгиева, българска народна митология., 1983.
- Геров 1975 – 1978: Н. Геров Речник на българския език. Фототипно издание, т. 1-6, С. 1975-1978.
- Иванова 1981: Р. Иванова, Единство на семейната обредност. В: Обреди и обреден фолклор, С. 1981.
- Кювлиева, Димчев 1970: Кювлиева В., Димчев К., Речник на Хасковския градски говор // БДПМ, 5, С., 1970: 53-105.
- РБЕ 1977: Речник на българския език, т. I, С., 1977.
- Сакар 2002: Сб. Сакар, С. 2002, с.313-324;
- СР 1999, 2010: Старобългарски речник, т. 1, 1999; т. 2, 2010.
- ФРБЕ 1975: Фразеологичен речник на българския език, т. 1, 2, С., 1975.
- Хитов 1979: Хитов Х., Речник на говора на с. Радовене, Врачанско // БДПМ, 9, С. 1979, 223-342.
- Шапкарев, Близнев 1967: Шапкарев И., Близнев Л., Речник на самоковския градски говор // БДПМ, 3, С., 1967: 197-291.
- Шклифов 1977: Бл. Шклифов, Речник на костурския говор // БДПМ, 8, С., 1977.
- <http://www.sinonimenonlinrechnik.com>

Сокращения

БДПМ – Българска диалектология. Проучвания и материал; БЕР – Български етимологичен речник; БТР – Български тълковен речник; РРОДД – Речник на редките, диалектни и остарели думи; РБЕ – Речник на българския език; СР – Старобългарски речник; ФРБЕ – Фразеологичен речник на българския език; ЮБ – Южна България; СБ – Северна България; ЗБ – Западна

България; ИБ – Източна България; ЮИБ – Югоизточна България; ЮЗБ – Югозападна България;
СЗБ – Северозападна България; СИБ – Североизточна България; ЦБ – Централна България;

Город и село во фразеологии и диалектах болгарского языка

Abstract:

Vitanova Mariyana. *The village and the town in the phraseology and dialects of the Bulgarian language.*

The anthropocentricity of each language is most vastly shown in its lexis and phraseology. The concepts *village* and *town* in the Bulgarian language world picture has not yet been subjected to detailed description and analysis, therefore it was elected to be the object of the study. The main idea of this work is to describe the implementation of the concepts of *village* and *town* in Bulgarian dialects, proverbs, idioms and stable expressions, in which the keywords are *village*, *villager*, *town*, *townsman*, *nickname* or *toponym*. Material used in this study is obtained from the collections of proverbs and sayings, phraseological and monolingual dictionaries.

Ключевые слова: болгарский язык, диалект, концепт, прозвище, топоним, фразеологизмы, паронимы, языковая картина мира, фольклор.

Одним из направлений исследований в современном языкознании является выявление культурно-антропологического портрета различных народов, отраженного в языке.

Языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека. Внимание направлено не только на структурные особенности языка. Он изучается не только как средство общения, но и как часть культуры и опыт познания.

В последние годы в болгарском языкознании изучение ценностных понятий духовной культуры через призму языковых данных осуществляется активно. Появился ряд исследований таких авторов, как М. Китанова, П. Легурска, Н. Павлова, З. Барболова, К. Мичева-Пейчева, Л. Крумова-Цветкова, Ст. Калдиева, М. Божилова, Хр. Пантелеева, Д. Благоева, С. Колковска, С. Павлова, М. Пенчева, Д. Младенова, Ст. Димитрова, М. Стаменов, М. Алмалех, С. Карагьозова, Ст. Смедовски, В. Мичева, М. Цибранска, М. Симеонова, П. Костадинова, Й. Захариева, Е. Добрева, П. Трендафилова, Р. Петрова, А. Димова, А. Петрова, Ст. Буров, Е. Стоянова, Г. Димитрова, А. Николова, Т. Иванова, Кр. Колева и др. Авторы стремятся проанализировать и выявить различные стороны присущего каждому языку общего взгляда на мир.

Изучение языка в тесной связи с человеком и его ощущением и пониманием мира, с практической и ментальной деятельностью предполагает анализ языковых единиц, конденсирующих сложный комплекс культуры и психологии народа, неповторимый способ его мышления. Такое положение

объясняет неугасающий интерес языковедов к богатому наследию, воплощенному во фразеологическом фонде определенного этноса.

Одним из основных понятий, которыми оперируют этнолингвистика и ее более молодое ответвление лингвокультурология, является концепт. Проблеме природы и сущности концепта посвящено значительное количество литературы, но несмотря на это до сих пор нет его однозначного толкования. В данной работе мы принимаем сформулированное российской исследовательницей В.А. Масловой понимание концепта как ментально-когнитивной сущности, которая имеет языковое выражение и отражает культурно-национальное представление человека об определенном фрагменте действительности (Маслова 2004: 4). Концепт обладает сложной структурой, состоящей из понятийной части и фоновых знаний, которые делают его частью культуры. Он включает в себя ассоциации, эмоции и оценки, присущие представителям определенного этноса и культуры (Маслова 2006: 291).

В данной работе принимается, что концепт может быть выражен не только словом, но и словосочетанием. Концепт отражает культурно обусловленное представление человека о мире, он «вписан» в национальное сознание носителей языка. Концепты образуют ядро языковой картины мира.

Фразеологический корпус любого языка – это своеобразный источник знаний о культуре народа. Культурные элементы могут быть обнаружены как в глубоких структурных связях, так и в денотате, который лежит в основе образа фразеологической единицы.

В славянском языкознании налицо подчеркнутый интерес к пространственной тематике, рассматриваемой в этнолингвистическом плане. Актуальными являются исследования концептуальных полей *дом – село – провинция/регион – страна/область – государство – Европа/Евразия – мир* и т.д. (Димитрова 2007: 218).

Концепты *город* и *село* находят реализацию во фразеологическом фонде болгарского языка в нескольких группах паремий и фразеологизмов с различными компонентами: *село* и *город* как общие названия, топонимы, названия жителей населенных пунктов, атрибутивные сочетания, обозначающие происхождение.

Объектом анализа в данной работе являются концепты *село* и *город*, а предметом – их реализация в болгарских фразеологизмах, паремиях и устойчивых сравнениях, в которых присутствует ключевое слово апеллятив *село, селянин, город, гражданин (село, житель села (крестьянин), город, горожанин)* или онимический компонент (топоним, название жителей населенного пункта, атрибутивное сочетание, обозначающее происхождение).

Цель исследования – проанализировать особенности проявления языкового менталитета при характеристике места *своего* и *чужого*.

Для достижения сформулированной таким образом цели необходимо решить следующие задачи:

- создать корпус фразеологических единиц, который будет проанализирован;
- проанализировать связь семантической оппозиции *свой* – *чужой* с категорией пространства;
- представить лексическую репрезентацию концептов *город* и *село*;
- выявить и описать структурные и семантические особенности фразеологических единиц, репрезентирующих концепты *село* и *город*;
- на основе фразеологического материала описать культурно-языковой образ *села* и *города* в сознании болгарина, языковую картину мира, которую он создает.

Характер языкового материала, а также поставленные цели и задачи определяют методы работы. В ходе исследования был осуществлен описательный, этнолингвистический и лингвокультурологический анализ языковых фактов.

В современной лингвистической науке преобладает широкое понимание объема фразеологии. В нее включают не только фразеологические единицы, представляющие собой словосочетания, но и фразеологические единицы, имеющие структуру предложения. В данной работе принимается более широкое понимание фразеологии, поэтому в исследуемый корпус включены как фразеологизмы и устойчивые сравнения, так и паремии. Пословицы и поговорки, подобно остальным фразеологическим единицам, обладают экспрессивностью и оценочностью. В иносказательной форме они выражают отношение человека к окружающему его миру. В настоящей работе мы будем придерживаться подхода, принятого в англоязычной паремиологии, где не разграничиваются пословицы и поговорки.

Представленный материал эксцерпирован из фразеологических и толковых словарей, различных сборников пословиц и поговорок (К.Ничева, С. Спасова-Михайлова, Кр. Чолакова 1974, 1975, В. Кювлиева 1986, М. Арnaudов 1943, Кр. Генов 1950, Цв. Минков 1963, Н. Икономов 1968, М. Григоров, К. Кацаров 1986, Е. Огнянова 2000, Ст. Стойкова 2007, Н. Геров и др.).

Семантическая оппозиция *свой* – *чужой* и концепты *город* и *село*

Согласно современной этнолингвистике, человеческая деятельность может быть осмыслена через содержательные компоненты нескольких основных семантических оппозиций: *свое* – *чужое*, *добро* – *зло*, *чистое* – *не-чистое* и др. Деление мира на *свой* и *чужой* – это одно из наиболее значимых явлений в процессе человеческого самоосознания. Несмотря на то, что

картина мира современного человека сильно отличается от архаической, роль оппозиции *свой – чужой* до сих пор имеет немалое значение, что находит подтверждение в языковых фактах (Мичева-Пейчева 2011: 4–3).

Реализация концептов *город* и *село* в болгарском языке тесно связана с семантической оппозицией *свой – чужой* и ее более конкретным проявлением *мы* и *другие*, в которых отражаются различные уровни связей человека – этнические, социальные, языковые. *Город* и *село* связаны с оппозициями *близко – далеко*, *добро – зло*, *цивилиззованность – нецивилиззованность*, *качественно – некачественно* и т.д.

Языковое сознание средневекового человека отличается обостренным вниманием к оппозиции *свой – чужой*, в которой отражены различные уровни связей человека – этнические, социальные, языковые. Реализация этой древней оппозиции связана в основном с многократным словообразовательным маркированием семы «чужой», которая свидетельствует о некоей замкнутости жизненного пространства, воспринимаемого как «*свое*, неопасное», а также о стремлении маркировать «*чужое*, неизвестное» как скрывающее опасность, угрозу существованию, ср. *страньникъ* «чужеземец», *пришьльць* «иноземец», *пришьльць* «иностранец», *пръвьсьльникъ* «переселенец», *везградъникъ* «человек без родины», *инювазъичъникъ* «чужеземец» (Вендина 2002 : 38)

Семантическая оппозиция *свой – чужой* связана и с категорией пространства, характеризующей измерение мира, его связанность, непрерывность, структурированность, многомерность (Маслова 2006: 87). В представлениях древнего человека все обитаемое пространство очерчено концентрическими кругами, разделенными видимыми и невидимыми границами, которые занимают важное место в противопоставлении *свой – чужой* (Маслова 2006: 90). В центре находится человек – его тело и одежда. Следующий круг образуют дом и самое близкое окружение человека. Последний круг очерчивает *свое* место, *свою* землю, родину (Маслова 2006: 89 – 91). Осознание принадлежности к данной группе идет по линии *свое место – чужое место*. В самом отдаленном месте от центра *своего* мира силы *своего* пространства максимально ослаблены. Отсюда часто рождается и враждебное отношение к соседям. В.А. Маслова пишет о том, что все люди, которые имеют контакт с другим миром, находятся и в мифологии, и в фольклоре, и в литературе на границе *своего* пространства: на краю села или города, на краю леса, на берегу моря и т.д. (Маслова 2004: 83).

Границы, которые отделяют *свое* место от *чужого* мира, – это улица (*свой* дом – *чужие* дома, *свой* район – *чужие* районы) и путь (*свой* населенный пункт – село или город – *чужой* населенный пункт). Улица и путь являются одновременно связующими и разделяющими категориями.

Категория пространства вместе с другой универсальной категорией – категорией времени – формируют границы, в которых развивается человеческая жизнь, и являются определяющими для остальных категорий, связанных с антропоцентричной сферой, таких, как судьба, право, социальное устройство и др. (Топорова 1996: 12, цит. по: Маслова 2006: 88 – 89).

В центре оппозиции *свой – чужой* всегда находится человек, который рассматривает окружающее его пространство вместе с людьми и предметами в нем с точки зрения близости к *своему* миру, значения, которым они обладают, или с позиции отдаленности, «*чуждости*». Противопоставление *свой – чужой* широко представлено во фразеологии большинства языков, в том числе и в болгарском языке.

Традиционная культура связана с устойчивым, консервативным, нормативным, с топосом. Даже традиционные кочевые общности «цепляются» за традицию. В условиях странствований она является постоянным знаком их идентичности, средством сохранения и отстаивания *своего* в постоянных контактах с *чужим*. В оседлых обществах и культурах жизненное пространство ограничено, обозримо, освоено. Передвигающиеся – это *чужие*, которые воспринимаются негативно в соответствии с осью, выстраивающей этнические оппозиции: *мы – они, свои – чужие*.

Лексическая репрезентация концептов *город* и *село*

Основные понятия, которыми оперирует этнолингвистика и ее более молодая отрасль лингвокультурология, – это языковая картина мира и концепт. Языковая картина мира раскрывает представления какого-либо народа о действительности, зафиксированные в номинативных средствах языка – лексемах, устойчивых сравнениях, фразеологизмах, паремиях, в подборе лексики и фразеологии для общения, в национально-специфической образности и т.д. (Попова, Стернин 2007: 45).

Концепт состоит из двух основных частей – понятийной и культурно-фоновой, или коннотативной. Понятийная часть концепта составляет основу лексического значения слова и зафиксирована в лексикографических источниках. В качестве опоры для раскрытия содержательного ядра рассматриваемого концепта служат данные толковых и синонимических словарей рассматриваемого языка. Значение слова дает общее представление о содержании определенного концепта, очерчивает его границы, представляет отдельные его характеристики в данной лексеме (Болдирев 2001: 26 – 27).

Реализация концептов *город* и *село* в болгарском языке тесно связана с семантической оппозицией *свой – чужой* и ее более конкретным проявлением *мы и другие*, в котором отражаются различные уровни связей человека –

этнические, социальные, языковые. Город и село связаны и с оппозицией *близко – далеко, добро – зло, цивилизованность – нецивилизованность, качественно – некачественно* и т.д.

В старославянском языке зафиксированы следующие значения лексемы *село* (ст.-сл. «ѣло»), ср: 1. поле, нива, участок землепользования; 2. жилище, дом; 3. населенный пункт, деревня, село. У слова *город* (стб. градъ) было два значения: 1. большой населенный пункт, город; 2. крепость, городская крепостная стена.

В толковых словарях современного болгарского языка указывается, что лексема *село* имеет значение «небольшой населенный пункт, жители которого в основном занимаются земледелием и скотоводством», и «жители такого населенного пункта», а лексема *город* – «большой населенный пункт, обычно административный, торговый или промышленный центр» и «жители такого места». Значение «крепость» лексемы *город* устарело и встречается преимущественно в фольклоре. Концепты *село* и *город* репрезентируются также лексемами, обозначающими жителей города или села: болг. *селянин, селянка, селянче, гражданин, гражданка, гражданче* (рус. житель села, жительница села, жители села, горожанин, горожанка, горожане), прилагательные болг. *селски, градски* (рус. сельский, городской) и т.д.

В болгарских диалектах лексема со значением «житель города» (ср. ст.-сл. градънъ, градънникъ), «жительница города» обнаруживаются с некоторыми фонетическими и акцентными вариантами, ср. *гражданин, граджанин, гражданин, градянин, грагянин, гражданка, грагянка, грагана*. Употребляются и турецкие по происхождению лексемы *касаба* «маленький город» (тур. *kasaba*), *касабалия, касабалиец* «горожанин», *касабалийка* «горожанка».

У лексем, выражающих значения «житель села» и «жительница села», видно гораздо большее разнообразие в словообразовательном отношении, ср. *селец* (Самоковско), *селка* (Самоковско), *селѣч* (*Селѣчите не домуват, търгофците не търгуват* – Свищовско), *селѣчанин, селѣчанка* (Панагюрско, Пирдопско, Търновско), *селѣченин, селѣченка* (Смолско, Пирдопско, Панагюрско), *селяк* (Кулско, Ломско, Пиротско), *селанец* (*Мѣне майка за селанец не дава* — Прилеп, Битолско, Велес), *селенец, селянец, селѣр* (Г. Делчев, Драмско), *селѣр'* (*Нѣска на мѣстѣт фъв Велѣка работет врет* – и *селѣре, и колибѣре* – Странджа), *селѣрин* (Гюмюрджинско) и т.д.

Лексема *селянин* обладает и вторым значением – «односельчанин». Это значение, а также «человек из того же края, из того же населенного пункта, земляк» имеют и композитные названия *едносѣлец, еднозѣмец, еднокрайец*. С таким значением встречаются и образованные от притяжательных местоимений *нашенец, нѣшенка, нѣшенци*.

Со значением «односельчанин» или «житель того же города» употребляются и субстантивированные формы прилагательных *селски, градски*, ср. *Той ми е селски «мы из одного села»; с него сме градски «мы из одного города»* и др.

В некоторых говорах в семантике лексемы селянин обнаруживаются два абсолютно противоположных значения, ср. *селенын* – 1. односельчанин; 2. человек из другого села (Банат).

Лексемы *селър, селърка* встречаются и со значением «мужчина или женщина, которые остаются в селе и не участвуют в полевых работах», ср. *Нашите излязоха да сечат шума, пък мен ме оставиха селар. Захарина остана селарка* и др.

Пространственные отношения, которые выражают концепты *село* и *город*, являются многоаспектными. Они отражают маркирование *своей* и *чужой* территории (Димитрова 2007: 220). Результат отделения *своего* (родного) пространства от *чужого* (незнакомого) – это ряд разграничений, которые обнаруживаются в лексике: с одной стороны, между человеком своего населенного пункта и тем, кто живет в другом, чужом населенном пункте (другоселец), с другой стороны, между человеком, который родился и живет в данном населенном пункте, и человеком, который пришел со стороны, из чужого населенного пункта и поселился здесь (пришьлец), ср:

а) человек из другого села: *другоселец, другоселка, другосел'анка, другоселчанин, другоселчанка* (Арх. для БДР), *другосел'чънен* (Ямболско), *другоселчин* (Ловешко); *селенын* (Банат); *чуждѝнец, чуждѝнк'а* (Самоковско); *тугѝн; ѝабанджѝя* (Плевенско, Пирдопско, Пазарджишко, Царибродско, Софийско, Радомирско, Самоковско, Кюстендилско и др.), *ѝабанджѝа, ѝабанджѝк'а* (Самоковско), *ѝабанджѝйк'а* (Пирдопско), *ѝабанджѝйкъ* (Павликенско), *ѝабѝнец* (Тетевенско, Шуменско), *ѝабѝнец* (Габровско), *ѝабѝнка* (Преславско, Шуменско) и др.

б) переселенец (ср. ст.-сл. *прѣсельникъ*): *преселник, преселец* (Провадийско, Кюстендилско), *приселѝц* (Силистренско); *пришьлец, пришелец, пришлец* (Арх. для БДР); *приходѝ* (Еленско), *приходѝн* (Смолянско, Ардинско, Асеновградско), *приодѝнец* (Белослатинско, Ломско, Раховско, Босилеградско, Дупнишко, Кюстендилско, Благоевградско), *приодѝнѝц* (Трънско), *приодѝновец* (Ихтиманско); *дошл'ѝк – У наше съд нѝма дошл'ѝци* (Видинско), *Дошл'ѝк дошъл от нѝгде* (Босилеградско, Кюстендилско, Трънско); *мажѝурѝн* – от тур. *macir* (Смолянско, Странджа), *маджѝр(ин)* (Драмско, Кукушко, Кюстендилско); *гел'мѝ* – от тур. *gelte* (Добричко) и др.

Разграничение делается и в зависимости от местоположения квартала, района (*махалата*), в котором живет человек из определенного населенного пункта, – в нижней части селения или в верхней, ср: *долнокраѝец, долнокраѝичанин* (Ботевградско), *дѝлненец, долнѝнин, дѝлненка, дѝлненника* (Арх. для БДР), *горнокраѝец* (Ботевградско, Монтанско), *горнокраѝичанин* (Ботевградско), *гѝрненец, горнокраѝѝка* (Ботевградско, Монтанско), *горнокраѝѝченка* (Ботевградско), *гѝрненка, горномѝлка* (Благоевградско), *горномѝлци* (Ихтиманско) и др.

В диалектах мы видим разграничение и по отношению к географическому местоположению села (или города), напр., горы – поле, возвышенность – низина, ср:

– «человек из горных мест, горец» – *горнозѐмец, горнозѐмка, горнянче, балканджѝк'а* (Пазарджишко) и др.

– «человек с полей» – *дѝл'ъниц* (Еленско), *пѝл'чанен* (Ямболско) и др.

Члены сельской, локальной, племенной общности негативно отзываются о людях «извне»: *скитник, проиляк (скиталец)* и др. (Пейчева, Димов 2006: 64).

В качестве проявления противопоставления *свой – чужой* (*своя общность – чужая общность*) могут быть рассмотрены и прозвища. Отдельным группам болгарского населения и жителям отдельных селений в различных районах страны присвоены названия и прозвища по различным признакам:

1. По названию селения: *банскалии, плевенчани, райкулене, ениколене, габрувлене* и т.д.
2. По какой-либо яркой особенности одежды: *беневречане, гребенци, качулки, къслевчане, орляци, шалваране* и др.
3. По наиболее развитому ремеслу: *дренкаре* (собирают кизил), *лукаре* (выращивают лук), *мечкаре* (разводят буйволов) и др.
4. По различным качествам, особенностям: *желвари* (едят черепах) и др.
5. По характерной, типичной особенности говора: *бачета, вѝковци, кокета, тронки* и т.д.

М. Младенов подробно исследует последнюю группу и тоже выделяет несколько подгрупп согласно названиям специфических особенностей диалектов, которые производят сильное впечатление на представителей соседних диалектных общностей:

1. Названия по частицам:

- а) для обращения: *бакаджии, вайковци, рековци* и др.
 - б) будущего времени: *загаджии, зизета, зонита, кежовци, кекавци, кекала, кекалци, кюкала, кюкавци, калмуци, къцики, нековци, сѝрековци, сикѝовци, чукаларе, жекуучене, шиковци* и др.
 - в) по другим частицам: *люковци, роговчани, тѝйкала, чоти, ѝковци, ѝби* и т.н.
2. Названия по личным именам: *андреѝувчани, балета, балювчани, бялковци, белета, ванчета, гочки, дайовци, дялковци, ѝвета, монета, панета, руновци, рутета, тоски, мийки* и др.
 3. Названия по родственным обозначениям: *агици, бабучи, балювци, баковци, батковци, братлета, калекювци, нанета, титючени, бачета* и др.
 4. Названия по нарицательным именам: *али, аратлици, бечури, вѝрбале, вочкари, гѝрлешки, домчени, къльпурчене, кафадаря, пашмолджии, пизуле, тѝжлечите, джозгерци, резили, парамонечи, спирчета, фитове, фитоци, харкумички, хара, чаламарци, чаканари* и др.

5. Названия по местоимениям: *азковци, гочета, гатовци, дагевчани, ески, йаски, кенанци, кинанци, кутрици, кутрошчане, тизенцата, шонги* и др.
6. Названия по наречиям: *гачовци, калотки, комайльци, мърленки, ниньовци, мърваци, токунци, тронки, тъйки* и др.
7. Названия по глаголам: *пodeци, връджувци, бъйтила, въргаджи* и др.
8. Названия из словосочетаний: *аламинета, възмуновци, коцърки, секамчани, сескоре, срамачи* и др.
9. Названия по словам-паразитам: – *мънета, олкуте, речковци, ушки, вушки, ъйшитъиваня* и др.
10. Названия по фонетическим особенностям: *дорчани, кяйните, кикваре, кокета, къдута, къкъри, ритлени, лечаре, мильойки, рогачи* и т.д.

Автор обобщает: «При названии, возникшем по языковым причинам или по какой-либо яркой особенности одежды, очень часто первичное значение стирается. Оно начинает связываться в сознании соседнего населения с какой-то особенностью или постоянно проявляющимся качеством характера жителей, которое предопределяет оценочное отношение со стороны соседей. Часто те, кто употребляет данное название, не знают, откуда оно появилось, и указывают на какое-то качество людей (чаще всего отрицательное). При этом таким образом иногда начинают называть и другое население, в говоре которого отсутствует первопричина появления названия. В таких случаях название лишено внутриязыковой мотивированности и может расширять свой ареал» (Младенов 1965:200).

До середины XX в. Болгария была преимущественно сельскохозяйственной страной, поэтому село в ней преобладало. Определение некоторого населенного пункта как город или село до Освобождения опиралось на жизненный уклад (быт) и на связи с сельскохозяйственным производством. Европейские критерии города или деревни не могут автоматически быть перенесены на болгарские социальные структуры. Селения обладают одновременно чертами сельской и городской культуры (Сантова 1996: 9). В маленьких городах сельского типа население также занимается земледелием и скотоводством. И в маленьких городах, как и в традиционном патриархальном селе, семья продолжает быть институтом, частью культуры (Сантова 1996: 17).

Отрицательное отношение к селу и его жителям все еще не вполне характерно для общественных отношений или, по крайней мере, не вполне явно выражено. Независимо от этого в диалектах маленьких городов зафиксированы лексемы с отрицательной семантикой для обозначения человека из деревни, села, ср: *селачорка* (Копривштица), *селченка* (*He арѣсаа копрившкитѣ момичѣта, ами за селчѣнки* – Копривштица), *селендур* (Златоград), *селендура* (Тетевен) и др. В диалектологических исследованиях эти лексемы сопровождаются стилистическими пометами «презрительно», «насмешливо», «иронично», «уко-

ризенно». В «Словаре болгарского языка» («Речник на българския език») Н. Герова также указывается значение «простой человек, простак» к словам *селѝч, селѝчка, селѝченин, селѝченка*. Отношение горожанина к селянам находит отражение и в фольклоре, ср: *Ме сѝкаѝа двѝйца-трѝйца, мѝне мѝйка за селѝни нѝ дава* (Прилеп).

В материалах словарей болгарских диалектов мы находим и пейоративные названия городских жителей, но лексемы, которые выражают презрительное отношение сельского жителя к горожанину, встречаются редко, ср: *гражданѝтина* (Самоковско).

Урбанизация во второй половине XX в., и особенно в начале XXI в., привела к изменению отношения к селянам и деревне – в отрицательном направлении. В сознании современного болгарина оппозиция *город – село* переплетается с оппозицией *цивилизованность – нецивилизованность, социальная элита – социальное дно* (Добрева 2009: 73). Город – это носитель цивилизованности, прогресса, а село – отсталости, нецивилизованности, ограниченности мышления, недалекости, невоспитанности.

В современном болгарском языке лексемы тематической группы *город* являются носителями нейтральной оценки и имеют положительную коннотацию, ср: *град, градски, гражданин, гражданка, граждански, гражданство*. Реже форма среднего рода *гражданче* может получить ироничную семантику, в основном в сельской среде. Объектом иронии будет изнеженность, предвзятость городского человека, его непригодность к тяжелому сельскому труду.

Лексемы тематической группы *село* обладают двойным значением. *Селянин* может быть как нейтральным обозначением человека, который живет в селе, так и негативным – «простой, необразованный или глупый человек». Во втором значении в современном болгарском языке употребляются также *селяк, селяндур*, жарг. *пейзан* (от фр. *peysan*). Недалекость как качество выражается в именах существительных *селяния, селящина, селяндурищина*, прилагательных *селски, селяшки, селяндурски, пейзански* и т.д.

Оппозиция *город – село* рассматривается и в другом ракурсе, как противопоставление *столица (София) – провинция*. Столица (*столичанин, столичанка, столичен, софянец, софянка, софийски*) становится олицетворением большого города, прогресса и культуры. Провинция – это село, деревня (*провинциалист, провинциализъм, провинциален*, жарг. *прованс, провансалец, провансалски*), она обладает признаками ограниченности, посредственности, простоватости (Добрева 2009: 72-73).

В языке находит отражение и другая оппозиция, связанная со столицей и большими городами: «житель центральной части города» и «житель окраины», ср: *момче коньовичарче*, т.е. из района Коньовицы, где раньше жила

беднота. На это противопоставление указывают и граффити на некоторых жилых домах в столичном районе Дружба: *Дружба мрази София* и др.

Село и город во фразеологии

Особенности национальной культуры эксплицитно или имплицитно в наибольшей степени выражены во фразеологии. Фразеологический фонд языка – это источник сведений о быте и культуре определенного этноса, он раскрывает жизнь во всем многообразии ее аспектов. Во фразеологии отражается специфический способ восприятия и концептуализации мира. Совокупность концептов, представленных во фразеологических единицах, очерчивает различные фрагменты картины мира болгарина, передает определенную систему коннотаций, оценок и образного восприятия мира (Голева 1997: 135).

Концепты *город* и *село* реализуются во фразеологическом фонде болгарского языка в нескольких группах паремий и фразеологизмов с различными компонентами: апеллятивами *село*, *селянин* и *град*, *гражданин* (*Село без вода не става. Без пари на град, без нищо назад. Гражданина го затрива касаницата, а селянина – съдилището*), с компонентом-топонимом (*Обърнало са на Мадара. Имам да давам на Михалко от Пещера*), с компонентом-этнохоронимом (*Габровчени габър ели, та измрели; тревненчени трева пасли, та израсли; трънвочани тръње гризли.*), с компонентом-атрибутивным словосочетанием, указывающим на происхождение (*Дряновски сълек. Еленски чорбаджия*).

1. Паремии и фразеологизмы с компонентом-апеллятивом: село, селянин, град, гражданин.

Концепты *село* и *град* могут выполнять две функции:

1. **Топос:** *Ако живеем на село, трева не пасем. Бие ѝ занзалото из село. В гората вълци, а в село влъхви. В гората дялат, а в село падат треските. Вържи пръст, тръени през село, да видиш колко хекими ще срещнеш. Бие ѝ занзалото из село. Говедо в село, работник на чело. В малко село голям челяк се не провдига. Дарѝ субашѝт, изгори селото. Дошел си ни на селото, ще играеш и на хорото. Ни в гора дружина, ни в село гиздило. Обрадила се, сякаш че ще ходи от село на село. Ожени ма, мамо, на чуждо село, лесно да са хваля. От свой село мома като в стъкло вода, от чуждо село мома като в стовна вода. Право, който казва през девет села го изтъжда. Прежда, която ходи из село, ни на един хал са връца. Без пари на град, без нищо назад. В гората вълци, а в града гърци. В по-голям град по-много ум;*

2. **Обобщенный образ, построенный на базе метонимического переноса:** *Каквото селото, такъв и кметът. Село го храни. Село договаря, село отговаря. Селото туря пола, селото го изважда. Попа прави, селото тегли. Каквото селото, такъв и кметът. Село виждано калаузин не ще. Селото хубаво, името му не струва. Вържи го да миряса селото. Сяко село си има и баклиця за годееж. Да го знаем аз и ти, моят брат и*

всичкият град. Видяно село водач не иска. Дръж се чору у чвору, село че ти кàпу купи. Скъп е град за петаче, кога го няма и т.д.

Паремий и фразеологизмов с компонентом село в количественном отношении больше, чем единиц с компонентом *град*.

Фразеологизмы и паремии, в которых село и город персонифицированы, представляют наибольший интерес для раскрытия содержания соответствующих концептов и языковой картины мира болгарина. Языковые характеристики образно нагруженных паремий и фразеологизмов раскрывают ценности этноса, его образное мышление. Фразеологический фонд болгарского языка в большей своей части сохраняет старые представления об устройстве мира и социальных отношений. Большинство пословиц и поговорок записывались в XIX и XX вв. Они отражают прежде всего характерные черты болгарского крестьянина, его мировоззрение, его вековую привязанность к земле и к труду земледельца. События жизни, социальные отношения в селе приобретают характер широких обобщений, ср.: *Сяко село си има и баклища за годееж. Тежко в село на млад старейшина. Селото туря попа, селото го изважда. Нашъл съм село без псета, пощъл без тояга. Не питат те на кутро село си говедар. Дошел си ни на селото, ще играеш и на хорото. Каквото селото, такъв и кметът. Както в сяко село закон, така в сяка къща и адет. По-добре да изгори селото, а не да са иззуби стадото. В три къщи село едната (е такваз) нечиста. Дето видиш село от девет къщи, с десет кръчми, бягай от него. Дошел си ни на селото, ще играеш и на хорото. От свой село мома като в стъкло вода, от чуждо село мома като в стовна вода* и др.

Город часто присутствует вместе с *селом*, которому он противопоставляется: *По-добре в село чорбаджия, отколкото в град кюмюрджия. По-добре да си в село кмет, отколкото в град протогер. По-добре пръв в село, а не последен в града. Село хвали, в град живеи или Хвали град, живеи в село* и др.

Развитие современного города дает возможности для создания новых метафор или обновления старых. П. Лангер (Langer 1984 цит. по: Григорьева 2012: 81) выделяет четыре ключевые метафоры для города: 1) город как базар; 2) город как джунгли; 3) город как организм; 4) город как машина. В болгарском языке также есть сравнение городской среды с джунглями, ср.: *градска джунгла* (с вариантом *бетонна джунгла*). Встречаются и метафоры, использующие телесный код, ср.: *градът се задъхва, градът диша, зелените дробове на града, в сърцето на града* и др. Это метафоры, свойственные языку горожанина определенного периода (Григорьева 2012: 81).

2. Паремии и фразеологизмы с компонентом-онимом (топонимом, этнохоронимом или атрибутивным словосочетанием, указывающим на происхождение).

Топонимы во фразеологии являются не просто терминами географической науки, а смыслообразующими компонентами, которые содержат ин-

формацию об определенной этнической группе, населяющей данную местность (Верещагин, Костомаров 1983: 74). Система географических наименований формируется долго и является мощным пластом культуры, отражающим менталитет народа. Как продукт этнического сознания, топонимы эксплицируют почти все стороны духовной и материальной культуры в жизни человека. Развитие этнолингвистики, которая изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, в последние годы позволяет рассматривать топонимику с позиции интерпретации культурного кода, присущего языковой системе (Ильин 2010: 307).

Группа фразеологизмов и паремий с компонентом-топонимом в количественном отношении невелика. Большинство их носит разговорный и диалектный характер.

Небольшая часть фразеологизмов с компонентом-топонимом заимствована из других языков. Их происхождение связано с мировой историей и культурой (Кювлиева 1986: 75), ср.: *Всички пътища водят към Рим. Рим не е построен за един ден. Виж Неапол и умри. Троянски кон* и др. Этот тип фразеологических единиц знаком и остальным славянским и европейским языкам и не отражает исконное болгарское знание.

К так называемым интернационализмам относятся и фразеологизмы библейского происхождения. С библейскими легендами связаны: *Содом и Гомор. Ехтя като йерихонска тръба* и др.

В последние годы через литературу, кино и СМИ в болгарский язык проникают и новые фразеологизмы. Например, появление фразеологизма *Москва не вярва на сълзи* связано с популярным одноименным советским фильмом.

Существуют и фразеологизмы, относящиеся к жаргону, например: *На Франкфурт на Майн. На Макчу Пикчу. Софийски братовчед 'любовник'. Софийска братовчедка 'любовница'* и др.

Фразеологические единицы с компонентом-топонимом отличаются национально-культурной спецификой. Одной из важнейших их особенностей является отсутствие эквивалентов в других языках. Данные фразеологизмы являются индикаторами национальных особенностей картины мира народа, на языке которого они созданы, его менталитета. Будучи сопоставительными с паремиями других народов, они служат скорее в качестве доказательства различий в способах выражения одних и тех же концептов, несоответствий ассоциативных связей, возникающих при восприятии концептов. В них находят отражение различия в историческом развитии народов и установленных системах ценностей. Так, например, в испанском и русском языке, где данная группа фразеологических единиц хорошо изучена, обнаруживается значительно больше названий из различных географических регионов (Пу-

това 2009). Все это связано и с историческим развитием России и Испании, с большими масштабами этих двух стран, с их участием в географических открытиях мирового масштаба.

Фразеологические единицы и поговорки с компонентом-топонимом в болгарском языке также образуют две группы. В одной топоним является местом действия: *Ходила Цаца на Враца. Пръдна Кера в Елхово, та се чуло в Габрово. На Дряново ходи, какви трици рови. В наше Севлиево няма управа. Оправи работата колкото Бамо в Троян. От Чирпан излизат паници хубави, хора не излизат. Не ходи Ганьо на Свищов. По Лом пойде по млада невеста. У Софию евтинию, три бози за пару, а за срането грош и пару. Я го тражим у Софию, он у Дупницу* и др.

Во второй группе (она значительно меньше по объему) топоним является образом, построенным на метонимическом переносе: *Габрово се с акъл върти, а пък Трявна – с уйдурма. Шипка се с акъл върти, а Габрово с магия* и т. д. Пословицы и фразеологизмы второй группы описывают определенные черты, которые характерны для жителей того или иного населенного пункта или приписываются им. Эстетическая функция в данных единицах выражена слабо. Отсутствует и присущая большинству поговорок дидактичность.

Компонент-топоним может быть как названием города (астионимом), так и названием села или района (комонимом) (Ковачев 1987: 24), ср. *Враца, Лом, Габрово, Дряново, Шипка, Свищов, Елхово, Ямбол, Чирпан* и др.: *Пръдна Кера в Елхово, та се чуло в Габрово. От Чирпан излизат паници хубави, хора не излизат. Имам да давам на Михалко от Пещера. Не ходи Ганьо на Свищов. По Лом пойде по млада невеста. Я го тражим у Софию, он у Дупницу. У София евтиния. Момче от Бонче, невеста от Вранче. Обърнало са на Мадара* и др.

Наиболее часто встречающимися во фразеологии топонимами являются:

Белица – *На Белица за белица;*

Богдан – *Нето в село Богдан, нето на град Продан;*

Боевци – *Ако не си от Боевци, ще бъдеш от Плачковци;*

Бойчевци – *Ще та пратя на Бойчевци и ще минем край Плачковци;*

Бонче – *Момче от Бонче, невеста от Вранче;*

Бяла – *Не ходи на Бяла, да не намериши бела;*

Вранче – *Момче от Бонче, невеста от Вранче;*

Враца – *Ходила Цаца на Враца;*

Габрово – *Габровец и светец да го видиш, да го не вярваш; Габрово се с акъл върти, а пък Трявна – с уйдурма; За три дни в Габрово; Пръдна Кера в Елхово, та се чуло в Габрово; Туй шу-шу-шу изеде Габрово; Шипка се с акъл върти, а Габрово с магия;*

Дряново – *На Дряново ходи, какви трици рови;*

Дупница – *Я го тражим у Софию, он у Дупницу;*

Елхово – *Пръдна Кера в Елхово, та се чуло в Габрово;*

Енина – Енина се с акъл върти, а на Шипка с магия; Шипка се с акъл върти, Енина – с орехи, а Габрово – с магия;

Златица – Отвѣд Златица в Казанлъшко поле;

Лом – По Лом пойде по млада невеста;

Мадара – Обърнало са (заприличало) на Мадара;

Малашевци – Онодело се Подуене, отдевало Малашевци; Погрешило Подуене, одевало Малашевци;

Мирево – На Мирево тълан бие, на Хирево свирка свири;

Негован – Турил ти го Роло от Негован и Бадко от Цръклевици;

Оршова – Натъпкани като свине за Оршова

Плачковци – Ако не си от Боевци, ще бъдеш от Плачковци; Да та не пратя на Плачковци; От Плачковци иде; Ще та пратя на Бойчевци и ще минем край Плачковци;

Подуене – Онодело се Подуене, отдевало Малашевци; Погрешило Подуене, одевало Малашевци;

Призрен – У Скопие скопен ходи, а у Призрен без гащи;

Свищов – Не хџди Ганьо на Свищов;

Севлиево – В наше Севлиево няма управа;

Скопие – Преко баиро у Скопие, на имамо Стару Сърбию; У Скопие скопен ходи, а у Призрен без гащи;

София – У Совию евтинию, три бози за пару, а за срането грош и пару; Я го тражим у Софию, он у Дупницу;

Стамбол – Да ти ритам торба с грошове, на Стамбол ги има с кошове; Да ти ритам торба с грошове, на Стамбол ги ринат с лопати; Ходил на Стамбол, а царят не видял;

Троян – Опрѐви работата колкото Бамо в Троян;

Хирево – На Мирево тълан бие, на Хирево свирка свири;

Цариград – В Цариград живял, царя не видял; На дълга пътя Цариград; По-добре на две къщи господар, а не в Цариград говедар; С питане Цариград са намира; С поглед Цариград са не зима; С Цариград плаий, тука я върши; Цар царува в Цариграда, бяла Рада в Будин града; Цариград се с поглед не зима;

Цръклевици – Турил ти го Роло от Негован и Бадко от Цръклевици;

Чирпан – От Чирпан излизат паници хубави, хора не излизат;

Чуканите – Минал през Чуканите – понарязал се, поначукал се;

Шипка – Шипка се с акъл върти, Енина – с орехи, а Габрово – с магия (Ст. Ст.)

Ялари – От Ялари, кой как свири;

Ямбол – Нерде Ямбол, нерде Стамбол и т.н.

Большинство фразеологизмов и паремий включают в себя топонимы Восточной Болгарии, и в особенности района гор Стара-Планина: *Габрово се с акъл върти, а пък Траяна – с уйдурма. За три дни в Габрово. Туй шу-шу-шу изеде Габрово.*

Шипка се с акъл върти, а Габрово с магия. В наше Севлиево няма управа. Опр̀ави работата колкото Бамо в Троян. С две котки да ора, че в Търново да умра и др.

Встречаются топонимы-названия бывших сел, ныне являющихся районами Софии: *Онодело се Подуене, отдевало Малешевци. Погрешило Подуене, одевало Малешевци. Ще ида в Орландовци и др.*

В состав части паремий и фразеологизмов включены населенные пункты вне государственных границ Болгарии: *Цариград, Стамбол, Деарбекир, Багдат, Оршова, Скопие, Призрен, Рим, Москва и др., ср.: С питане Цариград са намира. С поглед Цариград са не зима. Нерде Ямбол, нерде Стамбул. Натъпкани като свине за Оршова. Нерде Шам, нерде Багдат. У Скопие скопен ходи, а у Призрен без гащи и др.* Некоторые топонимы – старые названия соответствующего города: *Цариград, Стамбол (Стамбул), Лондра (Лондон), ср. Който търси жена без кусур, не може да я намери и в Стамбол. Цар царува в Цариграда, бяла Рада в Будин града. Отвъд Анадолука в Лондра и др.* Наиболее часто встречающийся топоним из этой группы – *Цариград* (и его вариант *Стамбол*). С ним связывается представление о чем-то далеком.

В отличие от некоторых других европейских языков (английского, испанского, русского), в которых в качестве компонентов паремиологического фонда встречаются названия отдаленных географических объектов, топонимика в болгарском фразеологическом фонде отличается более узкими региональными рамками. Отмечается значительный перевес паремий с компонентом-топонимом из микромира (*своего мира*) в сравнении с макромиром (*чужим миром*). Это объясняется и исторической судьбой Болгарии, закрытостью болгарина в границах Османской империи. Чем важнее для этнокультурного сообщества данный объект, тем «охотнее» язык его лексикализует. Следовательно, объекты, находящиеся внутри страны, более привлекательны, чем находящиеся за ее пределами.

Топонимы во фразеологических единицах не случайны, не лишены значения, а являются смыслообразующими компонентами. Топонимический компонент во фразеологизмах и паремиях может быть как названием реально существующего населенного пункта, так и вымышленного, и тогда название служит для выражения экспрессии. Часто обнаруживаются сознательные поиски семантической или звуковой аналогии, сочетающейся нередко с иронией, каламбуром, ср.: *Ще та пратя на Бойчевци и ще минем край Плачковци. Да та не пратя на Плачковци. От Плачковци иде. Плачковци и Бойчевци – это маленькие районы в окрестностях Трявны, но здесь они связываются с существенными *плач* и *бой*. Для достижения подобного эффекта используются как существующие, так и вымышленные названия населенных пунктов, ср.: *Минал през Чуканите – понарязал се, поначукал се. На Белица за белица* (срв. същ. беля). *Ако не си от Грабижево* (ср. гл. *грабя*), *то си от Подаево* (ср. гл. *подавам*). *Пошел съм за Станчевци* (ср. гл. *спя*). *Да не идиш на Боевци* (ср. сущ. *бой*). Часто встречается повто-*

рение слогов или группы звуков, ср.: *Койчо от Койнаре. На Мирево тъпан бие, на Хирево свирка свири. Нето в село Богдан, нето на град Продан* и др.

Появление определенных топонимов в некоторых фразеологических единицах может казаться немотивированным. Не всегда метафорический образ может быть расшифрован точно, ср. *Праших на Чирпан за нещо*.

Традиционная культура связана с устойчивым, консервативным. Она является символом идентичности, средством сохранения и отстаивания *своего* в постоянных контактах с *чужим*. В традиционных обществах и культурах пространства жизни ограничены, обозримы и освоены. Отношение локальной общности к людям *извне* негативное (Пейчева, Димов 2006: 64).

Все это является определяющим для ярко выраженной характеризующей функции фразеологизмов и паремий с компонентом-этнохоронимом или атрибутивным словосочетанием, указывающим на происхождение. Такие единицы отличаются сильной экспрессией, цель которой – создание сниженного образа соседей, осмеяние соседних микрогрупп, унижение, даже оскорбление *других, не местных*. Таким образом посредством языка портрет *других, не местных* моделируется как определенное собрание негативных черт и характеристик, связанных с социальными отношениями, особенностями поведения, менталитетом, внешностью: *Врачанец дето пикне, там трева не никне. Стиснат като габровец. Габровец и светец да го видиш, да го не вярваш. Правя си устата като габровец за дрянова тояга. Килифарци парлапанци. Благатки мари сливенки, празо им до гъзо им и морваци на купове. Разложанин сто пъти през една вода минава и пак я с тоягата си опитва. Радомирци – все прибирци. Водим се като битолски просяци. Гледам като балдевски просяк. Арбанашика кокона* и др.

В отношении болгарина к *другим* находит выражение и высокая самооценка, восхваление *своего* и отказ от познания *других*, пренебрежительное отношение к ним и несправедливая недооценка (Калдиева-Захариева 2011).

Примеров, в которых образ *другого* маркирован положительно, выражает одобрение, уважение, намного меньше, ср.: *Хубавец като стамболоец. Еленски чорбаджия* и др.

Дифференцированное отношение в зависимости от места жительства обнаруживается даже в случае с представителями *других этносов*: *Голобърдски вуци и радомирски турци по-лоши не биват* и т. д.

Фразеологические единицы с компонентом-топонимом или этнохоронимом экспрессивны. Они имеют ярко выраженную характеризующую функцию, служат средством создания сниженного образа соседей. С их помощью общество, сформировавшееся по территориальному принципу, противопоставляется остальным – соседнему району, соседнему населенному пункту, большому городу. Они играют роль «дразнилок» соседей, на что

указывают и комментарии некоторых собирателей подобных фольклорных текстов, ср.:

Ходила Цаца на Враца, чудно е чудо видяла: жена мъжа продава, за две глави червен лук, за три чушки пиперец; придай, придай, Пиперко, да порастат децата;

Габровчени габър ели, та измрели; тревненчени трева пасли, та израсли; тръновчани тръње гризли – присмехулно за Търново, че там нищо не расте, предимно от деца (насмешливо о Търнове – там ничего не растёт; встречается преимущественно в детской речи) (Славейков 2003);

Благатки мари сливенки, празо им до гъзо им и морваци на купове – думали някои градежанки, като ходили на пазар в Сливен (так говорили некоторые горожанки, когда ходили на базар в Сливене) (Славейков 2003) и др.

Данный тип фразеологических единиц слабо представлен в словарях. В словарных статьях они часто сопровождаются стилистическими пометами «диалектно» или «регионално»; из этого можно сделать вывод, что они уже являются частью пассивного лексикона болгарского языка.

Концепты *город* и *село* – одни из актуальных концептов языковой картины мира болгарина. Они представлены как в лексической системе языка, так и во фразеологии. Во фразеологическом фонде болгарского языка есть две обширные группы фразеологических единиц, связанных с концептами *город* и *село*, – фразеологизмы и паремии с компонентом-апеллятивом (село, селянин, град, гражданин), фразеологизмы с компонентом-онимом (топонимом, этнохоронимом, атрибутивным словосочетанием, указывающим на происхождение).

Фразеологические единицы, представляющие концепты *город* и *село*, могут рассматриваться как фразеологизмы организации пространства в языковой картине мира, хотя знание об определенных местах может совмещаться и с другими видами знания (Иванова 2006: 150).

Во фразеологическом фонде болгарского языка универсалия *свой-чужой* представлена не только во фразеологизмах и паремиях, в которых город и село присутствуют как общие названия или как соответствующий топоним, но и во фразеологических единицах, где одним из компонентов являются названия жителей этих сел и городов. Осознание принадлежности к группе идет по линии *свое место* – *чужое место*. Налицо негативное восприятие *чужого места* и населяющих *чужое место*, соседей. Пословицы и фразеологизмы описывают определенные типические черты, характерные для той или иной территории или населенного пункта, которые противопоставляют данную территорию или населенный пункт всем остальным, находящимся за пределами *своего* места. Различия обусловлены бытовыми и культурными условиями, в которых соответствующая общность формирует свою систему ценностей.

Фразеологические единицы, представляющие концепты *село* и *город*, отличаются сильной экспрессией. Они связаны с отрицательными характеристиками, имеют ироничную или насмешливую окраску и представляют специфическую для отдельного языка модель конструирования алогичных образов (Вълчанова 5–6). В них отражается народное миропонимание и народное чувство юмора.

В отличие от остальных паремий, рассматриваемой группе не присуща дидактичность, эстетическая функция здесь также почти отсутствует.

В количественном отношении паремий и фразеологизмов с компонентом-топонимом меньше. Другая отличительная черта этих единиц – невысокая степень актуальности для современного носителя языка. Их перестают активно употреблять при общении. Большинство таких фразеологизмов уже утратили свою актуальность как средство выражения эмоционально-оценочного отношения и сейчас переходят в пассивный словарный фонд болгарского языка.

Сделанный обзор – только попытка раскрыть особенности проявления болгарского языкового менталитета при характеристике *своего* и *чужого места* в лексике и фразеологии болгарского языка, показать специфическое в пространственном маркировании действительности. Фразеология доказывает склонность человека останавливать внимание больше на несовершенном, уродливом, особенном в человеческом поведении. Возможно, в этом выражается его неосознанное стремление корректировать мир вокруг себя посредством насмешки и карикатуры (Кювлиева 1986:82).

Перевод М. Смирновой и А. Тверицкой

Примечания

Литература

- Алексиев 1914: *Алексиев Ар.* Етнографски бележки за поляците, мияците и бърсяците. СБНУ. Кн. XXX, 1914. С. 40.
- Березович 1998: *Березович Е.Л.* Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1998.
- Березович 1999: *Березович Е.Л.* Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987 – 1998). // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 2. Екатеринбург: УрГУ, 1999. С. 128 – 141.
- Березович 2000: *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург.: изд-во Урал. ун-та, 2000.
- Березович 2005: *Березович Е.Л.* „Чужие земли” в русском народном языковом сознании: прагматический аспект. Вопросы ономастики, 2005. № 5. С. 70 – 85.

- Березович 2007: *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
- Березович 2009: *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009.
- Березович, Гулик 2002: *Березович Е.Л., Гулик Д.П.* Ономаσιологический портрет „человека этнического”: принципы построения и интерпретации. // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте. / Отв. ред. Г.П. Нешиченко. М.: Наука, 2002. С. 232 – 253.
- Болдирев 2001: *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25 – 29.
- Вендина 2002: *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002.
- Верещагин, Костомаров 1983: *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Москва, 1983.
- Воркачёв 2001: *Воркачёв С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт, становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. Филологические науки, 2001. 1. С. 64 – 73.
- Воркачёв 2002: *Воркачёв С.Г.* Методологические основания лингвоконцептологии. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Вып.3. Воронеж, 2002.
- Воркачёв 2003 а: *Воркачёв С.Г.* Концепт как „зонтиковой” термин. Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5 – 12.
- Воркачёв 2003 б: *Воркачёв С.Г.* Культурные концепты и перевод: макаризмы в тексте Евангелия. Вестник МГУ, 2003. № 4. С. 88 – 93.
- Воркачёв 2007: *Воркачёв С.Г.* Лингвокультурная концептология: становление и перспективы. Известия РАН. Серия литературы и языка, 2007. Т. 66. № 2. С. 13 – 22.
- Вълчанова: *Вълчанова М.* За топонимите в славянската фразеология. – www.belb.net
- Вътова 2009: *Вътова М.* Представите за пространство в българския език от гледна точка на когнитивния подход. Проглас, 2009. Кн. 2. С. 107 – 121.
- Гливинская 2010: *Гливинская В.* Фразеология и дидактика. // Лексикографията в европейското културно пространство. Изд-во «Знак’94». Велико Търново, 2010. С. 379 – 388.
- Голева 1997: *Голева С.Г.* Персидская фразеология (лингвосоциокультурологический аспект). Вопросы языкознания, 1997. № 5. С. 135 – 141.
- Григорьева 2012: *Григорьева О.Н.* Актуальные метафоры современного города. // II Международный научный симпозиум „Славянские языки и культуры в современном мире” Москва, МГУ, 21 – 24 марта 2012 г. Труды и материалы. Изд. Московского университета, 2012 г., С. 81 – 82.
- Гълъбов 1994: *Гълъбов К.* Психология на българина. // Защо сме такива? В търсене на българската културна идентичност. Изд. къща „Светлоструй”. С., 1994. С. 213 – 230.
- Димитрова 2007: *Димитрова Г.Ж.* Тезаурусно представяне на пространствените концепти (възможности за съпоставителен анализ). // Лексикографията и лексикологията в съвременния свят. Изд. „Знак’94”. В. Търново, 2007. С. 217 – 224.

- Димов 2011: *Димов Г.* Западнобалканският град по времето на норманските нашествия и похода XI – XII вв. *Mediaevalia*, 2011. Кн. 1. С. 62 – 80.
- Добрева 2009: *Добрева Е.* Опозицията *град – село*. Език и литература, 2009. Кн.1 – 2. С. 70 – 78.
- Добрева 2011: *Добрева Д.* България на световното изложение в Париж през 1900 г. Образи на своето и чуждото в тогавашните публицистични дебати за изложението. // *Нашата Европа*. Български представи за своето и чуждото 1870 – 1945. Изд. Siela, 2011. С. 98 – 147.
- Дранникова 2004: *Дранникова Н.В.* Локално-груповые прозвища в речевом фольклоре. // *Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология*. Выпуск 2: Материалы VI Международной школы молодого фольклориста (22 – 24 ноября 2003 года) / Отв. ред. В.М. Гацак, Н.В. Дранникова/, 2004. С. 222.
- Журавлев 1995: *Журавлев А.Ф.* Русская "микротономия" и этническое самосознание. // *Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конф. М., 1995*. С. 49 – 51.
- Златанов, Легурска 2000: *Златанов И., Легурска П.* Географските названия: реликти от отминали епохи. *Българска реч*, 2000. кн. 1 – 2. С. 48 – 49.
- Иванова 2006: *Иванова, Е. В.* Мир в английских и русских пословицах. Учебное пособие. Филологический факультет СПбГУ. Издательство СПбГУ, С-Пб., 2006.
- Илин 2010: *Илин, Д.Ю.* Национально-культурное своеобразие региональной топонимии. // *Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы: сб. науч. тр. / ГОУ ВПО „Волгогр. гос. ун-т“, каф. рус. яз. / отв. ред. Н.А. Тушикова*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 307 – 322.
- Йорданова 2002 а: *Йорданова Ю.* Хуманитарният интелект на „своя“ и „чужда“ земя (бележки върху Цветан Тодоров). *Демократически преглед*, 2002. № 50.
- Йорданова 2002 б: *Йорданова Ю.* Свое – чуждо време, пространство и ритъм. *Liternet*, 2002. № 9. 20.09.2002.
- <http://litmet.bg/publish5/iuiordanova/ctodorov.htm>>(02.08.2003)
- Калдиева-Захариева 2011: *Калдиева-Захариева Ст.* За българската завист. *Български език*, 2011. Кн. 2. С. 53 – 62.
- Кобозева 2000: *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. Эдиториал УРСС. Москва, 2000.
- Ковачев 1987: *Ковачев Н.* Българска ономастика. Изд. „Наука и изкуство“. С., 1987.
- Кошкова 2008 : *Кошкова М.* Етноцентризмът като мярка на ценностната система в паремииологията, фразеологията и лексиката (върху материал от словашки и български език). – В : *Изследвания по фразеология, лексикология и лексикография*. В памет на проф. дфн Кети Ничева-Анкова. АИ „Проф. Марин Дринов“. С., 2008, С. 46 – 52.
- Кювлиева 1986: *Кювлиева В.* Устойчивите сравнения в българския език. Изд. на БАН, С., 1986.
- Кювлиева 2008: *Кювлиева В.* Естетическото възприемане на света, отразено в българската фразеология. // *Изследвания по фразеология, лексикология и лексикография*. В памет на проф. дфн Кети Ничева-Анкова. АИ „Проф. Марин Дринов“. С., 2008. С. 53 – 58.
- Кювлиева-Мишайкова 1986: *Кювлиева-Мишайкова В.* Фразеологизмите в българския език. Изд. „Народна просвета“. С., 1986.

- Легурска 1999: *Легурска П.* За концептуалния анализ в лексикографията. – Лексикографски преглед. Бр. 1. Пролет, 1999. С. 7 – 12.
- Лори 1996: *Лори Б.* Банско, градска или селска култура. // Банско. Изследвания и материали. МНИ. Институт за фолклор. БАН. С., 1996. С. 89 – 91.
- Льо Гоф 1999: *Льо Гоф Жак.* Цивилизацията на средновековния Запад. С., 1999.
- Маринов 1995: *Маринов Д.* Българско обичайно право (второ фототипно издание). АИ „Марин Дринов“. С., 1995.
- Маслова 2004 а: *Маслова В.А.* Лингвокултурология. „Akademia“. М., 2004.
- Маслова 2004 б: *Маслова В.А.* Когнитивна лингвистика: Учебное пособие. „ТетраСистемс“. М. 2004.
- Маслова 2006: *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. Изд. „Флинта“. Изд. „Наука“. Москва, 2006.
- Михайлов 2010: *Михайлов Н.* О морфологической адаптации иноязычных топонимов в текстах Вестей-Куранов. Slovo, 2010. № 51. С. 69 – 81.
- Мичева-Пейчева 2011: *Мичева-Пейчева К.* Семантичните опозиции в българския език и техните културни конотации (*чист – нечист*). Дисертация. С., 2011.
- Мичева-Пейчева 2012: *Мичева-Пейчева К.* От прага до краищата на светлината. Български език, 2012. Кн. 2. С. 40 – 50.
- Младенова 1965: *Младенов М.Сл.* Названия и прозвища на групи българско население. Известия на Института за български език. Кн. XII, 1965. С. 199 – 222.
- Пейчева, Димов 2006: *Пейчева Л., Димов В.* Миграции и гурбети от България. // Градиво за етнология на миграциите. Етнографски институт с музей. С., 2006. С. 61– 101.
- Петкова 2008: *Петкова Св.* Корелативни двойки образи в някои български, английски и руски пословици. // Изследвания по фразеология, лексикология и лексикография. В памет на проф. д-р Кети Ничева-Анкова. АИ „Проф. Марин Дринов“. С., 2008. С. 189 – 202.
- Пернишка 1993: *Пернишка Ем.* За системността в лексикалната многозначност на съществителните имена. Изд. на БАН. С., 1993.
- Попова, Стернин 2007: *Попова З.Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивен анализ на езика. Изд. „Истоки“. Воронеж, 2007.
- Путова 2009: *Путова И.Н.* Етнокултурни особености на испанските паремии с топкомпонент. Автореферат. Воронеж, 2009.
- Рот: *Рот К.* Градско общество и градска култура в Югоизточна Европа (принос към дискусиата за модернизацията). Българска етнология. 22. Кн. 2. С. 3 – 16.
- Рот 2011: *Рот К.* „Европеизация“. Към историята на едно отново актуално понятие. // Нашата Европа. Български представи за своето и чуждото 1870 – 1945. Изд. „Ciela“, 2011. С. 10 – 11.
- Сантова 1996: *Сантова М.* Възрожденската култура на Зографите и някои аспекти на културата на малкия град. // Банско. Изследвания и материали. МНИ. Институт за фолклор. БАН. С., 1996. С. 9 – 30.
- Симеонова 2005: *Симеонова Г.* Взаимотношението град – село в етнографска интерпретация. Изд. „Тангра Тан Нак Ра“. С., 2005.

- Телия 1996: *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Изд. Школа „Языки русской культуры”. Москва, 1996.
- Толстой 1969 : *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология. Изд. „Наука”. Москва, 1969.
- Толстой, Толстая 1998 : *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания: Три доклада к XII Международному съезду славистов. Москва, 1998.
- Турута : *Турута И.И.* Собственные имена как маркеры национальной ментальности (на примере паремий русского и украинского языков). www.nbuv.gov.ua/portal/Vdpu/Movozn/2008_14/article/50.pdf (17.04.10)
- Черникова 2007: *Черникова, Н.В.* Актуальные концепты и их лексические репрезентанты. – Филологические науки. Кн. 6. 2007. С. 71–80.
- Шейтанов 1994: *Шейтанов Н.* Духът на отрицанието у българина. // Защо сме такива? В търсене на българската културна идентичност. Изд. къща „Светлоструй”. С., 1994. С. 270 – 279.

Источники

- Арх. БДР: *Архив за Български диалектен речник* на Секцията за българска диалектология и лингвистична география към Института за български език при БАН.
- БЕР I: *Български етимологичен речник* (авторски колектив). Т. I. А – З. Изд. на БАН. С. 1971;
- БЕР VI: *Български етимологичен речник* (авторски колектив). Т. VI. ПУСКАМ – СЛОВАР. АИ „Проф. Марин Дринов”. С., 2002.
- Григоров, Кацаров 1986: *Български пословици и поговорки* (съставители Милко Григоров, Костадин Кацаров). „Наука и изкуство”. С., 1986.
- Вакарелска-Чобанска 2005: *Вакарелска-Чобанска Д.* Речник на самоковския говор. АИ „Марин Дринов”, С., 2005.
- Василева 2009: *Василева Л.* Български словно богатство. „Мултипринт”, С., 2009.
- Геров 1978: *Геров Н.* Речник на българския език. Допълнение. Т. 6. Изд. „Български писател”. С., 1978.
- Керемидчиева 2007: *Керемидчиева Сл.* Копривщица – история и език. „Мултипринт”, С., 2007.
- Кювлиева 1986: *Кювлиева В.* Устойчивите сравнения в българския език. Изд. на БАН, С., 1986.
- Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974: *Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр.* Фразеологичен речник на българския език. Т. 1. А – Н., С., 1974.
- Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975: *Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр.* Фразеологичен речник на българския език. Т. 2. О – Я. С., 1975.
- РБЕ 2006: *Речник на българския език*. Т. 3. Г – Деятел. Второ доп. и прераб. изд. АИ „Проф. М. Дринов”, ЕТ „Емас”. С., 2006.
- РБЕ 1984: *Речник на българския език*. Т. 4. Деятелен – Е. Изд. на БАН. С., 1984.
- ПРОДД 1974: *Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век* (авторски колектив). Изд. на БАН. С., 1974.

- Славейков 2003: *Славейков П.Р.* Български притчи или пословици и характерни думи. Изд. „Захари Стоянов”. С., 2003.
- СТБР I: *Старобългарски речник* (авторски колектив). Изд. „Валентин Траянов”. Т. I. С., 1999.
- СТБР II: *Старобългарски речник* (авторски колектив). Изд. „Валентин Траянов”. Т. II. С., 2009.
- Стойкова 2007: *Стойкова Ст.* Български пословици и поговорки. ИК „Колибри”. С., 2007.

VII. Традиционная духовная культура и фольклор славян

А.А. Плотникова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Архаические элементы в народном календаре старообрядцев Румынии: плювиальная магия¹

Abstract:

Plotnikova A. A. *Archaic elements in the folk calendar of Romanian Old Believers: the Pluvial Magic.*

During the ethnolinguistic field studies of Old Believers' villages in Dobrugea (2006–2012) many archaic beliefs and rituals were discovered in the folk calendar of people of Russian origin, for instance, the ablution in the Saint John the Baptist Day, known as *Ivan Kupala*, *Ivan Pokupalny*. Some ritual magic actions performed on this day correspond to ones in the Central and South regions of Russia. Archaic beliefs of the Old Believers of Dobrugea are also presented: the rain and the drought in the case of presence in the village of people who died of unnatural reasons; ritual actions of rain induction as a part of the religious procession ritual; the idea of Saint Elias as a moderator between the God and people, etc.

Ключевые слова: этнолингвистические полевые исследования, народное православие, старообрядцы зарубежья, народный календарь, Иван Купала, Иоанн Богослов, св. Илья, засуха, ритуалы вызывания дождя, обливание, купание, молебен, крестный ход, пускание по воде, переправа через воду, общеславянские поверья.

Народный календарь старообрядцев румынской Добруджи тесно связан с богослужебной практикой в силу специфики старообрядчества как движения в целом – за чистоту религиозной праведности, за старую веру и т.д. Переселяясь в XVII веке и позже, на протяжении двух столетий, на юго-восток Европы – на степные земли Добруджи, старообрядцы из разных мест России вместе с конфессиональной, этнической и языковой обособленностью так или иначе сохраняли те элементы традиционной народной культуры, которые связываются с дохристианскими мировоззрениями славян на природу и социум.

Полевые исследования народного календаря старообрядцев, сделанные во время пяти экспедиций в регион Добруджи в Румынии (2006–2009, 2012 гг.),² показали, что наряду с последовательным соблюдением церковных праздников жители-старообрядцы помнят или до сих пор отчасти практикуют отдельные ритуалы, которые имеют языческий характер. При этом носителями культуры подобные ритуалы, как правило, осознаются как неотъемлемая часть русской православной традиции народного календаря. В

отдельных же случаях особо подчеркивается «надуманное», или дополнительное – *лишнее* (т.е. привнесенное извне, избыточное по сравнению с правилами церкви, а по сути, позднее) – происхождение некоторых ритуалов или обрядовых действий, что отражается в выражениях: *это лишнего; (на Новый год) лишних делают* (Гиндэрешть); *это ужэ прибаўки, нет закона* (Каркалиу) и т.п.

Указание на дополнительный, или необязательный, характер исполнения ряда ритуалов может относиться и к заимствованным компонентам «чужой» культуры, а именно румынского (шире – карпато-балканского) происхождения, что обусловлено длительными контактами с проживающими по соседству румынами (в одном селе или в ближайших деревнях), влиянием средств массовой информации Румынии, обучения в румынской школе и т.д. В архаической сфере пловивальной магии (т.е. магии вызывания дождя во время засухи или заранее для ее предотвращения) это могут быть достаточно редкие на сегодняшний день случаи культурной «интерференции», в том числе свидетельства староверов о том, что они знают, как вызывают дождь румыны в селах; о том, как приглашенные в качестве «чужих», «посторонних» старообрядцы участвовали в румынских народных обрядах *peperuda, Caloian*, например, в последнем – в роли священника в процессии похорон куклы Калояна³. В данной статье рассматриваются лишь те архаические компоненты народной обрядности, которые можно отнести к аутентичным, т.е. незаимствованным фрагментам традиционной духовной культуры старообрядцев после их переселения в румынскую Добруджу.

У всех славян одним из главных, своего рода универсальных, действий при вызывании дождя во время засухи (или заблаговременно – с целью профилактики) являлось обливание водой (друг друга; кормящей матери; беременной; священника; пастуха и т.д.)⁴. Специально практикуемых окказиональных обрядов вызывания дождя типа «додола / пеперуда»⁵ у старообрядцев, неукоснительно следующих законам и предписаниям церкви, не было и, видимо, не могло быть. В случае засухи ими проводился молебен в церкви или с выходом в поле при участии священника, с церковной атрибутикой. Вместе с тем обливание как ритуальное действие, способное благоприятно воздействовать на приближение дождя, в некоторых селах входило в комплекс обрядности одного из календарного праздников, называемого соответствующим образом – *Иван Покупальны(й)* (Журиловка, Каркалиу), *Ивальна Покупальна* (Сарикёй), *Ива(ль)на Купальна* и под. (Слава Черкезэ) – и относимого к дню церковного календаря: к празднику Иоанна Богослова (8.V/21.V). Детские игры, включающие обрызгивание водой, обливание, также могли рассматриваться в качестве очевидной приметы того, что *Господь дождя даст* (Слава Черкезэ). Кроме того, обливание, чаще – брызга-

ние водой, обычно уже освященной, включается как составная часть молебна о дожде, который совершается в степи или на территории села (например, на ближайших к церкви улицах) в определенный день календаря либо при засухе. Известно, что благотворное в магическом плане обливание нередко отождествляется у славян с собственно купанием в естественном источнике – озере, реке, поэтому купание как значимое для вызывания дождя архаическое действие в рамках народного календаря в русских селах Добруджи также может составлять часть плювиальной магии.

1. Обливание.

Наиболее ярко выраженный характер действий обливания друг друга с целью вызывания дождя летом, совершаемых в день Иоанна Богослова (8.V/21.V), фиксируется в селе Сарикёй:

– А что делали на Ивана Купалу, как у вас говорят про это праздник? *Ивальна Покупальна* говорили. Бегали же, один одного обливали. Кто ни идёт, с казаном стоишь, на яго – шу-у! Обливали же, целый день аж до вечера обливали же. Это лили, чтоб Ивальна Покупальна, чтоб дождь пошёл. Восьмого мая, по-старому (Сарикёй, 2006).

Следует отметить, что в словаре «Славянские древности» при характеристике дня Иоанна Богослова у русских выделяются названия этого дня *Иван-градобой*, *Иван ведзьмариный*, а также действия по сбору целебных трав и разжигания очистительных костров в этот день, другими словами, семантика праздника явно перекликается с праздником Ивана Купалы: «8.V Иоанн Богослов. Рус. *Иванов день*, *Иван-градобой*, *Иван-пшеничник*. ...Пекли обетные пироги и кормили ими странников и нищих. Бел.-полес. *Весновой Иван ведзьмариный*, собирали травы для магических целей, жгли костры ради урожая льна»⁶. Традиционная русская обрядность в праздник Ивана Купалы (24.VI/7.VII) старообрядцам не известна, однако архаические компоненты ритуальных действий в этот праздник и его народные наименования, видимо, переносятся на предшествующий ему весенний праздник Иоанна Богослова. Обливание с целью вызывания дождя совершалось в течение всего этого дня после церковной службы, как следует из диалога с жителями Сарикёя⁷:

– Что делают, чтобы дождь пошел?

Молебен делают. Поздно уже. Надо просить заранее. А мы просим, ко[гд]а высушить, вот то[гд]а и Бог на нас сердится.

– А во время церковного праздника?

Это раньше, как выйдем из церкви, до этой поры мокрые ходим, усе. Но у нас были деўки. Но у нас была Анка, ўсокая, ўсех выше. Ну,

её никто не мог обкупать. У Разин ходили. Из крыницы-то лили воды. Чё ей делать?

– На какой именно праздник это делали?

На Иванна. На Иванна Покупайла. Обичай такой был. А ў Разин – и ў Разин! Щас нема, этого нема.

– А где обливались, выходя из церкви, на озере или у колодца?

Повсюду, повсюду. А если далёко от озера? Мы-то и близко были, коло озера. Тут хочь из криницы налить, покупаться-то. Чай по вулице идёшь, и сверхьху откуда-то... [смеется]. Теперь дуростев няма тех. В детстве вообще все мокрые были. (Сарикёй, 2006).

Примечательно, что в диалоге, как правило, *купать(ся)* употребляется в значении ‘обливать(ся)’: *её никто не мог обкупать; из криницы налить – покупаться-то* и т.д. Та же тенденция употребления лексемы *купать(ся)* в диффузном значении прослеживается во всех других русских селах Добруджи.

Мотивировка действий обливания в этот праздник с целью вызвать дождь летом в столь эксплицитном виде в других селах не встречается. Многие помнят, что люди обливали в этот день друг друга водой, но полагают, что это делалось в шутку, для веселья, либо с целью оказать своеобразное внимание местным девушкам. В этом случае праздник *Ивальна Покупальна* включался в ряд весенне-летних ритуальных забав сельской молодежи:

– Раньше отмечался «Иван Покупальный»?

Да. Купались. О-о-о! Деўкам вовсе не можно было выходить на вулицы на Ивана. Если увидали хлопцы, так стоять, вёдра ў йих с водой и урмаряють⁸, только какая вышла, думают, что може они её тама – шлёп водой! Облили, она бегить уся мокрая на двор. Облили уже. Ой, таперь нема. Таперь уже нема традиции, это ўсе бросают.

– Как назывался праздник по-вашему?

Ио[а]нн.

– А зачем обливали?

Ни разу никто не говорил, как, что, чего. Усё говорить: «Ой, Ивальна Купальна идеть, пропали деўки!»; «Деўки пропали, не ходитя на ўлицы, пооблюють вас хлопцы, – говорит, – ни одна не скапаеть⁹». Ну, а ўже знают, что Ивальна – праздник же, звонють, какой Ивальна Купальна. Мы ўже не будем посылать на вулицу, а то будут купать нас хлопцы. Другой раз посылають за чё-нибудь: «Беги, тут вода чё-нибудь!» Оне крутятся. Раньше же було во всех – хлопцеў, девок; таперь-то – по однем, да нема. И только выскочить, а он её

облил! «Послала мене да я ўже мокрая!» – «Ну, [г]де он тебе?» – «Я только вышла, а он – ис ведром!»

– Не для того, чтобы дождь пошел?

Не, это так. Хотели, може, смеяться чи как (Слава Черкезэ, 2012).

В подобных случаях обыгрывалось также народное название праздника. Нередко подчеркивалась знаковая функция соответствующих действий – стремление отметить таким образом календарное начало купания в природных источниках:

Бывает летом Ивана Покупайло.купаются же. Как починаеть Ивана Купайла, можешь водой купаться, можешь у воду опуцаться. Ужеть починаеть теплеть вода. От Ивана Купайла починаешь купаться водой. Т[ог]да вода починаеть теплеть. А так, до Ивана Купайла, вода ещё холодная. А т[ог]да Господь уже дасть, чтоб купались.

– Как точно праздник называется?

Иван Покупайло.

– И по селу все обливаются?

Да, так, обливаются, кидають водой. Облить кого-небудь, да он – тебе. И дети бегают с казанами, обливаются.

– Означает, что уже можно купаться?

Это уже можно покупаться, не застынешь уже т[ог]да, не заболешь (Слава Черкезэ, 2012).

Аналогичных подтверждений в этом селе немало: *У нас от Ива́на Купа́льна начинают купаться* (Слава Черкезэ, 2006); *У нас Иванна Купайла говорили. Кто идёт – кружку, канку, шо там, ведро, казан – на голову... И кажется, от этого дня можно было купаться в воде. Уже тёплая вода* (Слава Черкезэ, 2012). Связь обливания водой на св. Иоанна с началом купального сезона в русских селах Добруджи фиксируется и в дельте Дуная:

– Когда, в какой праздник, обливались водой? [Опрос велся в конце мая.]

Да вот ко[гд]а, вот таперича прямо було это во, как его, на его говорить, праздник тэй? Прямо таперь, не дуже давно. Забыла, как на его называецца, шо можно купаться. А то не можно було́ (Сви-стовка, 2008).

Окончание периода купального сезона в этих селах также отмечено значимым для погодной магии праздником – днем св. Ильи (20.VII/2.VIII):

Считали, что можно купаться в озере начиная с Ивана Купалы [имеется в виду тот же майский праздник Иоанна Богослова]. До тех пор было запрещено. До Ильи. Вот Илья, как мне бабушка говорила,

Илья насикал у озеро, уже нельзя купаться (Сарикей – Журиловка, 2008).

Подобные представления зафиксированы и в селах дельты Дуная:

– А почему можно было купаться только до Ильи?

Другой раз бывало на Илью еще и дождичек поидеть, и т[ог]да бабки, мама говорили, что вот это уже Боженька покропил водичку и уже не маешь праву купаться. Не то что холодная вода. Гата¹⁰, не маешь права купаться (Свистовка, 2008).

В селе Слава Черкезэ записана любопытная примета о приближении дождя, связанная с обливанием на улице и указывающая на сохранение архаических элементов в традиционной культуре старообрядцев, но при этом не относящаяся к какому-либо определенному дню народного календаря:

– Про дождь не говорили (когда обливались в день «Ивана Покупайла»)?

Ага, это вроде когда вот дети бегают, обливаются водой, т[огд]а говорить: бегают дети обливаются, ч[т]об дождь, говорить, не был, на дождь это дети [делают]. Да, говорят, так дети балуются, промеж собою, знаешь? На дождь. Не то, что т[оль]ко на Ивана Купайла. Дети другой раз дурачатся, гуляют, да водой один одного обливають. Говорят: «Дети бегают, гуляют, все равно, ч[т]об Господь дождя не дал».

– Дети как бы его призывают?

Призывают, да. Это вот дети, говорить, балуются, водой обливаются, говорить: «Господь вот дождя даст» (Слава Черкезэ, 2012).

В том же селе Слава Черкезэ зафиксировано и единичное свидетельство, снабженное религиозным объяснением про очистительную роль воды при обливании в день «Ивана Покупального»:

Говорится: вода смывает все грехи. Это единая вещь, единая, которая очищает тебе всё: и внутреннее, пьешь святую водичку, да? И внутреннее тебе очищение, и верхнее очищение.

– И как, прямо идут по улице и обливаются [в этот день]?

Идут, дети бегут ис канками, казанами, обливають, не взрослых, сами, промеж собой, взрослые этим не занимаются. Но всё равно, это они уже от нас научились, я думаю. (Слава Черкезэ, 2006).

Отдельные и не очень определенные сведения о магических действиях по вызыванию дождя в весенне-летний период (при этом не совсем ясно, совершалось ли действие в определенный день календаря весной или летом) записаны в селе Журиловка:

– А было так, что обливали водой друг друга?

Поливали нонче, эта вот сейчас, что вот ко[гд]а летом, это брызгались, чтоб Господь дождичку дал (Журиловка, 2006).

Упоминание праздника «Ивана Покупального» иногда связано с несколько иной мотивировкой действий обливания и купания в этот день – для поддержания здоровья в течение календарного года:

– На «Ивана Покупального» обливались, купались?

Находились. Это надо Ивана Купайла, пойдём покупаемся и то[гд]а будем здоровы.

– А не то что дождь пойдет?

Не, не.

– В Разине надо искупаться?

У нас уот тут во озеро было раньше. Сейчас сделали – разводят рыбу, а раньше тут озеро было. Купаться можно было (Журиловка, 2012).

В с. Каркалиу (Камень) сведения о вызывании дождя в день св. Иоанна жители соотносят лишь с давней традицией, которая сейчас не поддерживается, при этом упоминают и народные названия праздника, в который происходило обливание:

– А праздновался ли летний праздник, «Иван Покупальный»?

При нашей памяти это уже не было, а как по наслышкам, у дреуности было это, Иван Покупальный.

– А как вы называли?

Как хто мог, называл, Иван Купала, Покупальный. Это ещё раньше, как бабушки наши рассказывали, було.

– Что делали в этот праздник?

Тожеть так, если как для урожая это делали, водой обливали, так один одного, или... так, обычай был. При мне уже это затерялось (Каркалиу, 2007).

2. Церковные обходы полей. Как правило, при засухе с целью вызывания дождя проводился молебен в церкви, а также совершался крестный ход в поле, при этом читали канон св. Илье, обращаясь к святому с просьбой дать дождь:

– Что делали, когда долго дождя нет?

Теперь нема, а раньше було, делали кресны ходы, молебены такие. Ходили вокруг села, ходили аж на степ, воду светили, брызгали, просили Иллю, чтоб дал нам дождя.

– Это на Илью?

Не то[ль]ко на Иллю. Делали так, как бы... Илли служили, его поминали.

– А в любой день ходили?

Да.

– Когда дождя долго нет?

Да, нема, нема, нема дождя, усё горить, усё сохнет. И починають: на степ уходят, везут там дежку воды. И светуют, ис иконами, и потом идут и брызгают тэй водой вокруг. Последний канон Илле служат, воду просят. «Хочь как, но дождя нам полей», – говорит. Где же он польёт, если мы не заробили? Как же он нам польёт, если мы его не просим?» (Слава Черкезэ, 2012).

По свидетельствам из того же села, крестный ход с выходом в поля совершался только в прежнее время:

– Если дождя нет, принято обливаться?

Нет. Был обычай у нас, говорить старе у нас, эта я слышала. К[ог]да не было дождя, т[ог]да делали крестный ход: ис феругами, вонарями, ис крестом ходили по степи и просили святого славного пророка Ильи, чтоб дал дождя. И случалось, что было дождь. Это я не жила, не при моей памяти (Слава Черкезэ, 2006).

– Они ходили вокруг?

Ходили по степи, степям, вокруг села, по степи, просили Бога. Читали канон пророку Ильи, и он давал даждя (Слава Черкезэ, 2006).

Сведения о крестном ходе в поле отмечены и в других русских селах Добруджи:

– Если долго дождя не было, что делали?

Молебен делали. Илли, святой пророче Илли ходили, возьмут, это как церква тая туды ходила, а эта – суды ходили¹¹. Это где Каптелина живёт, тамыт-ка. И воду святили. Молебен делали, Богу службу делали, чтоб Господь дождя давал. И давал (Сарикёй, 2008).

Нередко молебен приурочивали к каким-либо весенне-летним праздникам: к дням св. Ильи и «Спаса» летом, а также к передвижным праздникам пасхального цикла – к дню Жен-мироносиц (сам обряд исполнялся в третий понедельник после Пасхи), Преполовению (25-й день после Пасхи). Например, по записям из села Сарикёй:

– Что делали, когда не было дождя?

Ко[гд]а дожджа не було, було праздник: Илля, и Спас, и Жены-мироносицы, и вот в один понедельник. И то[гд]а брали, подымали феруги, книги и уходили молилися, просили дождя.

– А куда шли?

Вот вокруг сяла ишли. От цэркви выйдуть и идут, и уходили даждь на край сяла, на степ, где степ, уже нема домоу там. И там останавливались и пели, и читали, молилися.

– Обходили вокруг села?

Вокруг церкви называется. Пойдёшь у один край, суда и потом приходишь.

– Вокруг церкви, но захватываешь больше?

Да, улиц. Вокруг села – трудновато. Крестный ход [называется] (Сарикёй, 2006).

В ряде сел для молебна о дожде определен один специальный день календаря, о чем вспоминают собеседницы в диалоге:

– Если долго нет дождя, что-нибудь делали, чтобы пошел?

(1) *Молебен делали Илли.*

(2) *Делается молебен вообще. Есть один день. Ко[гд]а он бывает? После Пасхи?*

(1) *Бывает. Оне, ко[гд]а хочуть, это делают.*

(2) *В одно время бывает.*

(1) *Жены-мироносицы, на второй день (Слава Русэ, 2006).*

Тот же праздник для водосвятия и крестного хода с целью вызвать дождь отмечен в селе Журиловка:

После Паски бывает на восьмой день Жэны-мироносиц[ы], большой праздник. А после – две недели празднуем Преплавление. Посветють воду ў церкву, воду на степэ. Просим Бога дождя, как у нас нема ўже. Страшно. То[гд]а светим воду на степэ, хорошее пение. Служба бывает на степэ. Посветють воду, кажный берёт уже себе, у кружечку или у казанчик, и эта вода не держится так, как мы берём на Крещение. (Журиловка, 2006).

Изнурительные обходы полей с водосвятием во время засухи считаются особенно действенными, поскольку являют собой тип искупления вины за возможные грехи; кроме того, это считается способом обратить внимание Бога именно на землю, которая кормит народ:

– Когда долго нет дождя, засуха, что говорили?

Старые говорили, что это Бог, цара нябесного прогнавіли, за то Бог не оглядаётся, нам не даёт урожай.

– Что делали при засухе?

Делается водосвятие¹². Делается служба, свётится вода, собираются люди. Раньше ходили на степ, служили. Таперь у церкви, церковном дворе.

– Водосвятие?

Да водосвятие, Илю́ просят, пророка, он просил цара небесного, кады тридцать лет, не знаем, у каким году не було дожджа. И он просили, и Бог... Таперя Илли пророку читается канон, делается

служба, светится вода и идём молимся. Один, другой, если Бог оглянется, напустит нам трошки.

– А раньше на степь ходили, молебен раньше там служили?

Да, на степи.

– А почему там?

Настояще там, чтоб Бог зародил зямлю, и воду́ святили, и зямлю́. Народ собирали, что труднее, молились там, надо тяжэлей итить, на солнце стоять. Ни скамеечки [г]де, ни сесть, ничто. По-кыль дойдёшь туды и назад, дуже и заморишься, сколь у службы стоишь (Гиндэрешть, 2007).

В поля (*на степ*) во время засухи ходили и в селах дельты Дуная, не смотря на трудоемкость всего мероприятия:

– А что раньше делали, если долго дождя нет?

Молебен служили.

– Это куда ходили?

У церкви.

– А не «на степь»?

И на степ ходили. Раньше, раньше – помню я. Мы, как сказать, по жизни раза два чи три ходили на степ. На степ уходили – сушь была, жара была, такая страсть. Идуть, читають, а их так вот, заливаешь их, которы мучаются, идуть же читають. Иконочки несут тамыт-ка, евангелие читають и несут, трудятся. И идуть (Свистовка, 2008).

Окропление, обрызгивание освященной водой окружающего пространства – важнейший элемент подобных обходов. Иногда это называют обливанием водой на обратном пути в село. Обливание друг друга водой детьми во время церковного обряда – крестного хода в поля – зафиксировано в селе Журиловка:

Раньше это вот на Петра-Павла святили, и это вот на себе делают, и – у край сила. Наллють воду́ и беруть феруги, и беруть две иконы – Спасителя и Богородицу и феруги теи, и идуть и поють, а мы идём за йми. И там оне читають, и почитають и три раза крест окунають у воду́. Три раза кунал, крест кунал и чего-то там читал. Да, и т[ог]да мы набираем. И т[огд]а назад идуть попы и мы, народ, идём. И хто идетьь домой, а хто хочеть у церкву помолиться.

– И тогда обливались?

Да, т[ог]да.

– Обливались, когда со степи шли?

И со степи идуть, и так, к[ог]да идёшь, и принесёшь во двор, по дворе sprysneшь, и по хате, на кровать. Святые божие, святыя мои смертныя.

– Чтобы дождь был?

Да, т[ог]да, к[ог]да идуть, кольки идуть. А это ўже праздник говорють, служим Илля.

– А когда это делали?

На Препловление это делали на степэ. Препловление!

– И тогда обливались?

Дети раньше ходили, а чичас и дети ни ходють, и детей нема.

– А дети на степь раньше ходили?

Ходили, к[ог]да родители пошлють. Ходють, пойсики же делаешь, пойсиком подпояшешь и посылаешь его ў церкву, а теперь нема.

– Когда на степь ходили, там тоже водой друг друга обливали?

Да.

– Для чего?

Дождь, урожай бу[д]ет (Журиловка, 2006).

В селе Гиндэрешть, расположенном на Дунае, молебен за дождь совершался на реке, точнее – в плавнях (т.е. в тростниковых зарослях):

– Если дождя долго не было, что делали?

Собирались усе. И это праўда, это я помню. Ўсё маленькая была, а помню. Ама, шо ж – верили со всего сердца, со всей души. Вот бярём батюшку, на лодку сажаемся. Иже выезжаем ис батюшки, едеть лишних, тётюк, дядек. И вязём батюшку туды ў плавню, и там молебен служим, что Боженька нам дасть дожджа. И траплялося вот так, что или тольки отслужим, или еще даже доканчивали тольки вот так той молебен, и как почнёт дождь, как с вядра лил, дождь. И сколько разоў, я как помню, сколько разоў возили, сколько разоў ездили, вот так траплялось, вот так было. Хочь к[ог]да (Гиндэрешть, 2007).

3. Иные окказиональные действия, относящиеся к плювиальной магии, у старообрядцев Добруджи фиксируются крайне редко, причем главным образом, в селах, расположенных на Дунае (Каркалиу, Гиндэрешть). Один из таких магических ритуалов связан с поверьем о том, что появление в селе наложившего на себя руки человека (самоубийцы) вызывает засуху и сильный ветер:

Говорють, шо кады он вроде руки на себе покладывает, через яго да дожджу нема, да, дожджу нема, шо вроде он повесился и вятра самые бывають. «Ой, ветер дуеть, да шо он дуеть?» – «Да это той-

то да повесился, да за это нам ветра дуютъ». И дожджа нема, чераз яго, шо он повесился (Каркалиу, 2007).

В подобных случаях предпринимались ритуально-магические действия, не типичные для духовной культуры старообрядцев, но имеющие параллели у восточных славян¹³. Так, в придунайском селе Каркалиу (район Брэилы) при длительном отсутствии дождя сельского самоубийцу выкапывали из земли и пускали по воде, в реку:

Наперёд старые люди так делали, если повесится, да привязуть яго да закопають, тута ў нас у кладбище, а дождей не бывает и год, и... не дають. Укапывають яго да ўтаскывають. Утаскывають, чтоб дождь пошёл. Раньше. Старинные люди.

– А куда «утаскывают»?

Утаскывають и кидают яго по Дунаю, нехай плывёт, куда яго Бог пошлёт (Каркалиу, 2007).

В селе Гиндэрешть полагают, что особенно опасны те покойные, которых перевезли через реку, что в общеславянском контексте имеет различные параллели в запретах переправлять через реку покойных, тем более умерших неестественной смертью: полагают, что вместе с ними смерть как мифологический персонаж преодолевает водную преграду.¹⁴ У старообрядцев Добруджи считается, что таким образом в село переносится засуха:

Говорили, так я слыхала (ў)сё, что, если, например, вот у нас Дунай, и вот там на тем боку¹⁵ ў лёсе, повесился человек один. Или хотя и помёр там, скажем, чераз Дунай, у шпитале¹⁶ там и где, и ежели перавязуть его [через] воду суда (мають¹⁷ вести к нам у сяло яго). И перавязуть воду, и ўсё говорили, как старые, что: «Теперь долго дожджа видать не будем». Шо перавязли мяртвеца из оттыля да суда. Так я слыхала (Гиндэрешть, 2007).

Анализируя свидетельства о вызывании дождя в русских селах Добруджи, необходимо подчеркнуть, что многие архаические ритуалы и поверья известны на первичной территории проживания старообрядцев в разных регионах России, но связаны они с самым летним праздником Ивана Купалы. По свидетельству В. К. Соколовой, к очистительным обрядам в этот день относилось купание, причем сохранению обычая купаться накануне праздника способствовало и название праздника (соответственно канун праздника у русских назывался *Аграфена-купальница*, с этой даты начинали купаться, а до этого дня вода считалась холодной)¹⁸. Обливание же в день Ивана Купалы, по замечанию В. К. Соколовой, «зафиксировано главным образом в южных русских областях и Сибири и дополняло купание»; причем мотивировки данных обрядовых действий совпадают с теми, которые

записаны нами, в частности, в Сарикёе: «обливались водой, чтобы дождь был» (из Орловской области); «обливались для дождя» (из Воронежской области)¹⁹. В последние десятилетия материалы об обливании (и купании) на Ивана Купалу с целью обеспечить дождь в летний период собраны не только в южнорусских, но и в центрально-русских регионах, в том числе – в селах Рязанской области²⁰, Нижегородском Поволжье²¹ и др.

Совпадения и аналогии в ритуальных действиях и их мотивировках у старообрядцев Добруджи с данными южнорусских и центрально-русских областей, во-первых, подтверждают архаику данных компонентов в традиции старообрядческих сел Румынии, во-вторых, свидетельствуют о тесной исторической связи именно южнорусских и центрально-русских зон со старообрядческими переселенческими селами Добруджи, в данном случае – по признаку наличия ритуалов плювиальной магии, связанных с обливанием водой друг друга в весенне-летние дни св. Иоанна.

Примечания

¹ Авторская работа выполнена по гранту Российского гуманитарного научного фонда «Славянские островные ареалы: терминология традиционной народной культуры» (12-04-00009).

² Были обследованы села: Сарикёй (рум. *Sarichioi*), Русская Слава, или Слава Русэ (рум. *Slava Rusă*), Черкесская Слава, или Слава Черкезэ (рум. *Slava Cerkeză*), Журиловка (рум. *Jurilofka*), Камень, или Каркалиу (рум. *Karkaliu*), Новенькое, или Гиндрэшьть (рум. *Ghindăresti*), Свистовка (рум. *Svistofka*), а также старообрядческие семьи в г. Сулин (рум. *Sulina*) в устье Дуная.

³ Подробно такие свидетельства исследуются в: Плотникова А.А. «Наша *nanapuda* старше нашего *молебена*». К вопросу русско-румынских контактов в языке и фольклорной традиции // Русские старообрядцы. Язык, культура, история. Сборник статей к XIV съезду славистов. М., 2008. С. 149–161.

⁴ См., например, статьи в пятитомном этнолингвистическом словаре «Славянские древности»: Толстая С.М. Дождь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. С. 108; Агапкина Т.А. Обливать // Там же. С. 456.

⁵ См. например, об обрядах типа «додола» / «пеперуда» у южных славян в: Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М. 2004. С. 141-145, 510-523.

⁶ См. Агапкина Т.А., Валенцова М.М., Плотникова А.А. Май // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 168.

⁷ Здесь и далее при передаче местного говора старообрядцев не отражается свойственное ему аканье, [y] фрикативный передается через *z*. Ударение ставится в случаях, когда есть отличия от современного русского литературного языка, а также в некоторых неочевидных случаях. Подробнее о наиболее ярких чертах сохраняющегося диалекта старообрядцев см. в: Касаткин Л.Л. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виногра-

дова РАН // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 2003–2005. М., 2006. С. 273–298.

⁸ От рум. *a urmări, -resc* ‘следить, внимательно наблюдать’.

⁹ От рум. *a scăpá, scap* ‘избегнуть, спастись’.

¹⁰ Рум. *gáta* ‘готово, кончено; хватит’.

¹¹ В Сарикёе две церковных общины – белокрыницкого и новозыбковского согласия, соответственно крестный ход по селу совершался в разных его частях.

¹² *Водосвятые* (*m* твердое).

¹³ Подробнее см. *Толстая С.М.* Засуха // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. С. 275. У русских известны свидетельства о выкапывании из могилы на кладбище и захоронении в лесу покойного – опойцы, убитого или утонувшего (Пензенская губ., XIX в.); об эксгумации на кладбище трупа пьяницы и выбрасывании его в реку или пруд, поскольку считалось, что после смерти пьяницу мучает нестерпимая жажда, и он выпивает всю влагу вокруг (Саратовская губ., начало XX в.). См. об этом: *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991; *Островский А.Б.* Обряды деревенской общины в ситуациях бедствия // Материалы по этнографии. СПб., 2002. Т. 1. С. 146–147.

¹⁴ См.: *Плотникова А.А.* Переправа через воду // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2009. С. 11–13.

¹⁵ Т.е. на другой стороне реки, в данном случае – Дуная.

¹⁶ Рум. *spítál, -le* ‘госпиталь, больница’.

¹⁷ Т.е. должны.

¹⁸ См.: *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX века. М., 1979. С. 234, 244.

¹⁹ *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды... С. 245.

²⁰ См.: *Тулъцева Л.А.* Рязанский месяцеслов: круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань, 2002. С. 216–217, 221. Нередко ритуальное обливание на Рязанщине совершалось и на Ивана Купалу (*Иван Травяной* ‘третье Обретение главы Иоанна Крестителя’, 25.VI/07.VI), и на близкий к нему по срокам Духов день, см.: *Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н.* Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001. С. 146–147, 189.

²¹ *Корепова К.Е.* Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009. С. 356.

Вербальные формулы на мотивы Сисиниевой молитвы в восточнославянской заговорной традиции*

Abstract:

Agapkina T. A. *Verbal Formulas with Motives from Sisinis Prayer in the East Slavic Folk Medicine Tradition.*

Magic formulas used by East Slavic healers to cure the fever drew heavily upon the Russian onomastikon and certain details and even motives from the manuscript Old Russian Sisinis prayer against the fever, known to us from a limited number of copies. The mass popularity of these formulas and their presence in every part of the East Slavic territory suggest that at some moment the Sisinis prayer may have been much more widespread than in the second half of 19th – beginning of 20th century when its principal copies were localized.

Ключевые слова: народная медицина, восточные славяне, Сисиниева молитва, заговорные формулы.

В народной медицине восточных славян одним из самым популярных и надежных способов избавления от лихорадки традиционно считалась Сисиниева молитва – полузаговорный-полумолитвенный текст, восходящий к южнославянским или греческим молитвам от женского демона (вештицы/Гиллу), нападающего на рожениц и новорожденных. У восточных славян эта молитва существенно изменила свой сюжет, но главное – функцию, превратившись в молитву от «трясовиц»-лихорадок. Здесь на протяжении веков, начиная по крайней мере с XIV в., эта молитва бытовала в форме списков (в трех основных редакциях), которые не столько читали над больными, сколько те носили при себе.

Самая древняя редакция восточнославянской версии Сисиниевой молитвы вкратце гласит:

Святой Сисиний (архангел Михаил; другой святой; ангел) сидит на горе, смотрит на море и видит, как из моря выходят 7/12 простоволосых, окаянных и страшных жен; на вопрос, кто они, те сообщают, что они дочери Ирода, который убил Иоанна Предтечу, а их мать испросила его голову; затем они сообщают свои имена (7/12) и поясняют свои вредоносные функции. Архангел Михаил/Ангел избивает трясовиц, обычно железными пруть-

* Работа написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-04-00085 «Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Восточной Европы, Балкан и Ближнего Востока»).

ями. Трясовицы дают обет не приближаться ни к данному человеку, ни к любому месту, где они услышат имя ангела/архангела или слова этой молитвы.

С течением времени, продолжив бытовать в виде рукописных текстов (значительно более упрощенных по сравнению с древнейшими списками), молитва «спустилась» в устную фольклорную традицию, где обрела форму несложного заговора на тот же сюжет.

Помимо чтения заговоров и ношения при себе списков Сисиниевой молитвы, народное лечение лихорадки предусматривало исполнение целого ряда магических практик и ритуалов (лихорадку «задабривали» и «кормили», пугали и отвращали и т.д.). В состав этих магических ритуалов, в свою очередь, входили краткие заклинательные и молитвенные формулы, которые, с одной стороны, были «продуктом» этих ритуалов, а с другой – явно использовали отдельные детали Сисиниевой молитвы. В данном случае нас будут интересовать не полноценные молитвы и заговоры на этот сюжет (подробно исследованные¹), а именно эти формулы, причем преимущественно в той их части, которая повторяет топику Сисиниевой молитвы.

Трансформация апокрифической молитвы в простейшую магическую формулу, происходившая, по всей вероятности, на протяжении нескольких веков, наглядно показывает следующее. Первым, что было утрачено на этом пути, оказался нарративный сюжет древней молитвы (сначала сократившийся до нескольких основных звеньев, а затем исчезнувший совсем). В известных нам кратких формулах (а их в нашем распоряжении имеется около 100), за несколькими исключениями, не содержится не только никаких мотивов из этого сюжета, но даже их фрагментов.

Одним из исключений, о которых мы упомянули, является следующая украинская заговорная формула: «*Святой Михаиле архистратиже, безплотных сил воине, ангелов начальниче и чоловиков наставниче, стань мени, рабу Божому имярек, на помичь! Ты еси знав Иродских дочек, за камьяны горы став их засылаты и став их в зализо куваты. Хто буде сиу слова именоваты, до вику не буде од них напасть маты*»². Она явно восходит к сюжету Сисиниевой молитвы, т.к. в ней упомянуты и архангел Михаил, и Иродовы дочери-трясовицы, и наказание их железом, и, наконец, заключительная формула молитвы, формула обета, который дают трясовицы: не причинять вреда тем, кто будет знать и читать эту молитву.

Второе исключение – это молитвенная формула: «Помяни, Господи, царя Давыда и царя Соломона и *царя Ирода и дочь его трясоху и жену колотуху*»³. На первый взгляд она не имеет ничего общего с изложенным выше сюжетом, однако это не так. По всей видимости, движения человека, сотрясаемого приступом лихорадки, некогда воспринимались как бесовская

пляска, что в свою очередь напоминало о самом известном евангельском эпизоде, связанном с пляской, – а именно о пляске дочери Иродиады и о самой Иродиаде. Видимо, именно таким образом в апокрифическую Сисиниеву молитву и вошел образ дочери (точнее, падчерицы) царя Ирода, который позднее превратился в 7 или 12 его дочерей-трясовиц.

Напомним, что Иродиада, жена Ирода Антипы, ненавидела Иоанна Крестителя и в день рождения Ирода подговорила свою дочь Саломею станцевать перед Иродом и его гостями, после чего восхищенный танцем Ирод обещал исполнить любую просьбу падчерицы. По совету матери Саломея попросила у Ирода голову Иоанна Крестителя, и Ирод был вынужден против своего желания казнить содержавшегося в заточении Иоанна, а Саломея поднесла его голову Иродиаде на блюде. Именно этот эпизод христианской истории, многократно преломившись, сначала вошел в состав одной из редакций Сисиниевой молитвы, а через много веков отразился в краткой формуле, сопровождавшей ритуал лечения больного лихорадкой. Так в этой формуле оказались упомянуты и сам царь Ирод, и его жена (Иродиада-«колотуха»), и дочь (падчерица) «трясуха», т.е. плясунья.

Магические формулы, читаемые по ходу традиционного лечения лихорадки, больше никак не связаны с сюжетом Сисиниевой молитвы, однако довольно активно используют другие ее составляющие и прежде всего имена.

В древнерусских списках Сисиниевой молитвы выходящие из моря навстречу святому Сисинию или архангелу Михаилу простоволосые девы называют себя «трясовицами». Как мы только что говорили, это название обычно осмысливается в связи с особенностями симптоматики болезни, «ломающей» человека и заставляющей его биться в судорогах и совершать конвульсивные движения (ср. укр. диал. название лихорадки *корчье*⁴). Мотивы тряски/дрожи не только определяют древнерусские и диалектные названия лихорадки (*тресея, трясы, трясовицы; дрожалка; знобца* и др.), но также проникают в заклинательные формулы, создавая их ономастикон, см.: «*Трясовита Игнатъевна, умоляю тебя и даю сей билет на все четыре стороны, да чтобы тебе назад не возвращаться*» (при этом больному к нательному кресту привязывают бумажку – «билет» – с этим текстом)⁵; «*Избавь, Господи, раба Божия имярек от сих 12 трясушек, царя Ирода дочерей проклятых*»⁶, а также указывают на симптоматику болезни: «*Тетки, лихоманки, вас 12 сестер, идольных дочерей, отстаньте от р.Б. и.р.... будет вам его трести и трепать*»⁷. Кроме того, мотивы тряски и дрожания определяют тактику «лечения» болезни путем передачи этой дрожи другим объектам, которым искони присуща эта особенность. В частности, многие лечебные ритуалы совершают около осины, которая, по народным приметам, постоянно дрожит от

страха. Подойдя к дереву, больной трясет его и говорит: «Осинка, осинка! Возьми мою трасцынку, отдай моё здороу́я»⁸; «Осина, осина, возьми мою тресину, дай мне леготу!»⁹. Поскольку лихорадку легко подхватить в болотистой и сырой местности, ее отсылают обратно в болото: «Трясеи?! Бодай же ты болотом трясла» (ср. *трясина* 'болото')¹⁰.

Вторая, столь же постоянная характеристика лихорадок, которая проникла и в устное предание, и в магические формулы, это название их дочерями царя Ирода – одного из самых отталкивающих персонажей восточнославянской народной Библии.

Напомним: в начальных эпизодах Сисиниевой молитвы выходящие из моря «простоволосые жены» сообщают, что они – дочери царя Ирода («мы есмь Ирода царя дщери»), и эта деталь является одной из самых частотных, повторяющейся в большинстве записей Сисиниевой молитвы. Видимо, эта частотность и объясняет устойчивость именованья лохорадок Иродовыми дочерьми в том числе и в магических формулах, см.: «Господи... пособи от прытки, от врага и супостата, от нечистого духа, от налетного, самолетного, от стремного, расшибного и от 12 сестер, Иродовых дочерей»¹¹; «Дуб, дуб, дуб, я тебе скажу: – У Ирода было двенадцать дочерей, и всего их было двенадцать сестер. Отпустите раба Божия имярек»¹²; «Заря-зарница, молодая вдовица, отгони от раба Божия имярек Иродову дочку»¹³. В формулах даже появляются имена лихорадок с отчеством *Иродовна*. Так, например, подпоясывая новым поясом березу, говорили: «Отпусти его, *Марья Иродовна*, тогда я тебя отпущу»¹⁴.

Третья особенность образов «сестер-трясовиц» в том, что Сисиниева молитва наделяет каждую из них особым именем. Эпизод с названием имен составляет значительный фрагмент этой молитвы, поскольку «трясовицы» обычно не только называют по очереди свои имена (7 или 12), но и рассказывают о том, какие именно симптомы вызывает у больного каждая из них. При том что некоторая часть имен лихорадок, известных по многочисленным спискам молитвы, малопонятны и имеет неясное происхождение (в том числе, вероятно, греческое), большинство их достаточно прозрачны, ср. такие имена, как «Трясовица, Огневица, Ледяница, Гнетница, Хрипица, Глушица, Ломовица, Пухловица, Желтовица, Коркотица, Голодица, Недужница»¹⁵; «1-я Трясея, 2-я леденая – придает холод, 3-я гнетя – слабит внутри, 4-я гледея – когда человек спит и смотрит, 5-я желтая – напущает желч на человека, 6-я глухая – закладывает уши, 7-я ломит голову и кости, как сильная буря ломает деревья, 8-я утробница – утробу вносит, 9-я хрипучая – в грудях хрипит, 10-я в жар приводит, 11-я в руках и ногах жилы сводит, 12-я всех злее сестер – тресовица и родница»¹⁶ и т.д.

В магические формулы и устные заговоры эти имена трясовиц не по-

пали, сохранившись лишь в рукописной традиции, однако сама модель названия лихорадок по именам все же проникла в фольклорную традицию, где можно иногда встретить перечни имен лихорадок, своего рода фольклорных новоделов, см.: «Заря-зарница, красная девица! Избавь раба Божия имярек от матухи, от знобухи, от гнетучки, от Марии Иродовны и от всей 12 девиц трясовиц!»¹⁷; «Сакрутил ён (отец Аксентий)... 12 сятёр лихарадык: Арину, Польку, Катьку, Аудотью, Праскою, Дамнеку, Ампаду, Ховру, Марюшку, Хрузку, Яүгешку, Фяклушку»¹⁸; «Па первым, вяснянка, а втарая ледзянка, а треця лістападніца, а цатвертая косянница, пятая квактушка, шостая ноцница, сёммая смутніца!»¹⁹.

И, наконец, последняя характеристика лихорадок, «позаимствованная» магическими формулами из Сисиниевой молитвы, это их количество. Как мы уже говорили, рукописная традиция последовательно использует две такие характеристики – 12 и 7, причем если число «12» известно на всей русской территории, то «7» встречается преимущественно в южнорусских и украинских рукописях.

Те же количественные характеристики широко используются в лечебном ритуале и магических формулах, сохраняя то же географическое распределение. Так, «12» встречается в основном в русской традиции: «Заря... прошу у тебя здоровица, от 12-ти сестер иродских»²⁰; «Все 12 сестёр, отойдите от р.Б., а то ножыком сколю и слинами заплюю или глаза пеплом засыплю и в тюрьму посажу, замком заложу и винтом завинчу»²¹. В то же время цифра «7» (или ее удвоенный вариант «77») заметно тяготеет к югу: «Здрастуйта вам, тёточки, вас 77, – вам и плата усим»²².

Эти формулы и магические ритуалы, активно эксплуатирующие числовую атрибутику Сисиниевой молитвы, по своему содержанию полностью теряют связь с содержанием молитвы, а используемые в ритуалах структурно-смысловые модели и тактики являются общефольклорными. Среди них –

– дарение: привязывают к дереву шнурок со множеством узелков: «вас 77, нате вам гостынец усим!»²³;

– обман и введение в заблуждение: «Оттоди мене пропасныця нападе, як у середу Велик день буде»²⁴;

– апелляция к сакральным ценностям (в данном случае к святым праздникам): «Во имя отца и Сына и Святого духа, щоб покинула мене тётуха! Бо в такой-то день Різдово було»²⁵;

– запугивание и угрозы: «Мамо, титко, сестро, покынь мене! Як ты не покынеш, есть у нас на мори на окяны царь Гадир и той побье тебе каминням, креминням, залізными»²⁶; зайти сзади большого, чтобы он не видел, и облить его ведром холодной воды: «хворый злякається, побижыть, а

пропасныця перетруссе и кыне» (там же); бросают спящему за пазуху живую жабу²⁷;

– внушение лихорадке отвращения: обмазать лицо сажей или другими нечистотами и лечь в репную яму; придет лихорадка и будет вызывать отгуда, потом плюнет и скажет: «*Не приду к тебе больше вовеки, ты весь опачкан, обмазан, безобразен*», и уйдет²⁸; ср. также: «...пала овца; сняли с нее шкуру, да и покрыли Сёму-то на печи этой овчиной. Он после и говорит: „Пришла ко мне комуха ми начинает браниться: „...Ну-ка, оделся падалью! Как теперь с тобой ляжешь... Век бы к тебе не бывать!“». Ругалась, ругалась так-то, плюнула три раза и пошла...“, а Сема-то выздоровел»²⁹ и т.д.

Однако самым популярным и действенным считалось угощение/кормление лихорадки: «*Вот вам, двенадцать сестер, хлеб, соль, полноте меня мучить, отстаньте от меня*»³⁰; пекут 12 пышек, находят в лесу 12 пеньков, кладут на них по пышке и отвешивают каждому пеньку по 12 поклонов³¹; дробят яйцо на 77 частей и дают его больному, который должен пойти к речке и бросить его в воду³²; «*Дочери Ирода, вот вам хлеб-соль, ешьте, а от р.Б. и.р. отступите*»³³; «*Тетушки-матушки, вас 77! Натe вам вечеряти всем*»³⁴; «*Берут в правую руку горсть пшена, идут к реке и, повернувшись к ней задом, говорят: выходят утром на перекресток и говорят: «Матушка лихорадушка! На тебе хлеб-соль, а больше с меня не спрашивай!»*»³⁵; отсчитывают три раза по тридцать зерен пшена, завязывают в платочек и выносят на перекресток: «*Вас 77 – от вам на кашу всім. Одрікаюсь, одхрищуюсь об вас, ідіть собі на очерета, на болота, на нетрі, на туці, и натe вам оце пионо, буде що істи*»³⁶; «*Добридень вам всім, є вас 77, є вам і снідання всім*»³⁷ и т.д.

Мы попытались показать, что многочисленные магические формулы, применяемые в народной медицине восточных славян для лечения лихорадки, широко использовали именованные, а также некоторые детали и иногда даже мотивы рукописной Сисиниевой молитвы от трясовиц. Массовый характер этих формул и их распространение на всей восточнославянской территории дают некоторые основания для предположения о том, что на определенном этапе Сисиниева молитва (а также легендарная версия ее сюжета) могла быть известна значительно более широко, чем во второй половине XIX – начале XX вв., когда были зафиксированы основные ее списки. В то же время приходится признать, что во всем остальном, кроме именованной молитвы и некоторых других их деталей, эти формулы следовали фольклорной логике, используя магические ритуалы и тактики, общие для восточнославянской лечебной практики.

Примечания

- ¹ Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжети-ка и образ мира. М., 2010. С. 534-566.
- ² Этнографическое обозрение. 1890. № 3. С. 200.
- ³ Лиль-Адам Вильер де. Деревня Княжая Гора и ее окрестности // Зап. РГО по Отделению этнографии. 1871. Т. 4. С. 321, С.-Петербургская губ.
- ⁴ Короленко П. Черноморские заговоры // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1892. Т. 4. С. 278.
- ⁵ Николаев П. Песни, поговорки, пословицы и пр., записанные во Псковской губернии // Труды Псковского археологического о-ва. Псков, 1912. Вып. 8. С. 205, Псковская губ.
- ⁶ Садовников Д. Этнографические материалы Поволжского края // Симбирские губ. вед. 1874. Ч. неоф. №40. № 40, Симбирская губ.
- ⁷ Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903. № 77, Рязанская губ.
- ⁸ Шейн П.В. Материалы для характеристики быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т. 2. № 44а, Витебская губ.
- ⁹ Ивановский Е. Лечение болезней в простом народе // Архангельские ГВ. 1872. Ч. неоф. №33. Архангельская губ.
- ¹⁰ Киевская старина. 1900. Т. 69. С. 163.
- ¹¹ Харламов М. Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в городе Майкопе // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Т. 34, отд. 3. С. 9, Майкоп.
- ¹² Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. М., 1998. № 1747, русские села Татарстана.
- ¹³ Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина... № 4, Ярославская губ.
- ¹⁴ Аршинов В.Н. О народном лечении в Казанском уезде // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1, Приложения. С. 27, Казанская губ.
- ¹⁵ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 1. Пошехонский уезд. СПб., 2006. С. 603, Ярославская губ.
- ¹⁶ Герасимов М.К. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком у. Новгородской губ. // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 164, Новгородская губ.
- ¹⁷ Народное лечение лихорадки [Леопольдов] // Саратовские губ. вед. 1850. №26. Отд. 2. Ч. неоф. С. 122, Саратовская губ.
- ¹⁸ Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сб. СПб., 1891. Ч. 1. С. 167–168, № 2.
- ¹⁹ Шейн П.В. Материалы для характеристики быта и языка... С. 545, Смоленская губ.
- ²⁰ Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина... № 75, Орловская губ.
- ²¹ Мансикка В.Й. Заговоры Пудожского у. Олонецкой губ. // Sborník filologický. Vydává III Třída Česke Akademie věd a umění. Sv. 8. Č. 1. Praha, 1926. S. 185–233. № 145, Олонецкая губ.
- ²² Романов Е.Р. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 5. С. 100, № 251, Могилевская губ.

- ²³ *Милорадович В.П.* Народная медицина в Лубен. у. Полтав. губ. // Киевская старины. 1900. Т. 69. Кн. 2. С. 169, Полтавская губ.
- ²⁴ *Малинка А.* Сборник материалов по малорусскому фольклору. Чернигов, 1902. С. 224, Ровенский у.
- ²⁵ *Ефименко П.* Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874. № 36, Подольская губ.
- ²⁶ *Новицкий Я.* Малорусские народные заговоры, заклинания, молитвы и рецепты, собранные в Екатеринославине. Екатеринослав, 1913. С. 74, Екатеринославская губ.
- ²⁷ *Talko-Hryniewicz J.* Zarys lecznictwa ludowego na Rusi południowej. Kraków, 1893. S. 232, Украина.
- ²⁸ *Верещагин Г.* О народных средствах врачевания в связи с поверьями // Этнографическое обозрение. 1898. № 3. С. 126, Вятская губ.
- ²⁹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губ. СПб., 2004. С. 47, Костромская губ.
- ³⁰ Там же. С. 415, Тверская губ.
- ³¹ Живая старина. 1896. № 2. С. 178, Рязанская губ.
- ³² *Ефименко П.* Сборник малороссийских заклинаний. № 36, Украина.
- ³³ *Проценко Б.Н.* Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону, 1998. № 126, донские казаки.
- ³⁴ *Горбанев П.* Народные средства для лечения болезней // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Т. 16. С. 184, Ейск.
- ³⁵ *Селиванов А.И.* Этнографические очерки Воронежской губернии // Воронежский юбилейный сб. в память трехсотлетия г. Воронежа. Воронеж, 1886. Т. 2. С. 90, Воронежская губ.
- ³⁶ *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Материалы и исследования. СПб., 1872. Т. 1, вып. 1. С. 120.
- ³⁷ *Доманицький В.* Народна медицина у Ровенським повіті на Волині // Матеріяли до українсько-руської етнології й антропологии. Львів, 1905. Т. 6. С. 103, Ровенский у.

О языке и истории лемков: библиографический очерк

Abstract:

Bushuev P. A. *About the Language and the History of Lemkos (A Literature Survey).*

The article offers a survey of principal scholarly and popular works describing the language, the history, the traditional culture of Lemkos, an ethnographic group of Rusyns.

Ключевые слова: лемки, русины, лемковский диалект, Лемковщина, Подкарпатская Русь.

Лемки – самая западная группа русинского народа, исконной территорией проживания которой являются северные склоны Карпат. Регион обитания лемков (Лемковщина) в настоящее время разделен между Польшей (юго-восток страны) и Словакией (Пряшевский регион).

Литература, описывающая лемков, их язык, быт, традиции, историю, на первый взгляд, довольно обширна: сборник Записок научного товарищества им. Шевченко «Лемковщина» (т. 206) дает библиографический список из 1025 источников. Диапазон работ очень широк – от солидных монографий до статей в 1-2 страницы, опубликованных в районных газетах.

Однако при всем обилии источников, предоставляемом сборником «Записок...» и другими библиографическими сводками¹, возникает серьезная проблема, связанная с выделением собственно лемковской тематики. Суть вопроса в том, кого называть лемками. Например, уже упомянутый выше сборник «Лемковщина» причисляет к лемковской литературе все источники, так или иначе затрагивающие тему русинов. Вопрос разрешается по-разному в зависимости от времени создания работы, языка, на котором работа написана, и часто от конкретной историко-политической ситуации в стране проживания автора. Итак, если автор ставит знак равенства между понятиями «лемко» и «русин» (что исторически и лингвистически необоснованно), то в фокусе внимания оказывается огромный пласт источников – от древнерусских летописей (например, Повести временных лет), исторических хроник Румынии, Молдавии, Австрии, Венгрии, Польши до резолюций и решений 3-го ЕНКПР² 2009 г., от путевых записок Ф.Н. Глинки, исследований И.С. Орлая, Ю.И. Венелина, Е.Ю. Перфецкого, А.В. Духновича до работ П.Р. Магочия, А.Д. Дуличенко.

При адекватной постановке вопроса, лемки – этнографическая группа русинов, носителей лемковского диалекта русинского языка³, либо этнографическая группа украинцев, носителей одного из западноукраинских говоров⁴. Если опираться на такую точку зрения, то в сферу наших интересов попадает относительно небольшое число источников, описывающих тради-

ции и язык данной этнографической группы. Необходимо отметить, что термин «лемко» стал входить в употребление примерно с середины XIX в. – до этого население северных склонов Карпат называло себя русинами, руснаками, руськими.

Литература, которую предполагается осветить в данной статье, включает три основные группы источников:

- 1) лингвистические работы;
- 2) исторические работы;
- 3) меморатно-этнографические работы.

Первую группу составляют научные (чаще всего) труды диалектологов, фольклористов, этнолингвистов, грамматические описания диалекта. Вторая группа представлена как трудами профессиональных ученых, так и сочинениями любителей, интересующихся данным вопросом. Третья группа состоит из работ, представляющих собой сборники воспоминаний самих лемков о жизни в Лемковщине, народном укладе, традициях. Авторы рассказывают о себе, своих односельчанах, родственниках.

В данной статье мы не претендуем на полное описание каждой из вышперечисленных групп. Нашей целью будет освещение наиболее ярких работ, внесших значительный вклад в изучение лемковской народной культуры.

Лингвистические работы

Наиболее ранней серьезной работой, основательно описывающей диалект лемков, является монография И. Верхратского «О говоре галицких лемков»⁵.

В своей работе автор описывает фонетику, морфологию и частично синтаксис говора. Кроме того, им собран обширный диалектный материал лемковского говора в Польше (более 3 тыс. слов) и в Словакии (1650 слов).

Период между двумя мировыми войнами был наиболее плодотворным в плане развития и изучения культуры лемков. Так, в 30-е годы XX века вышли масштабные работы М. Малецкого, З. Штибера, И. Зилинского и др.

Языковой атлас польского Подкарпатья П. Малецкого и К. Нича⁶ состоит из 500 карт, описывает 40 населенных пунктов. Несмотря на то, что авторы не употребляют термин «лемки», территория, на которой Малецкий проводил свои исследования, включает территорию Лемковщины. Термин «польское Подкарпатье» предполагает изучение говоров на территории от южных границ Польши до линии Рыбник – Освенцим – Краков – Бохня – Тарнув – Ропчице – Ланьцут на севере. Северные границы лемковского диалекта идут по линии Новы-Сонч – Сянок.

Вопросник Малецкого довольно широк, он охватывает различные сферы лексики (село, староста, различные аспекты жизни населенного пункта; смерть, гроб; семья, термины родства; хозяин, сосед; орудия труда; церковная лексика; обращение к пожилым людям; название праздников, праздничных шествий; незаконнорожденные дети; дом и его части; части плуга, воза; пастушеская терминология; названия злаков, земледелие; дерево; рельеф, водоемы; дорога; ветер; атмосферные осадки; время суток; выпечка; ткань, одежда; различные глагольные формы и идиомы; цвета). Анализ карт Языкового атласа польского Подкарпатья указывает на сходство западного и восточного районов. В центральной части (к югу от Кракова) чаще встречаются полонизмы. Скорее всего, это объясняется влиянием крупного города на село, более тесным контактом диалекта в этом регионе с литературным польским языком.

Значительный интерес представляют работы И. Зилинского, предмет исследования которого стали фонетика, морфология отдельных лемковских говоров. Именно, в статьях Зилинского рассматриваются проблемы границ говоров – лемковского и бойковского⁷. Автор исследовал проблему влияния польского языка, а также существование локальных лемковских говоров в польском языковом окружении (в Новотаргском и Кросненском поветах).

Статьи Зилинского собраны в недавно изданном сборнике «Работы о говорах Лемковщины»⁸.

На этот же период времени приходятся работы И. Панкевича, уделявшего внимание описанию говора лемков, проблемам лемковско-бойковского пограничья, сопоставлению говора с наречиями Подкарпатской Руси.

Языковой атлас старой Лемковщины З. Штибера⁹ состоит из 413 карт, описывает 80 населенных пунктов. Заявленный вопросник содержит 390 вопросов. Географически территория исследований атласа несколько «сдвинута» на юг, так как по данным Штибера большая часть территории лемковского говора находится в Словакии. Примечательно, что к моменту начала публикации атласа лемки были переселены на Украину и в западные регионы Польши, следовательно, основной материал был собран Штибером до войны, видимо, поэтому автор не акцентирует внимания на проблеме ин-формантов.

Тематика вопросника несколько непоследовательна, вопросы часто повторяются, скорее всего, это связано с тем, что восемь томов атласа выходили с промежутком в год–два и какие-то факты уточнялись и дополнялись в ходе работы над материалом. Атлас отражает лексику следующих семантических групп: дом, хозяйство, орудия труда, одежда, продукты, домашние животные, пастушеская лексика, птицы, насекомые, деревья, ягоды, овощи,

зерновые, праславянские рефлексy, дорога, географические названия, окружающий мир, термины родства, части тела, явления природы, числительные, устойчивые выражения, грамматические формы.

Еще одна работа З. Штибера «Диалект лемков. Фонетика и фонология»¹⁰, написанная в 1939 г., содержит детальные сведения о фонетике и фонологии лемковского диалекта и является по сути комментарием к материалам Языкового атласа старой Лемковщины.

Ученик З. Штибера Я. Ригер анализировал лемковские говоры в аспекте общекарпатского фона, исследовал связи диалекта с словацким и польским языками. Его работа «Лемковская лексика и ономастика»¹¹ содержит объемные словари лемковской топонимики, антропонимики, словарь фамилий.

Атлас бойковских говоров Ригера¹² также представляет интерес, причем не только в сопоставительном аспекте. Основной материал атласа собран С. Грабцом под руководством Штибера в 1937–1939 гг. Обработано 163 населенных пункта по четырем программам. Материал охватывает западную и центральную Бойковщину (за исключением лемковско-бойковского пограничья), к северу он показывает частично и надсанское, и надднестрянское пограничье. Поэтому в атласе Ригера использованы показания восточной части лемковского атласа Штибера (включено 25 пунктов Языкового атласа старой Лемковщины), причем использовались записи З. Штибера, не вошедшие в его атлас. В предисловии автор особо оговаривает проблему информантов: «информаторы – остатки лемковского и бойковского населения, которые в подавляющей части вне дома не пользуются уже своим диалектом. Иногда единственными информаторами были поляки, до войны двуязычные». Записи Ригера частично дополняют данные Штибера, например, пополнено 7 пунктов Атласа Штибера и добавлено 22 новых пункта.

В вопроснике атласа Ригера представлены следующие семантические группы лексики: жилой дом, двор, сельскохозяйственный инструмент, сельское хозяйство, животноводство, пастушеская терминология, растения, животные, еда, семья, степени родства, профессии, географическая терминология, время и атмосферные явления, разное (фонетика, грамматика).

Лингвистический атлас украинских народных говоров Закарпатской области И.А. Дзэндзелевского¹³ – один из источников сопоставительного анализа при исследовании лемковской лексики. Сбор материала автор начал в 1952 г., уже после выселения лемков, поэтому большее внимание уделяется собственно закарпатским диалектам, а также бойковскому и гуцульскому говорам Карпатского региона.

Работа по созданию атласа осуществлялась в трех направлениях: 1) описание лингвогеографическим методом отдельных лексических групп; 2) изучение лексики местных письменных памятников; 3) составление лингвистического (главным образом лексикологического) атласа. Автор концентрирует внимание на том, что, по его мнению, изучение диалектной лексики нужно вести не дифференциально (описание так наз. особенностей), а системно, то есть, анализируя все составные компоненты той или другой лексической группы.

Описательная часть работы состоит из введения, в котором кратко излагается история изучения лексики закарпатских говоров, и трех глав: 1) принципы составления региональных атласов; 2) украинско-западнославянские лексические ареалы; 3) классификация говоров Закарпатской области и их связи с другими диалектами украинского языка. Вторая глава, особенно интересная с точки зрения лемковской тематики, состоит из нескольких частей: украинско-западнославянские лексические ареалы (рассматривается 208 слов, которые засвидетельствованы в диалектах и говорах украинских, польских, словацких); украинско-польские лексические ареалы (рассмотрено 68 слов); украинско-словацкие лексические ареалы (рассмотрено 70 слов).

Выделяя пять основных типов закарпатских говоров (гуцульские, верховинские, мараморошские, боржовские, ужанские), автор приводит лексические доказательства влияния родственных говоров северных склонов Карпат. Лексический анализ, осуществляемый Дзэндзелевским, дает очень интересные результаты, проливающие свет на проблему происхождения русинских говоров. Так, бойковский, гуцульский «и иные» говоры (повидимому, лемковский) автор относит к говорам новой формации, а говоры Закарпатской области – к более древней группе, долго находившейся в изоляции.

Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА)¹⁴ охватывает исконно славянские языковые территории и территории давней славянской колонизации, на которых сложились современные славянские языки в их диалектах.

Вопросник ОЛА ориентирован на историко-сравнительное изучение славянских языков, на генетическую и диахроническую проблематику. Вопросник содержит два раздела: 1) список языковых явлений; 2) список вопросов. В первый раздел входят следующие предметно-понятийные группы: животный мир, животноводство, растительный мир, сельское хозяйство, транспорт и пути сообщения, народная техника, строительство, домашнее хозяйство и приготовление пищи, одежда и обувь, человек, гигиена, медицина, степени родства, личные черты, профессии и общественная жизнь,

обычай, метеорология и обозначение времени, рельеф местности, числительные, ономастическое дополнение. Второй раздел состоит из трех подразделов: тематического, грамматического, семантического. Общий объем вопросника – 3454 вопроса, обработано 853 населенных пункта.

В списке пунктов атласа мы можем выделить несколько, имеющих (фактически или территориально) отношение к Лемковщине: 309 Żabnica (PRL); 310 Jablonka (PRL) - в комментарии к пункту указывается, что население состоит из поляков и словаков; 317 Sromowce Wyżne (PRL); 319 Jodłówka (PRL); 326 Paclaw (PRL), комментарий: «в соседней деревне много украинцев»; 325 Niebieszczyany (PRL); 218 Liptovský Ján (ČSSR) «вероисповедание – евангелисты, католики»; 227 Plavnica (ČSSR) «большинство – католики, меньше – евангелисты»; 229 Sedlice (ČSSR), «большинство – католики, меньшинство – евангелисты»; 233 Čabalovice (ČSSR). Географическое расположение населенного пункта и комментарии собирателя могут указывать на наличие носителей лемковского диалекта. Например, лемков часто называют словаками или украинцами. Принадлежность к евангелистам (особенно в Польше) также с большой долей вероятности указывает на лемков. Необходимо отметить, что чаще всего данные с польской части исторической Лемковщины не могут иметь отношения к лемковскому диалекту, так как первые шаги по подготовке атласа были осуществлены в 1956 г., а комплексно материалы к ОЛА начали собирать с 1965 г. Напомним, что лемки были переселены со своих исконных земель в 1945–1947 гг.

Однако материалы ОЛА очень ценны при сопоставлении собранного лемковского материала с данными Закарпатья (русины), Прикарпатья (бойки, гуцулы), Восточной Словакии (лемки), Воеводины (бачванские русины).

Например, записанное у лемков-переселенцев во Львовской области наименование ячменя – *jareц*' при сопоставлении с материалами ОЛА¹⁵ имеет соответствия на территории Закарпатья и северо-востока Словакии. На территории Польши бытует термин «ѣсьмень». Сходные результаты дает анализ карты 20 – «зерновые культуры»¹⁶. Лемковские названия картофеля очень разнообразны. Нами записано пять вариантов: *зим'акы*, *крумплі*, *барбол'а*, *бандуркы*, *грулі*. *Зим'акы* – *zemiak* (южная Польша, северная Словакия), *грулі* – *grul'a* / *grul'* (восточная Словакия), *бандуркы* – *bandurka* (восточная Словакия), *барбол'а* – *barabola* / *baraboli* (Прикарпатье), *крумплі* – *krumpl'i* (Закарпатье, центральная Словакия).

Анализ тематических групп животного мира¹⁷ указывает на карпато-балканские параллели, например, карта 8, Хорек: *д'вогъз* у сербов, лужичан, лемков. Некоторые лексемы не находят соответствий, например, летучая мышь – *перхач* (лем.) не отражена ни в одном из 31 представленного варианта ОЛА.

Общекарпатский диалектологический атлас (ОКДА) отражает ряд лингвистических результатов длительных этноязыковых контактов между славянским и неславянским населением в карпато-балканской макрорегии. Атлас имеет лексико-семантическую направленность и в первую очередь включает лексику традиционного народного быта.

Выпуск «Лексика в ОКДА»¹⁸ дает возможность сравнительного анализа лексики лемковских говоров с языками карпатского региона. Однако кроме сопоставительного потенциала ОКДА имеет в своей сетке пункты, географически соотносимые с лемковской территорией. К ним можно отнести: 18 Посада Ясьлиска (ПНР), 20 Команча (ПНР), 46 Зборов (ЧССР), Бехеров (ЧССР), 48 Местиско (ЧССР), 49 Велька Полчна (ЧССР), 50 Збойне (ЧССР), 51 Бела над Цирохой (ЧССР).

Сборник «Рождение нового славянского языка»¹⁹ по редакцией П.-Р. Магочия, вышедший в 1996 г., включает в себя статьи А.Д. Дуличенко, П.-Р. Магочия, В. Ябура, Н. Льяша, А. Зозуляка, А. Плишковой, М. Сысака, предваряемые вступительной статьей Н.И. Толстого. Фиксируя братиславскую декларацию о кодификации русинского языка в Словении 27 января 1995 г., авторы анализируют лингвистические перспективы, открывающиеся перед языком лемков восточной Словакии. Рассматриваются проблемы русинского языка в контексте славянских микроязыков, вопросы выбора аспектов, определяющих языковую норму, обсуждаются перспективы дальнейшего развития.

Весьма интересна работа А. Бигуняка и А. Гойсака «Лемківський словничок»²⁰. Большая часть материала собрана А. Гойсаком, А. Бигуняк дополнял, редактировал и издавал работу. Словарь Бигуняка-Гойсака, изданный в 1997 г. на Украине, содержит более 2200 лексем. Говоря о достоинствах материала, представленного в словаре Бигуняка-Гойсака, нужно отметить, что собиратели работали в украиноязычной среде и при этом отбирали слова, присущие исключительно лемкам, имеющие лемковские фонетические или словообразовательные особенности: «У даному словничку зібрано, звичайно, тільки частину тих розмовних лемківських слів, які рідко, або зовсім не зустрічаються в українській літературній мові»²¹.

Материалы А. Гойсака представляли собой, по-видимому, словарь говора одного лемковского села – Высова. А. Бигуняк, используя материал А. Гойсака, многое переработал и добавил. Основным достоинством редакторской и соавторской работы А. Бигуняка является то, что работа перестала быть словарем одного локального говора. «Лемківський словничок», изданный в 1997 г., можно рассматривать как одну из первых попыток лексической, фонетической (во вступительной части) и грамматической (приложе-

ние) кодификации малого славянского литературного языка, осуществленную его носителями.

Для этнолингвистического описания представляют большую ценность приложения словаря, в которых собраны присказки и частотные выражения, фразы, выражающие удивление, приветствия, названия месяцев, частей плуга, деталей телеги, ткацкого стана, конской упряжи.

Наиболее масштабной работой в современной русинской лексикографии является словарь И. Керчи²². В словаре представлена общерусинская лексика, частью которой является лексика лемковского диалекта. Словарь И. Керчи включает в себя более 58 тыс. слов. Основные источники «Русско-русинского словаря» И. Керчи – венгерско-русинский словарь Бокшая, Ревая, Бращенко 1928 г.²³, сербско-русинский словарь Рамача, Фейсы, Мадеша 1997 г.²⁴, русинско-венгерский словарь Чопея 1883 г.²⁵, лемковско-польский словарь Горощака 2004 г.²⁶ и другие. На сегодняшний день «Русско-русинский словарь» И. Керчи – наиболее удачная и полная работа, кодифицирующая лексику русинского языка.

Словарь Горощака, упоминавшийся выше в качестве одного из источников словаря Керчи, нельзя обойти вниманием, говоря о лингвистической лемковской литературе. Словарь Я. Горощака состоит из более 13 тыс. лексических единиц, кроме того, в приложении автор дает лемковскую фразеологию, фонетические и грамматические основы лемковского диалекта.

Грамматика лемковского языка М. Хомяк, Х. Фонтански (Mirosława Chomiak, Henryk Fontański, Gramatyka języka łemkowskiego / Граматыка лемківського языка. Warszawa, 2004) представляет собой учебник для школ Лемковщины, в которых детей обучают родному языку. Интересно, что за исключением вступления, учебное пособие написано на лемковском языке (за образцом которого взяты опыты периодики и художественной литературы довоенного времени).

Учебник состоит из восьми разделов: фонетика, графика, орфография, словообразование, морфология, синтаксис, пунктуация, лемковско-польский словарь лингвистических терминов.

Несмотря на то, что издание предназначено для гимназии, начальной и средней школ, подача материала осуществляется на высоком лингвистическом уровне. Подробно и систематически изложенный материал иллюстрируется примерами из произведений лемковской литературы.

Кандидатская диссертация Г.Ф. Ступинской²⁷ является первым в украинском языкознании системным исследованием фразеологии лемковского говора. В работе выявлены и описаны акцентуационные, фонетические и лексико-грамматические диалектные особенности лемковских фразеологизмов, выявлены особенности организации фразеологических единиц.

В кандидатской диссертации М.М. Алексеевой²⁸ проведен сопоставительный анализ лемковских говоров Польши и Украины. В результате выявлены расхождения в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике, вызванные функционированием в различных условиях и являющиеся результатами интерференции со стороны контактирующих с говорами языков – польского и украинского. Автор прослеживает зависимость активности интерференционных процессов от экстралингвистических факторов. Согласно результатам исследования М.Алексеевой, переселенческие говоры в Польше и на Украине демонстрируют тенденцию к угасанию.

Исторические работы

Период второй половины XIX – начала XX вв. был богат историческими и этнографическими исследованиями Карпат русскими учеными. Русинский вопрос хорошо освещался в публицистике, происходил непрерывный культурный обмен, начавшийся еще при Петре I и достигший апогея в первой половине XIX в. Русинская интеллигенция (часто получавшая образование в Российской Империи) со своей стороны осознавала себя частью русского мира. Именно контакты с Россией породили в среде русинской интеллигенции «будителей», положивших начало славянскому возрождению в Карпатской Руси.

Александр Духнович – ярчайшая фигура русинского возрождения. Поэт, педагог, драматург и историк, Духнович столкнулся с практической задачей: необходимы были пособия, по которым могло бы получать образование русинское население. Когда Духнович начал работать над «Истинной историей карпато-россов»²⁹ (впервые опубликована в 1853 г.), у него было всего три предшественника – И. Базилович, И.С. Орлай, М. Лучкай. Автор описывает историю региона и населяющего его народа с древних времен и заканчивает положением русинского народа в Австро-Венгерской империи.

Работы Г. Купчанко³⁰ носили ярко выраженный просветительский характер и были рассчитаны на широкую аудиторию.

Одной из первых работ, выделяющих лемков как особую этническую группу русинов, была работа И. Вагилевича «Лемки, жители западных Карпат»³¹.

Большой интерес в историко-этнографическом плане представляют работы Я.Ф. Головацкого³², помимо прочего уделявшего внимание лемкам. Ректор Львовского университета, разделявший идею русского национально-культурного единства, в своих работах подчеркивал общность русинов и славян Российской империи.

Работы по русинской, в том числе, лемковской тематике были подытожены подробным обзором Перфецкого. Е.Ю. Перфецкий³³ анализирует угрорусскую историографию с 1641 г.³⁴ по начало XX в., находя много тенденциозности, априорности, выделяя, однако, несколько удачных работ.

Одной из самых интересных работ, написанных на «лемковском языке», на наш взгляд, является работа Лемкина «История Лемковщины»³⁵. Книга состоит из пяти частей, подробно и очень поэтично описывающих географию, культуру, традиции, ремесла, верования и обычаи, а также историю русинов-лемков от принятия христианства до выселения лемков из Польши. Кроме того, автор приводит краткие биографии ученых, писателей, поэтов Лемковщины. Завершает работу список работ, описывающих лемковскую культуру, на десяти языках. Подробный исторический материал сопровождается большим количеством фотографий – от лемковских церквей и культурных деятелей до фольклорных коллективов.

Работы второй половины XX в., изданные за рубежом, а также издававшиеся после 1990 г. имеют особую специфику. Учитывая характер истории как науки, ее зависимость от идеологических установок, а также безграничный агитационный потенциал, легко предположить, что такие произведения весьма разнообразны и противоречивы. Наиболее объективными исторически являются работы, основанные на архивных данных и требующие минимального количества выводов и обобщений. К сожалению, подобные труды – большая редкость в новейшей исторической литературе о лемках.

Ярким представителем этой редкой разновидности является труд И. Красовского «Фамилии галицких лемков в XVIII столетии» (И. Красовський, Прізвища галицьких лемків у XVIII ст. Львів, 1993). Профессор Львовского университета Иван Красовский, уроженец лемковского села Дошно, обработав около трехсот томов Иосифинского земельного кадастра 1787-1788 гг. вычленил 4258 лемковских фамилий и организовал их в таблицу с указанием места проживания и количества семей с такой фамилией.

Если в предыдущей работе И. Красовскому почти удалось избежать националистического пафоса, то в его следующей работе «Кто мы, лемки...»³⁶ уже настойчиво указывается, что «лемкі – споконвічна частина українського народу». Во главу угла ставятся исторические сведения, тщательно и интересно описанные. Большое внимание уделяется повстанческому движению XV в., австрийскому периоду истории.

Одной из последних работ непрофессиональных историков, рассматривающих историю лемков в контексте истории русинов, является работа А. Фатулы «Подкарпатская Русь. Краткий исторический очерк»³⁷. Особенно подробно автор останавливается на культурных связях Подкарпатской Руси и России, а также на исторических перипетиях русинской истории XX в.

Меморатно-этнографические работы

Видное место в этнографическом описании осколков лемковской культуры в Польше принадлежит профессору Р. Рейнфусу. Целый ряд его статей описывает материальную культуру лемков, их уклад, этнографические границы³⁸. Вышедшая в 1990 г. монография Рейнфуса «По следам лемков»³⁹ суммирует многолетние исследования автора, а также других польских этнографов, например, А. Квилецкого⁴⁰, уделявших внимание теме лемков.

В последние годы растет число работ, написанных лемками Украины, Польши, Словакии, России, США и представляющих собой сборники воспоминаний, фотографий, отчетов о культурных событиях современной жизни лемков.

Брошюра «Скучаю по тебе, моя Лемковщина»⁴¹, изданная лемковским обществом г. Дрогобыч (Львовская обл.), состоит из трех разделов: «Из истории Лемковщины», «К шестидесятилетию депортации», «Биографические сведения». Лаконичная ступительная статья иллюстрируется воспоминаниями людей о своем селе, односельчанах, ярких событиях начала XX в., переселении на Украину.

Книга М. Желема «Мацина Великая – лемковское село»⁴², изданная объединением лемков г. Борислава (Львовская обл.), рассказывает о культуре Лемковщины на примере одного из старейших сел (осн. в 1337 г.). Основной предмет описания – быт и традиции лемковских сел, кроме того, затрагиваются ключевые исторические события. Последние главы книги рассказывают о «феномене Борислава» - города, куда стекались жители с. Мацина Великая, переселенные изначально в разные области УССР. Сейчас это своеобразная «лемковская столица», где организуются фестивали народной лемковской песни, съезжаются переселенцы из разных стран.

Ярким явлением мемуарной лемковской литературы стала книга «Воспоминания» П.Ф. Шевчика⁴³, уроженца лемковского села Криница, переселившегося в СССР в 1939 г. В книге повествуется, как накануне Второй мировой войны у русинской молодежи были необычайно сильны москвофильские настроения, и более сорока тысяч молодых людей перешло границу СССР, желая строить новый справедливый мир в братском государстве. Большинство из них оказалось в лагерьях по подозрению в шпионаже. Позднее именно эти русины составят костяк добровольческого чехословацкого корпуса Л. Свободы. Автору мемуаров повезло: окончивший польскую гимназию молодой человек был направлен учителем в западные области Украины. Примкнув к отступающей Красной армии, Шевчик прошел всю вой-

ну. Сейчас он – преподаватель иностранных языков в университете Астрахани.

Яркая жизнь, светлая память, литературное дарование позволили автору «Воспоминаний» подробно осветить обряды, быт, язык лемков. Характеризуя диалект, Шевчик подробно описывает фонетику и особенности морфологических форм и синтаксиса диалекта, рассматривает проблемы правописания и грамматики в лемковском диалекте. В приложении даются таблицы склонения местоимений, спряжения глаголов.

В заключение обзора следует добавить, что существуют работы так наз. «смешанного» типа, т.е. освещающие так или иначе и язык, и народную культуру, и историю лемков. Так, сборник «Лемковщина»⁴⁴ представляет собой попытку комплексного описания лемковской культуры. Каждый из двух томов сборника состоит из нескольких частей: география (Б. Струминский, И. Стебельский); история (север – И. Гвань, С. Голяш, юг – О. Баран); литература (север – М. Дзвинка, юг – И. Сирка); язык – Б. Струминский. Завершает первый том раздел таблиц и документов. Второй том включает раздел «этнография», включающий историю вопроса и собственно этнографический очерк. Север (то есть территория Польши) – раздел «материальная культура» написан И. Красовским, «духовная культура» – М. Сивицким. Этнографический очерк южной части Лемковщины (восточная Словакия) написал М. Мушинка. Кроме того, второй том включает раздел «эмиграция», автор – Я. Падох.

История создания сборника не проста. Начал собирать материал Б. Загайкевич. После его смерти во главе проекта встал В. Кубийович. После отказа от работы последнего, Организация обороны Лемковщины (ООЛ) обратилась в Украинский научный институт Гарвардского университета с предложением о сотрудничестве. В 1976 г. научные сотрудники УНИГУ Б. Струминский и П. Магочий составили новый план сборника.

Материал, представленный в сборнике, подробный и объемный, очень часто не лишен ангажированности, – авторы описывают русинскую проблематику в основном с украинофильских позиций. Наиболее полно представлен раздел этнографии и истории. Сборник содержит редкие карты, на которых нанесены все лемковские села, в документальных разделах представлены архивные данные, например, об операции «Висла».

Таким образом, материал, описывающий лемковскую культуру по трем основным направлениям – лингвистическому, историческому, меморатному – довольно обширен. Наибольшее внимание мы постарались уделить направлению, описывающему языковые проблемы. Описание исторических источников представлено нами гораздо более конспективно. Несмотря на то, что историческая литература по лемкам очень многочисленна, она

имеет общий недостаток, на который указал еще Е.Ю. Перфецкий в 1914 г., описывая русинскую историографию: работы повторяют выводы предшественников, перевоспроизводят факты без должного анализа. Описание третьего выделенного нами направления – меморатно-этнографической литературы – также является далеко не полным. Однако предполагается, что перечисленные работы в достаточной мере передают общий пафос подобного рода литературы, отражая, к тому же, его потенциал с точки зрения изучения народной культуры лингвистами, этнографами и историками.

Примечания

- ¹ *Magocsi P.-R.* A Bibliography, 1964 – 2000. Toronto, 2000.
- ² Европейский Национальный Конгресс Подкарпатских Русинов.
- ³ Такого взгляда на проблему придерживается П.Р. Магочий и др.
- ⁴ Взгляд на проблему, разделяемый украинскими учеными.
- ⁵ *Верхратський І.* Про говор галицьких лемків. Львів, 1902.
- ⁶ *Malecki M., Nitsch K.* Atlas językowy polskiego Podkarpacka. Kraków, 1934.
- ⁷ *Зілинський І.* Питання про лемківсько-бойківську границю// *Lud Słowiański.* Т. IV. 1А. 1936.
- ⁸ *Зілинський І.* Праці про говірки Лемківщини (від Попраду до Ослави). Горлиці, 2008.
- ⁹ *Stieber Z.* Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny. Т. I-VIII. Łódź, 1956-1964.
- ¹⁰ *Stieber Z.* Dialekt Łemków. Fonetika I fonologia. Wrocław, 1982.
- ¹¹ *Rieger J.* Słownictwo i nazewnictwo łemkowskie. Warszawa, 1995.
- ¹² *Rieger J.* Atlas gwar bojkowskich, 7 т.// *Łódzkie towarzystwo naukowe.* Łódź, 1981–1991.
- ¹³ *Дзєндзелевский І.А.* Лингвистический атлас украинских народных говоров Закарпатской области УРСР. Т. I. Ужгород, 1958; Т. II, 1960.
- ¹⁴ Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1974.
- ¹⁵ Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1974, карта 19.
- ¹⁶ Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1974, карта 20.
- ¹⁷ Общеславянский лингвистический атлас: Серия лексико-словообразовательная. Вып. I. Животный мир. М., 1988.
- ¹⁸ Лексика в ОКДА. I, М., 1989.
- ¹⁹ *Magocsi P.-R.* A new Slavic language is born. The Rusyn literary language in Slovakia. New York, 1996.
- ²⁰ <http://lemko.org/lemko/slovnyk.html>
- ²¹ <http://lemko.org/lemko/slovnyk.html>
- ²² *Керча І.* Русинско-русский словарь. В 2Т. Ужгород, 2007.
- ²³ *Magyar-rusin szótár.* Мадярьско-русский словарь. Ужгород, 1928.
- ²⁴ Спрско-русински речник. Словник сербско-руски. В 2Т. Београд, 1997.
- ²⁵ Русько-мадярьский словарь. Будапешт, 1883.
- ²⁶ *Horoszczak J.* Słownik łemkowsko-polski, polsko-łemkowski. Warszawa, 2004.
- ²⁷ *Ступінська Г.Ф.* Фразеологія лемківського говору української мови. Івано-Франковск, 2000.
- ²⁸ *Алексеева М.М.* Функционирование современных переселенческих лемковских говоров в Польше и на Украине: языковая ситуация и языковые изменения. М., 2009.
- ²⁹ *Духнович А.В.* Истинная история карпато-россов. // *Русский Архив.* 1914. №5.
- ³⁰ *Купчанко Г.* Буковина и еи русскій жителі. Вѣдь, 1895. *Купчанко Г.* Галичина и еи русскій жителі. Вѣдь, 1896. *Купчанко Г.* Угорска Русь и еи русскій жителі. Вѣдь, 1897.
- ³¹ *Вагилевич І.* Лемки, мешканці західних Карпат. 1841. // *Народна творчість та етнографія,* Київ, 1965, №4.

- ³² Головацкий Я. Историко-этнографический очерк Галичины и Угорской Руси. // Журнал Министерства народного просвещения. С.-Пб., 1877. Головацкий Я. О костюмах или народном убранстве русинов или русских в Галичине и северо-восточной Венгрии. С.-Пб., 1877. Головацкий Я. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галичине и северо-восточной Венгрии. // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. VII. С.-Пб., 1877. Головацкий Я. Этнографическая карта Галичины, северо-восточной Угрии и Буковины. Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1878.
- ³³ Перфецкий Е.Ю. Обзор Угрославянской историографии. // Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук. СПб., 1914. С.291-341.
- ³⁴ Фрелих Д. Viatorium. // Ульмское издание. 1641.
- ³⁵ Лемкин И.Ф. История Лемковины. Издание Лемко-Союза в США и Канаде, 1969.
- ³⁶ Красовский Л., Солинко Д. Хто ми, лемки... Популярий нарис. Львів, 1991.
- ³⁷ Фатула А. Подкарпатская Русь. Краткий исторический очерк. М., 2009.
- ³⁸ Reinfuss R. «Budownictwo ludowe na zachodniej Łemkowszczyźnie», Lud, т. XXXII, Львов, 1935. Reinfuss R. «Hodowla I pasterstwo na Łemkowszczyźnie. Zajęcia pozarolnicze», Nad rzeką Ropą, Краков, 1965. Reinfuss R. «Łemkowie jako grupa etnograficzna» Prace i Materiały z Etnografii. Т.7. Люблин, 1948. Reinfuss R. «Łemkowie. Opis etnograficzny», Wierchy, p. 14, Краков, 1936. Reinfuss R. «Obróbka lnu I wyrób płótna na Łemkowszczyźnie», Dodatek Literacki Kuriera Lwowskiego. Львов, 1934. № 41. Reinfuss R. «Pasterstwo na Łemkowszczyźnie dawniej a dziś», Kurier Literacko-Naukowy. Краков, 1931. Reinfuss R. «Problem Karpat w badaniach kultury ludowej». Polska Sztuka Ludowa. II. Варшава, 1959. № 1-2. Reinfuss R. «Strój Łemków», Nad rzeką Ropą. Kraków, 1965. Reinfuss R. «Sztuka ludowa Łemkowszczyzny», Polska Sztuka Ludowa, №1. Reinfuss R. «Układy rolne I kształty wsi», Nad rzeką Ropą, Краков, 1965. Reinfuss R. «Ze studio nad kulturą Łemkowszczyzny po obu stronach Karpat». Polska Sztuka Ludowa. 1968. №1.
- ³⁹ Reinfuss R. Śladami Łemków. Warszawa, 1990.
- ⁴⁰ Kwilecki A. Lemkowie. Warszawa, 1950. Kwilecki A. Aktualne zagadnienia etniczne Łemków w Polsce. // Etnografia Polska. Т. XII, 1968. Kwilecki A. Lemkowie, zagadnienie migracji I asymilacji. Warszawa, 1974.
- ⁴¹ Цне мі ся за тобом, моя Лемківщино. Дрогобич, 2006.
- ⁴² Желем М. Мащина Велика – село лемківське. Дрогобич, 2008.
- ⁴³ Шевчик П.Ф. Воспоминания. Астрахань, 2009.
- ⁴⁴ Лемковщина. Земля-люди-история-культура. // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 206, Исторично-Філософична секція. Нью-Йорк – Париж – Сидней – Торонто, 1988.

Концепты «друг-враг» в болгарской языковой картине мира

Abstract:

Kirilova J. *Concepts “friend” and “enemy” in Bulgarian picture of the world.*

The subject of the research are the words and the proverbs verbalizing the ethical concepts “friend” and “enemy” in Bulgarian language. The features which build the structure of the two antonymic concepts are defined. The research outlines their axiological value in the conscious of the Bulgarian on the basis of the experted proverbial material. The concrete analysis takes into consideration the meanings of the key words and its closest synonyms, taken out from different lexicographical sources, and the etymology of the key words “friend” and “enemy” and their synonyms. The conceptual signs (indications) are grouped according to the type of attitude of the Bulgarian – positive or negative, towards “friend” and “enemy”.

Judging from the proverbial materials some conclusions have been drawn about the place and the role of this concept in the Bulgarian picture of the world. The stereotypes of the Bulgarian attitude towards this the ethical concepts have been deduced as well.

Ключевые слова: концепт, друг, приятель, враг, паремиология, болгарский, стереотип, метафора.

В данной работе проанализированы два важных концепта, которые связаны с участниками таких исконных межличностных отношений, как дружба и вражда. Интерес к этим концептам обуславливается тем фактом, что при их изучении можно выявить основы, на которых зарождаются нормы взаимоотношений между «мною» и «другим». Человек не может существовать отдельно от других людей, он всегда принадлежит к какой-либо человеческой общности - это может быть семья, род, общность жителей одной местности, один этнос. Некоторые из этих общностей исконны, другие формируются с течением времени. Каждый подобный коллектив таков, что роль выбора и желания в его границах сведена к минимуму или может отсутствовать вовсе. Одной из возможностей, имеющихся у человека для проявления индивидуальной воли и права на личный выбор, является выбор друга. Это дает нам основание характеризовать оппозицию «друг» и «враг» (болг. «приятел» и «враг») как этические концепты – то есть, такие концепты, в которых отражается представление людей о добре и зле, правильном и неправильном, моральном и аморальном. Это концепты, которые больше всего взаимосвязаны и переплетены с концептами «свой - чужой»¹ и, следовательно, принадлежат к базовым, универсальным концептам, которые формируют любую концептосферу. Они с полной уверенностью могут быть отнесены к исконным концептам, поскольку являются понятиями, «нахо-

дьячими своё воплощение в языке столько же времени, сколько существует само человечество»².

Концепты «*друг-враг*» формируют бинарную оппозицию и характеризуются многокомпонентностью и культурной обусловленностью. Они дифференцируют друг друга, взаимно дополняют и конкретизируют свои значения, что, в свою очередь, позволяет более полно и адекватно определить и уточнить их семантические поля – ядро и периферию – по выявленным концептуальным признакам.

В основе лингвокультурологии лежит антропоцентрический подход к языковым явлениям, который был сформулирован еще В. фон Гумбольдтом. Основные понятия, составляющие терминологический аппарат лингвокультурологии, это *концепт*, *концептосфера*, *языковая картина мира*.

В лингвистической литературе все еще не существует единого определения понятия *концепт*. Он не имеет ясных границ и характеризуется *полиапеллируемостью* – это значит, что кроме того, что концепт может быть реализован через ключевое слово (которое чаще всего нейтрально и общепотребительно), он может и должен реализовываться и с помощью других единиц языка и речи (например, через дериваты ключевого слова, его синонимы, антонимы, фразеологизмы, паремии и др.)³ и, кроме того, концепт сосредотачивает в себе накопленный поколениями культурный опыт. Совокупность концептов, присущих какой-либо культуре, образует так называемую *концептосферу*.

Важное требование, которое предъявляется к концепту, это культурная значимость единицы, которая должна обладать ярко выраженной аксиологической ценностью. Требование ценностной значимости концепта порождается тем фактом, что ценности являются видом стереотипов мышления и поведения, которые вырабатываются в течение исторического и культурного развития коллектива и которые определяют мышление и поведение как коллектива в целом, так и отдельного индивидуума. В составе концепта различаются образные, понятийные и ценностные компоненты⁴.

Концепт определяется как поле, в котором можно выделить ядро и периферию. Ядро строится на основе концептуальных признаков – это могут быть признаки объективного и субъективного мира, дифференцированно отраженные в сознании человека и различающиеся по степени абстракции⁵, выявленные в ключевом слове, в производных от этого слова и в близких ему синонимах. К периферии относятся признаки, выявленные в синонимах слова и производных от них словах, в прецедентных текстах, в текстах художественной литературы и средств массовой информации.

В данном исследовании мы руководствуемся основополагающим пониманием В.А. Масловой термина *концепт* как ментального национально-

специфического образования, план содержания которого является целостной совокупностью знаний о каком-либо объекте, а план выражения – совокупностью языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.)⁶.

Объект исследования – лексемы и паремии болгарского языка, в которых вербализуются концепты «*друг-враг*».

Предмет исследования – семантическое содержание лексико-семантических полей таких лексем, для которых ключевыми являются концепты «*друг-враг*», а также базовые значения паремий, в которых представлены данные концепты.

Лингвистический **материал** почерпнут из толковых, этимологических словарей, а также из словарей синонимов и энциклопедических справочников.

Цели, которые ставятся в данной работе:

- выявление признаков, на основе которых образуется структура двух антонимичных концептов, с опорой на подобранный лингвистический материал – таким образом будут определены ядро и периферия концептов;
- определение аксиологической значимости данных концептов в сознании болгар – с опорой на подобранный паремиологический материал;
- выявление характера и специфики двух концептов при их реализации в паремиологических структурах языка. Такие базовые для болгарской концептосферы концепты, как «*приятел-враг*», реализуются в большом количестве паремий – 115 для концепта «*приятел*» и 31 для концепта «*враг*»;
- определение базовых образов, на основе которых реализуется метафорика каждого из этих антонимичных концептов и которые упрощают понимание и восприятие таких абстрактных понятий, как *дружба* и *вражда*.

До этого момента эти концепты не являлись предметом самостоятельного лингвокультурологического исследования, несмотря на тот факт, что в последнее время в болгарской лингвистике появилось большое количество трудов, посвященных проблемам концептуального анализа⁷, а также таким концептам, как *семья*⁸, *труд*⁹, *ум*¹⁰, *судьба*¹¹, *добро и зло*¹², *воровство*¹³ и др.

В русской лингвистике В.А. Маслова рассматривает концепт «*дружба*», вербализованный в русских паремиях, выделяя в структуре данного концепта «этический, социальный, психологический и лингвистический аспекты»¹⁴. Российскими лингвистами в последние годы опубликовано несколько работ, в которых ученые рассматривают концепты «*дружба*» и «*вражда*», сопоставляя их с немецким¹⁵, английским¹⁶, французским языком¹⁷ и другими.

Данное исследование позволит расширить круг уже проанализированных концептов с использованием материала из других болгарских лексикографических источников и из паремиологического фрагмента болгарской картины мира. Включение в исследование концептов из паремиологической сферы обусловлено мнением, что паремии представляют собой понятийную и ценностную часть концепта и наличие паремии может быть доказательством его аксиологической значимости.

Отношения между врагами и особенно между друзьями вызывают интерес психологов и социологов. Таким образом, можно прийти к выводу, что понимание *дружбы* и *вражды* изменяется в соответствии с духом эпохи и доминирующим в ней типом культуры. В.А. Маслова приводит следующие примеры, относящиеся к дружбе: «рыцарская дружба – верность, у гуманистов дружба ассоциируется с совместной радостью и весельем (...), романтизм культивирует интимную дружбу, в новое время дружба приравнивается к товариществу»¹⁸. Утверждение, что «понятие дружбы исторически изменчиво»¹⁹, как и мнение Н.Д. Арутюновой²⁰ и Ю.С. Степанова и его последователей о том, что концепт необходимо изучать в диахроническом аспекте, позволяет нам обратить внимание на этимологию двух указанных ключевых слов, которые репрезентируют антонимические концепты «*друг-враг*», а также на ближайшие синонимы этих слов.

Исследование этимологии слов *другар*, *приятел*, *враг*, *противник*, *чужд* поможет нам установить, существует ли между двумя концептами, так наз. этимологическая память²¹, содержатся ли в их поле признаки, которые отсылали бы нас к их внутренней форме.

Существительное *другар* «друг» и прилагательное *друг* «не этот, следующий» образованы от одного и того же корня, который можно найти, например, в лит. *Draugas* «спутник, товарищ», латв. *Draugs*²² и т.д. Лит. *Draugas* «спутник, товарищ», латв. *Draugs* восходят к именной основе **dhrougho-*, которая является производной от глагольной основы **dhreugh-*, сохранившейся с некоторыми семантическими изменениями в готском (*driugan.*). Исходя из этого, О.Н. Трубачов предполагает, что в основе всего гнезда находится глагол со значением «следовать», что соответствует сохранившимся в балтйских и германских языках значениям «следовать, спутник, второй, следующий, участвовать в походе, отряд, свита»²³.

С исторической точки зрения лексемы *приятел*, *приятелка*, *сприятеля се*, *приятелство* и существительное *неприязын* имеют общий корень. Пра-славянское **prijateljь* родственно древневерхненемецкому *friudil*, средневерхненемецкому *vriedel* 'любимый, жених, супруг'. От этого же корня образовано праславянское **prijati*, которое является родственным др.инд. *priyás* 'дорогой, достойный', авест. *frya* 'дорогой, любимый'²⁴ и

с друзьями. Даже тяжелый физический труд может приносить радость, если мы трудимся вместе ради блага близкого человека.

Здесь мы закономерно подходим к определению границ дружбы. Марк Туллий Цицерон сказал: «Итак, вот в каких границах советую я держаться: и чтобы нравы друзей были безупречны, и чтобы между друзьями была полная, без каких бы то ни было исключений, общность во всех делах, в помыслах и желаниях; более того, если бы случайно, по воле судьбы, пришлось помочь друзьям в их не совсем справедливых желаниях, – когда дело коснулось бы их гражданских прав или их доброго имени, – то чтобы мы сочли возможным отклониться от прямого пути, только бы это не повлекло за собою величайшего позора для нас; ведь до некоторых пределов оказать снисхождение в дружбе можно».

Хилон рассуждает, насколько далеко можно зайти за грань закона и права ради друга. Философ Фаворин выражает свое мнение: «То, что люди называют дружеской услугой, по сути дела есть небольшое нарушение общепринятых норм при необходимости».

В своих «Опытах» Монтень³⁴ пишет: «В этой обычной дружбе надо быть всегда начеку, не отпускать узды, проявлять всегда сдержанность и осмотрительность, ибо узы, скрепляющие подобную дружбу, таковы, что могут в любое мгновение оборваться». Примерно так же рассуждает и Хилон: «Люби своего друга так, как если бы тебе предстояло когда-нибудь возненавидеть его; и ненавидь его так, как если бы тебе предстояло когда-нибудь полюбить его". Это правило, противоречащее обычному пониманию дружбы, вполне справедливо по отношению к более привычным дружеским отношениям; здесь будет уместным вспомнить слова Аристотеля: «О, друзья мои! Нет на свете друзей!»³⁵.

Философ Ницше в его сочинении «Так говорил Заратустра» проводит параллель между дружбой и войной: «Если ты хочешь иметь друга, ты должен вести войну за него; а чтобы вести войну, надо уметь быть врагом. Ты должен в своем друге уважать еще врага»³⁶.

Подобный вывод делается и Хилоном: «До того предела любви, словно по воле судьбы тебе предстоит и ненавидеть, и также питай ненависть до того [предела], словно впоследствии ты, возможно, должен будешь любить»³⁷.

Философия анализирует и отношения между дружбой и любовью. В то время как дружба – это общая взаимопроникающая теплота, умеренная и постоянная, любовь – это только необузданное желание достичь того, что непрерывно от нас ускользает. Как только любовь превращается в дружбу, то есть в желание согласовывать свои желания, она начинает угасать и исчезает. Наслаждение, которое сводится до телесного обладания и

приводит к пресыщению, убивает любовь. Так рассуждает Монтень. Он развивает эту мысль: «Дружба, напротив, становится тем желаннее, чем полнее мы наслаждаемся ею; она растет, питается и усиливается лишь благодаря тому наслаждению, которое доставляет нам, и так как наслаждение это – духовное, то душа, предаваясь ему, возвышается»³⁸.

Так философы формулируют идею о том, что же такое истинная дружба: «Вообще говоря, то, что мы называем обычно друзьями и дружбой, это не более, чем короткие и близкие знакомства, которые мы завязали случайно или из соображений удобства и благодаря которым наши души вступают в общение. В той же дружбе, о которой я здесь говорю, они смешиваются и сливаются в нечто до такой степени единое, что скреплявшие их когда-то швы стираются начисто и они сами больше не в состоянии отыскать их следы. Если бы у меня настойчиво требовали ответа, почему я любил моего друга, я чувствую, что не мог бы выразить этого иначе, чем сказав: «Потому, что это был он, и потому, что это был я»³⁹.

Концепт «приятел» согласно данным из лексикографических источников

Анализ словарных статей, включенных в толковые словари, позволяет нам выявить ключевое слово – репрезентат, а также ядерные признаки концептов, относящихся к межличностным отношениям и порождающих дружбу или вражду между людьми. Этот анализ способен убедить нас в сложности обоих концептов и многопластовости их структуры.

Основные концептуальные признаки концепта «приятел» могут быть выявлены после установления значения лексемы-репрезентата. В БТР⁴⁰ *приятел* (*приятелка*) означает:

1. Човек, с когото някой поддържа отношения на взаимна близост, обич и доверие. (Человек, с которым кто-то поддерживает доверительные отношения, основанные на любви и доверии).
2. Човек, който живее в близки, сърдечни отношения с някого; другар. (Человек, который живет в близких, сердечных отношениях с кем-либо; товарищ).
3. Който е верен, привързан към някого. (Тот, кто верен кому-либо, привязан к нему).
4. Покровител или привърженик, почитател, ценител (Покровитель, сторонник, поклонник, ценитель).
5. Лице, с което някой поддържа интимна връзка, любовни отношения; любовник, любовница. (Человек, с которым кто-либо поддерживает интимную связь, любовные отношения; любовник, любовница).

6. Обикн. зват. В обръщение – за израз на иронично-пренебрежительно или фамилиарно отношение⁴¹. (обыкн. зват. При обращении – для выражения иронично-пренебрежительного или фамильярного отношения⁴².

По мнению Н. Герова⁴³, *приятел* означает ‘верен другар, верен побратим, с когото си живуваме добре, с когото другаруваме’, то есть, «верный товарищ, верный сторонник, с которым мы хорошо уживаемся, с которым мы поддерживаем дружеские отношения».

Основываясь на анализе дефиниций, мы можем определить следующие ядерные концептуальные признаки концепта «*приятел*»:

1. *Приятел* – человек.
2. *Приятел* поддерживает отношения, основанные на близости, любви и доверии.
3. *Приятел* верен.
4. *Приятел* – человек, с которым мы хорошо уживаемся.
5. *Приятел* – это сторонник, защитник, последователь.
6. *Приятел* – это может быть человек, с которым мы поддерживаем интимные отношения.
7. *Приятел* – это человек, над которым мы можем иронизировать.

Таким образом, ядро концепта «*приятел*» заполняют признаки, которые характеризуют друга как знакомого, близкого человека, на которого можно положиться в трудную минуту и с которым можно проводить свободное время.

Ключевое слово (слово-репрезентат), однако, не способно раскрыть все признаки концепта. Поэтому необходимо исследовать словообразовательную парадигму слова *друг*, его синонимы и их словообразовательные парадигмы. Так мы сможем выявить дополнительные признаки этого концепта.

Концепт «*приятел*» может реализоваться через такие лексемы, как, например:

Имена существительные, называющие лиц: *приятел, другар, съратник, сестра, побратим, посетрима, дост, брат, сътник, събрат, съсед, авер, кавадар, познат, познайник, ортак, аркадаш, колега*.

Абстрактные имена существительные: *приятелство, дружба, другарство, достлук, кавадарлък, ортаклък, сговор, познанство*.

Собирательные имена существительные: *братство, колегия, дружина*.

Имена прилагательные: *приятелски, другарски, братски, орташки, близък, гъст*.

Глаголы: *другарувам, братимя се, сприятелявам се, сприятеля се, побратимявам се*.

При анализе значения этих лексем, вербализующих концепт «*приятел*» как часть болгарской картины мира, можно заметить, что в его поле может быть включен широкий диапазон лиц, номинирующих различные социальные роли, которые может иметь человек в обществе – начиная от

малознакомых людей (*познат, познайник*) и заканчивая членами семьи (*брат*). В поле концепта «*приятел*» включаются и лица, с которыми человек поддерживает, прежде всего, профессиональные отношения (*ортак, съдружник, колега*). Человек недоверчиво смотрит на изгоев и, даже если они интересны, старается избегать их.

Кроме высокой лексической и семиотической плотности концепта *приятел*, примечателен и тот факт, что лексемы, с помощью которых он реализуется в языке, делятся на две группы по своему происхождению. Первую группу составляют лексемы славянского происхождения (*приятел, приятелка, сприятеля се, приятелство, другар, другарка, другарувам, дружба, брат, братимя се, братство, събрат, сестра, сътъник, посестрима, познат, познайник* и др.), вторую группу – лексемы турецкого происхождения (*дост, достлук, аркадаш, авер, кавадар, кавадарлък, ортак* и др.). Этим болгарский концепт *приятел* схож с английским *friend*, который также реализуется лексемами не только германского (*friend, friendly, friendliness, friendship, boyfriend, girlfriend, fellow, fellowship*), но и романского происхождения (*amity, affection, affinity, supporter, concord, familiarity*). В обоих случаях заметно влияние другого языка как официального – до Столетней войны английская аристократия пользовалась французским языком, а болгарский язык пять веков соседствовал с турецким.

Производные от лексемы-репрезентанта: *приятелски, приятелство, сприятелявам се, сприятеля се*. Они имеют следующие значения:

Сприятелявам се *нсв.*, сприятеля се *св.* Ставам приятел с някого (БТР)⁴⁴. (Стать друзьями с кем-либо).

Сприятелявам *гл.* Направлям някого да станат приятели помежду си; сдружавам. (Геров⁴⁵). (Сделать так, чтобы кто-либо стали друзьями).

Приятелство *ср.* Отношения, връзки между приятели. (в 1, 2 и 5 знач.). (БТР)⁴⁶. (Отношения, связь между друзьями).

Приятелство *ср.* Качество, свойство на приятелите. (Геров⁴⁷). (Качество, свойство друга).

Приятелски *прил.* Който се отнася до приятел, присъщ на приятел (в 1. и 2. знач.). (БТР)⁴⁸ (Относящийся к другу, присущий другу).

Приятелски *прил.* Който е за, на, от приятел. (Геров⁴⁹).

Проанализировав значения производных слов от лексемы-репрезентанта, можно вывести следующие дополнительные концептуальные признаки:

1. *Приятелство* – вид отношений между людьми.
2. *Приятелство* достигается, т.е. люди могут подружиться (да се сприятеляват).
3. *Приятелство* характерно для людей, у которых есть *приятели* (друзья), т.е. для тех, кто находится в дружеских отношениях с другими людьми.
4. *Приятелство* – это ценность, поэтому заслуживает вербализации.

Глаголы *другарувам*, *братимя се*, *сдружавам се* (*сдружа се*), а также глаголы *сприятелявам се*, *сприятеля се* обозначают процесс, при котором один человек делает другого своим другом. Глаголы *дружа* и *другарувам* служат для обозначения статичного положения, при котором человек пребывает в дружеских отношениях с кем-либо. Однако нет точных лексем для обозначения процесса прекращения дружбы. В болгарском языке употребляются выражения *развалиха* (*разтуриха*) *приятелството* (*другарството*, *ортаклъка*, *калимата*) или просто *разделиха се*, *скараха се*.

Теперь рассмотрим лексические значения слов, находящихся на периферии концепта *приятел* и образующих собственные микрополя.

Ближе всего к лексеме-репрезентанту стоит слово *другар* (*другарка*). Соответствующие ему турецкие слова *аркадаш* и *кавадар* архаичны или характерны для народной речи. Сюда же относится и прилагательное *гъст*. Каждая из этих лексем имеет свои производные, представленные относительными прилагательными, относящимися к лицу, абстрактному существительному или глаголу. В БТР приводятся следующие толкования слова *другар*:

1. Човек, който живее в близки, сърдечни отношения с някого; приятел. 2. Човек, който е свързан с някого чрез общност на интереси, занятие, дейност. 3. Всеки от двата свързани в двойка еднакви предмети, неща (ръкавица, обувка, чорап, волове в един впряг и под.). 4. Форма на учтиво, уважително назоваване или обръщение между членове на някоя партия, обществени колективи. (БТР⁵⁰) (1. Человек, находящийся в близких, сердечных отношениях с кем-либо; друг. 2. Человек, связанный с кем-либо общими интересами, занятиями, видом деятельности. 3. Любой предмет, имеющий пару (перчатка, ботинок, носок, вола в упряжке и т.п.). 4. Форма учтвого, уважительного обращения между членами некоторых партий, общественных организаций).

В словаре Н. Герова⁵¹ находим следующее:

Другар м. Който живее или се намира нейде с някого, дружина.

Другарство ср. Другаруване, живеене другарски с някого.

Аркадаш м. прост. Побратим, другар.

Дост м. Приятел, познайник.

В В БТР⁵² находим следующее:

Другарски прил. Който се отнася до другар (главно в 1. и 2. значение), присъщ на другари.

Другарство ср. Другарски чувства и отношения.

Другарувам. нсв. нпр. Дружа .

Дружа нсв. нпр. Другар съм с някого, поддържам дружески отношения с някого; другарувам.

Дружба ж. 1. Близки, свойствени на другари отношения; приятелство. 2. *остар*. Дружество с културна, просветна или благотворителна цел, образувана от живеещите в голяма град бивши жители на по-малко селище или от дадена област, район.

Аркадаш м. *прост*. Другар, побратим. [тур.]

Дост м. *остар*. Приятел. [перс.> тур.]

Достлук м. *остар*. Приятелство. [тур.]

В периферии концепта *приятел* после лексем *другар* (*дост, аркадаш, кавадар*) стоят лексемы, выражающие определенную близость. Так же, как и лексема-репрезентант (*приятел*) и близкие к ней (*другар*), лексемы, выражающие близость, имеют производные – каузативные глаголы (*братимя, братимя се*), собирательные существительные (*братство, побратимство*), абстрактные существительные (*ортакльк*) и относительные прилагательные (*орташки*).

В периферию концепта *приятел* болгары включают и людей, с которыми они просто знакомы (*познат, познайник, познайница, познанство*).

На базе лексических значений слов, которые вербализируют концепт *приятел*, можно выстроить следующие дополнительные концептуальные признаки:

1. *Приятел* – лицо, с которым мы друг друга понимаем и хорошо живем.
2. *Приятел* может быть ближе, чем родственник.
3. *Приятел* может быть и человек, живущий поблизости.
4. *Приятел* может быть и человек, с которым вместе работаешь.
5. Любой человек, которого знаешь, может называться *приятел*.

Концепт «приятел» в паремиологическом фрагменте болгарской языковой картины мира

Концепт – это такое образование, которое, кроме понятийно-дефиниционных, включает в себя и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики, которые также необходимо иметь в виду при изучении концепта, потому анализ паремий является ключевым этапом в определении признаков концепта. «Словесный материал пословиц и поговорок, вошедший в себя особенности менталитета, национальную специфику, становится богатой почвой для концептуальных исследований»⁵³. Пословицы и поговорки заключают в себе народную мудрость, накопленную в процессе его исторического, культурного и нравственного развития. Паремии – важный источник при исследовании концептов, так как в них находят отражение важнейшие явления и задачи человеческого бытия. Они заключают в себе не только стереотипы поведения и решение сложного ребуса жизни, но также имеют явный оценочный характер.

Базовые концепты, коими являются концепты «приятел» и «враг», находят свое отражение и в многочисленных пословицах и поговорках.

Большое количество паремий, вербализирующих эти антонимичные концепты, еще раз доказывает, какую значимую роль для болгарина играет друг, желание его найти и сохранить как такового, а также враг и то, как с ним можно справиться.

Концепт «приятел» принадлежит к группе универсальных, исконных концептов и потому является надежной базой для установления специфических черт менталитета болгарина, стереотипов поведения и отношения к людям, с которыми он состоит в близких, но неродственных или служебных отношениях.

Ценностный элемент как одна из составных частей в структуре лингвокультурного концепта подчеркивается большинством ученых, занимающихся теоретической стороной его изучения. По мнению В.И. Карасика⁵⁴, этот элемент основной для концепта и определяется возможностью прикреплять к нему *оценочные* категории, а также степенью его актуальности (количеством номинативных единиц, через которые он реализуется в языке и речи).

Из исследованных сборников пословиц и поговорок были эксцерпированы 115 паремий, имеющих отношение к понятиям *друг* и *дружба*. С их помощью можно сформулировать следующие признаки в поле концепта «приятел»:

‘Друга необходимо ценить’, так как он опора в трудных ситуациях, так как *С добър другар и в зло време е весело*.

‘Не каждого нужно считать своим другом’. Познание, раскрытие сущности другого человека – основа многих паремий о дружбе. Не так легко отличить настоящего друга от фальшивого, от того, кто лишь использует тебя и может в любой момент предать и подвести. ‘Друг – тот, кто не оставит тебя в трудный момент’. Потому большая часть болгарских паремий дают предписания о том, как может быть открыта и проверена истинная дружба. Мысль ‘Только через испытания можно понять, кто твой настоящий друг’ вербализирована в паремиях с лексемами *нужда*, *неволя*: *В нужда са другар (приятел) познава; С добър другар и в зло време е весело; Приятел в нужда се познава, а не на сватба; Зла неволя плаче за роднина, а неволя за приятел; Златото в гърнило, а приятел в неволя; Приятел се познава у неволя, като златото в огъня; Приятел са познава само в нужда*.

Интересен тот факт, что большая часть паремий о дружбе содержит мифологему об узнавании, распознавании и соответственно глагол *познавам* в знач. *узнавам, открываю* *някого или нещо*⁵⁵. (узнавать кого-то, открывать что-то) ‘Важно уметь отличать настоящего друга от мнимого’.

Узнавание, распознавание – важный момент в любой человеческой деятельности, будь то детская игра или преодоление всех трудностей, когда человек стоит перед каким-либо выбором, когда необходимо понять, какое решение верное, оптимальное. Неслучайно выдающиеся врачи говорят, что верх мастерства в этой нелегкой профессии – умение распознать болезнь. Что касается духовной сферы, мотив узнавания присутствует в мифологии, фольклоре, религии и философии. Посмотрим, сколько моментов узнавания есть в одном только троянском цикле – узнавание Ахилла, распознавание мнимой болезни Одиссея, узнавание самого Одиссея верной служанкой, сыном и женой и др. Каждая волшебная сказка заканчивается узнаванием главного героя. Умение распознать знамения божию помогло Иосифу стать первым помощником фараона. Узнавание основывается не только на том, что человек наблюдателен, но и на умении истолковать скрытое. Может быть, поэтому глагол *разпознавам* происходит от старославянского глагола *знати* 'знать', а не *вѣдѣти* 'знать', родственного глаголу *видѣти* 'видеть'. Узнавание характерно как для строго индивидуальных моментов, например, инициации, когда после успешного предствления молодой человек получает заслуженное признание и присоединяется к группе старших, так и для социальной жизни человека, в которой истинное счастье распознать друга среди врагов – он станет заслуженной наградой за социальные и психологические умения человека.

Одна из возможных реализаций испытания, через которое можно отличить истинного друга от мнимого, - это путешествие и путь. Путь связан с покиданием знакомого, освоенного пространства и перемещением в незнакомое пространство за пределами дома. Как мифологема он – пограничная ситуация, своеобразный хронотоп, в рамках которого проявляются характеры людей. Поэтому во всех паремиях, вербализирующих концептуальный признак 'истинный друг познается в пути', присутствует не ключевое слово-репрезентант *приятел*, а его синоним – *другар*, сохраняющий внутреннюю форму слова *спутник*, т.е. тот, кто следует за тобой⁵⁶:

Другар на път се познава; Дорде не другаруваши с човека на път, не може го позна.

Даже слабый и неопытный может стать опорой и поддержкой в трудных ситуациях, которые подстерегают в пути: *В път и син на баща е другар.*

'Истинные, проверенные в беде друзья - редкость', поэтому народная мудрость гласит, что такую дружбу надо ценить дороже драгоценного камня: *Не ти трябва безценен камък, а приятел верен.*

Как не существует идеальных людей, так 'не бывает и идеальных друзей'. *Приятел без грешка – ненамерено разковниче.* Одно из важнейших доказательств дружеских отношений – готовность принять слабости и

недостатки друга. Неписанные правила межличностных отношений, зафиксированные в паремиях, требуют толерантности в отношении друга. 'Друга надо ценить, несмотря на его слабости': *Познавай доста си и кусурите му не казвай; Обичай доста си с гърбицата му.*

Болгарин высоко ценит продолжительность дружбы, делит дружбу на старую и новую и может охарактеризовать друга как старого (а следовательно, верного, надежного - *Стар друг враг не става*) или нового (непроверенного, от которого всего можно ожидать). Поэтому паремии предупреждают о том, что человека нельзя сразу же называть своим другом.

'Нужно достаточно времени, чтобы распознать истинную сущность человека и принять его как друга': *Доде не изядеш с приятеля един чувал брашно, не можеш да го познаеш какъв е; Доде не изядеш една ока сол с човека, не можеш го позна какъв е.*

'С друзьями проще в любых начинаниях': *Дето има съгласие, там и куриумът по вода плава.* 'С друзьями можно выдержать любые испытания': *Една пръчка лесно се счупва, но повече – мъчно.* 'Дружба - это сила': *Два лешника един орех надвиват.*

'Без друзей жить трудно': *С един вол не се оре; Сама ръка и в Дунава не се измива.*

Большая группа паремий посвящена тем качествам, которыми должны обладать мы и наши друзья:

Одно из важнейших качеств, которым по представлениям болгарина должен обладать друг, - верность. Концептуальный признак 'друг должен быть верным' реализуется в следующих паремиях: *Приятел верен, който има – още една глава има; Не ти трябва безценен камък, а приятел верен; Ако имаш верни приятели, ще имаш и пари.*

Отсюда можно вывести еще один признак – 'друг обладает большей ценностью, чем богатство и ум' – категории, которые болгарин поместил на вершину аксиологической пирамиды – ум – в духовной сфере, деньги – в материальной. Болгарин ценит друга выше, чем деньги: *По-добре хиляда приятели, а не хиляда гроша, потому что 'с его помощью возможно все'. Сос приятел ичо се връше, сос пари не може да се връше.*

'Друг должен быть разумным'. Десять паремий обращают

внимание на ум друга. Оказывается, это одно из важнейших качеств, которые болгарин ищет и ценит в дружбе. *Ако некой е улав, не му ставай другар; От безумен приятел да та е страх, а не от умен неприятел, потому что народ знает: С какъвто се събереш, такъв ставаш.* Дружба – большая ценность, однако болгарин оценивает ум выше по своей шкале ценностей, поэтому народ предпочитает умного врага глупому другу. *По-добре един умен душманин, отколкото сто приятели будали; По-хубаве да имаш хитар душманин, отколкото глупав дост; По-добре умен душманин, а не безумен приятел.*

'Друга можно назвать настоящим только, если он бескорыстный'.

Корыстные отношения могут привести к тому, что социально более слабый человек будет использован: *Приятел със стражар не ставай*; превращен в слугу: *Вземи си приятел поп, да му храниш коня със зоб*.

‘Самые ценные и надежные друзья - старые’: *Старо вино, стар приятел, дръж ги*; *Стар друг враг не става*. ‘Они никогда не подведут и не предадут’.

Следующие концептуальные признаки демонстрируют то, что может угрожать дружбе, - качества, которые мешают дружбе, разрушают ее: стереотипы поведения в обществе, выведенные из болгарского проverbsиального фонда, предупреждают, что если ты зол и нетактичен, если думаешь только о себе, не можешь ни приобрести новых друзей, ни сохранить старых:

‘Никто не хочет иметь в друзьях вспыльчивых, жестоких людей’: *Лют човек приятел не държи*; *У стар кръвник няма нов приятел*.

‘Жадность разрушает дружбу’: *Погачата се свиднее на досто*.

‘Скучные, несообразительные люди не могут удержать друзей’: *Безочлив човек скоро затваря вратата и на най-голямото приятелство*.

‘Глупый друг хуже врага’. Глупость всегда может привести к неприятностям, даже если совершена она была из добрых побуждений, поэтому народ советует: *Ако некой е улав, не му ставай другар*; *От безумен приятел да та е страх, а не от умен неприятел*. Народ допускает дружбу с врагом: *С мечка в чувал ако влезеш – щеш не щеш, приятел ще си*, но категорически не приемлет дружбы с глупцом: *Гъска за другар не бива*.

Большая часть паремий регистрирует некое прагматичное и эгоистичное отношение к другу, в котором болгарин видит способ облегчить себе жизнь.

Некоторые паремии затрагивают проблему дружбы, порожденной, предопределенной неблагоприятными обстоятельствами. Болгарин не просто допускает, но и оправдывает дружбу даже с дьяволом, если это спасет его в трудной ситуации или облегчит ему жизнь. Это прагматичное отношение к дружбе связано с концептуальным признаком ‘можешь стать друзьями с кем-либо и поневоле’: *Добре е да има чияк и в пъкъла приятели*; *С мечка в чувал ако влезеш – щеш не щеш, приятел ще си*; *Стани приятел с дявола, дорде минеш моста*; *Стани на дявола ортак, доде минеш моста*.

Прагматичное отношение к друзьями и дружбе демонстрируют и паремии: *Топло ли е гърнето, топли са достовете*; *Имаш ли добро вино и хубава жена, за достове не плачи*.

‘Друг должен приносить пользу’: *Приятел без полза враг се нарича*.

Если личные отношения вмешиваются в дружбу, она рано или поздно прекратится или даже превратится во вражду. ‘Вмешательство денег и расчета в межличностные отношения разрушает дружбу’. Этот концептуаль-

ный признак звучит, как предупреждение: дружеские и служебные отношения смешивать нельзя: *Чисти сметки - добри приятели; Добри приятели, ама и добри есапи (сметки) треба да имат; Яж и пий с приятеля, ама пазарлък не прави; Със своей пий, яж, търговя не прави; Приятелството си е приятелство, но сиренето е с пари; Дружбата си е дружба, ала сиренето е със пари; Службата си е служба, дружбата - дружба; Дружбата си е дружба, сирето е със пари; С другар яж, пий, вземане-даване немай.*

Подтверждением того, что деньги разрушают дружбу, служат поговорки, в которых используется слово *ортак*: *Умря волът, развали се ортаклъкът*. Базируясь на многовековом опыте, народ предупреждает: *Да би ортак хубаво, Господ щеше да си тури ортак на небето*. Интересно, что все паремии, затрагивающие отношения между *ортаци*, характеризуются ярко выраженной отрицательной оценкой.

‘С друзьями человеку следует быть осторожным и себе на уме’: *Ако не вярваш досто си, не си подлагай главата*.

‘Друг может превратиться во врага’: *Приятел без полза, враг се нарича*.

‘Друг может быть опаснее врага’: *Що си паца човек от приятело си, от дуиманин никога го не паца; Боже, пази мя от приятели, от неприятели сам ще се пазя*, поэтому болгарин знает: *Не вярвай доста, бутва та от моста; С кучето дост стани и тоягата не пускай*.

‘Еще одно важное условие настоящей дружбы – сходство, оно лежит в основе дружеских отношений’: *Кравастите магарета през девет дерета се надуиват; Те са като разрязана ябълка*.

Поэтому ‘о характере человека можно судить по его друзьям’: *Кажми ми кои са ти приятелите, да ти кажа какъв си; За човек можеш да съдиш по приятелите му; Според доответе мож да съдиш за чияка; Лошите се често сдружават*.

По силе сходства ‘друг может изменить человека, чтобы заставить его стать похожим на себя’. Паремии, воплощающие этот концептуальный признак, звучат как предупреждение и характеризуются отрицательной коннотацией, внушая, что изменение всегда бывает от хорошего к плохому, что обратная зависимость отсутствует: *С какъвто се събереи, такъв ставаи; Хром ли ти е приятеля и ти ще се захромии*. Хромой в сознании болгарина ассоциируется с чужим, а отсюда и с чем-то плохим и враждебным, с опасностью (срв. *Пази се от този, когото Бог е белязал*).

Изменение в человеке, диктуемое необходимостью сближения, уподобление другу, может быть и сознательным, волевым актом, гарантирующим сохранение друга и близких с ним отношений, и в этом случае коннотация положительна: *Който е побратим с камиларя, вратата трябва да са му високи*.

Сходство между друзьями может иметь различный характер:

– Сходство по социальному статусу: *За всеки влак си има пътници; Лошите се често сдружават*, потому народ знает, что *Два остри камъка брашно не мелят; Гъска на свиня другар не бива;*

– По умственным способностям: ‘умный и глупый никогда не станут друзьями’: *Гъска за другар не бива;*

– По половой принадлежности: *Празна халба и жена побратим нищо не струват; Турчин побратим не хващай, на жена тайната си не казвай и чуждо чедо не посинявай; Имаш ли добро вино и хубава жена, за достове не плачи.*

– По этнической принадлежности. Концептуальный признак ‘друг не может быть чужаком’ отражен в большой группе паремий, при том, что идея о чужом в силу исторической судьбы Болгарии реализована главным образом через образ турка, и только в единичных примерах в эксцерпированных паремиях открываются образы француза (как мошенника) и валаха: *Турчин приятел недей има; С турчин дост не ставай; Турчину достлука на коляното му; На турчин дослукът ме е на коляно; Турчин побратим не хващай, на жена тайната си не казвай и чуждо чедо не посинявай (осиновявай); Турчин побратим и калугер девер не хващай; Турчин побратим, калугер девери френк ортак не факяй; Нито от тиква съдина, нито от влак другар.* (В этом случае валах – воплощение глупости, неадекватного поведения – черта, типичная для образа чужака в культуре многих народов (срв. параллель *кратуна – влах*, а также паремия *Дали влаху краставица, а той я не цял, че била крива*):

‘Дружба нетипична и недоступна для турок’: *Турчину достлука на коляното му; На турчин дослукът ме е на коляно.*

‘Болгары дорожат дружбой’: друзей уже достаточно для хорошего время препровождения. *На турчин дай горчиво кафе, на българин – чаша вино и достове.*

Болгарин регистрирует в паремиях и такой род дружеских отношений, при котором ‘друзья неразлучны’, но этот концептуальный признак скорее имеет отрицательную коннотацию: *Те са въшкави приятели; Те са некат (нокът) и месо; Те са като дупе и гащи.* Ирония этих паремий внушает обратное: ‘В отношениях с друзьями хорошо бы держать определенную дистанцию’: *Сякого слушай, своята не забравяй.* ‘Человек не должен во всем полагаться на друзей’: *Своята рака дека те почеше, друга не може.* И все же в паремиях зарегистрирован и противоположный концептуальный признак, утверждающий ‘положительное отношение к неразлучным друзьям’: *Те са като Бъдни вечер и Божик.*

Разграничение *свое-чужое* реализовано и в паремиях о дружбе, противопоставляющих основные для общества типы межличностных отношений – дружеские и семейные. Рассматриваемые в паремиях типы межличностных отношений – дружба и братство – дают два противоположных концептуальных признака – нечто, не являющееся прецедентом в проverbsиальном фрагменте болгарской языковой картины мира:

– Каким бы близким, верным и проверенным испытаниями не был друг, он не может заменить самого близкого человека – брата. ‘Друг не может заменить брата’: *Приятел е хубаво нещо, ама не е като брат; От една вода пиеме и пак род не се чиниме.*

– ‘Иногда друг может быть ближе, чем брат’: *Ако имаш брат, имай и побратим.* Поэтому и произносятся лексемы *побратим, посестрима*, а также обращения *братко, сестро* по отношению к очень близким друзьям. В основе этого признака лежит понимание верности, преданности брата, а соответственно и *побратима*. Такой верности и самоотверженности, однако, нельзя ожидать от чужака:

Турчин побратим и калугер девер не хвацай.

Турчин побратим не хвацай, на жена тайната си не казвай и чуждо чедо не посинявай.

Празна халба и жена побратим нищо не струват.

Проблема гендерного аспекта в паремиях, андроцентризма и восприятия женщины как не-человека, как кого-то чужого и отличного подробно рассматривается в статье „Концепты ум и женщина с точки зрения болгарской паремиологической картины мира“⁵⁷.

Благодаря наличию таких качеств, как верность, преданность, надежность, собака тоже воспринимается как друг, на которого можно рассчитывать: *Кучето е верен другар на човека.*

Хоть и бегло, тем не менее болгарин рассмотрел и отношение между дружбой и любовью, ‘резко разграничив эти два типа межличностных отношений’: *Сал любовта не търпи другар.*

Метафоризация концепта «приятел»

Абстрактность дружеских отношений предполагает построение метафорической идеи базового, конкретного образа, обычно какого-то предмета, с помощью которого первобытное общественное сознание объясняет нечто неконкретное, абстрактное. После анализа упомянутых паремий, через которые концепт *приятел* вербализуется провербиальным фрагментом болгарской языковой картины мира, стало ясно, что в сознании болгарина дружба — это артефакт, предмет, который не только можно сравнить с золотом и драгоценностями (*Приятел се познава у неволя, както златото в огъня; Златото в гърнило, а приятел в неволя*), но есть указания на то, что дружба ценнее всего этого: *Не ти трябва безценен камък, а приятел верен; Сос приятел шчо се връше, сос пари не може да се връше*; Вследствие этого может быть сформулирована метафора: **приятелството – безценен предмет, създаден от човека** (сравните с глаголами, с которыми сочетается: *намирам, имам*), **чисто истинска стойност трябва да бъде разкрита** (*познавам, разпознавам*). Дружба воспринимается как бесценный дар, который, однако, скрыт среди лжи и неискренности, и чело-

веку, подобно культурному герою в мифах или герою в волшебных сказках, необходимо пройти различные испытания, а также он должен обладать определенными качествами, чтобы ее заслужить. Наиболее часто эти испытания происходят в «узнавании» и в «перемещении»⁵⁸.

Подобно антиквариату или вину, чем старше дружба, тем она дороже: *Старо вино, стар приятел – дрѣж ги*. А ее ценность - в верности: *Стар друг враг не става*.

Из паремий, содержащих понятие «дружба», в болгарской языковой картине мира выстраивается следующий синонимичный ряд: *стар другар = добър другар = верен другар*.

Концепт «враг» по данным лексикографических источников

Представленный концепт вербализуется через лексему-репрезентанта *враг*, её производные: *врагувам, врагов, враговски, враговит, враговицина, врагуване, вражда, враждебен, враждувам, вражески, вражи, враждебник* и синонимы: *душманин, противник, неприятел, антагонист, чужд* и их производные: *душманлък, душмански, антагонизъм*.

В Болгарском толковом словаре⁵⁹ лексема-репрезентант концепта имеет следующие значения:

1. Лице, човек, който мрази някого и действия, води борба срещу него; неприятел, противник. 2. Противник на нещо. 3. Всяка от страните, които воюват, броят се с оръжие една срещу друга; неприятел, противник. 4. Причинител на вреди, вредител. 5. диал. Дявол, сатана. За зла врага.

Н. Геров⁶⁰ представляет врага так:

1. Бяс, врагле, дявол, еднокрак, къс, нечестив, сатана. 2. Хитър, лукав, дяволит човек. За деца – немирн, луд, бесен, салма.

На основании этимологии и лексического значения слова - репрезентанта могут быть определены следующие основные концептуальные признаки:

1. Врагът е лице, което изпитва омраза и пакости на друго лице. (Враг- лице, которое испытывает ненависть и желает зла другому лицу).

2. Врагът е противник. (Враг — противник).

3. Врагът е беда, напасть. (Враг - беда, напасть).

4. Врагът е хитър, лукав человек. (Враг - хитрый, лукавый человек).

5. Врагът може да бъде самият сатана. (Враг может быть самим сатаной).

Чтобы дополнить ядро концепта, необходимо рассмотреть значения производных слова-репрезентанта. Производными являются: абстрактные существительные (*враговицина, врагуване, вражда*), существительные, называющие лица (*враждебник, враждебница, вражка, врагла*), имена прилагательные (*врагов, вражий, враговит, враговски, враждебен*), глаголы (*вража, врагувам*).

Врагувам – Враждувам⁶¹.

Врагувам Казва се за деца, беснея, не мирувам, лудувам, салмувам. 2. Правя нещо с хитрост с лукавство, хитрувам, дяволувам, вража⁶².

Врагов *прил.* От враг⁶³.

Враговски *прил.* Остар. Вражески⁶⁴.

Враговит *прил.* Дяволит, хитър⁶⁵.

Враговит *прил.* Хитър, лукав, дяволит⁶⁶.

Враговщина *ж.* Дяволщина, лукавство, лукавщина, хитрост, хитруване, измама⁶⁷.

Врагуване *ср.* 1. Беснуване, немируване, лудуване. 2. Хитруване, дяволуване, вражене⁶⁸.

Вражда *ж.* Взаимна омраза, недоброжелателни отношения⁶⁹.

Вражда *ж.* Ненавист връз някого, която ни подканя да му искаме злото; душманлък⁷⁰.

Враждебен *прил.* 1. Който е изпълнен с образа, който проявява омраза към някого или изразява омраза, недоброжелателност. 2. Който враждува с някого; враждуващ, неприятелски, вражески⁷¹.

Враждувам Намирам се в неприязнени отношения, във вражда⁷². Враждувам Имам срещу някого вражда⁷³.

Вражески *прил.* Който се отнася до враг; неприятелски, вражи⁷⁴. Вражи *прил. поет.* Вражески, неприятелски⁷⁵.

Вражий 1. Бесовски, дяволски. 2. Каквото прави враг, душманин⁷⁶. Вражка и вражла *ж.* Хитра, дяволита мома⁷⁷.

Враждебник *м.* Остар. Враг, неприятел⁷⁸.

Враждебница *ж.* Остар. Жена враждебник⁷⁹.

Значения производных ключевого слова, взятые из Болгарского толкового словаря и из словаря Н. Герова, определяют следующие концептуальные признаки:

1. Враждебните, ненавистните прояви и отношения са присъщи за хората. (Враждебные отношения и проявление ненависти присущи людям).

2. Хората могат да се намират във враждебни отношения (*врагувам, враждувам*). (Люди могут находиться во враждебных отношениях).

Создается впечатление, что у существительного *враг* есть и другие производные, которые семантически связаны с чарами, гаданиями, с обращением в будущее, а также со всеми метафизическими действиями и лицами, которые их совершают. В этом явлении можно увидеть "разветвление" древнего корня * *vogog*, который связан, с одной стороны, с дьяволом, как с напастью и самым большим злом для человека, а с другой стороны – с тайным, колдовским знанием и умением (*вражалец, вража, вражба*).

Для того, чтобы заполнить поле концепта «*враг*», должен быть проведен анализ синонимов слова-репрезентанта. Если сравнить лексемы, вербализирующие концепт *приятел*, то обнаруживается очевидная несимметричность в их числе. Лексем, которые представляют концепт

приятел, значительно больше. Эта асимметричность может быть объяснена тем фактом, что в болгарской картине мира враг - неконкретен; то же самое можно отметить и в особенностях болгарского менталитета. Болгарин склонен прощать, он доброжелательно и благосклонно настроен, и если он не пострадал лично или если того требуют обстоятельства, он может построить дружбу с незнакомым человеком, с врагом и даже с дьяволом.

Периферия концепта «*враг*» пополняется признаками, извлеченными из синонимов слова-репрезентанта и их производных: существительными, называющими лица (*душман, душманин, душманка, неприятел, неприятелка, противник*), абстрактными существительными (*душманлък*), прилагательными (*чужд, душмански, неприятелски, противников*).

На базе лексических значений синонимов слова *враг* могут быть выделены следующие дополнительные концептуальные признаки, которые формируют периферию концепта *враг*:

1. Врагът е чуждият (Враг – чужой человек).
2. Врагът е лице, което причинява зло (Враг – лицо, которое причиняет зло).
3. Врагът най-общо е противник в нещо – битка, състезание и т.н. (Враг в самом общем смысле – противник в чем-то - в битве, в состязании и т.д.).

Концепт «*враг*» в паремиологическом фрагменте болгарской языковой картины мира

Из изученных сборников с пословицами и поговорками отобрана 31 паремия, относящаяся к слову *враг*.

Признаки понятия *враг* будут представлены в следующей последовательности: 1. Характеристики врага; 2. Отношение врага к человеку; 3. Отношение людей к врагу; 4. Враг как угроза жизни человека.

1. В болгарской наивной картине мира открывается первобытное восприятие '*врага* как дьявола '. Народ категоричен в отношении того, что дьявол пакостит человеку, поэтому в эмоциональной ситуации болгарин часто восклицает: " Поврага" или же произносит нечто вроде проклятия: *Взел та врага*.

Дьявол – это враг человека, он губит самое ценное – душу; а если обратиться к христианской этике, человек должен заботиться именно о спасении души. Понятие дьявол, как и враг, присутствует в паремиях, которые имеют синонимичное значение с теми, что относятся к Богу: *Хванал Бога за мъдата./ Хванал врага за носа*. Две эти паремии употребляются тогда, когда кто-то думает, что достиг многого, но судьба решает посмеяться над ним, и приобретенное начинает приносить ему беды. В этих случаях открывается дуа-

листическое восприятие мира – существует как Бог, так и дьявол, но обе эти силы несоизмеримы с силами человека.

Враг в болгарских поговорках может быть жесток, вероломен: 'Враг совершает зло, от него не нужно ждать добра: *Враг на врага псалтир не чете; Враг на врага не помага*. 'Врагът е по-страшен от всичко'. Он воспринимается как напасть, которая страшнее природных и социальных бедствий, что могут привести к обнищанию, бедности и голоду: *По-добре празна турба, а не зъмя в турбата; По-добре празна турба, а не враг в турбата*'.

'Враг бдителен': *Водата спи, душманина не спи*. Как лицо, которое обладает бдительностью и наблюдательностью, 'враг в большинстве случаев объективен и говорит правду'. По словам врага, человек может создать верное представление по поводу чего-то или кого-то: *Не питай стопанка, ами душманка*.

'У каждого человека есть враги': *Всяка птичка има над себе си и сокол*.

'Врагом может быть человек из самого близкого твоего окружения - друг и даже брат': *Приятел без полза враг се нарича; Брат съм ти, но и враг съм ти*.

'Человек сам наживает себе врагов': *Няма да имаш душманин, ако сам не си го създадеш; Врага търсил, два намерил; Доде не настъпиш опашката на змията, не те клъцва по ногата*.

'К врагам человек должен относиться с необходимой твердостью': *Ако ми е враг, удари ша му крак*.

Подобное отношение не является исключением в наивной картине мира болгарина; обнаруживаем это, например, в концепте «зло»⁸⁰: *Лошо се с лошо изпъжда*. Вопреки тому, что народный мудрец призывает к примитивной, незамедлительной реакции по отношению к врагу, в болгарских поговорках отсутствует идея физической расправы: *С избиване враговете не се свършат*.

В провербиальном фрагменте языковой картины мира 'есть призыв к толерантному, учтивому отношению к врагу'. По неписанным правилам болгарского гостеприимства, даже если враг переступает порог дома, он является гостем, и к нему нужно относиться надлежащим образом: *Петни врага до прага*.

А 'когда гость-недруг, часто хозяин проявляет больше старания и гостеприимства': *Драг ли ти е: Защо дойде? Враг ли ти е: Добре дошел*.

'Человек должен избегать излишних конфликтов с врагом': *На душманин, който бяга, направи му златен мост*.

'Не исключена дружба с врагом'. В трудные моменты человеку иногда приходится построить дружбу со своим недоброжелателем: *Бъди на дявола другар, ако искаш да те пусне в бунар*.

Такая же идея дружбы с врагами в трудные моменты встречается и в

концепте «приятел»: *Стани на дявола брат, доде минеш моста; В чувал с мечка да те пуснат и с нея приятел ще станеш.* В этих паремиях открывается созданная обстоятельствами культура поведения, которая помогала болгарину выжить в исключительных ситуациях.

Несмотря на то, что враг злонамеренный, он таит ненависть, он бдителен и замышляет враждебные действия, аксиологическая шкала представлена для болгарина более страшными вещами: 'Враг лучше глупого друга', который может тебе напакостити не намеренно, не обдуманно или по - глупости: *По-добре разумен душманин, а не глупав приятел.* Народная мудрость гласит 'врагове са всички фалшиви приятели': (Фальшивые друзья хуже явных врагов), это показано в пословице: *Боже, пази ме от приятели, от неприятели сам ще се пазя,* которая по форме напоминает молитву.

Итак, из проделанного анализа паремий, содержащих понятие *враг*, могут быть выделены следующие дополнительные признаки концепта *враг* в болгарской языковой картине мира.

1. Врагът е личен недоброжелател (Враг- личный недоброжелатель).
2. Врагът може да бъде самият дявол (Враг может быть самим дьяволом).
3. Врагът проявява към врага омраза (Враг проявляет ненависть к врагу).
4. Врагът може да те погуби (Враг может погубить тебя).
5. Врагът е бдителен (Враг бдителен).
6. Врагът е искрен (Враг искренен).
7. Всеки човек има врагове, понякога се срещат и сред най-близките (У каждого человека есть враги, иногда они встречаются и среди близких людей).
8. Враговете се придобиват (Враги приобретаются).
9. Към врага трябва да се отнасяш с необходимата твърдост, но без излишна жестокост (К врагу нужно относиться с необходимой твердостью, но без излишней жестокости).
10. Когато е необходимо, трябва да бъдеш тактичен и учтив с врага и да избягваш излишни конфликти (Когда это необходимо, нужно быть тактичным и учтивым с врагом и стараться избегать излишних конфликтов).
11. При изключителни условия може да сдружиш с врага (В исключительных обстоятельствах можно и построить дружбу с врагом).
12. Глупавият и неверният приятел е по-страшен от открития враг (Глупый и неверный друг страшнее настоящего врага).

Приведенные дополнительные концептуальные признаки позволяют сделать следующие выводы: в паремиологической картине мира враг строго специфичен: он, прежде всего, личный недоброжелатель. В ней открываются первобытные представления о дьяволе как о враге человека. Неписанные законы болгарской общности не призывают к жестокости, к физическому истреблению врага, напротив - происходит апелляция к толерантности, к избеганию конфликтов, другими словами, переосмысливается примитивная

позитивная психология, которая внушает, что у каждого есть недоброжелатели, что враги не уничтожают людей, что самое правильное решение конфликта – просто избежать его. На фоне этого «примирительного отношения» интересно то, что в болгарской картине мира вопреки этому отсутствует христианская этика смирения, которая заключается в любви к ближнему.

Напротив, существует элемент мести, предусмотрено такое отношение: «на зло – отвечай злом». Но это не мешает болгарину наладить дружбу с врагом, если этого требуют обстоятельства. Из всего сказанного выше можем сделать вывод, что болгарские паремии по отношению к врагу представляют один справочник выживания в недружественной среде. Тактика улаживания конфликтов раскрывает примитивное, незамедлительное решение сложных ситуаций, в которые попадает человек. В паремиологической картине мира встречается древнее соотнесение врага с дьяволом, который противопоставлен Богу, а человек перед этими силами невероятно мал и слаб.

Метафоризация концепта «враг»

При вербализации анализируемого концепта вводятся две основные структурные метафоры (По классификации Лакоффа и Джонсона⁸¹).

1. Враг – животное. Враг соотносится с птицей – соколом, пресмыкающимся – змеей или животным – медведем. В качестве жертвы выступают воробей – самое близкое к Богу существо по мифологическим описаниям. В этих метафорах наблюдается перенос отношений из дикой природы на общество, что приближается к идеям социал-дарвинизма.

2. Враг – дьявол. Он совершает зло (*Водата спи, душманина не спи*) и он страшнее всего остального (*По-добре празна турба, а не враг в турбата*).

3. В болгарских паремиях «приятел» вербализуется следующими лексемами: *приятел, другар, дост, свой, побратим, ортак, стопанка, куче*.

Концепт «враг» в болгарской паремиологической картине мира вербализуется лексемами: *враг, душманин, чужд, дявол, змия, мечка, сокол, кръвник*. Интересно отметить то, что в этом списке не представлен *противник*, а *неприятел* (что является ключевым понятием в русской паронимии⁸²) встречается только два раза.

После эксцерпции паремиологического материала и последующих исследований стало видно, что налицо существенная диспропорция между этими двумя антонимичными концептами как в числе лексем, которые насчитываются лексикографическими источниками (45 – *приятел*, 20 – *враг*), так же и в числе паремий, которые их вербализуют (115 – *приятел* и 31 –

враг). Эта диспропорция отражает национальный менталитет болгарина и его ориентацию к мирным, благосклонным отношениям к другим людям.

Концепт «*приятел*» играет важную роль в выделении культурных характеристик сознания болгарина. Он полно и выразительно демонстрирует характер и менталитет болгарского народа.

В паремиях все еще сохраняется знание внутренней формы двух слов *другар* и *приятел*, то есть они сохраняют свою этимологическую память. *Другар* используется, когда подразумевается то, что необходима опора в трудностях, а слово *приятел* связано с легким, приятным времяпровождением⁸³.

В болгарском провербиальном фонде сформирована норма отдаления от иноземцев (турок, валах), от изгоев (хромых, сумасшедших) или, иначе говоря, от маргиналов (сельского священника, жандарма).

Самые важные качества, которые болгарин видит в других, следующие: верность, преданность, самопожертвование, самокритика, надежность, финансовая и материальная независимость, ум, бескорыстие, щедрость, терпение и сообразительность.

Одним из важных признаков настоящей дружбы является сходство. Оно может быть различного характера: по социальному статусу, по характеру, по умственным способностям, по этническому происхождению, по половой принадлежности. Паремии, содержащие понятие *враг*, выделяют ключевые для менталитета болгарина черты - он относится с благородством и толерантностью к своим врагам и незнакомым людям вообще, не любит конфликты и всегда, когда это возможно, старается их избежать. В том, что у человека есть враги, болгарин скорее всего будет искать причину в себе - в том, что он сказал и как поступил. Наличие паремий, в которых содержится предупреждение, что турок не может быть другом (*приятел*), свидетельствует о том, что имели место случаи дружбы с человеком другой этнической принадлежности и веры⁸⁴. В этих паремиях открываем адаптивное поведение, зависящее от обстоятельств, которое помогало болгарину выживать в исключительных ситуациях.

Враг в болгарской паремиологической картине мира выражает, прежде всего, индивидуальность. Это лицо, которое испытывает, таит злобу против кого-то, это тот, кто действует во вред кому-то. Концептуальные признаки врага выделяются на основании различия, противоречия. Поэтому враг может быть разным - в социальном, этническом, религиозном аспектах или отличаться по половому признаку. Он не обладает человеческими чертами. (В паремиологическом фрагменте болгарской культуре, который характеризуется ярко выраженной андроцентричностью, женщина также воспринимается как не-человек, а скорее как товар⁸⁵).

В дальнейшем интересно было бы сравнить содержание концепта «приятел» в древнеболгарский период развития, что позволит проследить изменения, произошедшие в нем, а оттуда и в менталитете болгарина на протяжении веков. Исследование было бы любопытно провести для того, чтобы выявить, какие изменения, порожденные господством другого народа, турецкого, с непохожим менталитетом, верой, языком и культурой произошли у болгарина. Так как человеческий опыт не застыл в строго фиксированном положении, а постоянно и постепенно накапливается, а взгляды и представления индивида могут меняться под воздействием полученных знаний, то и границы поля концепта, с одной стороны, и границы между ядром и периферией, с другой, не являются строго фиксированными и могут изменяться под воздействием исторической и культурной эволюции народа.

Перевод: А. Терешкова, Е. Филатова, Н. Черникова.

Примечания

¹ Выходцева И. Концепт «свой – чужой» в советской словесной культуре (20-30-е гг.) Автореферат. Саратов, 2006.

² Балабас, Н. Концепты «amitie» (дружба) и «hostilite» (вражда) во французском языке, М, 2010.

³ Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», № 1, 2004.

⁴ Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена. 2002, С. 166-205.

⁵ Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику, М, 2006.

⁶ Там же.

⁷ Легурска, П. За концептуалния анализ в лексикографията // Лексикографски преглед. бр. 1, 1999, С. 7-12.

⁸ Китанова, М. Семья и ее ценности в болгарских пословицах и поговорках // Славянский мир в третьем тысячелетии. М. 2010, С. 433 – 454.

⁹ Витанова, М. Концепт *труд* в болгарской языковой картине мира // Славянский мир в третьем тысячелетии. М. 2010, С.398-418.

¹⁰ Кирилова, Й. Гендерные характеристики концепта *ум* в болгарской паремиологии // Славянский мир в третьем тысячелетии. М, 2010, С. 419 – 432.

¹¹ Павлова, Н. Съдбата в провербиалния фрагмент на българския език // Българска реч, кн. 1-2, 2009, С. 58-70.

¹² Панчев, И. Разбиранията за добро и зло като лингвокултурни концепти, отразени в българските и руските пословици // Българска реч, кн. 2-3, 2006, с. 105-109.

- ¹³ Първанов, К. Концептът *кражба* в лингвокултурата на еркечанина // Езикът и социалният опит. Проблеми на социолингвистиката. Знак'94. Велико Търново, 2011.
- ¹⁴ Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М, 2006.
- ¹⁵ Зацепина, Е. Вербализация концепта „друг“ в немецких и русских паремиях (на материале переводов немецких пьес эпохи романтизма). М, 2010.
- ¹⁶ Тарасова, А.В. Концептуализация межличностных отношений в русском и английском языковом сознании. Волгоград. 2009
- ¹⁷ Балабас, Н. Концепты « amitie » (дружба) и « hostile » (вражда) во французском языке. М, 2010.
- ¹⁸ Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику, М, 2006, С. 189
- ¹⁹ Там же, С. 190.
- ²⁰ Арутюнова, Н. Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и когнитивной лингвистики. Воронеж, 2003, С. 25-29.
- ²¹ Воркачев, С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М. 2003, С. 5–12. цит по http://kubstu.ru/docs/lingvoconcept/happ_comps.htm.
- ²² Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. т. 1, М, 1986-1987, С. 543.
- ²³ Трубачев, О.Н. Этимологический словарь славянских языков, М. Т. V, 1978, С. 131-132
- ²⁴ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. т. III, М, 1987, С. 369-370.
- ²⁵ СТБ, Старобългарски речник, т. II, 2009, С. 403.
- ²⁶ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. т. I, М, 1986, С. 352.
- ²⁷ Георгиев, Вл. и кол. Български етимологичен речник, т. I, 1971, С. 179.
- ²⁸ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. т. I, М, 1986, С. 353.
- ²⁹ Георгиев, Вл. и кол. Български етимологичен речник, т. I, 1971, С. , С. 179.
- ³⁰ СТБ Старобългарски речник, т. I, 1999, С., С. 187.
- ³¹ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. т. IV, М, 1987, С. 379.
- ³² Аристотел. Съчинения в шест тома. С., 2008. (русский источник: Коплстон Фредерик «История философии. Древняя Греция и Древний Рим» Том 2, глава 31 <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=1003465>)
- ³³ Платон. Диалоги, т. 1-4, С., 1979. (русский источник <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/dialogi.txt>)
- ³⁴ Монтен, М. Опити. т. I, С., 1975. (русский источник: Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том I. Пер. с фр. - М.: Голос, 1992. <http://www.lib.ru/FILOSOF/MONTEN/montenI.txt>).
- ³⁵ Аристотел Съчинения в шест тома. С., 2008. (русский источник: Коплстон Фредерик «История философии. Древняя Греция и Древний Рим» Том 2, глава 31 <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=1003465>)
- ³⁶ Ницше, Фр. Тъй рече Заратустра. С., 1990. (русский источник Фридрих Ницше, сочинения в 2-х томах, том 2, издательство "Мысль", Москва 1990. <http://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt>)

- ³⁷ Авъл Гелий 2003: *Авъл Гелий* Атически ноци, С. (русский источник Авл Геллий «Аттические ночи» СПб.: Издательский Центр "Гуманитарная Академия". 2007-2008 <http://simposium.ru/ru/book/export/html/840>)
- ³⁸ Монтен, М. Опити. т. I, С., 1975. (русский источник: Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том I. Пер. с фр. - М.: Голос, 1992. <http://www.lib.ru/FILOSOF/MONTEN/monten1.txt>).
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007.
- ⁴¹ Там же, С. 7 65.
- ⁴² Там же, С. 765.
- ⁴³ Геров, Н. Речник на българския език. Т. IV 1975, С. 294
- ⁴⁴ Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007, С. 917
- ⁴⁵ Геров, Н. Речник на българския език. Т. IV 1975, С. 233
- ⁴⁶ Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007, С. 765.
- ⁴⁷ Геров, Н. Речник на българския език. Т. IV 1975, С. 294 294).
- ⁴⁸ Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007, С. 765.
- ⁴⁹ Геров, Н. Речник на българския език. Т. IV 1975, С. 294
- ⁵⁰ Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007, С. 194.
- ⁵¹ Геров, Н. Речник на българския език. Т. I 1975, С. 368
- Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007.
- ⁵³ Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику, М, 2006, С. 188.
- ⁵⁴ Карасик 2002: *Карасик, В. И.* Культурные доминанты в языке - В: Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, с. 166-205.
- ⁵⁵ Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007, С. 666.
- ⁵⁶ См. этимологию слова.
- ⁵⁷ Кирилова 2009: *Кирилова, Й.* Концептът *ум* и *жената* според българската перемиологична картина на света. В: Българска реч, кн. 1-2, УИ „Св. Кл. Охридски“.
- ⁵⁸ Пропп, В.Я. « Морфология сказки», Л.: АСАДЕМІА, 1928. Серия "Вопросы поэтики", выпуск XII.
- ⁵⁹ Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007.

- ⁶⁰ Геров, Н. Речник на българския език. Т. I-IV 1975-1978.
- ⁶¹ Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007, С. 109.
- ⁶² Геров, Н. Речник на българския език. Т. I 1975, С. 151.
- ⁶³ Речник на българския език (авторски колектив). Т. II. Издателство на БАН. С. 1979. с. 351.
- ⁶⁴ Там же, С. 352.
- ⁶⁵ Там же, С. 351.
- ⁶⁶ Геров, Н. Речник на българския език. Т. I 1975, С. 151.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007, С. 109.
- ⁷⁰ Геров, Н. Речник на българския език. Т. I-IV 1975-1978.
- ⁷¹ Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007, С. 109.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Геров, Н. Речник на българския език. Т. I, 1975, С. 152.
- ⁷⁴ Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, С., 2007, С. 109.
- ⁷⁵ Речник на българския език (авторски колектив). Т. II. Издателство на БАН. С. 1979. с. 354.
- ⁷⁶ Геров, Н. Речник на българския език. Т. I, 1975, С. 152.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Речник на българския език (авторски колектив). Т. II. Издателство на БАН. С. 1979. с. 353.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Панчев, И. Разбиранията за добро и зло като лингвокултурни концепти, отразени в българските и руските пословици. – Българска реч. кн. 2-3, 2006, с. 105-109.
- ⁸¹ Лейкъф, Дж., Джонсън. Метафори, ktorыми мы живем 2004, С. 35.
- ⁸² Тарасова, А.В. Концептуализация межличностных отношений в русском и английском языковом сознании, Волгоград. 2009.
- ⁸³ «Другар»-товарищ; «приятел»-друг, С.Б. Бернштейн Болгарско-русский словарь, Государственное издательство иностранных и национальных словарей, Москва, 1953.
- ⁸⁴ Барболова, З. Взаимоотношенията на турците и българите в периода на Османската империя, отразени в българските прецедентни текстове // Българска реч, кн.1-2, 2009, С. 117.
- ⁸⁵ Кирилова Й. Концептът *ум* и *жената* според българската перемиологична картина на света // Българска реч, кн. 1-2, 2009, УИ „Св. Кл. Охридски“.

Литература

БЕР Георгиев, Вл. и кол. Български етимологичен речник, т. I, 1971.

Българска народна поезия и проза. т. 7 Предания, легенди, пословици и гатанки. 1983.

- Български тълковен речник (авторски колектив). Наука и култура, 1955, С.
- Български тълковен речник. (авторски колектив). 4 изд., допълнено и преработено от Д. Попов. Наука и култура, 2007, С.
- Василева, Ст. Речник на антонимите в българския език. Изд. Къща “Петър Берон”. 1997, С.
- Влахов, С. Съпоставителен речник на пословици, български, руски, английски, френски, немски. 1998, С.
- Григоров, М., Кацаров, К. Български пословици и поговорки. 1986, С.
- Минков, Цв. Българското народно творчество в 12 тома. Пословици, поговорки, гатанки. Т. 12, 1963, С.
- Нанов, Л.* Български синонимен речник, С, 1968.
- Славейков, П. Р. Български притчи или пословици и характерни думи. 2003, С.
- СТБ Старобългарски речник, т. I-II. 1999 -2009, С.
- СРБЕ Синонимен речник на българския език А-Я. Изд. “МАГ 77”, 1997, С.

VIII. Литература и культура славянских народов

О.В. Цыбенко

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Литературные истоки польской деревенской прозы

Abstract:

Cybienko O.V. *The literary sources of the Polish village prose*

The “village” theme or the peasant origin? What is the determining factor in including the Polish village prose of the 1960–80-ies into the literary tradition? Contrary to the opinion of many Polish critics all the Polish literature devoted to the village, all the authors who were inspired by folklore influenced J. Kavalec, T. Novak, V. Myslivski, E. Redlinski and not just those writers of the XX century who were of peasant origin.

Ключевые слова: польская литература, деревенская проза, литературная традиция, фольклор, романтизм, мифологизм.

В польской критике и литературоведении деревенская проза 1960–1980-х годов получала различные наименования: «деревенская тема», «народная литература», «народное течение», «литература нового общественного опыта», «деревенское течение», «постдеревенская литература», «крестьянское течение». Причем все были единодушны в выделении определенного ряда авторов и произведений, здесь расхождений не было. Приведенные термины обсуждались и аргументировались, взгляды одних и тех же исследователей менялись, признавалась возможность в рабочем порядке использовать различные дефиниции. Может быть, наиболее часто употребляемыми стали «крестьянское течение» (понятие, выдвинутое Х. Березой) и «народная литература», «народное направление» (З. Зёнтек). Таким образом, тема деревни, хотя и признавалась в широком ее понимании важной составляющей частью данной прозы, но возобладало и укрепилось желание отойти от тематического критерия. Это важно для понимания традиций, на которые опиралась польская деревенская проза 1960–1980-х годов.

Польские исследователи (З. Зёнтек, С. Буркот) в обширной национальной литературе о деревне различают и даже противопоставляют две традиции. Первая, создаваемая писателями высших сословий, шляхетская и интеллигентская, – *литература о деревне* – начинается с Миколая Рея (1505–1569). Эта литература в лучших своих образцах с глубоким сочувствием и вниманием описывала жизнь деревни, мужиков, раскрывала актуальные для своего времени социальные проблемы, связанные с угнетением крестьянства, с их нуждой и тяжелой долей, показала не только много различных типов, но создала и запоминающиеся, полноценные образы героев. Велика была ее общественная роль. Тем не менее, в произведениях на тему деревни выра-

жалась «внешняя», по мнению польских ученых, точка зрения на проблемы села и крестьянские характеры. Акцент в таком случае делается на выполнении писателями своего морального долга.

Отличной от нее считается другая традиция – литература, создаваемая выходцами из деревни, которая раскрывала как проблемы села, так и мысли, чувства, особый духовной склад крестьянина *изнутри*. Она опиралась на лично пережитый ее авторами опыт и на богатую традицию народной культуры, народного мировосприятия. Писатели не занимали уже позицию стороннего наблюдателя, «сверху», «с балкона барской усадьбы» сочувствующего мужику. Особое мировосприятие крестьянина передавалось прежде всего с помощью языковых средств. В этих произведениях использовались диалекты, жаргоны, разговорная лексика и синтаксис, просторечия уже не только в речи персонажей, но и повествователя. Эти языковые особенности служили не для социальной типизации и не только для стилизации, они становились важными в качестве средств выразительности.

Чаще всего зачинателем собственно «крестьянской» литературы называется Владислав Оркан (1875–1930). Но С. Буркот обнаруживает истоки крестьянского, плебейского начала в литературе, этого особого взгляда на жизнь в переводном произведении Яна из Кошичек «Беседы, которые вел мудрый царь Соломон с Мархолтом, грубым и беспутным» (1521).

Представляется, что для создателей деревенской прозы 1960–1980-х годов по-разному – в плане притяжения и отталкивания – но все-таки важны были обе эти традиции, которые им, получившим университетское образование, чаще всего по специальности «польская литература», безусловно, были хорошо знакомы. И разделить их практически невозможно. Происхождение писателя, безусловно, не может быть критерием глубины постижения им народного духа, отразившейся в созданных им произведениях. Богатство народного языка являлось сокровищницей, из которой черпали, пусть и в разной мере, все крупные писатели. Как будет видно из дальнейшего изложения, к фольклору обращались не только Ян Кохановский (не крестьянин), не только, причем программно, осознанно, романтики, но и Крашевский, Ожешко, Конопницкая и др.

Сатирический диалог М. Рея «Краткая беседа между тремя особами: Паном, Войтом и Плебаном» в стихах (1543) включал в себя разговор и о тяжелой доле крестьян, разоряемых непомерными поборами, барщиной, господскими охотами и постоями шляхетского ополчения. Впервые в польской литературе прозвучали слова сочувствия самому тогда угнетенному сословию. Характерно, что в использованном Реем немецком источнике жалоб на крестьянскую нужду не было.

Интересно проявилось крестьянское, плебейское сознание, в переводе

денных с латыни Яном из Кошичек «Беседах, которые вел мудрый царь Соломон с Мархолтом, грубым и беспутным». По сравнению с оригиналом польский автор занял более твердую позицию, поддерживающую плебея. Ян из Кошичек обогатил речь Мархолта польскими пословицами и поговорками, элементами чисто народного языка. В латинском источнике речь Соломона и его собеседника мало чем отличаются друг от друга. С полной силой в произведении выступает контраст между культурой высокой и низкой, между рациональным и образным мышлением. Мархолта не смущает высокий статус царя Соломона, его происхождение от двенадцати колен пророков, он сам с гордостью говорит, что происходит от «двенадцати крестьянских колен», да еще прибавляет родословную своей жены, которая происходила «от двенадцати поколений шлюх». В ответах Мархолта проявляется отчетливое понимание того, что «сытый голодному не товарищ»: «Дрозд поет, а сойка щебечет, сытый поет не так, как тот, кому есть хочется». Только в польском переводе Мархолт говорит стихами, а Соломон прозой. В речи плебея присутствуют параллелизмы, характерные для народной поэзии.

Гениальный польский поэт Ян Кохановский (1530–1584) в двенадцати своих песнях, объединенных названием «Святоянская песнь о Собутке», положил начало жанру сельской идиллии. В центре произведения – народные обычаи, верования, гадания, связанные с идущим от язычества западнославянским празднованием Ивана Купалы. Автор утверждает свой идеал мирного счастья на лоне прекрасной природы, светлое, радостное начало преобладает, хотя и встречается в песнях девушек упоминание о тяжести крестьянского труда. Ян из Чернолесья был глубоко почитаем Тадеушем Новаком (1930–1991), служил для него вдохновляющим примером – внимание к «заветным преданьям старины», языческим обрядам, народным песням, умение конкретно и образно передать черты родного пейзажа. Можно перекинуть также мостик от стихотворных переложений Я. Кохановским псалмов Давида к современным лирическим циклам Т. Новака «Псалмы для домашнего использования» (1959), «Псалмы» (1971), что неоднократно отмечал сам писатель.

Представитель эпохи Просвещения поэт Адам Нарушевич (1733–1796) в своих произведениях отстаивал права мещан и крестьян (сатиры, ода «К простонародью» и др.), проявлял интерес к крестьянской культуре и обосновывал значение фольклора как национального достоинства («К Игнацию Витославскому», «К Поэзии»).

Обращение к фольклору поэта Ю. У. Немцевича (1787–1841), подчеркивание его эстетической ценности критиком и писателем Казимежем Бродзинским (1791–1835) подготовили плодотворное, творческое использование народной поэзии в произведениях романтиков.

Польский романтизм программно заявил о значении национальности и народности в литературе. Носителем национального духа для него явился мелкий шляхтич и крестьянин, народный элемент выражал патриотическое начало (хотя и социальная его сторона не игнорировалась). Знаменательно в связи с этим широкое распространение жанра баллады, в нее вводились стихотворные размеры, характерные для народной песни, элементы народной речи, образные приемы фольклора. Лучшим образцом как этого, так и песенного жанра стали «Баллады и романсы» А. Мицкевича, составившие основу первого его сборника «Поэзия» (1822). Простота, естественность народной поэзии, выраженные в ней нравственные идеалы, привлекали великого романтика. Простонародное начало как бы противостояло панскому образу жизни. Мицкевич творчески перерабатывал фольклорные сюжеты (о крестьянской девушке, обманутой паничем в «Рыбке»), реалии крестьянской жизни появляются в «Холмике Марии».

Отражению народного мироощущения сопутствовала ломка регламентированного классицизмом литературного языка, обогащение его за счет просторечия, говоров, в том числе белорусизмов. В драме «Дзяды. Часть II» народный обряд составил основу композиции, еще более важно, что роль судьбы в ней отводится хору крестьян, народный инстинкт и опыт противопоставлены рационалистическому началу. На основе фольклора созданы и более поздние баллады «Три Будрыса» и «Дозор», лишенные фантастического начала, наполненные жизненными реалиями, жизнерадостным духом и юмором. Произведения А. Мицкевича также послужили вдохновляющим импульсом для Т. Новака, в поэзии и прозе которого широко представлены народные верования, обряды, лирические и юмористические мотивы, подчерпнутые из сокровищницы польского фольклора.

В сказочной поэтической драме «Балладина» (1834) другого великого польского романтика Ю. Словацкого фольклорная традиция сочетается с поэтической фантазией. Польские романтики последовательно обращались к фольклорно-этнографическим источникам. Творческая переработка народной поэзии, мифов способствовала развитию не только их поэзии, но и романтической философии. Наследие польского романтизма могло иметь значение для авторов деревенской прозы 1960–1980-х годов, конечно, не только как обращение к теме деревни, но и как утверждение народного, крестьянского начала, мира народной фантазии и народной мудрости в качестве основы национального сознания, национальной истории, национальной судьбы, как отстаивание самобытности польского художественного творчества. Наибольшую связь с романтизмом можно усмотреть в творчестве Т. Новака, творчество которого, конечно же, самобытно и развивалось в совсем иных исторических условиях, впитало в себя и другие, далеко не сходные с ро-

мантизмом влияния.

С середины XIX в., в связи с возникновением и развитием реалистического направления, социально-бытового романа и повести, расширяется сфера наблюдений в польской литературе. Писатели проявляют самое пристальное внимание к социальным проблемам деревни, к ее бытовому укладу, к созданию крестьянских типов и образов. Романтической идеализации народа начинает противопоставляться аналитический подход, проявляется и критическое отношение к темноте, невежеству деревенских жителей. Крестьянские повести Ю. И. Крашевского (1812–1887) сыграли большую роль в выдвижении деревенской темы на первый план, в создании разнообразных типов крестьян, в раскрытии взаимоотношений их с помещиками. Авторская позиция всегда на стороне угнетенных.

Первый «крестьянский роман» «Уляна» (1843) повествует о трагической судьбе замужней крепостной женщины, матери, работающей «наравне со скотом», обманутой помещиком, о ее гибели и поджоге ее мужем барской усадьбы. Внутренний облик героини-крестьянки впервые был раскрыт с такой тонкостью, психологической глубиной, художественной силой и достоверностью. «Крестьянин – тоже человек» – эта мысль не в декларации только, а в художественной реальности прозвучала в произведениях Крашевского даже раньше, чем были написаны «Записки охотника» Тургенева. Героем романа Крашевского «Остап Бондарчук» (1847) оказывается крепостной парень, получивший образование, ставший врачом. Он одерживает моральную победу над графом, жестоким, закостеневшим в предрассудках.

В 1850-е годы писатель создает повести «Арина», «Хата за деревней», «Ермола», в 1860 г. – «Историю колышка в плетне», которая как бы завершила «крестьянский цикл» Крашевского, в ней раскрыта трагическая судьба крепостного музыканта, чей талант был загублен, перекликающаяся с участью молодого дубка, срубленного для господского плетня.

В творчестве Элизы Ожешко (1841–1910) важное место занимают произведения о белорусской деревне – повесть «Дзюрдзи» (1885) об убийстве крестьянами народной знахарки, эта повесть включила в себя народные предания, легенды, песни; повесть «Хам» (1888) о деревенском рыбаке Павле, его любви к природе, доброте, всепрощении по отношению к изменившей ему жене Франке, испорченной жизнью у господ. В романе «Над Неманом» (1888) проводится идея единения шляхты с народом. Одна из лучших сцен произведения – сцена жатвы, как гимн труду. Шляхта обязана «всецело отдать свои силы народу и земле», – говорит один из героев.

Повесть Болеслава Пруса (1847–1912) «Форпост» (1885) – одно из лучших произведений о деревне в польской литературе. Шляхетская усадьба перестала быть оплотом патриотизма, а крестьянин Слимек героически бо-

рется с немецкими колонистами, принуждающими его продать свою землю. Ни поджог всех его построек, ни гибель жены не могут сломить его упорства. Это полнокровный, жизненный образ, лишенный идеализации. Глубоко раскрыта и психология его жены Ягны, батрака Мацека Овчажа, выгнанного на мороз хозяином и замерзшего в лесу с девочкой-«найденкой», сына Слимака Стася, тонкой, художественной натуры, из которого, по словам его отца, никогда не выйдет настоящего крестьянина. Прус все события в повести пытается дать в восприятии крестьян, в их интерпретации.

Замечательны «крестьянские» произведения Генрика Сенкевича (1846–1916) – повесть «Эскизы углем» (1877), новеллы «Янко-музыкант» (1879) и «Ангел» (1880), повести «За хлебом» (1880) и «Бартек-победитель» (1882). В центре «Янко-музыканта» рассказ о печальной участи талантливоего крестьянского мальчика, засеченного насмерть невежественным мужиком по приказу управляющего. В повести «За хлебом» появляется тема вынужденной эмиграции польских крестьян в Америку – скитальцев, погибающих вдалеке от родины.

Муки обманутых переселенцев-крестьян изображал и Адольф Дыгасиньский (1839–1902) в повести «На погибель» (1893). В рассказах этого писателя образ деревенского труженика приземлен, зарисовки животной привязанности мужика к земле-кормилице раскрывают славянскую основу натурализма Дыгасиньского.

Во многих произведениях деревенской прозы 1960–80-х годов, как трагический лейтмотив, звучит тема дедов, прадедов, отцов главных героев, которые годы отдавали нечеловечески тяжкому труду на чужбине ради выживания своих семей, чтобы прикупить маленький кусочек поля («Иноплеменная баллада» Т. Новака, «К земле приписанный» Ю. Кавальца и др.).

Стефан Жеромский (1864–1925) остро чувствовал неправду социального притеснения крестьян, болезненно переживал неудачу польских восстаний, судьба которых во многом зависела от союза шляхты с народом. Угнетение польской деревни, ее отсталость показаны в рассказах «Сумерки», «Забвение» (оба – 1895). В повести «О солдате-скитальце» (1896) трагически обрывается жизнь старого крестьянина Матуса Пулюта, участника восстания Костюшко, наполеоновского гренадера, оставшегося без руки, двенадцать лет скитавшегося по свету. Инвалид вернулся на родину, его рассказы подбивают крестьян не идти на барщину. По приказу помещика, возненавидевшего своего крепостного, Пулюта казнят, отрубаят ему голову.

Простому народу посвятила прекрасные стихи и рассказы Мария Кнопницкая (1842–1910). Сермяжные люди, польский мужик, мать-крестьянка «населили» ее лирику, проникнутую скорбью, поэзией, интона-

цией народной песни. Ее творчество созвучно некрасовскому. «Простые, верные души» – герои ее прозы: сборников рассказов «Мои знакомые» (1890), «Четыре новеллы» (1888). «Крестьянские» новеллы Конопницкой отличаются еще более тонким психологическим рисунком, чем рассказы о деревне Б. Пруса, Э. Ожешко, Г. Сенкевича, в которых преобладал социальный аспект. В поэме «Пан Бальцер в Бразилии» вновь поднята тема вынужденной эмиграции крестьян за океан, оборачивающаяся для них очередным поражением, поскольку им приходится возвращаться ни с чем.

В. Реймонт (1867–1925), сын сельского органиста, противопоставлял космополитический город как некую мистическую силу, «огромное, вечно ненасытное чрево, переваривающее людей и землю», деревне, хранительнице национальных традиций и высокой морали («Земля обетованная», 1895, рассказ «Смерть города», 1905). В романе «Мужики» (1904–1909) жизнь одной польской деревни в течение десяти месяцев (ее реальный прототип – Липцы) переводится в универсальный план – крупные, яркие характеры героев-крестьян с сильными страстями, судьба человека, зависящая от общества и труда на земле, связанного с природными ритмами. Повседневность до некоторой степени оказывается вписанной в миф. Реймонт реалистически конкретно раскрывает важные социальные, экономические, политические проблемы села эпохи рубежа XIX–XX вв., особенности национального характера и вместе с тем создает натуралистические описания, импрессионистические, лирические картины природы, использует неоромантические приемы. Этот роман, воспринимавшийся в Польше как эпос, хотя и не сразу, а после награждения Реймонта Нобелевской премией за этот роман в 1924 г., получил широкий общественный резонанс. Один из ярких представителей деревенского течения в прозе 1960–1980-х годов Э. Редлинский сказал, что если бы иностранцу предложить одну польскую книгу, то это должны быть «Мужики» В. Реймонта.

В знаменитой пьесе «Свадьба» (1901) С. Выспяньского есть неоромантическое начало, фольклорный элемент, отсылающий к романтическому мифу в младопольском его преломлении. В основе сюжета – брак поэта, увлеченного «людоманским» хождением в народ, с крестьянкой. Национально-освободительная проблематика перекрещивается с народной, все сословия оказываются бессильными воскресить Польшу, символически звучит финальная реплика драмы: «Эх, мужик! Имел ты шапку и волшебный рог имел!».

Культурное раскрепощение крестьянства, проявившееся в конце XIX в., отразилось в дневниках, воспоминаниях мужиков, в их письмах из эмиграции, которые постепенно начинают проникать в печать. Самородному творчеству большое внимание уделяется в XX в., в межвоенное двадца-

тилетию проводятся конкурсы, публикуются сборники автобиографий, чему способствовали многие видные литераторы и деятели культуры, в том числе Мария Домбровская и Ярослав Ивашкевич.

В те же годы предприняты усилия по изучению этих ценных свидетельств. Получить образование удавалось только редким представителям второго после отмены крепостного права (1864) поколения крестьян. К ним можно отнести Яна Каспровича (1860–1926) и Владислава Оркана, они, ставшие писателями на рубеже XIX и XX вв., еще были исключением.

В. Оркан (1875–1930) – своим творчеством, в основном прозаическим, стал полноправным соучастником в деле созидания национальной культуры, внося в нее свое понимание «крестьянскости». Наибольшую известность получили его повести «Батраки» (1900), «В долинах» (1903). В них писатель показал не идеализированный образ польской деревни, погрязшей в нищете, с вытекающими отсюда социально-моральными последствиями. Анализируя расслоение в деревне, Оркан создает новый, синтезирующий образ крестьянской судьбы, пользуется как реалистическими средствами, так и приемами модернистской поэтики. Народные говоры, крестьянская речь присутствуют не только в речи героев, но и в авторском повествовании, стилизация становится важным средством выразительности.

Реалистические традиции классической польской литературы о деревне в межвоенное двадцатилетие получили свое развитие в творчестве Марии Домбровской (1889–1965). Ее книга «Люди оттуда» (1926) посвящена работникам на фольварке¹, сельскому пролетариату, она написана на основе близкого личного знакомства с изображаемой средой. Социально-обусловленное соединяется в ней с бытийным, метафизическим. Герои Домбровской – люди, данные в полный рост, в общечеловеческом измерении. Рассказ о тяжелой доле крестьян пронизан мыслью о необходимости лада, согласия человека с самим собой, с другим человеком, с природой. Домбровской удалось с помощью особой повествовательной техники, использования языка крестьян проникнуть в сознание своих героев, как бы изнутри высветить их внутренний мир.

Юлиуш Каден-Бандровский (1885–1944) в свойственной ему резко-экспрессионистической манере в политическом романе «Матеуш Бигда» (1933) создал образ крестьянского вождя, прибегающего к жестоким манипуляциям ради достижения и упрочения своей собственной карьеры.

Леон Кручковский (1900–1962) в романе «Кордиан и хам» (1932), в котором он противопоставил романтический повстанческий миф своей идее двух родин – шляхетской и крестьянской, Ванда Василевская в книге «Земля в ярме» (1938) показали судьбу крестьян в переломные эпохи польской истории. Связанные с леворадикальными движениями в 1930-е годы, Кручков-

ский и Василевская своими произведениями, публицистикой, политической деятельностью влияли на возраставшее крестьянское самосознание интеллигентов, писателей, выходцев из деревни.

В межвоенном двадцатилетии дебютировали уже более двадцати писателей крестьянского происхождения. Именно в этот период, по мнению польских ученых, зарождается народное направление в прозе², заменившее «деревенскую тему» в литературе. Задачей этих писателей стало освобождение от традиции предлитературного творчества, перенос собственного общественного опыта в подлинную литературу. Важную роль сыграли демократические общественные объединения, движения, деятели, писатели и публицисты именно в такой ориентации крестьян, получивших доступ к культуре: вовсе не все из них, стремясь к литературной деятельности, изначально осознавали, что именно в этом состоит их уникальная миссия. В 1930-е годы в творчестве М. Чухновского, Ю. Пшибося, С. Млодожёнца, В. Скузы, Ю. Мортоня, С. Пентака, Б. Ожуга вырисовывается больше всего захватившая их проблема – описание неоднозначных коллизий, вытекающих из массовой эмансипации крестьян, принадлежность крестьянских интеллигентов двум культурам одновременно – материнской и почерпнутой в процессе приобщения к городской.

Наиболее, может быть, интересным произведением «крестьянской» литературы предвоенных лет стал роман Станислава Пентака (1909–1964) «Юность Яся Кунефала» (1938), явивший собой вариант «портрета художника в юности». В роман включены фрагменты дневника, автобиографической повести 1926 г. – на правах литературных проб заглавного героя. Смена повествователей, точек зрения и способов рассказывания делают роман разнородным и увлекательным (замечательным рассказчиком, например, предстает отец главного героя). Дневник обнаруживает ощущение бессилия и растерянности, автобиографическая повесть связана с воспоминанием о тяжелой болезни, пережитой в детстве, сон здесь смешивается с явью, постепенно укрепляется сознание необходимости ухода из родной среды, «допстания» до роли интеллигента. С этой личной линией внутренних метаний героя связана история его рода, в каждом поколении которого находился человек, в чем-то выламывающийся из своей среды: отец главного героя был эмигрантом, брат – поэтом и дезертиром, дядя – мистиком и неудачником. Пентак обнаруживает глубинную связь художника из крестьян с миром народных верований, мифов, поэзии, открывает затем плодотворно развитую в деревенской прозе 1960–1980-х годов возможность для литературы черпать из сокровищницы «крестьянской» мифологии. Роман производит впечатление правдивого изображения поисков собственного пути в литературу, единичная биография становится универсальным символом становле-

ния «нового человека», примером художественного аутентизма, как считал основатель направления аутентизма в польской литературе С. Черник (1899–1969).

Подлинно художественным исследованием непростой ситуации в польской деревне начала 1950-х годов стала повесть Марии Домбровской «На деревне свадьба» (1955), большинством критиков признанная писательским и гражданским подвигом. Конкретно-реалистическое описание села того времени, тонкий психологический рисунок помогли писательнице выразить подлинную правду о драме насильственного введения коллективизации, неприятие крестьянами многих изменений, пропагандировавшихся новой властью со всевозможных трибун. Эта повесть высветила ложность, схематичность «производственных» произведений на сельскую тему, написанных «по заказу» в начале 1950-х годов, таких как «Тракторы разбудят весну» (1951) В. Залевского, «Люди из-за реки» (1951) Л. Бартельского и многих других. По замечанию К. Новосельского, «в крестьянском соцреализме преобладал скорее бюрократический экспорт, хотя деревенское происхождение не защищало автоматически от влияния пропагандистских искажений»³. Повесть М. Домбровской, можно сказать, расчищала путь деревенской прозе 1960–1980-х годов.

Вильгельм Мах (1917–1965), родом из крестьянской семьи, в романах «Дом Явора» (1954), «Жизнь большая и малая» (1959), «Агнешка, дочь Колумба» (1964) отразил многие реалии послевоенной деревни, стремясь к правдивости и раскрытию сложных характеров, трудного переплетения человеческих судеб, экзистенциальных, моральных проблем, не поддающихся однозначному толкованию. Хотя местом действия в этих произведениях является деревня, большинством героев – крестьяне, незаурядный талант В. Маха в большей степени сосредоточен на проблемах личности как таковой и ее взаимодействия с окружением. В романе «Жизнь большая и малая» в центре – сопоставление детского восприятия мира, отличающегося полнотой, со «взрослой» оптикой повествователя, отдавшего воспоминаниям. В «Агнешке...» – психологическая коллизия, возникшая между сельской учительницей и старостой деревни Балчем, использующим свой заработанный во время войны авторитет как обоснование своей деспотичной власти, драма любви – ненависти.

Ранее других созданный Махом «Дом Явора», в котором повествование сконцентрировано на психологических, семейных конфликтах, связанных с социальным расслоением в деревне и «биологическими» страстями, завистью и т. п., можно отнести к широко понимаемой послевоенной деревенской прозе, хотя в этом романе нет еще специфических проблем, определивших в полной мере своеобразие этого течения. В художественном пла-

не «Дом Явора» в значительной степени опирается на реализм польской прозы XIX в.

Таким образом, богатая традиция польской литературы о деревне – освоение ею не только конкретного жизненного материала определенной эпохи, но и сущностных констант народного бытия, его философии, его поэзии, постижение драматичного опыта «вхождения» крестьян в общенациональную культуру – во многом предопределила плодотворность и силу деревенской прозы 1960–1980-х годов. Притяжение и отталкивание от опыта предшественников по-разному проявилось в творчестве Кавальца, Новака, Мысливского, Редлинского и других писателей, которые, конечно, учитывали и использовали также лучшие достижения всей мировой литературы.

Примечания

¹ Помещичье хозяйство, небольшая усадьба, хутор.

² См. например: *Зѣнтек З.* Революционные традиции польской литературы 20–30-х годов и развитие современной деревенской прозы // Литературная критика европейских социалистических стран. М., 1978. С. 80–81.

³ *Nowosielski K.* *Ryzykoobecnosci.* Warszawa, 1983. S. 84.

К поэтике Якуба Коласа: роман «На росстанях»

Abstract:

Kurennaia N.M.

The Yakub Kolas – the classic of the Belarusian literature. The Creator of the first Belarusian novel «The росстанях», poems «New ground», «Сымон-musician» about the life of the peasantry, the awakening of national consciousness, the system of people's spiritual values, the Belarusian picture of the world.

Ключевые слова: белорусская литература, Якуб Колас, художественный полифонизм, картина мира.

В 2003 г. выдающийся русский поэт Юрий Кузнецов в своем духовном завещании «Воззрение» писал: «Человек в моих стихах равен народу»¹. Эти слова можно с полным правом отнести и к творческому наследию Якуба Коласа (1882–1957), поэта, писателя, ученого, – одного из основоположников художественной литературы Беларуси. В поэзии и прозе Коласа белорус равен белорусскому народу, а «назначение поэта, в том и состоит, чтобы за поверхностным слоем народного быта узреть само бытие»². Интерес к крестьянскому быту и бытию родился у Коласа еще в Несвижской учительской семинарии, что было отмечено в выпускной характеристике: Константин Мицкевич (подлинное имя Якуба Коласа) «хорошо знает местную природу и крестьянский быт, любит крестьянство и даже изучает его»³. К этому же времени относится и его знакомство с трудами своего земляка фольклориста и этнографа П. П. Демидовича.

Имя Якуба Коласа стало именем-обобщением, именем-символом, которое обозначает не только конкретную творческую индивидуальность, но и явление, которое вбирает в себя огромный мир представлений и ассоциаций. Якуб Колас «принадлежит к тем знаковым для отечественной литературы писателям-пассионариям, чей взгляд на белорусскую словесность и «человека национального» был положен в основу современных представлений белорусов о самих себе как народе»⁴. Прозу писателя отличает симбиоз, переплетение универсальных категорий, национальных и региональных концептов, ключевых слов.

Главным прозаическим произведением Коласа стал роман «На росстанях», над которым он работал на протяжении 30-ти лет. Существует мнение, что все части этого произведения отличаются довольно явными жанрово-стилистическими различиями⁵, контрастностью стиля⁶ и художественным полифонизмом.

Основной сюжет первого белорусского романа посвящен двум параллельно протекавшим процессам – процессу духовного и профессионального роста молодого учителя, «нового человека» для Беларуси начала XX в., и движению к самоидентификации белорусского народа. Сам писатель в предисловии к первой части романа – повести «В полесской глуши», изданной в Вильно в 1923 г., писал: «В полесской глуши» – это небольшой отрезок жизни сельской интеллигенции и, главным образом, сельского учительства. Жизнь эта относится к самому началу XX в., ко времени первой революции 1905 г. Воспитанная в чисто казарменной обстановке, взрожденная на катехизисе Филарета и исполненная духом идеи «веры, царя и отечества», эта интеллигенция, искусственно оторванная от живых источников жизни, частично оставалась верной казенным принципам, частью же, не видя просвета, опускалась на дно и скатывалась в болото. Большая же, деятельная и живая ее часть пыталась слиться с этими источниками и наощупь искала дорогу, чтобы познать суть вещей»⁷. (Пер. Н.К.)

Название романа, как правило, семантически соотносится с целостным произведением – в нем может содержаться имя главного героя, основное место действия. Возможно, что название «приоткрывает завесу» над авторским замыслом, и в нем не прямо, а метафорически сообщается основная тема произведения, оно зачастую ключ к ее пониманию. «В названиях, эпиграфах, примечаниях всегда заложена художественная информация, и она совершенно не случайно вынесена за пределы основного текста. Так отмечаются важные смысловые «точки», проецируемые на собственно произведение»⁸. Эти же соображения можно отнести и к названиям трех частей романа – «В полесской глуши», «В глубине Полесья», «На росстанях». Названия частей романа также не случайны. Таким образом, Колас через название дает читателю возможность взглянуть на свое произведение еще до погружения в него⁹.

В названии прослеживается и автобиографическая мотивированность. Колас уже в зрелые годы, оценивая собственный писательский путь, сравнивал себя с одним из своих персонажей, который «и по служебному, и по социальному своему положению как бы некая промежуточная планета, которая ощущает на себе влияние соседних планет»¹⁰. О теме перекрестка, перепутья, выбора Колас размышлял и до начала работы над романом. Еще в тюрьме, куда он попал за организацию учительского съезда, в 1911 г. он пишет стихотворение «На перепутье»:

И меня людская
Буря подхватила,
В омуте глубококом
С силой закружила

И несет с собою
Тяжкою волною.

Не на путь открытый
Ставит мои ноги –
Узки мои стежки,
Заросли дороги.
Я бреду, шагаю,
А куда не знаю!¹¹

Очевидно, что названием романа писатель стремился передать духовное состояние своего героя, наметить сложности его жизненного пути. (О значении этого названия для самого Коласа свидетельствует настойчивое пожелание автора сохранить его в русском переводе.) В этой связи знаменательны слова *alter ego* автора Андрея Лобановича – главного персонажа романа, который в заключительных эпизодах произведения объясняет товарищам по тюремному заключению свои соображения о будущей жизни: «Откровенно говоря, я – на росстанях, не решил, куда присоединяться»¹². Слово «росстань», обозначающее «перекресток двух или нескольких дорог»¹³, в народной славянской мифологии считается особым местом – «перекрестки чтутся роковыми и нечистыми; тут совершаются чары, заговоры...»¹⁴. Возможно, что Колас хотел названием романа не только обозначить его основной мотив – поиски верного жизненного пути главным персонажем, но и назвать место, где происходят значительные события в его судьбе. И место это особое не только в романе, но в геополитическом и культурном пространстве Беларуси. Полесье известно как один из наиболее древних ареалов расселения славян и место формирования их культуры¹⁵, составной частью которой стала народная мифология, наполненная многочисленными демонологическими поверьями.

Автор видит на перепутье не только героя, но и свою родину, которая на самом деле оказывается более значимой в тексте, чем герой. Он выступает в роли наблюдателя, сочувствующего своей бедной и печальной стороне, ее людям, не способным выбраться из бедности и невежества, однако он в меру своих сил пытается действовать – учит детей бедняков. Его действия не революционны, он искренне верит в то, что просвещение выведет белорусов, полешуков на верный путь. У Коласа много рассуждений о пользе просвещения. Тема учительства – вообще центральная в первой части. Школа, в которой преподает Лобанович, выполняет роль сельского центра, к которому стягиваются многие сюжетные линии.

Роман наполнен множеством ключевых слов, превращающихся в концепты. Один из них – «глушь». Так герой называет полесскую деревню – в

глуши, в глубине Полесья. Тема «глуши» вводится в первых двух главах: глухая деревня, глухой уголок. «Как отражаются на нем образы глухого Полесья и какой след оставят они в его душе? – думал учитель». Глушь деревни, т. е. отгороженность от всего мира, людская закрытость и одновременно «неразвитость» мыслей и чувств, нечуткость к страданиям других, к красоте природы, к новому слову дополняется образом дремучего, непроходимого леса, который то радует глаз героя, то надоедает ему: «тряская, покрытая корнями дорога и глухой лес все же наскучили ему». Так образ природы оказывается созвучным жизни людей.

Но глушь может быть и уединенным, привлекательным для людей местом, таким образом, этот концепт принимает на себя положительные коннотации: «Лучшего места я и не ждал. Тихое, глухое, ничто не помешает вести работу, – проговорил Лобанович». – «И тем не менее впервые вижу человека, который так высоко ставит глушь, да еще такую, как ваша. У вас здесь, извините, еще большая глушь». «Только почаще к нам навещайте, ведь у вас там глушь, человека не увидишь и, кроме подловчего там не к кому пойти». И второстепенные персонажи высказывают недовольство глушью, но все же не прочь жить именно там. Уединение может перерасти в отшельничество: «Он любит глушь и одиночество и хочет жить отшельником». «А вы знаете, отец Кирилл, – сказал Соханюк, – коллега находит, что у нас здесь большая глушь, чем Тельшино. И правду говорит, чистую правду! – убежденно промолвил отец Кирилл».

Глушь приобретает резко отрицательные коннотации, когда появляется мотив грязи, помойной ямы: «Небольшая деревенька, в одну улицу выглядела неприветливо и неудобно. На всем лежала печать небрежения и какой-то незавершенности, словно здешние хозяева строились на скорую руку и все делали временно и еще не успели навести тот порядок, которым обычно отличается белорусская деревня. Почти возле каждой хаты грудами лежали и гнили бревна, но никому не приходило в голову положить деревянные кладки, хотя бы возле своей хаты, чтобы можно было пройти через грязь, в которой утопала улица. А грязь была густая, черная как деготь, глубоко размешенная лаптями полешуков, копытами коров и лошадей». «Тут у нас такая яма, такая, извините, помойка, что другой такой на свете нет. – Когда я говорил, что у вас, коллега, большая глушь, то имел в виду, что вы живете дальше от железной дороги. Какая бы ни была сама по себе глушь, но когда ты слышишь гудок паровоза, стук вагонных колес и видишь эти ровные либо красиво закругленные полосы железа на шпалах, то не так тоскливо ощущаешь оторванность от людей и культуры». Оторванность производное от глуши. Деревня прямо как необитаемый остров, и только железная дорога ведет в мир культуры.

Герой меняет отношение к глуши, стараясь ее полюбить, но это у него не очень получается. «Глушь тут у вас, наставничек! – Все вы, господа, в глуши живете, а глуши боитесь. И в глуши люди живут. Мне, матушка, даже нравится такая глушь», «И вот теперь...глушь, которая интересовала меня вначале, начинает казаться враждебной и начинаешь видеть в ней неприятеля».

Рядом с глушью появляется определение «темный». Таким бывает и лес и человек – так у Коласа ходят рядом человек и природа. Темнота – это и тайнознание (бабка вылечила героя от головной боли, и все к ней ходят лечиться), которое Лобанович считает первобытным и осуждает, но все же как-то принимает: то задумывается о его причинах, то шутит на эту тему. «Почему у народа не хватает ума от них (от суеверий) освободиться», – думает герой, слушая быличку и не доверяя рассказчице. Но, оказавшись на том же месте, где в лапы нечистому чуть не попал сын бабки, он сам испытывает жуткий страх. Это очень важное наблюдение Коласа – пространство бывает опаснее демонологического персонажа. Главная функция народного рассказа о мифологическом – это функция эмоциональная¹⁶. Страх слушателя – вот что главное. Без страха быличка – не быличка. Здесь страх приходит со значительным опозданием. «Вот он, учитель, не верит ни в какую таинственную враждебную силу, существующую независимо от человека, однако и он ощущает на себе влияние нелепого страха. Если он придет сюда днем, ничего этого не будет. Но дело здесь не в ночном мраке, а в том, что мраком покрыты еще многие стороны психической жизни человека. И все же Лобанович чувствовал, что ему страшно, что у него не хватает сил преодолеть этот страх».

«Призови к себе нечистую силу», – говорил ему какой-то голос, но учитель притворился, что не слышит его, и вместе с тем ощущал еще больший страх. «Если у тебя не хватает на это смелости, прислушайся: ты что-то услышишь», – преследовала его неотвязная мысль. «Ну что же, – проговорил про себя Лобанович, – и буду слушать!» И он внимательно начал прислушиваться. Все та же тишина, та же глушь. – Черти! Черти! Покажитесь! – тихонько позвал он и снова стал прислушиваться».

Устность подобных сцен, – это не только диалоги героев, но и быличка, которую рассказывает бабка-знахарка, по существу это типичный народный рассказ о сверхъестественном, который не имеет отчетливого финала. Колас не объясняет, как герой освободился от страшного противника, неужели только с помощью физической силы. Не крестился, не творил молитвы, не произносил заговоры, и время будто не шло, а ведь все началось в опасное время суток, на заре, когда вся нечистая сила несется на людей опрометью. Перед персонажем появляется нечто – «и не зверь, и не человек»,

голый и скользкий, «ни шерсти, ни одежды». После встречи с ним сын бабки не только свитку разорвал, но и три месяца после этого болел горячкой. Эта встреча не кончилась смертью, как обычно бывает в быличках.

В тексте романа уже на первых его страницах Коласом через посредство своего героя были заданы две генеральные темы, более других интересовавшие писателя на протяжении всей жизни: «Есть две важные части, из которых складывается жизнь и которые придают ей глубокий смысл и красоту, – человек и природа. Никогда не утратит интереса человек, ибо проявление его ума безграничны, пути его неизведанны, формы его жизни и его отношений с другими людьми бесконечно разнообразны, окончательно не определились и никогда не могут стать окончательными. А природа! Сколько великой радости дает нам она!».

Очень важна для описания героев и Полесья именно оппозиция человек/природа. Она сближает противопоставленные понятия, даже сливает их воедино: «...жители этой деревни представляли собой настоящих детей леса, которые, казалось, совсем еще недавно обосновались здесь и только начали переходить от одной формы жизни к другой». «Ведь полешуки – люди рассудительные, степенные, осторожные, не сразу и не каждому открывают они свою душу, – должно быть, сама природа Полесья наложила на них свой отпечаток». «Длинные, как у попа, темно-русые волосы, светло-серые глаза, средний рост, широкие плечи, медлительность движений и какая-то серьезность выражения лица как нельзя лучше гармонировали с общей картиной полесской природы».

Природа Полесья печальная, она печалит и человека, обостряя его недовольство собственной долей, бедностью, житейскими неурядицами: «Неведомо с каких времен, как свечки, торчали над ними засохшие, сломанные комли старых, истлевших ольх, и печально глядели в небо. От болот веяло какой-то невыразимой печалью; тихую грусть навевали однотонные картины полесских уголков, где жизнь все же создавала своеобразные, неповторимые формы и, несмотря ни на что, имела свою прелесть и красоту. Но эти картины утомляли глаза и печалили сердце, и человек невольно старался отыскать что-то такое, на чем можно было бы отдохнуть и успокоиться». «Казалось, выражение печали, грусти, не сходявшее всю зиму с лица этого глухого уголка Полесья, теперь исчезло...» Печаль разлита повсюду, она и в сердце героя: «Лобанович почувствовал какую-то грусть. Откуда она – он не знал и сам». «На душе у него было тоскливо». Печалются и другие персонажи: Ядвися – молоденькая девушка, к которой учитель испытывает симпатию, пытается отвлечь ее от невеселой жизни: «И печаль своего детства она глубоко затаила в сердце». Жена местного начальника с тяжелой судьбой: «Лобанович обычно сидел еще несколько минут и выслушивал жену под-

ловчего. Она порывалась сказать очень многое, хотела открыть свою душу, излить всю тоску, всю грусть свою, но никак не могла найти нужные слова, соответствовавшие ее мыслям и чувствам». Возникали в селе и своеобразные приятельские «кружки», которые «специально заводились для того, чтобы отжаться иным, грустным воспоминаниям далекого прошлого». Та же печаль и в народных песнях, которые слушал учитель в деревне: «Почему они такие печальные? Почему так мало разнообразия в их мотивах, так мало, что трудно сказать, о чем поют девчата, о грусти или о радости, – ведь когда ни слышишь их напевы, они всегда невеселые... Не однотонность ли здешней природы, не эти ли кривые бесконечные дороги среди лесов и болот наложили на них свой отпечаток?». Печально поет даже печная труба.

У Коласа психологизация как художественный, «позтологический» принцип явно доминирует над символизацией. Причем речь идет о весьма своеобразной трактовке самого понятия «психологизации»: в поэтике произведений Якуба Коласа во всей полноте воссоздается поэтика его мироощущения. Ее основу составляет «пейзажное мышление», ориентированное на синтез предметно-чувственного мира с миром духовным, земного пространства – с внутренним пространством человека¹⁷: «Только он закрыл глаза – перед ним словно живая встала картина дороги, по которой он ехал от станции: нескончаемые болота и целые стада стожков на них, гати, броды, старые сосны, гордо возносившие свои верхушки над лесом, - словом, вся эта местность, полная особой красоты и невыразимой прелести».

Одно из наиболее любимых и волнующих явлений природы Коласа – гроза. Страхи, которые многие люди испытывали перед грозой, он считал пустыми. Гроза была для писателя предвестником очищения и освобождения природы и человека: «Тем временем с юго-запада поднималась злоедающая туча, она все шире и плотнее застилала небо. Из-за Немана доносилось глухое урчание далекого грома. Лобанович невольно повернул домой. Гроза приближалась. Вдруг рванулся ветер и перешел в такую бурю, что земля закружилась пылью. Кусты припадали к самой земле. Огненными стрелами вспыхивали молнии, и хлынул такой дождь, что вода сквозь стены затекала в хату». Тот же мотив грозы, бури звучит, например, в стихотворении «Будет гроза» (1912 г.), которое представляет собой своеобразную переключку с горьковским «Буревестником»:

Начали грозно зарницы играть,
Гром посылает могучую рать.
Тьма подступает мрачней и мрачней...
Грянь же ты буря, да грянь посильней!¹⁸

Грозе посвящены не только поэтические и прозаические страницы, и в частной переписке Колас нередко описывает предгрозовые минуты, сопро-

вождающиеся особым состоянием души: «Я не люблю однообразного неба. Я радуюсь грозovým облакам. Они для моих глаз самое лучшее в мире зрелище, а гром для меня занимательнейшая музыка. Но я не в родной Белоруссии, не среди природы. Ее вижу только в мыслях. О ней тоскует душа». 17.У11.1942 (из архива Литературного музея Якуба Коласа. Неопубликованные письма Якуба Коласа к Н.А. Ногиной).

Единение человека с природой не только в общем настроении (печаль, грусть, радость), но и в том, что у них единый ритм жизни. Автор не столько любит красотами природы, сколько выискивает в ней сознание, одушевляет ее. У природы своя жизнь и не понятый людьми разум: «Я хочу спросить тебя, задумывался ли ты когда-нибудь над тем или хотя бы бросалось тебе в глаза, что природа вокруг нас... я не знаю, как выразить свою мысль... Ну, что у нее есть какая-то сознательная жизнь...».

В романе тема природы и человека находится в постоянном движении: в оппозиции человек / природа доминирует то один ее член, то другой, иногда они почти сливаются, природа из источника радости и вдохновения человека превращается в причину его уныния и тоски. По существу в своей трилогии Колас говорит не только о единении и оппозиции природы и человека, но и «о основоположном единстве мира, о взаимопроницаемости всего и вся, о зыбкости границ между миром человека и макрокосмосом»¹⁹.

Примечания

¹ <http://kuznecov.ovc.ru/vozzrenie.html>

² Стенограмма 4-го съезда Союза писателей (СП) СССР, 1975.

³ ЦДГА ЛітССР, ф. 567, вып.12, спр. 2870, лл. 38–47. (1902).

⁴ *Вабшчычэвіч Т.* Коласава канцэпцыя «эпічнага» нацыянальнага характару беларусаў: рэалізацыя сродкамі прозы // *Каласавіны 2008*. Мінск, 2009. С. 117.

⁵ *Гальманов Д.И.* Стиль прозы Якуба Коласа. Минск, 1973. С. 99.

⁶ Там же.

⁷ *Гушча Тарас.* У палесскай глушы. Вільня, 1923. С. 3. (пер. с белорус. автора статьи).

⁸ *Софронова Л.А.* Культура сквозь призму поэтики. М., 2006. С. 149.

⁹ Там же С.150.

¹⁰ Цит. по *Якуб Колас*. Собр. соч.: в 4-х т. Т. 2. М., 1982. С. 343.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 84.

¹² Здесь и далее по тексту цитаты даются по изд.: *Якуб Колас*. Собр. соч.: в 4-х т. М., 1982. Т.2, 3. / Пер. с белорус. Е. Мозолькова.

¹³ *Словарь русского языка*: в 4-х т. 2-е изд-е. Т. III. М., 1983. С. 732.

¹⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. 2-е изд-е. Т. 3. М., 1882. С. 59.

¹⁵ *Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е.* Народная демонология Полесья. Т. 1. М., 2010. С.8.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ *Шамякина Т.* Касмасофия и литература (беларуски нацыянальны космас и душа беларуса у творчасцы Якуба Коласа // Беларусіка-А. Мінск, 1993. С. 336.

¹⁸ *Якуб Колас.* Собр. соч.: в 4-х т. Т.1. М., 1982. С. 90.

¹⁹ *Цивьян Т.В.* Язык: тема и вариации. Т. 1. М., 2008. С. 289.

Словацкое литературоведение в XXI в.: проблематика трудов, сотрудничество с российскими учеными

Abstract:

Shirokova L.F. *The Slovak literary studies in the XXI century: problematic of works, cooperation with the Russian scientists.*

In the XXI century in Slovakia there was a large number of the literary researching devoted to different aspects and the periods of development of the Slovak literature in Slovakia. Not only the problems of literary studies, but also the genres of researching are varied. Among them there are fundamental history of literature, monographs and collections of articles, in the center of which is a separate historical-literary and theoretical problems. In recent years the revival of interest among Slovak scientists to cooperation with the Russian colleagues became noticeable, some joint projects are realized, the international scientific conferences are held, some works are already published or they are going to be published.

Ключевые слова: Словакия, литературоведческие исследования, история литературы, проблематика соцреализма и постмодернизма, научное сотрудничество, совместные труды.

За последние годы в Словакии появилось немало литературоведческих исследований, посвященных разным аспектам и периодам развития словацкой литературы. Жанры исследований также весьма разнообразны: это и две истории словацкой литературы – 3-й том «Истории словацкой литературы» Вильяма Марчока (литература после 1945 г.) (2004, 2005 гг.), а также двухтомная «История словацкой литературы» Имриха Седлака (2009), и справочные научные издания – «Словарь словацких писателей» (2005), «Словарь произведений словацкой литературы XX в.» (2006) и др., подготовленные в Институте словацкой литературы Словацкой академии наук (САН). В планах данного Института – написание «Истории словацкой литературы после 1945 г.» (руководитель проекта – П. Заяц), в котором предполагается представить основные эпохальные «узлы», «литературные ситуации», тем самым отойдя от традиционного историко-литературного изложения процесса с портретами крупнейших писателей.

Фундаментальное исследование словацкой литературы после 1945 г. создано коллективом, возглавляемым профессором Брагиславского университета им. Коменского В. Марчоком. «История словацкой литературы III» (2004, 2007), изданная Литературно-информационным центром, является своего рода продолжением двухтомника С. Шматлака «История словацкой литературы I, II» (2001, 2002), отличаясь от него, правда, как усложненной

структурой, так и большей субъективностью авторского высказывания. Материал располагается здесь в 10-ти главах, посвященных как общей литературной ситуации, так и отдельным родам литературы (поэзия, проза, драматургия) и ее разновидностям (фантастика, документалистика, детская литература, литература эмиграции, литература словаков зарубежья), а также литературоведению и критике, а в рамках каждой из этих глав членится по предложенной В. Марчком периодизации, основанной не на изжившем себя «историко-политическом детерминизме», а на этапах «внутреннего сопротивления литературы давлению тоталитаризма»¹. Литературе после 1989 г. уделяется место в каждой из этих глав. Так, в первой главе (6-й раздел – «На перекрестках плюрализмов») В. Марчок дает анализ ситуации, сложившейся в литературе после «нежной» революции, называя в качестве главной ее тенденции – общую «постмодернизацию». Говоря об углублении идейной дифференциации в писательской среде, автор определяет характер противостоящих друг другу сторон метафорически – как «ура-словацкий» и «космополито-чехословакистский», между которыми, по его убеждению, нет пропасти на творческом или человеческом уровне. Отсутствие резких перемен в самой литературе В. Марчок с полным основанием объясняет тем, что еще при социализме «в поток официальной литературы примешивалась сильная струя альтернативного творчества»². Плюрализм, свойственный сегодняшней литературе, имеет, по Марчку, совсем иной характер, чем в прежние, благоприятные для литературы периоды, – в современной ситуации он видит действие «"принципов хаоса" или подобие причудливого чередования картинок в калейдоскопе»³, по отношению к которому уже не применимы такие традиционные понятия, как поколение, литературное направление или течение, программа и проч. В соответствии с этим видением исследователь с горькой иронией определяет современную литературную ситуацию как «толерантное сосуществование творческих усилий, рассеянных в едва уловимой индивидуальной неповторимости», а ее общее «состояние постмодерна» – как «неустанное движение к инакости»⁴. Построение соответствующих периоду после 1989 г. разделов других глав вполне традиционное: вначале рассматриваются общие тенденции в развитии того или иного рода литературы, а затем – относящиеся к этому периоду «медальоны» наиболее значительных его представителей. Так, в 6-ом разделе третьей главы («Проза на перекрестке к плюрализму, окончательно открытым ноябром 1989») В. Марчок сгруппировал творческие портреты современных писателей вокруг нескольких обозначенных им проблем. Среди них – возвращение в официальный оборот творчества бывших диссидентов; здесь, перечислив ряд имен, он подробнее останавливается на фигурах П. Груза, И. Кадлечика, М.М. Шимечки. Темой «срывания масок» с прежне-

го тоталитарного режима объединены книги представителей разных поколений – от В. Шикулы, П. Яроша, Д. Митаны до Д. Капитаневой. В качестве второй важной объединяющей темы В. Марчок называет критический «опыт освоения новой реальности», иллюстрируя свою мысль краткими очерками «послереволюционного» творчества П. Пиштянека, Р. Слободы, П. Виликовского, Я. Йоганидеса. Особняком стоит круг «прозаиков-женщин», куда попали и адепты феминизма (К. Ласлова, Г. Дворжакова, Я. Боднарова, Я. Юранева), и старейшина словацкой литературы Г. Зелинова, и представительницы зрелого поколения творческой интеллигенции В. Швенкова и Э. Фаркашова, и автор многочисленных женских романов Т. Келеова-Василкова. Последние три круга выделены на основании возраста авторов: «младше-среднее поколение» (Я. Тужинский, П. Голка, Э. Глатки), «рожденные после 1960 г.» (подробнее представлены И. Коленич, В. Балла, В. Панковчин), и, наконец, «двадцатитридцатилетние» на тот момент (М. Вадас, Т. Горват, М. Гворецкий).

В целом же труд «История словацкой литературы III», подготовленный под руководством В. Марчока, представляет наиболее полную и развернутую картину словацкой литературы второй половины XX – начала XXI вв., не имеющую пока аналогов в словацком литературоведении. Подобного рода исследование – многотомная «История словацкой литературы» создавалась на протяжении ряда лет коллективом сотрудников Института литературоведения (ныне – Институт словацкой литературы) САН; последний, пятый том, охватывавший 1918–1945 годов, вышел в свет в далеком уже 1984 г. Сейчас работа Института словацкой литературы САН идет по нескольким основным направлениям, связанным с изучением истории словацкой литературы – как классической, так и современной.

Проблематика развития словацкой литературы после 1989 г. получила отражение и в сборнике «Литературно-критическое осмысление словацкой литературы в 2006 г.», подготовленном по материалам конференции с тем же названием, которая прошла в Институте словацкой литературы САН. В книгу, наряду с тремя блоками статей, где рассматриваются общие и частные вопросы современной литературы (прозы и поэзии), включены и материалы трех дискуссий, в ходе которых некоторые спорные проблемы обсуждаются в живой непринужденной форме. Так, спор вызвали некоторые положения одной из статей первого блока (В. Барборик «Словацкая проза 2005 г.: продукция – тенденции – произведения»). Ее автор не ставит целью расстановку произведений по ранжиру в зависимости от их художественного качества, поскольку не видит, по его словам, «универсальных ценностных рамок», применимых к каждому из них, напротив, «скорее каждое отдельное произведение само в себе устанавливает собственный оценочный крите-

рий»⁵. По характеру целей и амбиций авторов исследователь определяет «нишу», в которую попадают иногда, на первый взгляд, непохожие произведения. Почти половина вышедших книг отнесена им к прикладной «литературе специальных функций»; в их числе он называет ряд образчиков «женского романа», криминально-детективного жанра, а также «несколько попыток исторической прозы». К разряду «литература как “искусство”» В. Барборик причисляет книги, авторов которых объединяет определенный художественный вкус и стремление «рассказать сюжет». «Трендовая литература» – более высокого порядка, однако тяготеет к популярной продукции благодаря схожим «маркетинговым стратегиям». По мнению Барборика, авторы произведений этой группы «не дают „свидетельств об эпохе“, они “улавливают тренды”» (дискуссию вызвало причисление к этой категории, наряду с книгами М. Маткина и М. Гворецкого, и романа Д. Митаны «Явления»). Ячейка «Образы старого мира» включает в себя «прозу традиционных моделей» представителей «постаревшего модерна» (Я. Йоганидес, М. Зелинка), а «Освобожденное письмо: краткая проза» – мастеров малого жанра, свободных от «социальных пут» (С. Лаврик, К.Д. Горват). Несмотря на первоначальный отказ от оценочных критериев, В. Барборик все же отдает явное предпочтение произведениям последнего круга, названного им «Можно читать: книги на собственных ногах» (Я. Блажкова, В. Балла, П. Виликовский, Э. Фаркашова, М. Копчай). Это, по его мнению, действительно оригинальные и нестандартные произведения, они «выходят за ограниченный горизонт текущей продукции». Разные аспекты рассмотренных В. Барбориком произведений представлены и в статьях других авторов сборника, словацких литературоведов молодого поколения М. Соучковой, И. Тараненковой, П. Матейовича, Д. Кршаковой, Я. Кузмиковой и др.

Необходимо отметить, что издание сборников «Литературно-критическая рефлексия словацкой литературы» стало уже серийным. После первого, который был здесь представлен, вышел и второй сборник – о словацкой литературе 2007 г., готовятся два следующих.

Опубликованы монографии и сборники статей, посвященные как отдельным историко-литературным и теоретическим проблемам (книги Р. Билика о соцреализме и историческом романе; коллективные сборники «Реальная форма реализма», 2011; «Страх и ужас», 2011; «Будет, как раньше не было», 2012), так и творчеству отдельных писателей («Ян Йоганидес – прозаик человеческих судеб», 2012; «Жизнь и творчество Франтишека Швантнера» – к 100-летию со дня рождения, 2012). Издано и несколько ежегодных сборников литературно-критических работ сотрудников Института словацкой литературы САН «Литературно-критическая рефлексия словацкой литературы» (2006, 2007). Своеобразные литературоведческие мемуары

представили Штефан Друг («Литература и политика по-словацки», 2003), Владимир Петрик («Поиски прошедшего времени», 2009) и Милан Шутовец («Membra disiecta litteraria», 2011).

Книга Шутовца – это сборник его работ 2001–2010 годов разного объема и тематики, в которых представлена литературная жизнь в Словакии разных периодов, причем не в хронологическом порядке. Первая статья посвящена современному состоянию академического словацкого литературоведения, далее следуют статьи об А. Матушке, О. Чепане, М. Гамате, а во втором разделе – «Из жизни литературных текстов» – объединены 3 статьи о раннем творчестве писательницы Маргиты Фигули.

Историко-литературные очерки Ш. Друга «Литература и политика по-словацки» содержат богатый фактический материал, подкрепленный авторскими рассуждениями о драматических периодах словацкой истории и литературы второй половины XX в. Много страниц посвящено и проблематике, связанной с коммунистическим переворотом 1948 г. и его последствиями для литературной жизни Словакии, для писательского сообщества. Тягостную и одновременно «зловеще раскаленную атмосферу, не оставившую в стороне и писателей», определяемую политическими репрессиями, решениями ЦК и партактивами, передают выдержки из документов и литературной периодики (прежде всего, публикаций журнала «Културны живот» начала 1950-х годов.).

Наиболее полно и комплексно рассматривает феномен соцреализма Рене Билик в своей монографии «Дух на цепи. Взгляд на литературную жизнь Словакии 1945–1989 годов» (2008). Три раздела исследования реализуют разные углы зрения (или, как точнее звучит в оригинале – «зонды») в подходе к проблематике. Так, в главах первого раздела книги этапы бытования соцреализма в литературной жизни Словакии представлены в историко-литературном плане. Автор придерживается принятой в последние годы в словацком литературоведении периодизации (1945–1949, 1949–1956, 1956–1963, 1963–1971, 1971–1989), учитывающей, наряду с политическими вехами, и особенности собственно литературного развития. Во втором разделе Р. Билик рассматривает и анализирует предпосылки возникновения и основные принципы, на которых базировался соцреализм в его словацком варианте, связывая литературные (и окололитературные) явления с особенностями национальной истории, с состоянием словацкого общества в конце 1940-х – начале 1950-х годов и др. В этом, как нам представляется, существенное отличие данного исследования от ряда других, где проблема истоков соцреализма в словацкой литературе ставится менее объемно и сводится, в основном, к навязыванию образцов советской литературы и волевым решениям

партийного руководства. «Зрелая» и заключительная фаза существования соцреализма, когда многое держалось на идеологическом диктате и инерции, также анализируется в книге с большей научной основательностью и подкрепляется интерпретацией художественных произведений, созданных в те годы. Большой интерес с теоретико-методологической точки зрения представляет и третий раздел, где автор формулирует «три вопроса соцреализму», затрагивающие не только его идеологическую составляющую, но и обращенные к рефлексии «основополагающих принципов этого явления, вскрытию его структуры и описанию его основной функции». Научные выводы Р. Билика, сделанные им на основе анализа словацкой литературы, вполне применимы и для характеристики состояния других литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период существования социалистического лагеря

Вторая книга Р. Билика, вышедшая в том же 2008 году – «Исторические жанры в словацкой литературе». Она вышла в серии «Библиотека словацкой литературы», которую подготавливает и выпускает Институт словацкой литературы САН. К настоящему времени издано уже около 30 томов. Это преимущественно избранные произведения писателей-классиков, в том числе современных – от Яна Богто и Павла Йозефа Шафарика до Ладислава Баллека и Павла Виликовского. Они дополнены комментариями, документами (перепиской, выступлениями и проч.), критикой тех лет, библиографическими очерками. Книга Р. Билика, уже традиционно, состоит из двух разделов – теоретического и более обширного – историко-литературного, где свои теоретические положения и гипотезы автор рассматривает на примере произведений словацкой литературы в хронологическом порядке: от прозы романтиков, классиков реализма, авторов популярных книг (например, «школы чтения») и «ретроспективной» прозы 1970–80-х годов до современных писателей-постмодернистов. В качестве основной Р. Билик выдвигает следующую гипотезу: «Значительное количественное скопление текстов исторического жанра в узко ограниченном историко-литературном временном отрезке свидетельствует об их внелитературно направленной прагматике»⁶. В остальные периоды исторический жанр не несет этого признака и выражает лишь цели и эстетические пристрастия самого автора (или его принадлежность к популярной или детской литературе). В своих рассуждениях Рене Билик полемизирует с общепринятыми представлениями об исторической прозе, закрепленными в работах 1970–80-х годов, прежде всего чешских исследователей Йозефа Грабака и Благослава Докоупила, которые в качестве главного признака исторической прозы определяют значительный временной промежуток, отделяющий автора от описываемых событий или отсутствие живых очевидцев этих событий,

уход поколения. То есть, следовательно, историзм зависит от продолжительности жизни последнего очевидца. Билику близка современная концепция, выдвигающая на первый план жанрообразующие принципы построения текста, проблему «инварианта и типологии жанра» (при этом он опирается на российскую исследовательницу Викторию Малкину), поэтики, стратегии, обращенной к читателю.

Монография В. Марчока «В двухэтажном лабиринте» (2010) посвящена проблематике постмодернизма в словацкой литературе. Книга построена в постмодернистской «игровой» форме, о чем свидетельствует уже ее оглавление. В первом разделе («Две очереди теоретического терроризма и одна горсть неуловимого») автор представляет основные работы западных и словацких исследователей, графически перемежая их цитатами собственный текст. Во втором разделе с общим названием «Из каталога текстов словацкого постмодернизма» Марчок рассматривает, в частности, проблему автора и авторства («смерть автора» или смерть одной из форм авторства?) и делает попытку «определить черты многоликости неизвестного». Одним из тревожных признаков современного процесса автору представляется «вымирание книги»: «литературные тексты на наших глазах исчезают, отказываются быть книгой», возникают другие формы читательского потребления, да и самих читателей все меньше, они тоже «вымирают, как леса». Три главки посвящены 3 родам литературы: «Растяжимость текстов постмодернистских стихов», «Растяжимость постмодернистских прозаических текстов», «Растяжимость драматического текста». «Деформацию» прозы он рассматривает на примере новеллы Павла Виликовского «Конь на этаже, слепой во Врablyах», где прослеживает эффекты «цитатного эха», которое представляется одним из средств демонстрации того, что текст возникает лишь из другого текста, а их связи – по сути – «иронический комментарий». «Читатель, ожидающий развития фабулы, напряженного действия, конечно, будет разочарован. Вместо этого ему предлагают иные удовольствия: «Станьте сотворцами! Обращайтесь с текстами как с сырьем, навязывайте им свою волю, выковыривайте из них изюминки, зачеркивайте ненужное, додумывайте недосказанное...»⁷. Исследователь не делает каких бы то ни было определенных выводов из своих наблюдений, ссылаясь на полную неопределенность явления с его «андрогиным названием, крепостными стенами неконкретности, «бесформенности», хаотичности, его постоянными оглядками на модернизм и т. д.».

Еще одно важное направление работы Института словацкой литературы САН – подготовка и издание (в содружестве с издательством «Каллиграм») двух книжных серий.

В серии «Весы» выходят монографии, посвященные творчеству выдающихся словацких поэтов и прозаиков второй половины XX в., в основном, поколения «шестидесятников». В их числе монография В. Барборика «Павел Груз» (2000), Т. Горвата «Душан Митана» (2000), З. Прушковой «Рудольф Слобода» (2001), П. Матейовича «Иван Кадлечик» (2001), Д. Кршаковой «Душан Душек» (2002) и др.

В серии «Библиотека словацкой литературы» издается словацкая классика, начиная с периода национального Возрождения до настоящего времени. В каждом томе – наиболее значительные произведения автора, обширное послесловие, документальный материал, комментарии и примечания. Особый интерес для обозначенной нами проблематики литературы конца XX – начала XXI вв. имеют такие книги серии, как «Павел Виликовский. Проза» (2005), «Винцент Шикула. "Орнамент" и другие произведения» (2006), «Павел Груз. "Оккультизм" и другие произведения» (2007), а также упомянутые выше «Словарь словацких писателей», «Словарь произведений словацкой литературы XX в.».

Словацкие критики и литературоведы, несмотря на разного рода трудности, связанные, прежде всего, с актуальным, незавершенным характером процессов, с не устоявшимися еще оценками и неоднозначными критериями, постоянно отслеживают и анализируют литературную продукцию. Они достигли значительных успехов в осмыслении закономерностей сложного этапа, начавшегося после «нежной» революции 1989 г.

Новое можно отметить и в области российско-словацкого сотрудничества литературоведов в XXI в.

Исторические травмы – подавление реформаторского движения в августе 1968 г., двадцатилетняя «оккупация» страны советскими военными частями, период «нормализации» – все это нанесло значительный ущерб сотрудничеству в гуманитарной сфере, особенно в 1990-е годы⁸. При этом надо отметить, что в 1970–1980-е годы, это сотрудничество активно насаждалось и приветствовалось, проводились совместные работы, выходили научные труды («Современная литература Чехословакии в контексте литературы европейских социалистических стран», 1981; «Литература европейских социалистических стран в 70–80-е годы», 1988 и др.).

После «нежной» революции 1989 г., когда завершилось сорокалетнее правление и идеологический диктат коммунистической партии, начались масштабные перемены, в том числе – кадровые. В науку пришло среднее и молодое поколение, которое, особенно после вступления Словакии в европейские структуры, нередко ориентировалось на Запад или на решение собственных внутренних проблем.

Оживление интереса словаков к сотрудничеству с российскими учеными стало заметно лишь в последние несколько лет. Причина тому – как инициатива отдельных ученых, прежде всего, русистов (Э. Малити, М. Куса, А. Червеняк), так и реализация некоторых программ в рамках европейских фондов, предполагающих международное участие. В результате сложилось несколько совместных проектов научного сотрудничества, были подписаны договоры со словацкими академическими институтами, проведены международные научные конференции, вышли или готовятся к публикации труды.

Первым по времени реализации стал проект «Исследование процессов литератур на рубеже XX–XXI столетий (теории, школы, концепции)» (2008–2011), ведущими организациями в котором были словацкий и российский Институты мировой литературы (руководители Э. Малити и Ю. Азаров). Для работы в проекте были приглашены и специалисты по словацкой литературе из Института славяноведения РАН. В октябре 2010 г. в рамках проекта в Братиславе прошел международный научный симпозиум. В тематике докладов был очевиден русский «крен», однако были затронуты и теоретические вопросы. В завершении проекта в 2012 г. в Словакии был опубликован совместный труд. В настоящее время намечаются перспективы дальнейшего сотрудничества российских ученых с коллегами из Института мировой литературы САН.

В 2008 г. между Институтом славяноведения РАН (ИСл РАН) и двумя словацкими академическими институтами – Институтом славистики и Институтом этнологии – был подписан договор о реализации совместного исследовательского проекта «Нарративная повседневность в историко-этнологической и лингвистической перспективе». В конце ноября 2010 г. в Братиславе прошла совместная конференция на тему «Языковые, литературные и этнические связи христианской культуры», приуроченная к Году христианской культуры в Словакии. Во многих докладах ученых двух стран так или иначе, с учетом научной специфики институтов, отражалась эта тематика; и здесь итогом совместной работы стала публикация в ИСл РАН сборника статей «*Sakrum et profanum*. Языковые, литературные и этнические взаимосвязи христианской культуры» (2012).

В марте 2012 г. состоялась совместная словацко-российская конференция под названием «Словацкая литература, культура, язык XX – начала XXI в.», среди организаторов которой были Институт словацкой литературы САН и Словацкий институт (культурный центр) в Москве, а в числе участников – сотрудники ИСл РАН. Обозначенная широкая тематика дала возможность выступавшим высказаться по разным интересующим их проблемам, хотя преимущество было за литературоведческими аспектами. Статьи, подготовленные на основе вступлений на конференции, опубликованы в

виде научного сборника. Сотрудничество между российскими и словацкими учеными-литературоведами доказало, таким образом, свою плодотворность; намечены и перспективы его дальнейшего развития на ближайшие годы.

Примечания

¹ *Marčok V. a kolektív. Dejiny slovenskej literatúry III.* Bratislava, 2004. S. 67.

² *Ibid.* S. 58.

³ *Ibid.* S. 59.

⁴ *Ibid.* S. 61, 64.

⁵ *Literárnokritická reflexia slovenskej literatúry 2006.* Bratislava, 2007. S. 9.

⁶ *Bílik R. Historický žáner v slovenskej próze.* Bratislava, 2008. S. 9.

⁷ *Marčok V. V poschodovom labyrinte.* Bratislava, 2010. S. 61.

⁸ Тема 1968 г. года была настолько болезненной, что до последнего времени практически не отражалась в словацкой литературе: лишь в последнее время стали появляться произведения, напрямую связанные с ней, например, романы П. Ранкова «Это случилось первого сентября (или когда-то еще)» (2008) и В. Климачека «Горячее лето 68-го» (2011).

И.В. Мишачёва
(Государственная академия славянской культуры, Москва)

**Европейский пейзаж Нового времени и образы
Природы-мироздания в живописи русского авангарда
(Н.С. Гончарова, М.Ф. Ларионов):
вперёд в прошлое, назад в будущее.**

Abstract:

Mishachyova I.V. *Modern European Landscape and the Images of the Nature-Universe in the Russian Avant-Garde Painting (N.S. Goncharova, M.F. Larionov): Forward to the Past, Back to the Future.*

The article considers the ways of interaction between the Man and the Nature in paintings made by N.S. Goncharova and M.F. Larionov in 1908-1911. These ways of interaction, not existing in the European landscapes painted in 15th-19th centuries, were inspired by the traditional folk art. The article compares the accentuation of the early European and Russian avant-garde. A peculiarity of the Russian fauvistic painting was a strong archaizing trend (epitomized by these two painters), a sweeping transformation of the different views of Nature. The landscape returns to its origins (the tangible reproduction of the environment surrounding the agriculturist or an emblematic model of the Nature-Space in the compositions with the tree of life), but seemingly as a game. The author's interpretation is often more important than the object of interpretation. It is determined by the inevitable difference between the modern and the archaic vision of the world: in ancient times, the Nature was a priori sacred.

Ключевые слова: Пейзаж и авангард, пейзаж как картина мира, русский неопримитивизм, Древо жизни, времена года, М.Ф. Ларионов, Н.С. Гончарова.

Историю русской авангардной живописи принято начинать с 1907 года¹. В 1907–1908 годах Н. С. Гончарова создает свои первые «неопримитивистские» полотна². Интересующий нас аспект, взаимоотношения художника и пейзажа (шире – человека и природы), претерпевают в них серьезнейшую трансформацию. Стремление к новизне оборачивается прыжком в глубокое прошлое, и до сих пор не найдено простых ответов на вопрос о степени осознанности данного выбора самими живописцами, возможности хотя бы частичного совпадения архаичного и авангардного³.

Немаловажен тот факт, что в указанный период Н. С. Гончарова продолжает писать любимые некогда и М. Ф. Ларионовым⁴ этюдного плана картины с изображением деревьев. В методе их построения легко различимы влияния всевозможных европейских «измов». Приверженность открытиям французского импрессионизма: замещение эпического либо лирического панорамного пейзажа мгновенно выхваченным «кадром», непреодолимая страсть к летнему солнечному свету, растворяющему формы. И тут же – их

частичное восстановление при помощи декоративно используемой пуантили⁵. Постимпрессионистические попытки передать не «видимое», но существенное. В некоторых деревьях ошутим отзвук ваноговского «громыхающего пульса» растущих вверх и вширь ветвей, узнаваем приём контурной обводки многоцветных стволов и веток с обобщенно обозначаемыми – скоро и они исчезнут – листьями и плодами («Угол сада» 1906 г. из ГРМ, «Фруктовый сад» 1909–1910 годов из ГТГ). В других случаях объём лиственной кроны передаётся «по-сезановски», градациями цвета (от серозеленого или голубоватого до зелено-золотистого), разнонаправленными и широкими, но более слитными мазками⁶.

Неоспоримо соответствие большинства названных работ «фовистской фазе»⁷ французского пейзажа. Ландшафт радуется и самого художника, и зрителя. Последний, правда, может быть обеспокоен градусом эмансипации линии и цвета. Природа уже не воспринимается незыблемо бытийствующей, как на холстах Поля Сезанна, или непокорённой стихией, в духе неистового Винсента. Наследие постимпрессионистов используется с артистической легкостью и веселым изяществом. Разглядывая подобного рода картины, сложно представить себе художника, часами мучительно раздумывавшего о следующем обобщающем мазке, или теряющего сознание от напряженного «вчувствования» в подлинные линейные ритмы и краски Её величества Природы.

Фовизм – явление очень «французское», в Германии, к примеру, он чреват трансформацией в драматичный экспрессионизм. Русские художники одновременно с немцами отправляются на поиски альтернативных источников вдохновения. Ищут иные формы «уравновешивания» человека и природы, близкие к фовистским, но более осмысленные, укорененные в традиции. И находят: искусство «подлинно народное», «подлинно средневековое» (т. е. подчеркнуто удаленное от классических образцов), ещё лучше – первобытное, детское.

Начиная с 1907–1908 гг., Н. С. Гончарова стремится писать уже не этюды, но именно картины. Чистый пейзаж при этом становится невозможен: всем вышеперечисленным «примитивам» он неизвестен и, более того, идейно чужд. Их создатели много ближе к Природе и не воспринимают её со стороны, издали, как особое протяженное пейзажное пространство.

История европейского пейзажа Нового времени парадоксальным образом обращается вспять. В средневековом искусстве сцены сезонных сельскохозяйственных работ были едва ли не самыми «природонасыщенными». Восходящие к традиции античных календарей⁸, освященные авторитетом Писания (наказ «трудиться» изгнанному из рая праотцу Адаму), они проникали в резьбу капителей романских колон, в рельефы каменных церковных

порталов, в миниатюры рукописных книг. Долгое время «природное» сводилось к минимуму, но минимуму многозначительному: несколько колосьев под серпом, лоза виноградного куста в руке, овечка для стрижки. В XIV в. готический «натурализм детали» в искусстве Нидерландов подготовил миниатюру к появлению «предпейзажей», таких, как календарные сцены из «Великолепнейшего часослова герцога Беррийского» братьев Лимбург, с их прорывом к пространству и целостности (на основе северной эмпирической перспективы, тонкого чувства пленэрного цвета и неутомимого уточнения деталей).

В начале XX в. сцены сезонных сельских работ оказываются втянутыми в обратный процесс, они словно бы провоцируют «развоплощение» новоевропейского пейзажного видения. Из монументализирующегося прямотаки на глазах пространства картин Н. С. Гончаровой изгоняется пленэрная сиюминутность (триптих 1908 г. «Ранняя весна», ГТГ). За нею вслед – само пространство (тетраптих «Сбор плодов» 1908 г. из ГРМ и не вошедший в него «Пейзаж с козами» того же года из ГТГ).

Прийти к примитиву, минуя полинезийский опыт Поля Гогена⁹, не просто. Однако акцентировать хотелось бы иное. Гончарова не столько наследует изящное гогеновское обобщение поверхностей, сколько абсолютизирует фовистский отказ от передачи «вещества Природы». Тогда для убедительной передачи земли и травы необходимо как-то иначе «дооформить» желтую поверхность (почва) с пятнами зеленого и серо-синего (тени от деревьев). Реальность почвенной тверди удостоверяется тяжеловесной поступью босоногих крестьянок; козы и овцы опускают морды, чтобы пощипать невидимую глазу траву. Вряд ли об этом задумывались художники неопрimitивисты, но в сакрально-буколических пейзажах древнеримской декоративной стенописи «новооткрытая» живописью Древнего мира горизонтальная поверхность горных пастбищ осваивалась схожим образом.

Римляне, впрочем, справедливо считают первопроходцами пространственных пейзажей, а Гончарова возвращает нас к скульптурному мироощущению греческих полисов. В сохранившихся фрагментах древнегреческой лирической поэзии, в чёрно- и краснофигурной вазописи периода классики Природа явлена через то, к чему человек прикасается, в чём нуждается его тело¹⁰. Внизу – трава под ногами, вверху – ветви деревьев, дарующие тень или насыщающие своими плодами (а ещё можно ловить птиц или развешивать на ветвях одежду – вспомним известные образцы древнегреческой вазописи). «Верхнее небо», как и в «Пейзаже с козами», не предусмотрено.

Правда, окончательно отказаться от трёхмерного пейзажа художница пока не готова. Отвергнув «жаркие» гогеновские краски, обратившись к то-

ну северного лета (зеленому с голубоватыми тенями, с разбеленным дальним планом), Гончарова возвращается и к образу русских просторов. Способ их изображения, разумеется, обновлён. К примеру, в «Мытье холста» 1910 г. из ГТГ горизонтальные планы уподобляются разноцветным полоскам лоскутного одеяла, с толстой «обводкой» контура. Думается, П. Гоген удивился бы подобному использованию принципов клуазонизма¹¹. Пространство развивается через надстраивание вверх всё новых и новых зеленых полос, в которых более густой и высветленный вариант тона чередуются друг с другом. Перспектива сознательно ослаблена, но она предопределяет скачкообразное сокращение масштаба фигур крестьянок и изб от плана к плану. Движение взгляда в глубь картины поддерживается диагоналями разложенных на зеленой земле белых полосок холстов. Похожее решение видим и в «Купании лошадей» 1911 г. (ГТГ). Масштабному сокращению подвержены фигуры животных, а диагональ намечена линиями грядок третьей плановой «полосы». И в «Мытье», и в «Купании» отдаленным напоминанием о ранних пейзажных этюдах остаются четкие вертикали больших деревьев, сообщающие подчеркнуто условному ландшафту тектоническую убедительность.

Возможно, любовь к подобным мотивам не исчерпывается формальными поисками «крепкой» композиции. В картине «Зима. Сбор хвороста» 1911 г. (экспозиция ГТГ) дерево с заостренным веером ветвей процветает крупными листьями-снежинками и впервые выглядит по-настоящему сказочным. Его крона почти растворена в переливающихся, едва намеченных гранях серебристо-серых зимних туч; именно дерево становится лейтмотивом пейзажа.

К подлинно фольклорному образу Древа жизни в его сказочной, праздничной ипостаси, с использованием мотивов народной росписи и резьбы по дереву, традиционной вышивки, Н.С. Гончарова обратится позднее, после 1913 г., в процессе создания эскизов декораций и занавесов к театральным постановкам на тему русских сказок¹². В этих работах плоскостное вновь восторжествует над пространственным.

Получается, что первым последовательно отказаться от пейзажно-пространственного мышления осмеливается не Н.С. Гончарова, но признанный «заводила» русского авангарда М.Ф. Ларионов. Именно он идёт на решительный разрыв с пейзажем как образом Природы видимой, противопоставляя ему знаки Природы мыслимой. Ларионов видит Древо жизни уже не через призму сказочной, фольклорной традиции, но словно бы прозревает стоящие за ней космологические мифы.

Художник восхищался русским лубком, вместе с В.В. Кандинским скупал русские народные картинки на базарах¹³, включил их в экспозицию

выставки «Мишень» в 1913 г. Интересно, что на этой выставке с живописью профессионалов (авангардного умонастроения) соседствовал не только лубок, но – едва ли не впервые в России! – коллекция детских рисунков¹⁴. Стиль изображения человека и природы на холстах 1911 г. самого Ларионова выглядит апелляцией не только к народному, но и к детскому взгляду на мир.

Подразумевается живописный цикл М. Ф. Ларионова «Времена года» (1911 г., впоследствии картины оказались разделены)¹⁵. Монохромная поверхность каждого из полуметровых панно – монолитно плоскостная, но с сохранением ощущения энергично «вмазанной» в холст краски. Светлыми линиями она расчерчена на четыре неодинаковых прямоугольника. Внутри трёх полей свободно, но с соблюдением элементарной вертикальной симметрии разместились как бы по-детски обобщенные, плоскостные, в два-три цвета фигурки людей, деревьев и птиц. Четвёртое поле отведено для стихотворения «сплошной строкой», сочиненного и записанного в стилистике лубочной декламации. К примеру, белыми и красными буквами: «Весна ясная Прекрасная С яркими цветами С белыми облаками». Или (белыми и зелеными): «Лето знойное С грозowymi тучами Опаленной землёй С Синим небом Со спелым хлебом». Собственно, приметы пейзажа присутствуют исключительно в текстовом пространстве, поскольку пространство картинное художником не предусмотрено. Текстовая «четвертинка» всегда оказывается внизу, вверху – узкий прямоугольник с изображением Древа.

Появление в искусстве неолита геральдической композиции с Древом жизни и симметрично предстоящими ему стражами, зверями и (или) птицами исследователи связывают с триумфом утверждения нового мировоззрения, с картиной мира ранних земледельцев, склонных к оседлости. Зрение человека впервые фокусируется не на движущемся (животном), но на покоящемся (растении). Аморфное и таинственное «Ты» мироздания, сквозь которое прокладывали свои извилистые пути охотники и скотоводы-кочевники, отныне кристаллизуется в четкую структуру и может быть изображено при помощи определенных знаков. «Земля людей» обретает устойчивые очертания: сакральный центр (Мировое Древо, Мировая ось, Древо жизни, иногда соотносимое с Мировой горой и водным Источником) и четыре стороны света¹⁶. Древу предстоят пары «стражей», звери и птицы, нередко – представители разных ярусов мироздания.

Удивительно, насколько ларионовские «человечки, деревца и птицы» органичны для данной до-пейзажной картины природного Космоса, хотя художник не следует какому-либо известному археологическому образцу¹⁷.

К примеру, у подножия Весеннего Древа (тонкие линии красных веток, овальные желтые почки-листья и красные кружочки цветов-плодов)

вместо геральдической пары стражей, травоядных или хищных, обнаруживаем сугубо авторский, по-детски непосредственный образ весеннего преображения Природы. Слева от Древа помещена грустноглазая гусеница, справа – бабочка.

В картине «Лето» место Древа замещает крестьянский аналог Мирового столпа, высоченный сноп колосьев, с парой белых птиц, диагонально на него пикирующих. Изображенные спокойно стоящими у подножия осеннего Древа, они выглядели бы вполне «канонично», не поверни озорник Ларионов клюв правой птички от сакрального центра в прямо противоположном направлении, предложив зрителю вслед за ней сфокусировать взгляд на дарах Осени, небольшой бутылке и рюмке в уголке соседнего прямоугольника (этот мотив отражён и в нижнем текстовом блоке – «Осень счастливая Блестящая как золото Со зрелым виноградом с хмельным Вином»).

Тема сезонных работ, столь важная для Н. С. Гончаровой, в нижних полях панно решается с присущим данному циклу лаконизмом. Зато их иконография будит воспоминания не о Гогене, а о более обширном круге памятников. Как и в эпических пейзажах серии «Времена года» Н. Пуссена, Весна обозначена не столько «трусами» (внизу, правда, маленькие фигурки машут руками «вокруг и мимо» лопаты), сколько темой Любви, союза мужчины и женщины. Конечно, «улыбающиеся головы» М. Ф. Ларионова по сторонам от ещё раз повторенного Древа – стилистически нечто прямо противоположное «Адаму и Еве в Эдеме» (пуссеновская «Весна»). Стилистически, но не сюжетно. В следующей композиции образовавшаяся пара занята совместным трудом (предвосхищая последствия встречи Руфи и Вооза в пуссеновском цикле). У Ларионова труд этот представлен в виде ритуально-го шествия с тяжелыми корзинами на головах, в сопровождении некоего обобщенного животного: почти пастораль.

Ключевая позиция в каждом из панно отведена аллегорическим фигурам сезонов. Они остро современны (близки к ларионовским «солдатским Венерам») и, вместе с тем, максимально архаичны. Сопоставимы с неолитическими и древних Царств фигурками «хозяек зверей», «богинь-матерей» (в геральдических композициях легко и естественно встающими на место Древа жизни). Подлетающие к ним слева и справа птицы могут сбрасывать сколь угодно много цветущих или плодоносящих ветвей: воздетые руки орант не способны их удерживать. Правда, Лету все же удалось ухватиться за серп. От позднего, древнеримского иллюзионистического образа Сезонов или Месяцев, по погоде одетых и с грудами всевозможных «даров природы» в руках, они бесконечно далеки. Их руки уподобляются ветвям, а знаки сезонных даров размещаются где-то сбоку, абсолютно вне пространства и времени (точнее, здесь и всегда). В «Весне» это маленький древовидный

росток, в «Лете» – яблоко, груша, нечто вроде сливы и, возможно, кукурузный початок; в «Осени» – бутылки, кружки, рюмка и стакан.

Исследователи справедливо указывают на игровой характер взаимодействия М. Ф. Ларионова с избираемыми им пластами человеческой культуры. В. С. Манин даже проводит аналогию с пониманием культуры XVIII в. мастерами «Мира искусств». Ни для Ларионова, ни для других русских авангардистов архаическое понимание картинного и, шире, природного пространства, так и не стало – не могло стать – частью их личной картины мира. На мгновение обратившись к глубокому прошлому, мышление человека XX века вновь устремилось в погоню за будущим (ларионовский лужизм, цветковые абстракции В. В. Кандинского, супрематизм).

Один из множества смыслов «Чёрного квадрата» К. Малевича в том, что он становится своего рода «дном» неопрIMITИВИЗМА, не только русского, но и европейского. Квадрат с древнейших времен был и остаётся образом земли и «всего рукотворного». Порисовав древнее космос-Древо, авангард приводит нас на эту пустынную твердь с её человеческой системой координат (влево-вправо-вперед-назад), предлагая заселить новыми формами жизни. В картинах сюрреалиста Ива Танги, к примеру, на пустынное побережье выползут подобия мягких кораллов, склонные порою поиграть в людей. У Макса Эрнста вместо них – оживающие линейки, бактерии, бледные фантастические «подменьши» птиц, зверей и даже «Евы, единственной, что у нас есть». Такие новосотворенные формы не замедлят появиться и в русском (послереволюционном) искусстве, но они ещё менее очеловечены. В залах Третьяковской галереи в настоящее время можно полюбоваться реконструированным «Летатлиным», контррельефами, изящными комбинациями геометрических фигур на белых холстах. Они – герои нового, машинного века. Характерно, что экспозиция дополнена звуковым и экранным видеорядом – в остальных залах безмолвно, но красочно ораторствует собственно живопись.

Конечно, тезис об авангардном отказе от «прекрасной Природы» нуждается в уточнении. На примере «неопрIMITИВОВ» Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова становится очевидным, что отказ от пейзажа не означает отвержения Природы.

Намерением автора было попытаться продемонстрировать на примере краткого эпизода из истории пейзажа невероятную гибкость и жизнеспособность Искусства как особого типа взаимодействия человека и мира. Показать, что жизнеспособность эта во многом обусловлена способностью художественной формы хранить, казалось бы, давно позабытые смыслы (в искусстве культурном, народном и профессиональном) и неожиданно возро-

дать их в обновленном виде. Художественная значимость подобного возрождения, конечно, бывает неодинакова.

Примечания

¹ *Сарабьянов Д.В.* К ограничению понятия «авангард» // Поэзия и живопись: сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. М., 2000. С. 90.

² *Поспелов Г.Г.* «Бубновый валет»: Примитив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов. М., 1990. С. 31.

³ Примером простого, но вряд ли исчерпывающего ответа может служить характеристика авангардного мировосприятия его современным критиком и оппонентом В.С. Маниным – «Мир этот не от Бога, не от природы, он изобретаем художником». // *Манин В.С.* Русская живопись XX века: в 3-х т. СПб., 2007. Т.1. С. 381.

⁴ Творческое содружество художников продолжалось всю жизнь. До 1909 г. Н.С. Гончарова параллельно с обучением в Московском училище живописи, ваяния и зодчества занималась живописью под руководством М.Ф. Ларионова. См.: Живопись первой половины XX века. Государственная Третьяковская галерея: каталог собрания. М., 2009. Т.6, книга 1 (А–И). С. 190. (Серия «Живопись XVIII–XX веков»).

⁵ Пуантилизм – от франц. *pointiller* (писать точками). Чистые, не смешиваемые на палитре краски наносятся на холст точечными мазками. См.: «Пейзаж (пуантель)» (так у автора – *И.М.*) и «Рябины. Панино близ Вязьмы» 1907–1908 годов.

⁶ Картины 1908–1910 годов из собрания ГТГ: «Пейзаж с грядками капусты», «Участок за оградой», «Деревья». В экспозицию включен «Пейзаж (с красной землей)» 1908–1909 годов.

⁷ Фовизм (от франц. *les fauves* – «дикие, хищники») – течение в живописи французского постимпрессионизма. Название закрепилось за группой художников, чьи полотна были представлены на осеннем салоне 1905 г. и оставили у зрителей ощущение энергии и страсти. Один из критиков назвал этих живописцев дикими зверями, вызвав реакцию современников на поразившую их экзальтацию цвета, «дикую» выразительность красок.

⁸ Одно из наиболее основательных исследований античных и средневековых календарных сюжетов – *Webster J.C.* *The labors of the months in antique and medieval art.* Princeton, 1938.

⁹ *Поспелов Г.Г.* Указ. соч. С. 31.

¹⁰ *Мишачева И.В.* Образы природы в античной культуре: художественные модели // Вопросы культурологии: сб. аспирантских работ. Вып. 2. М., 2002. С. 167–168.

¹¹ Клуазонизм – от франц. *cloison* (перегородка). Живописная картина уподобляется изображению, выполненному в технике перегородчатой эмали или витражу. Э. Бернар, П. Гоген и др. французские художники отказываются от плавных цветовых переходов, рефлексов, светотеневой моделировки в пользу контурной линии и локального, не меняющегося внутри контура цвета.

¹² Эти работы частично опубликованы в: Ларионов М., Гончарова Н. Парижское наследие в Третьяковской галерее. М., 1999.

¹³ *Повелихина А.В., Ковтун Е.Ф.* Русская живописная вывеска и художники авангарда. Л., 1991. С. 71.

¹⁴ Каталог выставки опубликован в виде приложения в книге: *Поспелов Г.Г.* Указ. соч. С. 248–251.

¹⁵ Между Русским музеем, Третьяковской галереей и частным собранием.

¹⁶ Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. С. 59–62. – В тексте перечислены работы зарубежных исследователей, разрабатывавших данную концепцию.

¹⁷ Вопрос о характере собранных М. Ф. Ларионовым лубочных картинок недостаточно ясен, отсутствует возможность прямых сопоставлений между примитивом и «неопримитивом». // См.: Соколов Б.М. Объединение «Синий всадник» и народная картинка // Мир народной картинки ГМИИ им. А. С. Пушкина. Вып. XXX. М., 1999. С. 352.

Используемые в работе сокращения

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея.

ГРМ – Государственный Русский музей.

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

И.Г. Страховская
(Государственная академия славянской культуры, Москва)

Концепции современного естествознания и конструктивные особенности русских народных сказок

Abstract:

Strakhovskaya I.G. *Contemporary Concepts of Natural Science and Structural Features of Russian Fairy Tales.*

The article explores the cultural parallels between the contemporary concepts of natural science and some structural features of Russian fairy tales.

Ключевые слова: амбивалентность, архетип культурный, бинаризм, гендерная теория культуры, концептуальный изоморфизм, концепции современного естествознания, принципы неклассической науки, фольклор.

В неклассической науке XX в. стали появляться модели, отличительная черта которых – общий конститутивный принцип их построения. Этот принцип писатель, популяризатор науки Д.С. Данин назвал кентаврическим¹. В начале 1990-х гг. он разрабатывал принципы и основные положения науки, которой дал имя «кентавристика». Предметом «кентавристики» было «сочетание несочетаемого в природе, истории, науке»². По этой новой дисциплине он читал лекции в Российском государственном гуманитарном университете. К сожалению, интересная, важная для фундаментальной науки работа прекратилась в связи со смертью Д.С. Данина в 2000 г.

Примерно в то же время подобной проблемой стал заниматься ученый, писатель А.Е. Чучин-Русов³, разработавший теорию единого поля мировой культуры⁴, базирующуюся на амбивалентно-гендерном, бинарно-архетипическом принципе, который можно выразить посредством схемы-формулы культурного архетипа $W=M$, во многом по сути схожего с древнекитайской парой Инь-Ян. Схема-формула $W=M$, отражающая бинарогенетический характер культуры, как бы повторяющий характер живой природы, построена с помощью культурно-гендерных универсалий, означенных как W - женское, инь, (на мой взгляд, ризоматическое), усложняющееся по принципу сложносочиненного предложения, и M – мужское, ян, с ярко выраженной системной вертикальной иерархией, как в организации сложно-подчиненного предложения. Эта формула предельно концентрированно и просто выражает суть модели единого поля мировой культуры и позволяет эффективно решать инструментально-прикладные задачи культурного моделирования⁵, в том числе насущную задачу схождения гуманитарной и естественнонаучной ветвей культуры, к чему призывает одна часть и чему упорно противится другая часть идеологов науки и образования. В отличии

от множества архетипов Юнга, представляющих то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым только под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает, культурный архетип Чучина-Русова являет собой единую структурную форму этого содержания.

Взгляд на культуру как на «вторую природу», рассматриваемую Чучиным-Русовым на генетическом уровне, с гендерно-бинарным членением культурных явлений, позволил ему создать историко-культурную схему W-M, вмещающую череду закономерно сменяющихся друг друга эпох от архаики до наших дней, и не только предсказать приход следующей новой эпохи, но и определить ее основные черты и дать ей имя – неoarхаика. Возвращение на кольцевой маршрут культуры он называет *Великим возвращением* и пытается в своих работах противопоставить радость познания окружающего мира и самопознания унылой саморазрушительной привычке противодействия неумолимой природе вещей.

Посредством данной теории с опорой на морфологию культурного архетипа можно проанализировать и попытаться разобраться в сути современных научных моделей, отражающих наше понимание устройства мира. Двухчастные структуры таких основополагающих, ключевых моделей, как пространство-время, волна-частица, порядок-хаос, раскрывают сложность и единство несводимых друг к другу сущностей. Парадоксальность таких структур, их бинарно-оппозиционный характер отражает, по-видимому, главные черты универсального ключевого принципа мироустройства, на что указывал ещё Эмпидокл. В его поэме «О природе» в разделе «Любовь и Раздор» есть такие слова:

Смертных вещей двояко рождение, двояка и гибель:
Ибо одно от слиянья Всего и родится и гибнет,
И в разделенье Всего растет и гибнет другое.
Сей беспрерывный размен никак прекратиться не может:
То, Любовью влекомое, сходится всё воедино,
То, Враждою Раздора вновь гонится врозь друг от друга.
Так, поскольку Единство из Многости вечно родится,
А разделеньем Единства опять совершается Многость, -
То возникань в них есть, но нет в них стойкого века.

В подтверждение универсальности и действенности модели W=M можно привести множество других примеров концептов современного знания, построенных по бинарно-архетипическому, амбивалентно-гендерному принципу. В математике, например, это пары арифметических действий - сложение-вычитание и умножение-деление, а в физике - бинарная, не имеющая заряда,

модель атома, как результат взаимодействия двух (положительного и отрицательного) начал. Длинный список примеров из разных областей знаний придает неразрывности антонимичных пар статус основы «природы вещей». К названным выше примерам можно добавить такие пары антиномий, как информация-энтропия, окисление-восстановление, фенотип-генотип, двойная спираль ДНК, левовращающие-правовращающие антиподы (рацематы), сознательное-бессознательное, левополушарное-правополушарное мышление, синхрония-диахрония и т.д.

В рамках неклассической науки наряду с названными парадоксальными моделями, в которых части конфликтуют друг с другом, были предложены принципы, не совместимые с классической логикой. Таковы принцип дополнительности Бора, утверждающий, что для понимания целостности объекта необходимо применять взаимоисключающие, «дополнительные» классы понятий, каждый из которых применим в своих особых условиях; принцип неопределенности Гейзенберга, исключающий существование таких состояний физической системы, в которых две динамические переменные имели бы определенное значение, если эти переменные являются канонически сопряженными величинами; принцип запрета Паули, гласящий, что в одном атоме не может быть двух электронов с одинаковым набором квантовых чисел. Последний принцип лежит в основе формирования природного и культурного разнообразия и несхожести объектов.

Выход за рамки классической научной рациональности наметил стремление к междисциплинарности, универсальности знания, открыл путь схождения художественных и научных языков. В книге Л.С. Выготского «Психология искусства»⁶, во второй ее главе «Искусство как познание», читаем: «Таким образом, оказывается, что поэзия или искусство есть особый способ мышления, который, в конце концов, приводит к тому же самому, к чему приводит и научное познание, но только другим путем. Искусство отличается от науки только своим методом, т.е. способом переживания, т.е. психологически». Затем он приводит слова А.А. Потебни: «Поэзия, как и проза, есть прежде всего и главным образом известный способ мышления и познания. Без образа нет искусства, в частности поэзии». Далее Выготский говорит: «То, чего мы не в состоянии понять прямо, мы можем понять окольным путем, путем иносказания, и все психологическое действие художественного произведения без остатка может быть сведено на эту окольность пути». Книга была написана Л.С. Выготским в 1922 г., но вышла в свет только в 1965 г., когда неклассическая наука прочно заняла свои позиции⁷.

При сопоставлении научных и художественных текстов обнаруживается их принципиальное сходство. В самом художественном языке, в фольк-

лоре, мифах, сказках, поговорках, пословицах функции действующих лиц во многом схожи со свойствами объектов, представленных моделями неклассической и постнеклассической наук. Так, Выготский приводит в качестве примера пословицу: «Загадка-разгадка, а семь верст правды (или неправды)». Структура, морфология загадки-отгадки, как и структура моделей волна-частица, порядок-хаос, пространство-время, является бинарной, оппозиционной, конфликтной, абсурдной. В собрании народных русских сказок А.Н. Афанасьева содержатся сказки, образы героев которых созданы по тому же бинарно-оппозиционному принципу: Царевна-лягушка, Царевна-сера утица, Царевна-змея, Царь-медведь. В сказке «Аленький цветочек» главным ее героем С.Т. Аксаков делает Чудище-принца. Идеи, отражающие принцип неопределенности и концепцию пространственно-временного континуума, ярко, образно представлены текстом: «В *некиим* царстве, в *некиим* государстве жил-был богатый купец, именитый человек.<...>. Дочери мои милые, дочери мои хорошие, дочери мои пригожие, еду я по своим купецким делам за *тридевять* земель, в *тридевятое* царство, *тридесятое* государство, и мало ли, много ли времени проезжу – не ведаю...». А принцип запрета (запрета срывать аленький цветочек) является ключевым. Сюжет как раз и разворачивается в связи с его нарушением.

Общим в естественнонаучном исследовании и исследовании сказки является то, что методологию исследования сказки филолог-фольклорист В.Я. Пропп заимствовал у естествоиспытателя К. Линнея. Говоря о классификации как об одной из первых и важнейших ступеней изучения сказки, Пропп приводил в пример научную классификацию Линнея и показывал, какое важное значение она имела для ботаники, зоологии, всей систематики природы. И огорчался, что в области изучения сказки филология находится еще в долиннеевском периоде. «В то время, как физико-математические науки обладают стройной классификацией, единой терминологией, принятой специальными съездами, методикой, совершенствовавшейся преемственностью от учителей к ученикам, у нас всего этого нет. Пестрота и красочное многообразие сказочного материала приводят к тому, что четкость, точность в постановке и решении вопросов достигается лишь с большой трудностью»⁸.

Используя как пример естественные науки, В.Я. Пропп берется за исследование морфологии сказки. «О возможности понятия и термина *морфология сказки* никто не думал. Между тем в области народной, фольклорной сказки рассмотрение форм и установление закономерностей строя возможно с такой же точностью, с какой возможна морфология органических образований»⁹. Он считал, что правильное понимание морфологии способно устанавливать новую точку зрения на предмет исследования, позволяющую лег-

ко и удобно рассматривать вещи природы, и, что от корректных морфологических исследований сказок зависит их правильная классификация. «Правильная классификация – одна из первых ступеней научного описания. От правильности классификации зависит и правильность дальнейшего изучения. Но, хотя классификация и ложится в основу всякого изучения, сама она должна быть результатом известной предварительной проработки»¹⁰.

Пропп обратил внимание на то, что сказки обладают интересной особенностью: составные части одной сказки без всякого изменения могут быть перенесены в другую. То есть эти составные части являют собой своего рода «атомы», переносимые из одной системы в другую, подобно тому, как это происходит в естественных системах – химии, физике и т.д. Эту особенность Пропп назвал законом перемещаемости и показал примеры его действия. Так, баба-яга, встречается во многих сказках с различными сюжетами. Закон перемещаемости по сути дела становится специфической особенностью сказки. Кроме того, в разных сказках часто разные персонажи совершают схожие действия. Пропп отметил, что повторяемость этих действий поразительна, и сделал вывод, что сказки можно изучать по функциям действующих лиц.

Сказки о яичке, о золотом яичке, о курочке-татарушке, курочке-рябушечке, курочке-рябе иллюстрируют не только закон перемещаемости, но и кумулятивный принцип. «Жил-был старик со старушкой, у них была курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. <...> Я, старик, плачу, старуха възрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка внучка – с горя удавилась. Просвирия как услыхала – все просвиры изломала и побросала. <...> Дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола. <...> Идет поп, спрашивает у дьячка: зачем колокола перебил? Дьячок пересказал всё горе попу, а поп побежал, все книги изорвал»¹¹. При разборе сказочных сюжетов выделялись сказки, сюжет которых построен на том, что всё новые и новые люди «убиваются» о пустяках, что отмечено Н.П. Андреевым в Указателе сказочных сюжетов по системе Аарне. Однако отмечалось и другое, существенно более важное. Часто в сказках ничтожность событий, являющихся завязкой сюжета, контрастирует с нарастанием катастрофичности последствий – старик плачет, старуха възрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, внучка удавилась, просвиры изломали и побросали, все колокола перебили, книги изорвали. Эту сказку можно использовать в качестве яркой метафоры теории синергетики наряду с другой метафорой, известной как «эффект бабочки», введенный в современный научный обиход в 1972 г. одним из осново-

положников теории хаоса Э. Лоренцем, образно сказавшим, что взмах крыльев бабочки в Бразилии может вызвать торнадо в штате Техас.

В сказках «Кощей Бессмертный»¹² и «Царевна-лягушка» счастливый конец связан со смертью Кощея. «Нелегко с Кошеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережет»¹³.

Жизнь Кощея, таким образом, оказывается защищена цепью последовательно связанных друг с другом «вещей-сейфов», образующих сложную иерархическую систему. По тому же принципу, названному «гетерогенной матрешкой», построены в современной науке модели времени и модели уровней организации и форм движения материи. Каждое предыдущее звено превращается в элемент последующего уровня, который может рассматриваться как система, состоящая из элементов предыдущего уровня. Так выстраивается иерархическая цепь всего материального мира: элементарные частицы – атомы – молекулы – полимерные молекулы – клетки – ткани – органы – системы органов – организмы – классы, виды – экосистемы – биосфера – планеты – галактики – метagalactika – вселенная¹⁴. При этом иерархия в природных системах, организованная по принципу «гетерогенной матрешки», прослеживается на всех уровнях.

Э. Сепир считал, что лингвистика заимствовала идею уровневой организации языка из биологии, где с начала XX в. стала утверждаться концепция уровневой организации живых систем. Он показал, что иерархическая организация языковой структуры обнаруживает наличие как более внешних, поверхностных, так и более глубоких элементов, и что именно элементы второго типа в наибольшей мере ответственны за формирование типа языковой структуры, и именно эти элементы должны учитываться в типологических классификациях¹⁵.

Примечания

¹ Данин Д.С. Кентавристика. Программа курса для гуманитарных специальностей. М., РГГУ. 1997.

² Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. Под ред. проф. Горкина А.П. М.: Росмэн, 2006.

³ Чучин-Русов А.Е. Природа культуры // Общественные науки и современность. 1995. № 6; *он же*. Конвергенция культур. М., 1997.

⁴ Чучин-Русов А.Е. Единое поле мировой культуры. Кижли-концепция. Кн. 1-2. М., 2002. Данная концепция разрабатывалась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в 1996 – 1998 гг. (проект № 96-01-00083). И.Г. Страховская была участником данного проекта; публикация двухтомной монографии также осуществлялась при поддержке РГНФ (проект № 00-03-16002). Цикл публикаций по теории единого поля мировой культуры имеет высокий индекс цитирования.

⁵ Чучин-Русов А.Е. Междисциплинарно-системное образование и культурное моделирование // Мир образования - образование в мире. 2007. № 1; он же. Концепты современного знания // Вестник славянских культур. 2012. № 2. С. 5-13.

⁶ Выготский Л.С. Психология искусства/ Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1987. С. 31.

⁷ Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский как исследователь проблем психологии искусства // Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. С. 292.

⁸ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я. Проппа.) Комментарии Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой. Составление, научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в трех томах. Том I. М., 1985. С.83, 84.

¹² Там же. С. 285-300.

¹³ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в трех томах. Том II. М., 1986. С. 267.

¹⁴ Грядовой Д.И. Концепции современного естествознания. М., 2003. С. 107.

¹⁵ Сепир Э. Язык. // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 157.

Т.И. Радомская
(Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва,
Государственная академия славянской культуры, Москва)

Марина Цветаева: образ русского пространства

Abstract:

Radomskaya T. I. *Marina Tsvetaeva: the Image of Russian Space.*

The article explores the view of Russia, 'the Russian space', by Tsvetaeva. It highlights its main ethical, spiritual features, tracing the transformation of the essentialities of the Russian world in the Post-Revolutionary Russia. The author analyzes the poetic style of embodiment of the 'Russian space' in the works of the poetess.

Ключевые слова: Деревья, гора, край, Китеж, Вечность, свет, пространство.

В августе 1918 г. М. Цветаева написала своему второму ребёнку младенцу Ирине: «С молоком кормилицы рязанской / Он всосал наследственные блага: / Триединство Господа – и флага, / Русский гимн – и русские пространства»¹.

Русские пространства были укоренены в самом поэте, и эта тема стала ведущей и в её жизни, и в творчестве, как в России, а также за границей, так и по возвращении в Советский Союз. В письме к А. Тесковой, своему чешскому корреспонденту, из Франции она писала: «Это-то и есть Россия. Безмерность и бесстрашие любви. И если есть тоска по родине – то только по безмерности мест, отсутствию границ»².

Безмерность и бесстрашие любви. Именно такой духовный дар любви, о котором писал ап. и ев. Иоанн Богослов, открылся Цветаевой. Марина родилась в день памяти ап. и ев. Иоанна Богослова. Этот факт был для нее важен, она отражает его, например, в таком известном стихотворении, как «Красною кистью рябина зажглась...». К словам апостола любви Цветаева обращается в самом начале своего пути в детско-юношеском сборнике «Вечерний альбом», делая их эпиграфом к циклу «Любовь»: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся несовершенен в любви»³. Именно такую любовь Цветаева искала всю жизнь, и её проявления были открыты поэту в лучших представителях России – Царской Семье, которой она посвятила поэму, дошедшую до нас в фрагментах.

Но что означают далее следующие слова поэта о «безмерности мест: отсутствию границ»?

В «Стране» Цветаева создает образ Дома «несчетных верст, небесных царств». Очевидно, что «безмерность» России означает для Цветаевой особое русское пространство.

В стихотворении «Русской ржи от меня поклон...» мир делится для нее, как и в других стихотворениях, на *здесь* и *там*. «Здесь» всё ограничено миром мер. Эта же тема одного из программных стихотворений Цветаевой «Минута». Эта же тема – в «Поэте и времени», где она пишет: «Служение времени как таковому есть служение смене – измене – смерти... Служение своему времени есть заказ с отчаяния. Только данная минута века, только эта мера веса у атеиста и есть родной лик "лови момента", ибо дальше крышка. Царство земное с отчаяния в Царстве Небесном. Атеисту ничего не остается кроме земли и ее устройства»⁴.

«Здесь» – царство земное, мир, ограничивающий человека своей земной конечностью, мир, ушедший от Вечности и Творца. «Там», «тот свет» – это Россия. Но «тот свет» – это и образ загробной жизни. Россия представляется Цветаевой страной совершенно особого измерения. Ее «там» близко по смыслу к церковнославянскому слову «тамо», обозначающему сакральное; пространство⁵. Какое? В котором жизнь освящается присутствием Божиим, земное встречается с горним, временное одухотворяется и обретает качества вечного.

Это место, где наиболее возможно обожение тварной природы человека, и для Цветаевой это место – Россия, страна, «которая – одна / Из всех звалась Господней...» (Из стихов памяти М. Волошина). Поэтому... все «наследственные блага» в стихотворении «Колыбель, оваянная красным...» освещены «триединством Господа», святой Троицей.

Безмерность пространства России – качество не только её географической данности, оно обозначает и нечто другое. Источник безмерности России видится Цветаевой в «кровной связи» этой страны с «тем светом» – Богом, у которого нет границ. В этом «уколе в сердце Вечности» для Цветаевой и заключается и «правда поэта» («Поэт и время»), и сущность России, «Господней страны».

Очевидно, что стремление души к Источнику Жизни, Беспредельному и Вечному подменялось в мятежном мире Цветаевой страстным переживанием «прелести земной» («Я знаю, я знаю, что прелесть земная...»). Оно ведет к появлению в ее художественном мире определенного комплекса, характерного для культуры романтизма.

Произвол страстей и Промысл Божий, Суд Божий, судьба. Последнее и есть «укол Вечности в сердце поэта», и оно «колет» и укоряет у Цветаевой особо тогда, когда в ее жизни возникает образ Дома, «отеческих могил» (Пушкин), России. Укоряет и востребует не только стихи, но то, что «лучше, больше чем стихи»⁶.

Стремление к *тому свету* – Богу, Вечности рождает в поэзии Цветаевой совершенно иное качество безмерности.

В 1920-е годы образы последнего, крайнего приобретают в её поэзии особое качество перехода, трансцендентности духовному миру. Крайность как край жизни мира сего, как граница этих миров и переход к миру тому – именно такой смысл образа последнего, крайнего актуализируется Цветаевой.

Слово «крайний» – древнерусское. Вслушиваясь в него, Цветаева сумела различить его давний, «тайный» для современного уха спектр значений. В современном языке одно из распространенных значений слова «крайний» – «последний», тот конец, за которым ничего нет. В церковнославянском языке «крайний» означает прежде всего «высочайший». Например, в каноне Андрея Критского духовное подвижничество преподобной Марии Египетской характеризуется словом «крайний», что указывает на её земную природу, которая через духовное делание обжжена, причастна Вечности, небу.

Таким «краем» земли для Цветаевой является Россия, и такой древнерусский, церковнославянский смысл слова «крайний» оживает в её сознании.

Поэтому «земные приметы» этой страны особые – Гора, любимые Цветаевой деревья.

Образы деревьев и Горы в художественном мире поэта воплощают такую «крайность», где снимается противоречие между материей и духом, земным и небесным. Это «здесь», соединенное с «там», возможно в христианстве. А для Цветаевой – в православной России.

В 1933 году в записной книжке Цветаева приводит свои мысли о «любимом немецком современнике», «очень большом писателе» Я. Вассермане, которые заканчивает так: «Быть человеком значит быть богоподобным»⁷. Эта духовная истина открывается ей так же, как открываются и «Россия обрыва на краю», и русские люди, в свой крайний, высочайший час творящие молитву на Горе. Между прочим, в контексте мыслей о Я. Вассермане, стихотворения «Обитель на горе...» «русскость» понимается Цветаевой как определенное *духовное устройство*, которое, например, было у «германской принцессы», будущей русской Императрицы Александры Феодоровны. Русский религиозный философ XX века И.А. Ильин считал, что «русскость» русской души заключается в стремлении человека к личной встрече с Богом, в «глубокой, никогда не исчезающей... жажде праведности, мечте приблизиться к ней... А в этой жажде праведности и святости человек прав свят», и именно в ней – русскость святой Руси и русского человека.⁸ Такая встреча человека с Богом требует и особого изображения, особой духовной поэтики, особого духовного взгляда.

В высокие минуты жизни Марине был дан такой взгляд. И тогда «прелесть земная» превращалась в прелесть – высшую степень лжи; яркость чувств, цветов, душевных переживаний теряли свою обольстительную привлекательность, и за цветом виделся Свет. Этот неземной Свет увидела Марина в зеленых деревьях, тянущихся к небу. Е.Н. Рейтлингер-Кист, сестра иконописицы Юлии Рейтлингер (в монашестве – Иоанны), знакомя с Цветаевой по Праге и Парижу, вспоминала о том, что, по рассказам Марины, дерево для неё ещё с детства было связано с религиозным переживанием: «Много позже, когда я (Е.Н. Рейтлингер. – Т.Р.), отчаявшись найти человека для писания текстов религиозных листков для детей, обратилась к ней (Цветаевой. – Т.Р.) с просьбой писать их – она очень живо откликнулась, но сказала, что может писать только о том, что сама пережила, и набросала свое переживание: стоя девочкой в церкви и глядя в окно на ветку дерева – эта ветка очень много выражала, и она хотела идти от нее в своем описании»⁹.

Так и в цикле «Деревья» за образом дерева поэту открывается мир, устроенный не по земным законам, тот мир, где царствует «свет, потирающий цвет». Это Свет духовный, несущий в мир «голос правды небесной / Против правды земной».

В цикле «Деревья» изображен осенний пейзаж. Но за ним просвечивает то, куда стремится душа поэта.

Свет – это «тайна, и сила, и суть», он определяется не материальными качествами. Наоборот, здесь мир, воспринимаемый только в его видимых формах, – ложь, «завеса». Свет выводит человека в область невидимой духовной реальности и делает ее – освещая – видимой. Через такой Свет открывается путь к Вечности, там прозревается «тайна, и сила, и суть» – самое сокровенное. Это то, что приобщает и нашу жизнь к Вечности, – судьба Сына «сквозь ризу разлук». Такой многозначный образ указывает и на Образ Спасителя, Его Жертву на Кресте. А может быть, он связан и с воспоминанием о другом сыне – Царственном Отроке цесаревиче Алексии.

К образу Сына Цветаева возвращается на протяжении всего цикла несколько раз:

Так светят седины:
Так древние главы семьи –
Последнего сына,
Последнейшего из семи...

(Курсив наш – Т.Р.)¹⁰

Судя по контексту «Деревьев» и черновым записям Цветаевой, под «последнейшим из семи» имеется в виду царь Давид. Именно ему принадлежат слова, отличающие грех против помазанника Господня: «Кровь твоя на голове твоей, ибо уста твои свидетельствовали на тебя, когда ты говорил:

"Я убил помазанника Господня"» (И Цар. 1, 1-16), и поэтому с ними связывается общая трагическая тема библейской и русской истории.

Вечность и время соединились. Библейские события становятся ключом к пониманию «таинственной книги бытия / Российского» и судеб мира.

Так, образы деревьев и осеннего пейзажа, увиденные духовным взором и соответственно изображенные, указуют читателю и самому поэту на сокровенный смысл жизни.

Деревья, горы – любимые и постоянные в поэзии Цветаевой, отражающие её устремление «к правде небесной» в земной жизни.

Дерево и гора по своему местоположению оказываются на границе (краю) между землей и небом.

Складывается ощущение, что, когда Цветаева пишет, в ней предельно обостряются зрение и слух. Она напряженно вглядывается в дерево и осмысляет увиденное – его особое положение – корнями в земле, вершиной к небу – *на краю* земли.

С пристальным вглядыванием сопряжено и такое вслушивание в стихию языка, в понятийный спектр художественного образа. Край – кров... Что скрыто за таким кровом – на краю земли и неба, там, где чисто зрительно находятся деревья, горы? Что это за особый край и особый кров?

Вслушиваясь в звучание слова «крайний», Цветаева актуализирует весь спектр его смысловых значений как современных, так и скрытых, «тайных», древних. Как человек, осознающий особую – духовную – природу слова, она чувствует, что в его недрах, как в семени, заложена его духовная основа, восходящая к Логосу и исходящая из Него. Через «выстраивание» цепи смысловых значений слова и связанных с ними зрительных образов она пытается увидеть и услышать невидимое и неслышимое в называемом явлении, пытается постичь его духовный, скрытый смысл.

Краска – цвет – Свет – а от света (его белого «цвета») – седина – край земной жизни – смерть – переход в Вечность, последний шаг на земле и начало иной жизни («Деревья»).

Это движение от конкретного, земного к всё более неземному, от одного образа к другому, от смысла к смыслу представляет собой попытку восхождения к беспредельности, «за потусторонние пределы». Образ строится по типу «лестницы», градациями от более низкого к более высокому, от земли к небу.

Так, к «краю» и производному от него – крайности – Цветаева разворачивает цепь образов, связанных между собой фонетически и лексически.

При этом крайний – это и последний, пребывающий в особом положении – на краю чего-либо, в частности, на краю земли. На краю земли – основанием в ней, а вершиной к небу – находятся деревья, горы. В художественном мире Цветаевой они символизируют тот особый край, где крайний – последний на земле – является и высочайшим. Именно такое значение слова «крайний» (высочайший) было актуализировано в церковнославянском языке. Оно, почти забытое, становится для Цветаевой «краеугольным»; на этом «камне» она выстраивает свою «лестницу» образов и смыслов, пронизывающих всё её творчество.

Например, стихотворение «Новогоднее», написанное на смерть очень близкого ей поэта Р.–М. Рильке и обращённое к нему уже на тот свет, начинается так:

С Новым годом – светом – краем – кровом
(Курсив наш – Т.Р.)¹¹

Здесь образ края означает особое измерение, которое близко душе поэта, *кровно* ему, как дом, *кров*. Там последние (крайние) на земле становятся первыми. Через антитезу современного и церковнославянского значений слова «край», антитезу временного и вечного Цветаевой открывается антиномия мира: последние на земле – первые в Царстве Небесном, жертвующие и отдающие оказываются *там* одаренными. Это духовный закон жизни на том и на этом свете для Цветаевой проявляется с наибольшей очевидностью в особом месте, особом «крае», «крове» – России. Именно оттуда виден «тот свет на этом»:

...Ни высот тому, ни спусков,
На орлах летал заправских русских –
Кто! Связь – кровная у нас с тем светом:
На Руси бывал – *тот* свет на *этом*
Зрел. Налаженная перебежка!

(«Новогоднее»; курсив наш – Т.Р.)¹²

Образы края (в его церковнославянском смысловом значении), деревьев, Горы в поэтике Цветаевой выражают то духовное пространство, где незримо и реально происходит встреча человека с Богом. В ее художественном мире они связаны с образом России, выражают духовную сущность русского «пространства».

Примечания

¹ Марина Цветаева: «Берегите Гнездо и Дом...». Страницы русского лихолетья в творчестве поэта / Авт.-сост. Т.И. Радомская. М., 2005. С. 31.

² Там же. С. 150.

³ Марина Цветаева. Книги стихов. М., 2004. С. 38.

- ⁴ *Марина Цветаева*. Книги стихов // Марина Цветаева. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М., 1994. С. 344.
- ⁵ О сакральном значении образа «тамо» в Псалтыри см. *Саблина Н.Д.* «Жизнь жительствоет»: тема смерти и бессмертия в русской поэзии // Евангельский текст в русской литературе. Вып. 5. Петрозаводск, 2005.
- ⁶ Цветаева так писала о своём отце профессоре И.В. Цветаеве, происходившем из древнего, священнического рода: «Оттуда – всё... Оттуда лучше, больше, чем стихи (стихи от матери, как и остальные мои беды) См. об этом: Марина Цветаева: «Берегите Гнездо и Дом...». С. 131-133.
- ⁷ *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки: в 2-х т. Т. 2. М., 2001. С. 405-406.
- ⁸ *Ильин И.А.* «Святая Русь». «Богомолье» Шмелёва // *Ильин И.А.* Одинокий художник. М., 1993. С. 129.
- ⁹ *Рейтлингер-Кист Е.Н.* Была ли Марина Цветаева верующей? // Вестник Р.Х.Д. Париж; Нью-Йорк; М., 1991. № 161. С. 202.
- ¹⁰ Цит. по «Берегите Гнездо и Дом...». С. 156.
- ¹¹ Там же. С. 158.
- ¹² Там же.

IX. Рецензии

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Крупнейший труд белорусских текстологов¹

Abstract:

Labyntsev Y.A., Shchavinskaya L.L. *A Greatest Work of Belarusian Textualists.*

An event of the end of 2012 became a milestone in the scholarly and cultural life of Belarus. It was the publication of the last of 20 volumes of collected works of Yakub Kolas (1882-1956), a classical Belarusian writer. For the first time in the history of Belarus, such a multi-volume edition of his literary heritage was accomplished, prepared by a group of textualists from the National Belarusian Academy of Sciences. The present review offers a general critical evaluation of the edition.

Ключевые слова: белорусская литература, Якуб Колас, текстология, собрание сочинений.

Торжественно отмеченное в ушедшем, 2012 г., 130-летие со дня рождения Якуба Коласа ознаменовалось весьма ярким и важным событием – выходом в свет заключительного 20 тома собрания его сочинений. Значимость этого факта трудно переоценить. Впервые в истории белорусской науки было издано столь многотомное издание литературного наследия классика, подготовленное в кратчайшие сроки текстологами филиала «Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы» Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. Собрания сочинений Якуба Коласа издавались неоднократно, последний раз в 1972–1978 гг. в 14 томах. Новое, только что вышедшее в самом конце 2012 г. издание «Збор твораў у 20 тамах», значительно объемнее. Исследователям и издателям, Издательскому дому «Беларуская навука», понадобилось всего лишь шесть лет, чтобы завершить его (2007–2012 гг.).

Первые четыре тома нового собрания сочинений Якуба Коласа содержат его стихи малых жанровых форм; 5–7 тома – прозаические сочинения малых форм; 8–11 тома – стихотворные произведения больших форм, среди которых знаменитая поэма «Новая зямля»; 12–14 тома – прозаические сочинения больших форм, таких как автобиографическая трилогия «На ростанях»; 16–17 тома – публицистику, литературную критику, отдельные архивные документы; 18–20 тома – переписку, мемуары, дневники, автобиографии, дарственные надписи.

Подготовка столь сложного, весьма объемного и одновременно разножанрового собрания сочинений потребовала от текстологов максимальной

концентрации и использования огромного арсенала специальных исследовательских приемов и наработок, позволивших справиться с поставленной трудоемкой задачей. В новое издание собрания сочинений Якуба Коласа вошло множество его литературных произведений, которые публикуются впервые, огромное количество неизвестных ранее писем, редакций и вариантов тех или иных сочинений, автобиографий.

Помимо многочисленных в каждом томе научных комментариев и примечаний, в том числе и исторического характера, своеобразным событийным документальным путеводителем по творчеству Якуба Коласа служат 16, 17, 18, 19 и 20 тома собрания его сочинений. Ценность этих материалов для специалистов и не специалистов, интересующихся как наследием самого писателя, так и судьбами белорусской литературы и культуры в целом, очень и очень значительна. Едва ли не впервые они дают возможность столь тщательно проследить многие глубинные процессы, происходившие на протяжении первой половины XX столетия в духовной жизни Белоруссии на примере одного выдающегося лица и его окружения. В какой-то степени подобной цели служит и «Поўны збор твораў» Янки Купалы в 9 томах, опубликованный в 1995–2003 гг., но объем его документальной части намного скромнее, как и хронологический охват – до начала 1940-х годов.²

Вместе с тем, рецензируемое издание дает возможность посмотреть на современное состояние колосоведческих исследований в целом, выделить среди них несколько отдельных блоков, теснейшим образом связанных между собой, прежде всего относящихся к собственно источниковедческой и эдиционно–текстологической проблематике. При этом необходимо учитывать временной фактор, временную дистанцию, весьма существенную при изучении, подготовке и издании наследия того или иного классика литературы, тем более скончавшегося всего лишь полстолетия назад и ведшего активную общественную жизнь, озаменованную огромным количеством различных социальных связей, отображенных как в его оригинальных текстах, так и иных всевозможных источниках, ему непосредственно не принадлежащих. Вот почему проблема собирания всего, написанного рукой Якуба Коласа, и огромного массива различных документальных свидетельств о его жизни и деятельности по-прежнему остается весьма и весьма острой. Тут и там, прежде всего в Белоруссии и у нас в России, до сих пор выявляются ранее не известные тексты, написанные его рукой, а также документы, так или иначе с ним связанные. Несомненно, подобные открытия будут происходить еще достаточно долгое время, поэтому и о полном собрании сочинений речь пока вести никак нельзя, но необходимо с максимальной тщательностью собирать в оригиналах или копиях все источники,

касающиеся Якуба Коласа и его литературного наследия. Впрочем, подготовка тех или иных текстов поэта только по фотокопиям, а это, к сожалению, имело место в большом числе случаев, в основном при работе над последними томами 20-томника, явный минус данного издания.

Возьмем, к примеру, очень важное для понимания творческой судьбы Якуба Коласа письмо-автобиографию 1913 г., написанную им по просьбе С.А. Венгерова. Подлинник хранится в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН (далее – ОР ИРЛИ)³. При подготовке этого текста к печати по фотокопии оригинала⁴, к сожалению, были допущены досадные неточности, которых, скорее всего, удалось бы избежать при непосредственной работе с подлинником⁵. Так, в предвещающей автобиографию стихотворении «На раздарожжы» нельзя не заметить некоторые важные особенности авторской графики Якуба Коласа, которая, кстати, мало изучена, равно как и авторская графика других белорусских писателей, в том числе Янки Купалы. Первая строчка самой автобиографии принципиально важна для определения многих особенностей внутренней и внешней жизни Якуба Коласа, его конфессионального бытия. Здесь и только здесь он называет себя православным, но делает это в качестве своеобразной поправки, помещенной в скобках поверх основного текста. В публикации же все воспроизведено единой строкой: «Я (православный) родился 22 октября 1882 года»⁶. Увы, очень скуп и пятистрочный комментарий к этому конфессиональному самоопределению Якуба Коласа⁷, что, к сожалению, касается и вообще большинства комментариев во всем 20-томнике. Вместе с тем, вопрос о религиозных взглядах и религиозной жизни Якуба Коласа, да и множества других восточнославянских и иных писателей XX столетия, один из самых сложных и малоизученных. Доказательством этого служат и автобиография Якуба Коласа 1913 г., в которой он к тому же много пишет, например, о своем мироощущении в детские годы, и полное молчание современного научного комментария на сей счет в 20-томнике.

Работа не с оригиналами, хранящимися в том или ином архиве, а с различного рода фотокопиями, часто не слишком качественными и сделанными, как правило, избирательно, без учета определенного сопутствующего документального контекста, связанного с происхождением и местонахождением подлинника того или иного источника, лишает читателей многих очень существенных подробностей, принципиально важных прежде всего для исследователей белорусской литературы и, в первую очередь, исследователей жизни и творчества Якуба Коласа. В качестве примера укажем на ряд свидетельств такого известного деятеля как Л.Н. Клейнборт, находившегося с Якубом Коласом в очень активной переписке. Так, в 18 томе 20-томника опубликованы 6 писем Якуба Коласа к Клейнборту⁸, а судя по

свидетельству самого получателя, было их в несколько раз больше⁹, но об этом факте ничего не сообщается в комментариях¹⁰. Объясняется это, видимо, прежде всего тем, что публикация осуществлялась не по оригиналу, а по фотокопии, и сведения самого Клейнборта о письмах Якуба Коласа, имевшихся у него¹¹, просто не попали в поле зрения готовивших данный том к печати.

Несомненно, причина подготовки ряда текстов белорусскими текстологами к печати не по оригиналам, а по фотокопиям была исключительно вынужденной, связанной в недостаточностью финансовых средств, невозможностью оплатить пребывание специалистов в долгих дорогостоящих командировках. Тем не менее, для подобных изданий белорусского общенационального масштаба, каким и является 20-томное собрание сочинений Якуба Коласа, подобное ограничение едва ли оправданно, так как снижает его уровень.

Замечательным дополнением к изданному 20-томному собранию сочинений Якуба Коласа служит вышедшая несколько ранее в том же 2012 г. более чем тысячестраничная книга крупнейшего знатока его творчества М.И. Мушинского «Летапіс жыцця і творчасці Якуба Коласа»¹². Вместе с 20-томником, подготовительные материалы которого широко использовал автор, оба издания образуют единый общедоступный банк данных, включивший максимально известное на сегодняшний день число разнообразных текстов, созданных Якубом Коласом, и всевозможных документальных свидетельств о его судьбе.

Сравнивая эти труды белорусских ученых с аналогичными работами их зарубежных коллег, прежде всего в Польше, России и Украине, необходимо отметить, что в области текстологической подготовки изданий сочинений классиков национальной литературы и научных исследований о них Беларусь добилась весьма существенных успехов. Не подлежит сомнению, что завершенное в 2012 г. издание 20-томного собрания сочинений Якуба Коласа и напечатанная летопись его жизни, составленная М.И. Мушинским, – прекрасный подарок не только белорусам, но и славистам всего мира, особенно в преддверии проведения XV Международного съезда славистов, который пройдет в августе этого года в Минске.

Примечания

¹ Якуб Колас. Збор твораў у 20 томах. Мінск, 2007–2012. Т. 1–20.

² Янка Купала. Поўны збор твораў. Мінск, 1995–2003. Т. 1–9.

³ См.: ОР ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Е.х. 1833.

⁴ Ссылка на оригинал, приводимая в издании неточна. См.: Якуб Колас. Збор твораў... Мінск, 2012. Т. 20. С. 492.

⁵ См.: Якуб Колас. Збор твораў... Мінск, 2012. Т. 20. С. 164-170.

⁶ См.: Там же. С. 165.

⁷ См.: Там же. С. 492.

⁸ См.: Якуб Колас. Збор твораў... Мінск, 2012. Т. 18. С. 89-108.

⁹ См.: ОР ИРЛИ. Ф. 586. Е.х. 94. Л. 12; Е.х. 95. Л. 5.

¹⁰ См.: Якуб Колас. Збор твораў... Мінск, 2012. Т. 18. С. 497-502.

¹¹ Л.Н. Клейнборт записал, например, что у него имелось «31 письмо Якуба Коласа.

1 автобиография Коласа. 7 писем жены Коласа к мужу. Итого 38 писем 1 автобиография» (См.: ОР ИРЛИ. Ф. 586. Е.х. 95. Л. 5).

¹² См.: Мушыньскі М.І. Летапіс жыцця і творчасці Якуба Коласа. Мінск, 2012.

О литературе и культуре¹

Abstract:

Serapionova E.P. About literature and culture

Budagova's book of lectures (Budagova L.N. About literature and culture. Sobotka, 2012), which she used to deliver during more than 30 years at the festival of Czech language and literature in Sobotka, was published by her Czech colleagues. They made it in honour of well known specialist in Czech literature on the eve of her anniversary. Her lectures were devoted to different subjects: works of Czech poets and writers, Russian-Czech literary contacts, modern situation in Russian culture and literature.

Ключевые слова: чешская литература, русско-чешские литературные связи, культура и литература России.

Для специалиста-страноведа, посвятившего долгие годы изучению истории, литературы либо культуры какой-то страны, безусловным признанием его творчества является публикация на языке этой страны. Поэтому особо приятно отметить, что чешские коллеги к юбилею известной богемистки, литературоведа Л.Н. Будаговой издали на чешском языке сборник лекций, с которыми она выступала в рамках фестиваля чешского языка и литературы «Шрамкова Сobotка». Этот ежегодный фестиваль проходит в небольшом городке на северо-востоке Чехии, Сobotка, и называется в честь уроженца Сobotки поэта Франи Шрамека (1877–1952). Начат фестиваль был в 1957 г. по инициативе вдовы поэта М. Грдличковой-Шрамковой и продолжается до сих пор, уже более 50 лет. Он тематический, и каждый год темы меняются.

Людмила Норайровна впервые приняла участие в фестивале в 1975 г., приехав в Сobotку к профессору М. Хейновой. Очень скоро «Люся», как ее стали называть чешские коллеги и друзья, стала почти постоянным участником этих мероприятий и «своим» человеком в их среде.

В сборник вошли 12 текстов лекций, прочитанных ею в разные годы, начиная с 1977 по 2010 гг., а также две статьи о фестивале и приветствии Сobotке в связи с 500-летием. Тематика лекций весьма разнообразна: от русско-чешских литературных и культурных связей и контактов, анализа творчества отдельных чешских писателей и поэтов до обзоров культурной жизни России и современного состояния ее литературы. Есть даже разбор телефонного разговора Л.И. Брежнева с А. Дубчеком летом 1968 г.

Так как фестиваль носит научно-популярный характер, Людмила Норайровна не была связана строгими академическими рамками, и лекции написаны не «засушенным» и не наукообразным языком, а, наоборот, весьма ярким и красочным, понятным каждому (знающему чешский язык!). Иногда,

по манере письма, они, скорее, ближе к текстам художественных произведений. Легкость пера в сочетании с присущим автору чувством юмора делают книгу не только полезным, но и приятным «чтивом». Эмоциональность автора отразилась в каждом ее выступлении.

Вместе с тем это и научные лекции, так как из любой из них узнаешь что-то новое, а именно наличие каких-то новых сведений, идей, интерпретаций, с моей точки зрения, и составляет обязательный атрибут научной литературы.

Первая лекция (1977) посвящена интерпретации творчества Ф. Шрамека, переводам его произведений на русский язык. Лекция 1979 г. касается вклада В. Незвала в развитие чешского поэтического языка. Людмила Норайровна является признанным знатоком творчества Незвала, автором монографии о его творчестве (1966). Некоторые лекции 1980-х годов в определенном смысле слова, конечно же, продукт своего времени. В лекции 1981 г. Людмила Норайровна осветила отношение чешского левого авангарда к советской России, а в лекции 1987 г. рассказала о восприятии Ф. Шрамеком Октябрьской революции. Но в то же время (лекция 1986 г.) Л.Н. Будагова посвящала свои выступления и более общим («вечным») сюжетам: переводам на русский язык чешской литературы (произведений К. Г. Махи, А. Совы, Й. Волкера, А. Йирасека, В. Незвала, К. Чапека, Я. Гашека, Ф. Шрамека и др.), влиянию творчества Я.А. Коменского в России (лекция 1992 г.).

В 1995 г. Л.Н. Будагову интересовало положение в русской литературе, и она познакомила чехов с произведениями, «возвратившимися» в русскую литературу, новых и старых эмигрантов, с ранее запрещенными книгами узников ГУЛАГа, литературной ревизией русской истории и книжными новинками. В следующем 1996 г. Будагова представила слушателям своими размышления о культурном значении фестиваля в Сobotке и причинах его долголетия. Одной из его целей, по ее словам, является традиционная защита чешского языка и поддержание высокого уровня культуры его употребления. Вокруг фестиваля кипит многообразная культурная деятельность, одним из примеров которой стала книжная серия «Библиотека Чешского рая²». Любопытными мыслями и наблюдениями Людмила Норайровна поделилась с чешскими участниками мероприятий в Сobotке в 1997 г. На этот раз речь шла о сложной ситуации, в которой очутилась культура в современной России. По ее мнению, идеологическая свобода без финансовых средств также превращается в несвободу. Она рассказывала о переименовании улиц и городов, восстановлении храмов, дискуссии о захоронении В.И. Ленина и ликвидации мавзолея, удачных и неудачных скульптурных памятниках российских городов, наиболее заметных произведениях отече-

ственного киноискусства и театральных постановках, основных тенденциях в литературе. Особый интерес представляет собой и лекция, посвященная русской эмиграции в ЧСР в период между двумя мировыми войнами (2004). Благодаря «русской акции помощи» чехословацкого правительства и президента Т.Г. Масарика в Чехословакии, ставшей в 1918 г. независимой республикой, оказались такие русские писатели как: сатирик А. Аверченко, прозаик Е. Чириков, писатель и журналист В. Немирович-Данченко, литературовед, русист, знаток Ф.М. Достоевского А.Л. Бем. С Чехословакией была связана эмигрантская жизнь К. Бальмонта и М. Цветаевой. Именно творчеству Цветаевой и Бальмонта Будагова посвятила свое выступление.

Предпоследняя из опубликованных лекций называлась так: «Телефонный разговор Брежнев – Дубчек лета 1968 г. и его последствия для Шрамковой Сobotки». Вначале дается контекст развития событий в ЧССР в 1968 г. Анализируемый разговор, состоявшийся 13 августа и длившийся час двадцать, стал последней попыткой обоих политиков разрешить ситуацию без крайних мер. Речь идет об историческом событии, но анализируется эта беседа с точки зрения филолога: употребляемая лексика, обращения, извинения, обещания, общий тон и настрой диалога. По мнению Будаговой, подавление танками «Пражской весны» и начавшаяся «нормализация» не уничтожили профессиональные и личные русско-чешские контакты и не «политизировали» и не «идеологизировали» тематику Шрамковых Сobotек.

Последняя лекция, подготовленная в 2010 г., посвящалась представителю чешского романтизма Карелу Гинеку Махе, его восприятию в России, переводам его произведений и значению его творческого наследия. Правда, содержание лекции многим шире, так как в ней, кроме всего прочего, дается краткий обзор русско-чешских литературных связей XIX–XX вв. Интересен и рассказ о личном опыте перевода Дневника Махи 1835 г. Л.Н. Будаговой.

Хотелось бы очень позитивно оценить эту большую научную и популяризаторскую работу, которую проделала Людмила Норайровна и которая, несомненно, способствовала укреплению российско-чешских общественных и профессиональных связей, о чем свидетельствует и издание данной книги. В текстах Л.Н. Будаговой чувствуется непринужденная атмосфера фестиваля, свобода обмена мнениями и взаимный интерес к культурным и литературным процессам в России и Чешской республике.

В сборник вошли также предисловие Я. Яначковой, биографический рассказ о Л.Н. Будаговой и заметки редактора Я. Билека, перечень лекций, подготовленных ею к Шрамковой Сobotке, иллюстративное приложение, именной указатель и резюме на английском и русском языках.

Примечания

¹ *L. Budagová*. О literatuře a kultuře. Texty pro Šrámkovu Sobotku. Sobotka, 2012. – 236 S.

² Чешский рай – название этой живописной местности.

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

К 1150-летию славянской письменности

Книга II

Сборник статей

Москва 2013

Ответственный редактор: Е.С. Узенёва

Оригинал-макет: А.А. Улыбина

Подписано в печать 24.05.2013 г. Объем 21,6 п.л.

Тираж – 500 экз. Формат 60x84/16.